

Установа адукацыі
«Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны»

БЕЛАРУСЬ І СУСЕДЗІ:

ШЛЯХІ ФАРМІРАВАННЯ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ, МІЖНАЦЫЯНАЛЬНЫЯ І МІЖДЗЯРЖАЎНЫЯ АДНОСІНЫ

**(да 80-годдзя гістарычнага факультэта / факультэта гісторыі
і міжкультурных камунікацый ГДУ імя Ф. Скарыны)**

Зборнік навуковых артыкулаў

Заснаваны ў 2012 годзе

Выпуск 9

Гомель
ГДУ імя Ф. Скарыны
2024

УДК 94:327(476)

Зборнік уключае навуковыя артыкулы, якія характарызуюць працэсы фарміравання дзяржаўнасці ў народаў Усходняй і Цэнтральнай Еўропы, узаемаадносіны беларускага этнаса з суседнімі народамі і дзяржавамі ў розныя гістарычныя эпохі. У іх паказана роля і месца Беларусі ў міжнародна-палітычных працэсах, якія адбываліся ва Усходняй і Цэнтральнай Еўропе, выяўлены ўплыў разнастайных фактараў на сацыяльна-культурныя і дзяржаўна-палітычныя працэсы ў Беларусі і ў суседніх краінах.

Выданне адрасавана прафесійным гісторыкам, настаўнікам, студэнтам і ўсім, хто цікавіцца гісторыяй.

Зборнік выдадзены ў адпаведнасці з арыгіналам, падрыхтаваным рэдакцыйнай калегіяй пры ўдзеле выдавецтва.

Зборнік выдадзены пры падтрымцы Прадстаўніцтва Россупрацоўніцтва ў Рэспубліцы Беларусь – Русскага дома ў Гомелі.

Рэдакцыйная калегія:

М. М. Мязга (галоўны рэдактар),
С. А. Чаропка (намеснік галоўнага рэдактара),
А. М. Дуброўка, С. Б. Жыхараў, А. М. Кротаў, Д. М. Талочка,
С. М. Ражкова, А. П. Шыляеў

Рэцэнзенты:

кандыдат гістарычных навук С. В. Целепень,
кандыдат гістарычных навук І. І. Эсмантовіч

© Установа адукацыі
«Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны», 2024

ЗМЕСТ

Прадмова		6
Гацко Я. У.	Новыя знаходкі з гарышча будынка на завулку Тэлеграфным, 2 горада Гродна.....	9
Веремеев С. Ф.	Лютеранство в ВКЛ в XVI веке	19
Барсук Е. Е.	Историко-мемуарная литература XVI–XVIII веков как форма репрезентации прошлого белорусов	23
Хроленок Е. В.	Гомельско-стародубский трансграничный регион. Порубежные конфликты (вторая половина XVII века).....	28
Дзятчэня А. А.	Нарматыўнае забеспячэнне развіцця транспартных камунікацый на тэрыторыі беларускіх земляў Вялікага Княства Літоўскага ў другой палове XVIII стагоддзя (па матэрыялах сеймавых пастановаў Рэчы Паспалітай)...	33
Пазднякоў В. С.	Армяне ў Вялікім Княстве Літоўскім.....	38
Шиляев А. П.	Численность войска ВКЛ в Полоцкой кампании 1579 года.....	43
Юргенсон В. А.	Переход Речи Посполитой на денежную систему, основанную на талере: правовые аспекты	47
Кротов А. М.	Польша и поляки XVIII века: образ в восприятии современников-европейцев	51
Веретило Ю. В.	О формировании губернских акцизных управлений.....	61
Репин В. В., Воронов Д. В.	Прусская политика на польских землях в 1830–1890 годах..	65
Мытник П. Н.	Государственный строй и политическое устройство Краковской республики	70
Чикалова И. Р., Чикалов Р. А.	Монархия Габсбургов в период дуализма: проблемы национального переустройства империи	75
Вабищевич А. Н.	Брест-Литовск во время Первой мировой войны	83
Міхедзька В. А.	Прыгон і беларускі нацыятворчы працэс у XIX стагоддзі..	87
Чувак С. В.	Інтэрпрэтацыя канцэптаў <i>жыццё – смерць</i> у мастацкай карціне свету беларускіх сялян (на матэрыяле твораў Якуба Коласа).....	91
Жихарев С. Б.	Деятельность губернаторской власти по жизнеобеспечению населения Гродненской губернии в начале Первой мировой войны	97

Гавриленко К. Е.	Развитие колоний бужских голендров Нейдорф и Нейбров в XIX – начале XX века.....	102
Рожкова С. Н.	Причины заключения Брест-Литовского договора 1918 года в белорусской историографии.....	108
Табунов В. В.	Белорусская Советская Социалистическая Республика: на путях становления и развития	111
Мязга М. М.	Канструкты нацыянальнай ідэнтычнасці і гістарычнай памяці як фактары палітыкі Польшчы ў адносінах да Савецкай дзяржавы (1918–1926 гады).....	116
Хавкин Б. Л.	Министр иностранных дел Германии Вальтер Ратенау и Рапалльский договор	121
Дубровко Е. Н.	Место Польши в европейской политике (позиция второго лейбористского правительства).....	125
Старовойтов М. И.	Титульные этносы в составе сельского населения Гомельской и Орловской областей накануне Второй мировой войны (социокультурный аспект).....	131
Ананька К. Д.	Дзейнасць скаўцкіх атрадаў у беларускіх гімназіях міжваеннай Заходняй Беларусі	139
Бароўская В. М.	Развіццё гандлёвых сувязей паміж БССР і Польшчай у 1931–1939 гады.....	142
Ананька В. С.	Асаблівасці медыцынскага страхавання на тэрыторыі Заходняй Беларусі (1933–1939 гады).....	147
Космач В. А.	Олимпийские игры 1936 года в Германии	151
Толочко Д. М.	Воссоединение Беларуси осенью 1939 года в советской историографии.....	156
Ковалевич А. Н.	Отражение финансовой деятельности Высоковской Православной Церкви на основе приходно-расходных книг в 1939–1948 годах.....	160
Корзюк А. А.	Изучение истории Второй мировой и Великой Отечественной войн в средней школе Республики Беларусь.....	165
Снапковский В. Е.	Деятельность Белорусской ССР в ООН по вопросу о выдаче и наказании военных преступников и проблема геноцида белорусского народа.....	170
Шумилов В. Г.	Сохранение исторической памяти белорусского народа о Великой Отечественной войне в современных условиях.....	175
Мельникова А. С.	Первые мероприятия по восстановлению промышленности Белорусской ССР в 1943–1945 годы.....	183

Тыкун С. И.	О восстановлении Комаринского района в первый год после освобождения от немецко-фашистских захватчиков...	188
Сальков А. П.	Проблема Триеста как фактор международных отношений и ее окончательное урегулирование (1948–1954 годы).....	192
Елизаров С. А.	Местные советы Белорусской ССР «хрущевской перестройки» (1953–1964 годы).....	196
Гужалоўскі А. А.	Мадэрнізацыйныя працэсы ў беларускім грамадстве эпохі «адлігі» (1953–1968 гады).....	201
Довгялло М. С.	Республика Болгария: от биполярного «политического маятника» союза демократических сил и Болгарской социалистической партии к правоцентристской радикально-либеральной политике ГЕРБ (1990–2022 годы).....	207
Косяк Н. А.	Институты памяти Республики Казахстан в 1991–2019 годы..	212

ПРАДМОВА

У 2024 г. правядзенне канферэнцыі «Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны» супала з некалькімі адметнымі датамі. Факультэт гісторыі і міжкультурных камунікацый ГДУ імя Ф. Скарыны ў бягучым годзе адзначае 80-годдзе з моманту свайго першага ўтварэння. Восенню 1944 г. у вызваленным з-пад германскай акупацыі Гомелі аднавіў працу Гомельскі педагагічны інстытут імя В. П. Чкалава. У інстытуце быў створаны гістарычны факультэт і пачалася падрыхтоўка спецыялістаў-гісторыкаў [1, с. 15–16]. Першым дэканам гістарычнага факультэта стаў М. І. Ахрэмчык, якога праз непрацяглы час на гэтай пасадзе змяніў К. А. Камісараў. Разам з факультэтам была створана і першая ў інстытуце гістарычная кафедра – гісторыі народаў СССР. Яе першым загадчыкам стаў М. Д. Фірсаў [2, с. 13].

У 1948 г. на гістарычным факультэце адбыўся першы выпуск спецыялістаў. Аднак развіццё гістарычнай адукацыі і гістарычных даследаванняў на Гомельшчыне не абышлося без праблем. З 1956 па 1969 г. навучанне гісторыкаў у Гомельскім педагагічным інстытуце не вялося. Толькі пасля таго, як педагагічны інстытут быў рэарганізаваны ва ўніверсітэт, у ім зноў з'явіліся студэнты-гісторыкі. Іх навучанне праходзіла на гістарычным аддзяленні гісторыка-філалагічнага факультэта. Толькі ў 1988 г. у ГДУ быў зноў створаны самастойны гістарычны факультэт. Вялікую працу па яго станаўленню прарабіў дэкан, канд. гіст. навук, дацэнт М. І. Старавойтаў. Затым гістарычны факультэт прыцягнуў некалькі рэарганізацый, зменаў назваў: гісторыка-юрыдычны, гісторыі і мужкультурных камунікацый (з 2021 г.). За гады існавання факультэта мяняўся і пералік спецыяльнасцей, па якіх навучаліся студэнты. На сённяшні дзень на факультэце вядзецца падрыхтоўка спецыялістаў па трох спецыяльнасцях: «Гісторыя (айчынная і ўсеагульная)», «Музейная справа і ахова гісторыка-культурнай спадчыны (гісторыя і музейналогія)», «Лінгвістычнае забеспячэнне міжкультурных камунікацый (міжнародны турызм)». У 2005 г. на факультэце была адкрыта магістратура. З 2023–2024 навучальнага года ў рамках магістратуры на факультэце дзейнічае спецыяльнасць «Гісторыя» з прафелізацыяй «Усеагульная гісторыя».

Адукацыйны працэс на факультэце непарывна звязаны з навуковымі даследаваннямі. На яго кафедрах сфарміравалася тэматыка навуковых даследаванняў, якая адпавядае актуальным напрамкам развіцця гістарычнай навукі. Гэта этнасацыяльныя і дэмаграфічныя працэсы ў Беларусі і суседніх краінах, нацыянальна-дзяржаўнае будаўніцтва на Беларусі ў XX ст., міжнародныя адносіны ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе, рэлігійныя працэсы ў Беларусі і за яе межамі. Вынікі навуковых даследаванняў выкладчыкаў факультэта знайшлі прызнанне не толькі ў Беларусі, але і за яе межамі. Пра гэта сведчаць творчыя сувязі факультэта гісторыі і міжкультурных камунікацый з калегамі з шэрагу краін: Расіі, Украіны, Польшчы, Германіі і іншых. Адбываліся і адбываюцца рэгулярныя стажыроўкі выкладчыкаў у замежных універсітэтах. А. М. Дуброўка, М. М. Мязга, С. А. Чаропка, А. Р. Яшчанка прачыталі цыклы лекцый для студэнтаў замежных універсітэтаў.

Да навуковых даследаванняў на факультэце актыўна прыцягваюцца студэнты. У гэтай справе важнейшая роля належыць студэнцкім навукова-даследчым лабараторыям. Старэйшай сярод іх з'яўляецца Таварыства аматараў гісторыі і археалогіі, створанае д-р гіст. навук А. А. Макушнікавым. Акрамя названай на факультэце ў цяперашні час дзейнічае яшчэ пяць студэнцкіх навукова-даследчых лабараторый. Значны ўклад у арганізацыю навуковых даследаванняў студэнтаў уносіць археалагічны музей-лабараторыя.

Для кафедры ўсеагульнай гісторыі 2024 г. таксама адметны. 40 гадоў назад у 1984 г. пасля працяглага перапынку яна аднавіла сваю дзейнасць. А ўпершыню кафедра ўсеагульнай гісторыі ў Гомельскім педагагічным інстытуце імя В. П. Чкалава была створана ў 1947 г. Яе першым загадчыкам стаў А. М. Гурэвіч. Калі ў педінстытуце была спынена падрыхтоўка гісторыкаў, то спыніла сваю дзейнасць і кафедра ўсеагульнай гісторыі. Пасля рэарганізацыі педінстытута ва ўніверсітэт спачатку працавала толькі адна гістарычная кафедра – кафедра гісторыі СССР і ўсеагульнай гісторыі. Было відавочна, што

канцэнтрацыя ўсіх дысцыплін гістарычнага цыклу на адной кафедры не рацыянальная. Ужо ў канцы 1973 г. кафедра паставіла пытанне аб яе падзеле на дзве: кафедру гісторыі СССР і БССР і ўсеагульнай гісторыі. Але вырашэнне гэтага пытання зацягнулася. Толькі ў адпаведнасці з загадам Міністэрства вышэйшай і сярэдняй спецыяльнай адукацыі БССР ад 19 чэрвеня 1984 г. у ГДУ была адноўлена кафедра ўсеагульнай гісторыі, якая пачала працу з 1 верасня [3, с. 49, 74–75].

За 40 гадоў сваёй навейшай гісторыі кафедра ператварылася ў важны цэнтр вучэбна-метадычнай работы і навуковых даследаванняў. Яна забяспечвае выкладанне дысцыплін, у рамках якіх адбываецца вывучэнне студэнтамі гісторыі ўсіх замежных краін, уключаючы постсавецкія. З улікам таго, што прафілізацыяй магістратуры на факультэце з'яўляецца «Усеагульная гісторыя», на кафедры ляжыць асноўная нагрузка па прафесійнай падрыхтоўцы магістрантаў. Выкладчыкамі кафедры вядзецца вялікая работа па забеспячэнні адукацыйнага працэсу. На сённяшні дзень імі выдадзена шэраг вучэбных дапаможнікаў, у тым ліку і з грыфам міністэрства адукацыі.

Асноўным напрамкам навуковых даследаванняў на кафедры стала вывучэнне гісторыі міжнародных адносін у Цэнтральна-Усходняй Еўропе ў Новы і Навейшы час. Даследаванні выкладчыкаў кафедры па названай праблематыцы знайшлі шырокае прызнанне ў Беларусі і за яе межамі. Пра гэта сведчаць іх публікацыі ў вядучых навуковых гістарычных выданнях нашай краіны, а таксама Расіі, Украіны, Польшчы, Вялікабрытаніі. Адлюстраваннем навуковых даследаванняў кафедры з'яўляюцца апублікаваныя прафесарам М. М. Мязгой, дацэнтам А. М. Кротавым і іншымі выкладчыкамі манаграфіі.

Сведчаннем высокага навуковага аўтарытэту кафедры ўсеагульнай гісторыі ў гістарычных навуковых колах з'яўляецца і канферэнцыя «Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны». Канферэнцыя 2024 года – ужо юбілейная дзясятая па ліку канферэнцыя з гэтай назвай. А першая адбылася ў 2006 г. З таго часу ў ГДУ імя Ф. Скарыны рэгулярна збіраліся аўтарытэтныя даследчыкі гісторыі Беларусі і дзяржаў Цэнтральна-Усходняй Еўропы з нашай краіны, Расіі, Украіны, Польшчы, Літвы, Латвіі, Славакіі. Па выніках кожнай канферэнцыі выдаваліся зборнікі навуковых прац.

За гэтыя гады сфарміраваўся навуковае праблемнае поле канферэнцыі «Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны». Яно звязана з тым, што гістарычны шлях Беларусі ў значнай ступені быў прадвызначаны яе геапалітычным становішчам, тымі адносінамі, якія існавалі ў беларускага этнаса з суседнімі народамі і дзяржавамі. Гэтыя адносіны фарміраваліся і развіваюцца на працягу многіх стагоддзяў. За гэты час яны мелі розны, часам і драматычны характар. У працэсе ўзаемадзеяння з суседзямі ўзбагачалася беларуская культура, інтэгруючы ў сябе здабыткі іншых народаў. Са свайго боку і беларусы аказвалі ўплыў на суседнія народы, якія ўспрымалі дасягненні прадстаўнікоў беларускага этнаса ў розных сферах грамадскага жыцця. Важным навуковым напрамкам у рамках канферэнцыі «Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны» стала вывучэнне дзяржаватворчых працэсаў у Цэнтральна-Усходняй Еўропе. Тут яны вызначаліся значнай адметнасцю.

Фарміраванне дзяржаў у названым рэгіёне ў вялікай ступені вызначалася міжнароднымі ўмовамі. Гэтыя ўмовы накладалі адбітак і на гісторыю і беларускай дзяржаўнасці. Беларускія землі на працягу сваёй гісторыі ўваходзілі ў шэраг дзяржаўных утварэнняў, якія выступілі этапамі на шляху развіцця беларускай дзяржаўнасці. Вынікам гэтага працэсу стала стварэнне ў XX ст. беларускіх нацыянальных дзяржаў Навейшага часу. У перыяды, калі беларусы ўваходзілі ў шматнацыянальныя дзяржавы, яны мелі больш цесныя стасункі з тымі ці іншымі народамі. У розны час характар гэтых стасункаў мог мяняцца. Ва ўзаемадзяннях беларусаў практычна з усімі суседнімі народамі мы знойдем перыяды як плённага ўзаемадзеяння, так і дастаткова вострых канфліктаў.

На кантакты беларусаў з іншымі народамі, перш за ўсё суседнімі, вялікі адбітак накладала тая акалічнасць, што Беларусь размешчана на цывілізацыйнай мяжы паміж Усходам і Захадам. Гэта параджала імкненне мяжуючых цывілізацый распаўсюдзіць менавіта свой уплыў на беларускія землі. Дадзеныя абставіны ў многім вызначалі міжнароднае становішча Беларусі ў розныя гістарычныя эпохі.

У канцы XIX – пачатку XX ст. з фарміраваннем сучасных нацый пачаўся новы этап узаемаадносін беларускага этнаса са сваімі суседзямі. У гэты час народы Цэнтральна-Усходняй Еўропы актывізавалі барацьбу за стварэнне сваёй нацыянальнай дзяржаўнасці. Асабліва моцны шуршок гэтаму працэсу дала Першая сусветная вайна. Новыя дзяржавы пачалі шукаць сваё месца на палітычнай карце Еўропы, у сістэме міжнародных адносін. Гэты працэс надаў новыя рысы ўзаемаадносінам паміж народамі рэгіёна і створанымі ім дзяржавамі. Перыяд паміж Першай і Другой сусветнай войнамі прадстаўляецца надзвычай важным і цікавым пры вывучэнні дзяржаватворчых, сацыякультурных і грамадска-палітычных працэсаў у рэгіёне Цэнтральнай і Усходняй Еўропы. Акрамя таго, у гэтым рэгіёне, які ўяўляў сабою ўсходнюю перыферыю Версальскай сістэмы міжнародных адносін, актыўна фарміраваліся перадумовы Другой сусветнай вайны, важнейшай складовай часткай якой стала Вялікая Айчынная вайна народаў СССР. Дадзеныя гістарычныя падзеі таксама ў цэнтры навуковых інтарэсаў удзельнікаў канферэнцыі.

У дадзеным зборніку чытачам прадстаўлены артыкулы, падрыхтаваныя ўдзельнікамі X Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны». Храналагічна прадстаўленыя ў зборніку артыкулы ахопліваюць перыяд ад Позняга Сярэднявечча да пачатку XXI ст. У іх разгледжаныя актуальныя праблемы гісторыі Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, якія выклікаюць вялікую цікавасць у гістарыяграфіі. Аўтарамі прац з'яўляюцца аўтарытэтныя гісторыкі Беларусі, Расіі. Знаёмства з артыкуламі зборніка дазваляе сфарміраваць уяўленне аб палажэннях сучаснай гістарыяграфіі, якія характарызуюць шэраг актуальных гістарычных праблем. Набольш значны блок складаюць даследаванні па гісторыі міжнародных адносін, пачынаючы ад эпохі ВКЛ і да нашых дзён. Шмат артыкулаў прысвечана гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, захаванню гістарычнай памяці аб ёй. Разгледжаны разнастайныя аспекты ўнутрыпалітычнага развіцця Беларусі: мадэрнізацыйныя працэсы, рэлігійнае жыццё, пытанні сацыякультурнай гісторыі. Матэрыялы, апублікаваныя ў зборніку, прадстаўляюць інтарэс для прафесійных гісторыкаў, а таксама для ўсіх, хто цікавіцца гісторыяй Беларусі і суседніх краін і народаў.

Крыніцы і літаратура

1. Зеленкова, А. И. Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины (1930–2015 годы) / А. И. Зеленкова, Н. Н. Мезга, М. П. Савинская; редкол. : А. В. Рогачев (гл. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 266 с.
2. Летапіс факультэта // Беларускі гістарычны часопіс. – 2023. – №. 4. – С. 13–15.
3. Мязга, М. М. Кафедра ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны: людзі, падзеі, час (1947–2022 гг.) / М. М. Мязга, А. М. Дуброўка, А. М. Кротаў, А. М. Бабкоў, Р. Р. Лазько, С. М. Ражкова, Д. М. Талочка, С. А. Чаропка, А. П. Шыляеў; М-ва адукацыі РБ, Гом. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2022. – 245 с.

М. М. Мязга,
д-р гіст. навук, прафесар
С. А. Чаропка,
канд. гіст. навук, дацэнт

Я. У. Гацко
Гродзенскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Янкі Купалы

НОВЫЯ ЗНАХОДКІ З ГАРЫШЧА БУДЫНКА НА ЗАВУЛКУ ТЭЛЕГРАФНЫМ, 2 ГОРАДА ГРОДНА

Дадзены артыкул апісвае дзесяць артэфактаў, якія былі знойдзеныя восенню–зімой 2023–2024 гг. на гарышчы будынка па адрасе: завулак Тэлеграфны, 2 г. Гродна. Былі выяўлены такія прадметы: адзін металічны гузік служачага паштова-тэлеграфнай канторы, абгортка ад цукеркі, тры каробкі і адзін папяровы пакет з-пад запалак, старонкі з кніг, два медальёны. Дзецца падрабязнае апісанне кожнай знаходкі. Абсалютная большасць з гэтых артэфактаў было выпушчана ў пачатку ХХ ст., што дае трохі дапоўніць гісторыю будынка ў той перыяд.

Уводзіны. Будынак на зав. Тэлеграфным, 2 знаходзіцца ў гістарычнай частцы горада Гродна. Ён пабудаваны прыкладна ў 1880 г. і складаецца са светла-зялёнай двухпавярховай цаглянай часткі і прылеглых да яе з абодвух бакоў двух аднапавярховых драўляных прыбудов зялёнага колеру. Ва ўнутраным двары знаходзіцца драўляная мансарда (малюнак 1). Такім чынам, з вышыні будынак мае выгляд літары “Т”. За ўсю гісторыю будынка тут былі такія ўстановы, як прытулак Гродзенскага дабрачыннага таварыства (далей – ГДТ), дзяржаўная прафесійная жаночая школа, дзіцячы дом № 1 [1, с. 26–27]. Сёння тут размяшчаецца дзяржаўная ўстанова адукацыі “Гродзенскі абласны цэнтр турызму і краязнаўства” (далей – ДУА “ТАЦТiК”).

Гарышча будынка, што ў драўлянай, што ў цаглянай частцы, мае падлогу, пасыпаную пластам пяску (каля 10 см). У жніўні 2023 г., пасля таго як там выпадкова была знойдзена металічная шылда міжваеннага часу, пачаліся працы па прасейванню праз сіта гэтага пяску. У выніку было знойдзена шмат матэрыялу, частка з якога стала асновай для публікацыі артыкула «Дзесяць знаходак з гарышча будынка на зав. Тэлеграфны, 2 г. Гродна» [1, с. 26–34]. Тут мы распавядзем пра артэфакты, якія па розных прычынах не ўвайшлі ў вышэйадзначаны артыкул, або былі знойдзены пазней.

Мэта артыкула – зрабіць апісанне знаходак, вызначыць іх памеры, па-магчымасці даведацца пра месца і час вырабу артэфактаў, прааналізаваць, якім чынам яны маглі быць звязаныя з будынкам.

Асноўная частка. *Металічны гузік, верагодна пач. ХХ ст.* (малюнак 2). Мае круглую форму, дыяметрам 2 см. На аверсе – выява двухгаловага арла (герба Расійскай імперыі). Пад арлом можна заўважыць дзве пераплеценныя трубы. На рэверсе маецца надпіс: «Копейкинъ / 1 сортъ / ресер(?)». Гродзенскі гісторык Ян Лялевіч распавёў (вуснае паведамленне), што такія гузікі насілі супрацоўнікі паштова-тэлеграфнага ведамства. Згодна з планам горада за 1912 г., Гродзенская паштова-тэлеграфная кантора знаходзілася ў будынку па сучаснаму адрасу: вул. Ажэшка, 9 – гэта, прыкладна, 260 м. ад дома, што мы разглядаем [2, арк. 1]. Як гэты гузік там апынуўся можна будаваць толькі гіпотэзы.

Папяровая абгортка ад цукеркі, год выпуску невядомы (да 1915 г.) (малюнак 3). Абгортка жаўтаватага колеру, памерамі 7 x 5,5 см. Мае пашкоджанні: вырвана амаль ўся верхняя частка. Разрыў даходзіць да цэнтральнай часткі, дзе знаходзіцца малюнак, які зроблены чырвоным колерам: у квадраце змяшчаецца круг, унутры яго намяляваны матылёк, а над ім часткова захаваны надпіс: «...АМЕЛЬ» (г.зн. – карамель); унізе пад матыём: «конфekt. завод. / А. Софера / въ Гроднѣ»; з абодвух бакоў ад матыля знаходзяцца манаграмы «АС» – ад літараў імя і прозвішча ўладальніка.

Дадзеная знаходка з'яўляецца другой па ліку звязанай з фабрыкай А. Софэра [1, с. 31]. Да сённяшняга дня дакладнае месцазнаходжанне гэтага прадпрыемства невядома. Гродзенскі гісторык і краязнаўца Мечыслаў Супрон распавёў (вуснае паведамленне), што ў міжваенны час фабрыка Софэра знаходзілася на вул. Малай Траецкай. Не выключана, што і ў эпоху, калі Гродна ўваходзіў у склад Расійскай імперыі, прадпрыемства знаходзілася на тым жа месцы. Яшчэ гэты артэфакт паказвае, што дзеці альбо выхавальнікі прытулка ГДТ маглі спажаваць кандытарскія вырабы. Магчыма, іх давалі на розныя рэлігійныя святы або на імяніны ці дні народзінаў асобных выхаванцаў прытулку.

Карабок з-пад запалак з фабрыкі «Вулкан» Луі Гіршмана, год выпуску невядомы, верагодна пач. XX ст. (малюнак 4). Карабок мае форму праствакутніка з памерамі 5 x 3,5 см. Зроблены са шпону (*г. зн. – дранка дрэва*). На аверсе ў верхняй частцы карабка маецца надпіс, зроблены чырвонымі друкаванымі літарамі: «Гольдингенская спичечная фабрика / ВУЛКАНЪ сущ. 1878». Пасярэдзіне – эмблема фабрыкі: высакародны алень, пад капытамі якога знаходзіцца выява ленты з надпісам: «въ Голдингемъ». Па баках ад аленя – дзве медалі (аверс і рэверс), якім была ўзнагароджана фабрыка. Па дыяганалі карабка ідзе надпіс: «Этикетъ утвержд. правительствъ». У ніжняй частцы: «Луи А. Гиршманъ / Собственная Литография».

На рэверсе можна пабачыць выявы трох медалёў з выставаў у г. Мітаве і Галдзінгене. Унізе маецца ўжо знаёмы надпіс: «Собственная Литография». Таксама на карабку прыклеяна папера з надпісам: «покупка спичекъ безъ бандероля... / БАНДЕРОЛЬ ДЛЯ ПОМЕЩЕН.. / покупка спичекъ безъ бандероля... воспрещаются».

Фабрыка «Вулкан» Луі Гіршмана была створана ў 1878 г. у г. Галдынгене Курляндскай губерні (зараз – г. Кулдыга, Латвія). Гэта было адно з вялікіх і добра абсталяваных прадпрыемстваў Расійскай імперыі, прадукцыя якога экспартавалася ў розныя краіны [3, с. 19]. Што цікава, Луі Гіршман лічыцца заснавальнікам Пінскай запалкавай фабрыкі, якая мела назву «Прагрэс–Вулкан» [4].

Карабок з-пад запалак фабрыкі «Іраіда» В.А. Лапшына, год выпуску невядомы (ад 1906 да 1914 г.) (малюнак 5). У форме праствакутніка, памерам 5,5 x 4 см. Зроблены са шпону. На аверсе ў верхняй частцы карабка маецца надпіс, зроблены чорнымі друкаванымі літарамі: «Спичечная фабрика Ираида / В.А. ЛАПШИНА». Пасярэдзіне – выява эмблемы фабрыкі: перакрыжаваныя крыж і якар. З бакоў – срэбны і залаты медалі, якімі фабрыка была ўзнагароджана на выставах у Маскве і Антвэрпэне, адпаведна. Унізе надпіс: «типография при фабрикъ».

На рэверсе: «СКЛАДЪ: Садовая улица, соб- / ственный домъ № 34 / въ С. – ПЕТЕРБУРГЪ. / ФАБРИКА: Новгородской губ. и уѣзда, / Грузинской вол. при деревни Новой.». Як і ў выпадку з карабком «Вулкан», тут таксама можна пабачыць прылепленую паперку бандэролі.

Вядома, што фабрыка «Іраіда» была створана Васілём Андрэевічам Лапшыным (1846–1905) – селянінам Твярскай губерні, які пасля адмены прыгоннага права пачаў шукаць сябе ў горадзе. Па некаторых звестках, ён працаваў на вытворчасці бяспечных запалак, дзе і вывучыў тэхналогію іх вырабу. У 1877 г. у в. Гладзь была закладзена імба-фабрыка, дзе запалкі вырабляліся ўручную. У хуткім часе вытворчасць пачала пашырацца, прадукцыя выраблялася з дапамогай станкоў. З 1880-х гг. фабрыка стала называецца «Іраіда» ў гонар дачкі В. А. Лапшына. Прадукцыя актыўна экспартавалася і была адзначана медалямі. Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі прадпрыемства было нацыяналізавана і дзейнічала пад назвай «Фабрыка імя таварыша Леніна». У выніку баявых дзеянняў 1941 г. фабрыка была разбурана і адноўлена ўжо не была [5].

Дзякуючы каталогу этыкетак запалкавых карабоў атрымалася вызначыць, што год выпуску карабка «Іраіды» датуецца паміж 1906 і 1914 гг. [6].

Карабок з-пад запалак з фабрыкі «Балкан» М. Вальперта, год выпуску невядомы (ад 1901 да 1917 гг.) (малюнак 6). Дадзены карабок не цэльны, а падзелены на 7 кавалкаў рознай велічыні. Нягледзячы на пашкоджанні аверса, можна разглядзець эмблему

прадпрыемства: у крузе намалёвана выява дзвух сабакаў, якія стаяць на задніх лапах, трымаючы пярэднімі вежу з літарай «В»; паўкругам ідзе надпіс: «М. ВОЛЬПЕРТА» Над эмблемай чорнымі літарамі напісана: «...ЛКАНЪ» (з. зн. Балкан). Ад круга з эмблемай ў чатыры бакі, па дыяганалі разыходзяцца паласы, дзе часткова захаваліся надпісы: «...НАЯ / ФАБРИКА / ...ОДЪ / КОВ...» (з. зн. Спичечная фабрика город Ковна). З-за пашкоджання не захаваліся надпіс у ніжняй частцы: «безопасныя спички».

На рэверсе частка надпісу: «БА... / М. ВОЛЬПЕРТЪ».

Дадзеная фабрыка была заснавана ў г. Коўна (сёння – г. Каўнас, Літоўская Рэспубліка) мяшчанінам Гершам Яшпанам у 1884 г. Праз год яе выкупіў купец 2 гільдыі Меер Эльяшэвіч Вальперт. У 1911 г. на фабрыцы працавала максімальная колькасць працоўных – 120 чалавек. Фабрыка Вальперта дзейнічала да 1926 г. [7].

Апошняя знаходка звязаная з запалкамі – гэта *кавалак пакета ад запалак фабрыкі братаў Хахловых, год выпуску невядомы (да 1915 г.)* (малюнак 7). Мае памеры 8,5 x 3,5 см. На паперы жоўтага колеру чорнымі чарніламі пасярэдзіне надрукаваны арал, над якім значыцца надпіс «гарантія правительства»; злева – выява круга з лічбай «40» і паўкруглым надпісам «химическія спички»; зправа – аналагічны круг, пасярэдзіне якога шасціканцовая зорка і паўкрулы надпіс «бр. Хохловыхъ». Пра гісторыю дадзенага прадпрыемства вядома няшмат: яно знаходзілася ў Тарапецкім павеце Пскоўскай губерні, ў пачатку ХХ ст. на ім працавалі 134 чалавекі [8, с. 136].

Такім чынам, можна адзначыць, што прытулак ГДТ для распальвання печы ў або запальвання керасінавых лампаў карыстаўся прадукцыяй, па меншай меры 4 запалкавых фабрык.

Трэба адзначыць, што ў прытулку змяшчаліся дзеці-сіроты, або тыя, якіх не маглі ўтрымліваць бацькі [9, с. 271]. У прытулку дзецей забяспечвалі ежай і адзеннем, а таксама навучалі грамаце: Закону Божаю, чытанню, пісьму, арыфметыцы, духоўным і свецкім спевам [10, арк. 142 адв.]. Пры пошуках на гарышчы нам трапіліся кавалкі і цэльныя лісты з падручнікаў некаторых вышэйадзначаных прадметаў.

Старонка з падручніка па чыстапісанню, год выпуску невядомы (да 1915 г.) (малюнак 8). Папера жаўтаватага колеру, памерамі 22,5 x 15,9 см. Старонка мае пашкоджанні: унізе і на верхнім кутку – парванасці. З аднога боку ліста можна разгледзець розныя члены сказа, запісаныя ў чатыры радкі. Напрыклад, «Перо тупо. / Сьно сыро. / Серпы тупы. / Вьтки тонкі.». У ніжняй частцы старонкі вучням давалася заданне, дзе ў словах трэба было паставіць літары «е» або «ѣ». З іншага боку ліста мы знойдзем літары і словы ў прапісным варыянце. Па гэтай прычыне мы лічым, што дадзеная старонка была менавіта з падручніка па чыстапісанню.

Дзве старонкі з падручніка па Закону Божаю, год выпуску невядомы (да 1915 г.) (малюнак 9). Папера жаўтаватага колеру, памерамі 16,7 x 11,8 см кожная, мае даволі вялікія парванасці ў цэнтры. З аднаго боку старонкі можна пабачыць назвы главаў: «71. [Предатель]...ство Іуды. / 77. Явленія Воскрэсшага Хрыста Спасителя.» На іншым баку: «69. Воскрэшэнне Лазаря (за 7 дней до Пасхи) / 70. Вхоль Господень въ Іерусалимъ (за 6 дней до Пасхи)». Кожная глава па зместу займае каля старонкі, дзе каратка і даступнай мовай вядзецца расповед пра падзеі з Новага завету. Менавіта таму мы схіляемся да гіпотэзы, што дадзеная старонка магла быць з падручніка па Закону Божаю.

Наступныя два артэфакты мы адносім да класіфікацыі прадметаў асабістага рэлігійнага культу.

Каталіцкі мелальён у гонар беззаганага зачацця Дзевы Марыі, год выпуску невядомы (малюнак 10). Зроблены з алюмінію, серабрыстага колеру, памерамі 2,1 x 1,5 см. На аверсе – выява Дзевы Марыі, якая прасцірае да зямлі абедзве адкрытыя далоні; пад яе нагамі – змяя, што сымвалізуе д'ябла над якім Марыя мае ўладу і можа ахвяраваць яго Богу; паўкругам у два радкі ідзе надпіс па-польску: «O MARYJO, BEZ ZMAZY ROZCZĘTA MÓDL SIĘ ZA NAMI / którzy się do Ciebie usiekam» (О, Марыя, без граху зачатая, маліся за нас, хто ў Цябе паратунку шукае).

На рэверсе – паўкругам ідуць 12 зорчак, якія могуць сімвалізаваць 12 апосталаў. Пасярэзіне знаходзіцца літара «М» і крыж, якія абазначаюць, што Марыя спадарожнічае свайму Сыну да яго мукі. У ніжняй частцы медальёна – выявы двух сэрцаў; левае – ў цярновым вянку, сімвалізуе сэрца Хрыста, а правае – прабітае мячом, – сімвалізуе пакуты Марыі падчас распяцця Ісуса на крыжы [11].

У каталікоў дадзены медальён лічыцца цудадзейным. Ён быў заснаваны ў 1830 г. манахай Ордэну Сясцёр Міласэрднасці св. Кацярыны Ляборэ. Па паданні, да жанчыны з’явілася Божая Маці, з яе накіраваных да зямлі далоняў зыходзілі прамяні, а над ёй быў вышэйгаданы надпіс. «Няхай па гэтым узору, што ты бачыш, адальюць медальён. На людзей, якія будуць насіць яго з даверам, сыдзе вялікая ласка», – папрасіла тады Кацярыну Багародзіца [12]. Праз хвіліну яе вобраз нібы павярнуўся, і сястра ўбачыла літару «М» з крыжам у ёй і двума сэрцамі – Ісуса і Марыі – унізе. Тое, што дзяўчына тады ўбачыла, адлюстравана на медальёне Беззаганнай Дзевы Марыі [11].

Наконт часу выпуска гэтага артэфакта, дакладна сказаць нельга. Паколькі ў пасляваенны перыяд будынак займаў дзіцячы дом № 1, дзе выходзілі дзяцей у камуністычным духу, вызывае сумненне, што ім дазвалялася насіць прадметы рэлігійнага культу. Па гэтай прычыне, мы лічым, што медальён мог быць выпушчаны ў пач. ХХ ст. або ў міжваенны час.

Праваслаўны медальён св. Варвары, год выпуску невядомы (малюнак 11). Зроблены з медзі, памерамі 2,1 x 1,5 см. На аверсе тыльным баку – выява святой з німба, якая трымае крыж у правай руцэ. З левага боку ад яе – выява будынка, падобнага на келлю. Над святой надпіс невялікімі літарамі «св. Варвара».

Што тычыцца рэверса, на ім можна разгледзець маленькія фігуры людзей, якія стаяць вакол ляжачай асобы з нібам. Унізе знаходзіцца надпіс «успеніе б. м.» (з. зн. *Успеніе Маці Божай*).

Год выпуску дадзенага артэфакта невядомы. Як і ў выпадку з каталіцкім медальёнам, мы мяркуем, што ён выпушчаны ў першай палове ХХ ст. Яго маглі насіць у той перыяд, калі будынак займаў прытулак ГДТ (мяжа ХІХ–ХХ стст.), або калі там размяшчалася жаночая прафесійная школа (1920-я – 1930-я гг.).

Высновы. Такім чынам, дадзеныя знаходкі дазваляюць паглядзець, чым карысталіся, што насілі, вувучалі і маглі есці колішнія жыхары будынка. Са знойдзеных артэфактаў толькі адзін прадмет падпісаны па-польску, а астатнія дзевяць – на рускай мове дарэвалюцыйнага правапісу. Па гэтай прычыне мы мяркуем, што апошнія былі выпушчаныя да 1915 г., калі горад быў у складзе Расійскай імперыі. Гэта перыяд, калі ў будынку размяшчаўся прытулак Гродзенскага дабрачыннага таварыства. Дадзеныя артэфакты адносяцца да рознай класіфікацыі: элемент адзення, бытавыя рэчы, этыкетка ад прадукта харчавання, прадметы асабістага рэлігійнага культу.

Крыніцы і літаратура

1. Гацко, Я. Дзесяць знаходак з гарышча будынка на зав. Тэлеграфны, 2 г. Гродна / Я. У. Гацко // *Archaeologia Hrodnae*. Працы археалагічнага гуртка 2023. Т. 2 : зб. нав. арт. / ГрДУ імя Я. Купалы ; рэдкал.: С .А. Піваварчык (гал. рэд.), А. Д. Гаршкоў. – Гродна : ГрДУ імя Я. Купалы, 2023. – С. 26–34.

2. План г. Гродна за 1912 г. // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна (далей – НГАБ у г. Гродна). – Ф. 11. Воп. 16. Спр. 2. Арк. 1.

3. Дюпин, Р. Каталог экспортных спичечных этикеток России / Р. С. Дюпин [и др.]. – М. : Клуб филоуменистов «Сувенир», 2004. – 151 с.

4. Малеев, А. Пинская спичечная фабрика 1892–1943 [Электронный ресурс] / А. Малеев // *Филлумения*. – 2011. – Режим доступа: <https://phillumeny.info/wp-content/uploads/2020/11/Katalog-Pinsk-Maleev-2011-1.pdf> – Дата доступа: 26.02.2024.

5. Спичечная империя Василия Лапшина [Электронный ресурс] // Международный союз филуменистов. – 2007–2021. – Режим доступа: <https://phillumenist.ru/russian-phillumeny/143-shichechnaja-imperija-vasilija-lapshina> – Дата доступа: 26.02.2024.

6. Фабрики Лапшина [Электронный ресурс] // Историческая филлумения. – 2012. – Режим доступа: <https://phillumeny.info/matchbox-labels/russia/mathbox-labels-of-russia-1860-1917/lapshin-factories/> – Дата доступа: 26.02.2024.

7. Малеев, А. Каталог спичечных этикетов Российской империи 1860–1917 [Электронный ресурс] / А. Малеев // Филлумения. – 2011. – Режим доступа: <https://phillumeny.info/wp-content/uploads/2012/08/Maleev-Russia-1860-1917-part-3.pdf?%20c.%2041> – Дата доступа: 26.02.2024.

8. Иванов, Е. П. Псковский край в истории России / Е. П. Иванов [и др.] ; под ред. Е. П. Иванова. – Псков : Издательство Псковского областного ИУУ, 1996. – 319 с.

9. Гацко, Я. Гісторыя будынка на завулку Тэлеграфны, 2 горада Гродна / Я. У. Гацко // Беларусь у кантэксте еўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава : зб. навук. арт. / ГрДУ імя Янкі Купалы ; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.), І. Ф. Кітурка (гал. рэд.) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2023. – С. 270–274.

10. Справаздачы аб дабрачынных таварыствах Гродзенскай губерні за 1898 г. // НГАБ у г. Гродна. – Ф. 1. Воп. 18. Спр. 579. Арк. 142 адв.

11. Барэла, Д. Цудоўны медалік з вуліцы Бак / Д. Барэла, А. Нядзвецкі // Ave Maria. – 2005. – № 1–2 (116–117). – Рэжым доступу: <https://media.catholic.by/ave/index.htm?/ave/n116/art12.htm> – Дата доступу: 15.02.2024.

12. Горская, Г. Цудадзейны медалік Беззаганнай [Электронны рэсурс] / Г. Горская // Ave Maria. – 2003. – № 5–6 (96–97). – Рэжым доступу: <https://media.catholic.by/ave/index.htm?/ave/n96/art11.htm>. – Дата доступу: 15.02.2024.

ДАДАТКІ

Малюнак 1 – Будынак на завулку Тэлеграфным, 2 г. Гродна.
Фотаздымак аўтара

Малюнак 2 – Металічны гузік, верагодна пач. XX ст. Фотаздымак аўтара

Малюнак 3 – Папяровая абгортка ад цукеркі з фабрыкі А. Софэра, пач. XX ст. Фотаздымак аўтара

Малюнак 4 – Карабок з-пад запалак з фабрыкі “Вулкан” Л. Гіршмана, верагодна пач. XX ст. Фотаздымак аўтара

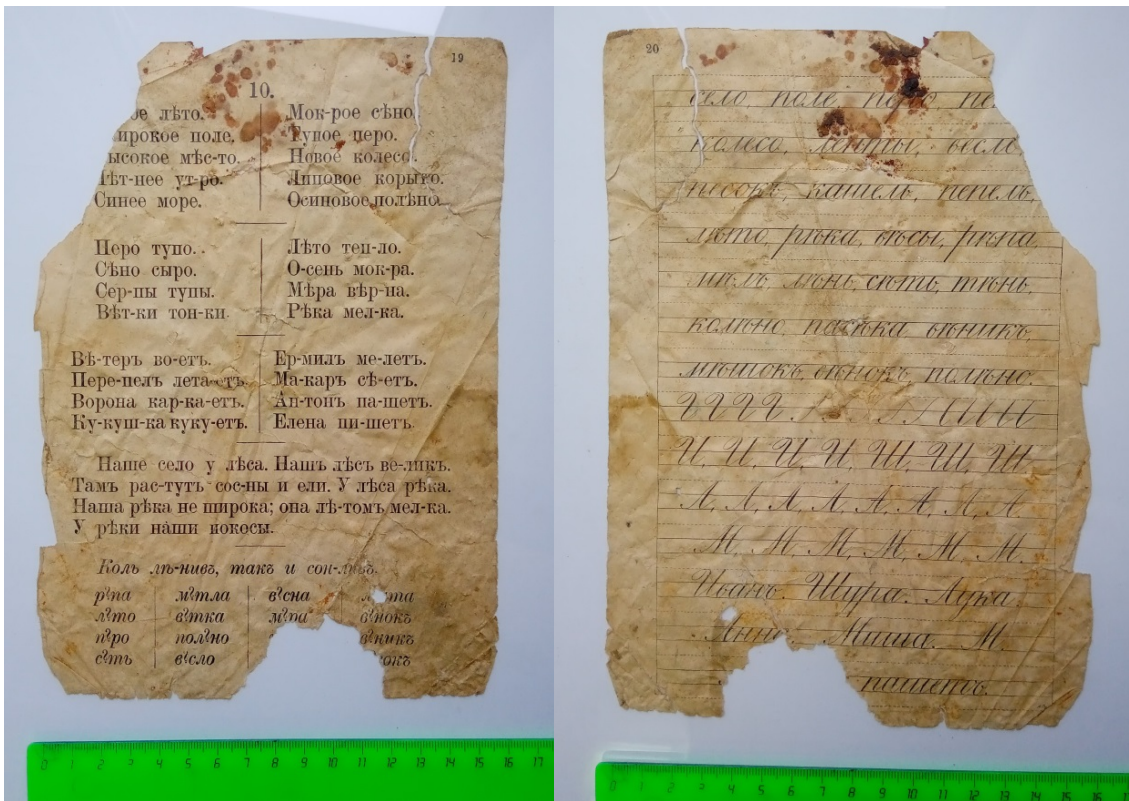
Малюнак 5 – Карабок з-пад запалак з фабрыкі “Іраіда” В. Лапшына, 1906–1914 гг. Фотаздымак аўтара

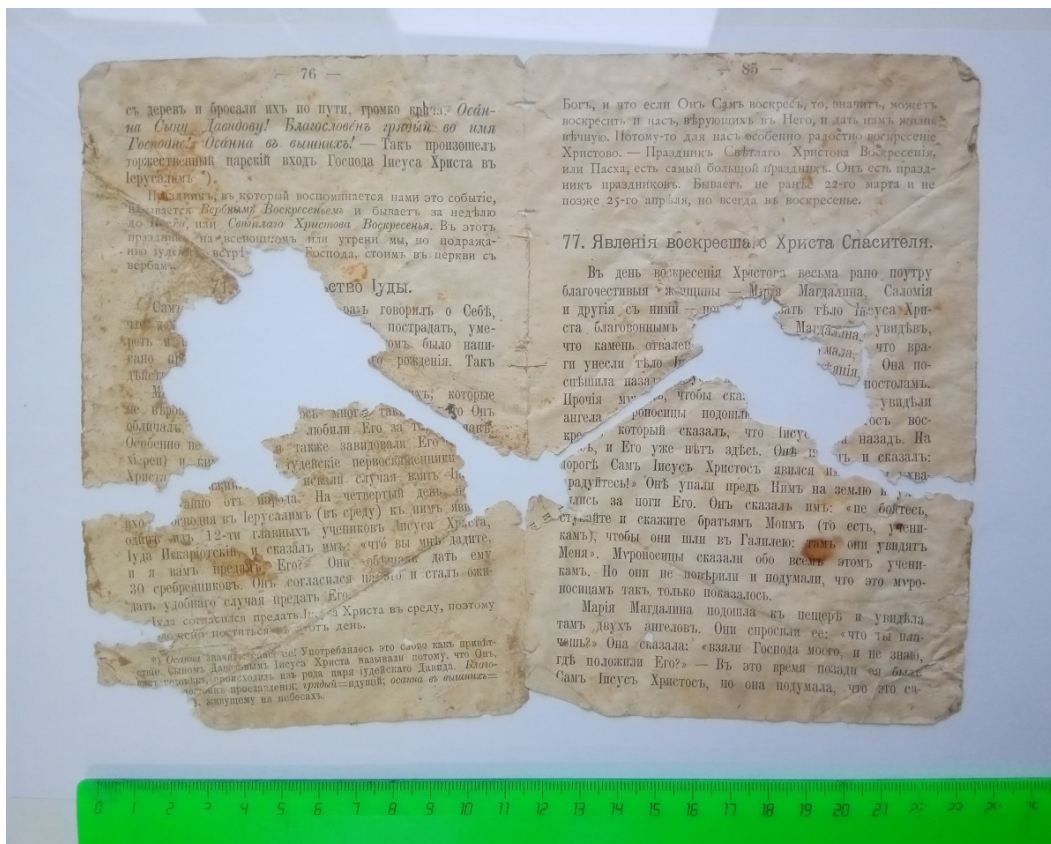
Малюнак 6 – Карабок з-пад запалак з фабрыкі “Балкан” М. Вальперта, ад 1901 да 1917 гг. Фотаздымак аўтара

Малюнак 7 – Кавалак пакета ад запалак фабрыкі братоў Хахловых, год выпуску невядомы (да 1915 г.). Фотаздымак аўтара

Малюнак 8 – Старонка з падручніка па чыстапісанню, год выпуску невядомы (да 1915 г.). Фотаздымак аўтара

Малюнак 9 – Дзве старонкі з падручніка па Закону Божаю, год выпуску невядомы (да 1915 г.). Фотаздымак аўтара

Малюнак 10 – Каталіцкі мелальён у гонар беззаганнага зачацця Дзевы Марыі, год выпуску невядомы. Фотаздымак аўтара

Малюнак 11 – Праваслаўны медальён св. Варвары, год выпуску невядомы. Фотаздымак аўтара

С. Ф. Веремеев
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ЛЮТЕРАНСТВО В ВКЛ В XVI ВЕКЕ

В статье описываются основные пути распространения лютеранского вероучения на территории ВКЛ, анализируются причины, по которым местные жители принимали данное вероучение. Приводятся данные о численности лютеранских общин, их локализации, этническом и социальном составе. Характеризуется политика светских властей в отношении протестантов в целом и лютеран в частности. Рассмотрен сюжет, связанный с попыткой объединения лютеран с кальвинистами и чешскими братьями в 70-е гг. XVI в.

Началом Реформации принято считать 31 октября 1517 г., когда М. Лютер обнародовал в Виттенберге свои так называемые «95 тезисов», содержащие критику ряда вероучительных положений Римско-Католической церкви. В течение последующих нескольких лет взгляды Лютера получили широкое распространение в Германии и ряде других государств тогдашней Европы, узнали о них и в Великом княжестве Литовском, в составе которого находились в ту эпоху белорусские земли.

Важным центром, из которого новая доктрина распространялась на территории ВКЛ, являлась Пруссия. Ещё в 1523 г. в Королевце (Кенигсберг, ныне Калининград) была основана типография, где печатались труды М. Лютера на польском языке [1, с. 113], а также катехизисы и сборники канционалов (песнопений) [2, с. 118–133], которые затем ввозились в соседние государства, в том числе и в ВКЛ. В 1525 г. великий магистр Тевтонского Ордена Альбрехт Гогенцоллерн принял учение Лютера в качестве официальной религии и стал светским правителем (герцогом) первого в Европе протестантского государства – Пруссии, в которое трансформировался Тевтонский Орден. В 1544 г. герцог Альбрехт основал в Королевце университет (Альбертинум), где в основном учились выходцы из ВКЛ и Польши. Так, в 1544–1600 гг. студентами этого университета было 202 юноши из ВКЛ; в XVII в., по некоторым данным, таковых насчитывалось уже 230 [3]. В Альбертинуме действовал теологический факультет, деканом которого являлся уроженец ВКЛ Станислав Рафалович [1, с. 113]. Логично предположить, что студенты, основательно ознакомившись с учением Лютера во время учёбы, становились убежденными его приверженцами, а после возвращения на родину пытались распространять свою веру среди соотечественников.

Помимо Королевца жители ВКЛ в 20–40-е гг. XVI в. учились в колыбели лютеранства – Виттенберге, где лекции самого Лютера прослушали 20 студентов из числа представителей аристократических родов ВКЛ [4, с. 63–64], а также в других протестантских университетах Европы. Известны имена некоторых студентов: Ян и Николай Сапега, Ян Ходкевич, Ян и Иосиф Воловичи, Вацлав Агриппа и др. [5, с. 505]. В Виттенберге и Лейпциге учился М. Смотрицкий, откуда он, по собственному признанию, вернулся в родную страну «переполненный лютеранским чадом» [6, с. 113].

Лютеранство могло проникать в ВКЛ и с территории польских земель, где в 1520-е гг. оно массово распространялось среди населения Великой Польши, Поморья, Силезии. Лютеранских взглядов в 1520–1530-е гг. придерживались некоторые из профессоров католического Краковского университета, в котором учились выходцы из ВКЛ [5, с. 505]. В Польше издавалась и религиозная литература. Так, в Кракове был издан «Катехизис» Николая Рея (1543 г.), в Торуня – «Краткий катехизис» Лютера (1591 г.). В целом, до конца XVI в. в Речи Посполитой вышло около 10 переводов «Краткого катехизиса» Лютера на польский, литовский, кашубский и другие языки. В Торуня печатались также лютеранские канционалы [2, с. 111–120, 131–132]. В 1561 г. к союзу ВКЛ

и Польского королевства присоединилась Ливония (Инфлянты), где в тот период господствовало аугсбургское исповедание. Власти Речи Посполитой, желая удержать эти земли, не препятствовали деятельности общин последователей учения Лютера. В 1561 г. Сигизмунд II Август выдал привилей (*Privilegium Sigismundi Augusti*), гарантировавший местной элите её права, включая и право исповедовать протестантизм [7, с. 6].

Культурные и экономические связи существовали у ВКЛ с землями и городами Северной Германии [1, с. 108], что открывало возможности для лютеранской миссии среди литвинов. Следует учитывать и фактор Швеции, именуемой современниками «лютеранской Испанией» – самого могущественного государства Европы XVII в., с территории которого также могло распространяться лютеранство. В целом, земли ВКЛ в первой половине XVI в. посещало много юристов, врачей, художников, скульпторов, музыкантов из Западной Европы [7, с. 4]. Часть из них уже могла принадлежать к лютеранству и затем познакомить литвинов со своими убеждениями. Помимо того, жители ВКЛ и сами посещали европейские государства, где имели возможность узнать об учении Лютера и его последователях. Так, младший брат Николая Радзивилла Черного Ян Радзивилл побывал в Виттенберге и познакомился с Ф. Меланхтоном, что повлияло на его решение принять лютеранство в 1542 г. Его смерть в 1551 г. в возрасте 35 лет привела к тому, что Николай Радзивилл Черный серьёзно задумался о смысле жизни и в конечном итоге принял решение стать кальвинистом и главным покровителем Реформации в ВКЛ [8, с. 8].

Первая лютеранская община на белорусских землях появилась в Слуцке, где местный князь Юрий Семёнович подарил лютеранам в 1535 г. землю для строительства кирхи [9; 10]. Но кирха в силу неизвестных причин была построена в городе лишь спустя более 100 лет – в 1650-е гг. Богуславом Радзивиллом. Он же даровал местным лютеранам, «особенно народу немецкого», фундуш на строительство школы, жилья для пастора и учителей, «шпиталю», назначил пастору ежегодное жалованье в размере 300 злотых [11, с. 102–103].

В конце 1530-х гг. в Вильно приехал Абрахам Кульвец (Кульва), выпускник университета в Виттенберге, учившийся также в Лейпциге и Сиене и получивший там ученую степень доктора в области права. В 1539 г. он основал в столице ВКЛ «библейскую» школу с целью «реформирования христианства». Первоначально в ней училось около 60 человек. Возможно, её посещал Николай Радзивилл Черный [8, с. 8] и, вероятнее всего, именно Кульва заинтересовал магната взглядами Лютера [12, с. 41]. Однако школа просуществовала недолго. Религиозные взгляды её организатора, а также тот факт, что Кульва проповедовал идеи Реформации в латинском храме Св. Анны в Вильно, вызвали противодействие со стороны римско-католического духовенства. Виленский епископ Павел Гольшанский в 1542 г. издал эдикт, согласно которому А. Кульва должен был предстать перед церковным судом. Спасаясь от наказания, тот покинул Вильно и перебрался в Кенигсберг, где стал одним из организаторов местного университета и одним из его профессоров [7, с. 5].

Относительно времени возникновения общины лютеран в Вильно в историографии нет единого мнения. По одним сведениям, она появилась в столице ВКЛ в 1539 г. [9], по другим – позднее, лишь в 1555 г. [13]. В следующем столетии в Вильно существовало две лютеранские общины: немецкая и польская [14, с. 52]. В 1550 г. принял аугсбургское исповедание город Ковно (ныне Каунас, Литва) [13].

В XVI в. общины последователей учения Лютера образовались в Гродно, Минске, Витебске, Полоцке, Могилёве. Они были малочисленны и состояли преимущественно из иностранцев [8]. Есть сведения, что в 1600 г. лютеранский збор существовал в Нейдорфе вблизи Бреста. Его прихожанами являлись потомки голландских переселенцев в ВКЛ (так называемые голендры). Имеются также данные об общинах лютеран в Вишнево (теперь Сморгонский район), Яново (в настоящее время Ошмянский район) [13].

В историографии принято считать, что в конце XVI в. на территории ВКЛ насчитывалось от 5 до 8 лютеранских общин. Общая численность их членов неизвестна. Лю-

теранские сборы появлялись и в XVII в. Так, в 1630-е гг. был основан лютеранский приход в Гайтюнишках – владении Петра Нонхарта (ныне это Вороновский район Гродненской области РБ) [14, с. 52].

Следует пояснить, что для определения точного числа лютеранских общин в ВКЛ существуют трудности объективного характера. Фигурирующий в исторических источниках термин «евангелики» мог обозначать как приверженцев взглядов Лютера, так и Кальвина, в отличие от более понятного термина «ариане». Некоторые общины определённое время вовсе не принадлежали к какому-то конкретному направлению в протестантизме. Например, таковым первоначально был основанный Николаем Радзивиллом Черным в 1552 г. сбор в Бресте. Только после переписки его основателя с Кальвином брестский сбор определился как кальвинистский (реформатский) [15, с. 138].

Почему жители ВКЛ принимали лютеранство? Оно могло привлекать службами на понятном верующим языке, а также тем, что отвечало духовным запросам современников. Римско-католическая (Латинская) и православная (Восточная) церкви переживали тогда кризис. Сказывался низкий уровень образованности духовенства, в особенности православного («греческого»), которое не в состоянии было на интеллектуальном уровне противостоят проповедникам Реформации. Кроме того, те, кто принимал протестантизм, были убеждены, что они возвращаются к подлинному христианству, а не переходят в некую новую церковь, что устраняло психологические барьеры. Но в отличие от кальвинизма, лютеранство не получило широкого распространения в ВКЛ, оставаясь вероисповеданием главным образом проживавших здесь иноземцев. Его принимали представители мелкой шляхты, связанной с немецкой культурой, мещане-иностранцы. Среди последних было много этнических немцев [12, с. 35].

Почему же учение Кальвина получило гораздо большее распространение в ВКЛ по сравнению с лютеранством? В историографии это объясняется тем, что шляхту отталкивала лютеранская идея о подчинённости церкви светской власти в лице великого князя/короля. Кальвинизм же предполагал независимость светских покровителей общин из числа шляхты и магнатов в религиозных вопросах от верховной власти [5, с. 509]. Сам Кальвин писал о необходимости разделения «духовной» и «светской» власти, автономности каждой из них [16]. Не получило распространения лютеранство и среди основной массы населения ВКЛ – крестьян. Однако это было вызвано не столько тем, что переход в аугсбургское исповедание не приводил к изменению материального положения крестьянства, как пишут современные историки [5, с. 509], а в большей мере обуславливалось скорее низким уровнем религиозного сознания крестьян, их консерватизмом, приверженностью традиции (восточнохристианской).

Немногочисленная лютеранская церковь ВКЛ называлась Аугсбургской церковью (Ecclesia Augustana), по названию своего основного вероучительного документа – «Аугсбургское исповедание» (1530 г.). В качестве синонима использовалось также название Саксонская. Органом её управления была консистория во главе с суперинтендантом, которая находилась в Вильно.

Политика властей великих князей литовских/королей польских в отношении протестантов была противоречивой. Сигизмунд I Старый издал серию указов (1520, 1523, 1525, 1526 гг.), запрещавших под угрозой тюрьмы и даже смертной казни проповедь, издание и распространение реформационных книг. В 1534 г. монарх запретил шляхте выезжать на учёбу в «заражённые ересями страны Европы». Однако эти распоряжения не выполнялись, а сам Сигизмунд I Старый заявлял, что желает быть монархом «равно как козлов, так и овечек, или всех подданных независимо от веры» [1, с. 113]. Его сын и преемник Сигизмунд II Август в 1550 г. запретил протестантам занимать государственные должности и сенаторские кресла. Приверженцы ересей (а таковыми считались протестантские учения) подлежали изгнанию или суду. В 1556 г. было запрещено печатать книги «еретиков». Но и эти предписания де-факто не действовали [1, с. 113]. В годы правления Сигизмунда II Августа протестанты, по сути, находились у власти в ВКЛ. Так,

накануне Люблинской унии в Раде ВКЛ было 17 протестантов, 9 православных и 2 католика [4, с. 65]. Акт Варшавской конфедерации 1573 г. [17] гарантировал религиозную терпимость, гражданские и политические права протестантской шляхты.

Однако Контрреформация и укрепление Католической церкви побуждали протестантов консолидироваться. В Вильно в марте 1570 г. лютеране и кальвинисты ВКЛ договорились о сотрудничестве и взаимной помощи. Вскоре, 14 апреля 1570 г. в Сандомире было заключено соглашение (уния) лютеран, кальвинистов и чешских братьев всей Речи Посполитой (*Consensus Sandomiriensis*). Это соглашение ещё называют первым экуменическим актом Европы. *Consensus Sandomiriensis* предполагал, что его участники могут посещать молитвенные собрания и принимать участие в таинствах (крещение, евхаристия) друг у друга, совместно защищать свои права, противодействовать Контрреформации и распространять идеи Реформации [1, с. 105]. Заявлялось о создании общего синода, совместном пастырском служении и катехизации. Тем самым формировались условия для появления конфедерации протестантских церквей ВКЛ [1, с. 108–109], однако таковая не сложилась. Сама же Сандомирская уния просуществовала, по мнению одних историков, до августа 1595 г., когда после Торунского съезда кальвинистов, чешских братьев и лютеран последние вышли из неё; по мнению других – до 1639 г., когда были запрещены диспуты на религиозную тему [1, с. 118].

Таким образом, лютеранство, появившееся в ВКЛ в XVI в., не получило здесь широкого распространения, уступая по численности приверженцев и своему влиянию кальвинизму. Оно сложилось как вероисповедание главным образом иностранцев, проживавших на белорусских и литовских землях, и осталось таковым и далее. В последней трети XVI в. в результате Контрреформации, обновления Католической церкви и прокатолической политики Стефана Батория и Сигизмунда III Вазы позиции протестантизма в ВКЛ, включая и лютеранство, начинают постепенно ослабевать. Этот процесс продолжился и в следующем столетии.

Источники и литература

1. Кахновіч, В. Сандамірская унія 1570 г. і лёсы Рэфармацыі ў гісторыі Рэчы Паспалітай / В. Кахновіч // *Евангельская царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць*. Вып. III (да 500-годдзя Рэфармацыі і 500-годдзя беларускай Бібліі: зб. матэрыялаў Міжнар. навук. канф., Мінск, 9 сн. 2017 г. – Мінск : Пазітыў-цэнтр, 2018. – С. 105–121.
2. Корзо, М. А. Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI – XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований / М. А. Корзо. – М. : РООИ, 2007. – 672 с.
3. Дзярновіч, А. Каралявецкі універсітэт / А. Дзярновіч // *Вялікае княства Літоўскае: энцыкл.* Т. 2. – Мінск : БелЭн, 2007. – С. 47–48.
4. Катлярчук, А. Швэды ў гісторыі й культуры беларусаў / А. Катлярчук. – Вільня : Інстытут беларусістыкі, 2007. – 310 с.
5. *Гісторыя Беларусі : у 6 т.* – Мінск : Экаперспектыва, 2008. – Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага княства Літоўскага. – 688 с.
6. Смотрицкий, М. Апология / М. Смотрицкий // *Кирилло-Мефодіевскій зборнік*. Выпуск I. – Leipzig; Paris, 1863. – С. 1–151.
7. Герберг, А. Лютеранское вероисповедание среди латышского населения в ви-тебском регионе / А. Герберг // *Латыши и белорусы: вместе сквозь века.* – 2022. – Вып. 11. – С. 4–18.
8. Бокун, А. Мікалай Радзівіл Чорны: жыццё і памяць / А. Бокун // *Евангельская царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць*. Вып. II. (да 500-годдзя Мікалая Радзівіла Чорнага) : зб. матэрыялаў Міжнар. навук. канф., Мінск, 5 сн. 2015 г. – Мінск : Пазітыў-цэнтр, 2016. – С. 7–18.

9. Беларусь // Православная энциклопедия. Т. 4. – С. 457–503 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.pravenc.ru/text/77856.html#part_6. – Дата доступа: 01.03.2024.
10. Пачкаеў, М. Слуцкі лютэранскі збор / М. Пачкаеў // Вялікае княства Літоўскае: энцыкл. : у 2 т. – Мінск : БелЭн, 2007. – Т. 2. – С. 594.
11. Иванова, Л. Пратэстанты ў Слуцку ў XVII–XIX стагоддзях / Л. Иванова // Arche. – 2012. – № 1–2 (112–113). – С. 91–105.
12. Евангельскія хрысціяне ў Беларусі: пяць стагоддзяў гісторыі (1517–2017 гг.). – Мінск : Пазітыў-цэнтр, 2019. – 470 с.
13. Исаев, С. А. Литовская евангелическо-лютеранская церковь [Электронный ресурс] / С. А. Исаев, Д. Петкунас // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла : в 75 т. Т. 41. – С. 179–182. – Режим доступа: <https://www.pravenc.ru/text/2110573.html>. – Дата доступа: 01.03.2024.
14. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / Ю. Бохан, В. Голубеў, У. Емельянчык і інш.; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. – Мінск : Экаперспектыва, 2007. – Т. 3: Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII стст.) – 344 с.
15. Міранчук, Я. Пратэстанцкія дэнамінацыі на тэрыторыі Падляскага дыстрыкту / Я. Міранчук // Евангельская Царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць / [укладальнікі: А. І. Бокун, А. У. Унучак, Ю. А. Бачышча]. – Мінск : Пазітыў-цэнтр, 2018. – Вып. 3. – С. 134–156.
16. Кальвин, Ж. Наставление в христианской вере / Ж. Кальвин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jeancalvin.ru/institution/>. – Дата доступа: 01.03.2024.
17. Konfederacja warszawska, 28.I.1573 [Zasób elektroniczny]. – Tryb dostępu: <http://www.literatura.hg.pl/varsconf.htm/>. – Data dostępu: 01.03.2024.

УДК 930(476)«15/17»

Е. Е. Барсуک

Мозырский государственный педагогический
университет имени И. П. Шамякина

ИСТОРИКО-МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА XVI–XVIII ВЕКОВ КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОШЛОГО БЕЛОРУСОВ

Рассмотрены особенности содержания историко-мемуарной литературы XVI–XVIII вв. как формы исторической репрезентации белорусов, выявлены источники, типы и жанры мемуарной литературы, представлена характеристика наиболее типичных произведений (Федор Евлашовский, Самуил и Богуслав Маскевичи, Ян Цадровский, Кристоф Станислав Завиша, Мартин Матушевич и др.).

Появление мемуарной литературы XVI в. и ее широкое распространение в XVII–XVIII вв. было связано с утверждением преимущественно светской системы духовных ценностей и гуманистического понимания человеческого достоинства. Главной особенностью произведений историко-мемуарного жанра является отражение событий через субъективное восприятие автором реальности, что позволяет выявить не только взгляды и предпочтения составителя дневника или воспоминаний, но и составить социальный портрет типичного представителя сословия. Многие произведения этого жанра не только описывали факты, но и отражали личное отношение авторов к различным историческим явлениям и событиям. Поделиться с близкими, оставить память о себе потомкам становилось потребностью человека. О возникновении мемуарного жанра в Беларуси свиде-

тельствует записка Матвея Десятого «О написавшем книги сия», приложенная к составленному им, Супрасльскому кодексу библейских текстов в 1507 г. (т. н. «Десятоглаву»). Автор создал цельное и связное повествование о своей жизни и обстоятельствах написания сборника [1, с. 683].

Историко-мемуарную литературу можно разделить на два основных тематических вида: «*Otia Publica*» и «*Otia Domestica*» – «Досуг Общественный» и «Досуг Домашний». В первом преобладали публичные события, размещались отчеты о заседаниях Сейма и сеймиков, Трибуналов, рассказывалось о политических новостях, военных битвах, династических междоусобицах и т. д. Ко второму типу относились дневники, воспоминания, в которых внимание было сконцентрировано на личном и семейном. К середине XVIII в. разница между видами мемуаристики становится небольшой, в связи с тем, что общественные явления всё больше связываются и переплетаются с личными переживаниями.

Источниками мемуаристики как формы репрезентации прошлого стали эпистолография, паломническая литература, документы делопроизводства и исторические произведения (мартирологи, синодики, синопсисы, памятные книжки и семейные хроники). Письма отражали взгляды, идеи, чувства и впечатления их авторов и послужили структурирующим моментом истории. Полемика, развернувшаяся в переписке известных деятелей Реформации и Контрреформации (Ф. Кмита-Чернобыльского, Л. Сапеги, И. Кунцевича, С. Будного и др.), вызвала общественный резонанс. Поскольку их авторы отстаивали свою точку зрения по богословским и общественно-политическим вопросам, выражали свое личное отношение к различным историческим проблемам, ссылаясь не только на авторитет государства и церкви, но и свой жизненный опыт.

Тенденция использования эпистолярного жанра и деловых документов в автобиографической прозе впервые наиболее ярко проявилась в письмах Оршанского старосты Филона Семеновича Кмиты-Чернобыльского (1530–1587 гг.), проявившего себя как организатор образцовой пограничной службы и талантливый военный командир во время Ливонской войны. Из эпистолярного наследия Кмиты сохранилось 33 «Листа» за 1573–1574 гг., адресованные «панам рад Великого княжества Литовского», сановникам и различным должностным лицам ВКЛ [1, с. 687]. Преимущественно – это официальные сводки о военно-политическом положении на восточных границах страны, донесения о состоянии дел в Московском государстве, планы Ивана IV, русско-татарские отношения и т. д.

На основании изучения эпистолографии более позднего периода А. Мальдис приходит к выводу, что именно Кмита заложил традицию использования деловой переписки в автобиографической прозе, обусловив возникновение жанровой разновидности мемуарной литературы – «приватные газетки» [2, с. 16].

Делопроизводственные документы тесно были связаны с функционированием правовых и политических институтов государства (протоколы сеймов Речи Посполитой и акты церковных соборов). В их состав входили отчеты и комментарии, располагавшиеся в календарной последовательности, заметки составителей, образные зарисовки различных обстоятельств, повлиявших на развитие событий.

Самым известным такого рода источником является «Диариуш Люблинского сейма 1569 года», в котором автор создал яркие образы сенаторов Великого княжества Литовского и их польских оппонентов, выразил не только личное отношение к Люблинской унии, но и высказал стремления значительной части политической элиты ВКЛ, желавшей заключить союз с Польским королевством на наиболее выгодных условиях для Княжества. Примером же дипломатического отчета может служить «Дневник литовских послов» (1556 г.), в котором описаны сцены аудиенций в Кремле, диалоги участников переговоров, условия миссии, отмечены бытовые детали (что ели дипломаты, что пили, где сидели и т. д.). Посольские дневники обычно представляли собой точные сведения о результатах миссии, о соблюдении официальных церемоний, о том, что послы видели в чужой стране и т.п. [1, с. 685–686].

Синтез делопроизводственных документов и летописной традиции способствовал созданию исторических обзоров, дневников, раптуляров, протоколов и синопсисов, из которых сформировался протокольно-календарный тип изложения материала в канцелярских дневниках, просуществовавший до XVIII в. Во многих произведениях протокольно-календарная форма изложения сочеталась с результатами осмысления событий, что позволяло мемуаристам, не теряя информационной полноты, достоверности и историографической точности данных, воспринимать прошлое в целом, более упорядоченно и последовательно.

Особое место среди историко-мемуарной литературы занимают «диариуши», первоначально возникшие как дневники деятельности канцелярии и трансформировавшиеся в личные дневники и воспоминания.

Еще один источник, оказавший значительное влияние на зарождение мемуаристики в Беларуси, – это паломническая литература. Одно из самых известных произведений паломнической литературы – «Hierosolymitana peregrination illvstrissimi domini Nicolai Christofori Radzivili» – многоаспектное и многоплановое произведение в форме писем к другу, состоящее из очерков на различные темы, автобиографических заметок и исторических экскурсов с использованием цитат, и ссылок на античных авторов.

Получив благословление от папы Римского еще в 1575 г., Николай Кристоф Радзивилл Сиротка смог выехать в Италию в 1582 г. Он провел зиму в Венеции, а 16 апреля 1583 г. на торговом корабле отплыл на Восток. На Кипре он пересел на другой корабль, доплыл до Триполи, а 25 июня 1583 г. прибыл в Иерусалим и находился в Палестине две недели, посетил все основные достопримечательности и святые места. Далее Николай пробыл в Египте два месяца, осматривая там пирамиды и прочие достопримечательности. 10 февраля 1584 г. с о. Крит добрался до Италии, а 2 июля 1584 г. вернулся в Несвиж.

Н.-К. Радзивилл одним из первых в Восточной Европе сделал героем произведения самого себя. Он подчеркивал свою значимую социальную позицию в обществе и показывал человека, смиренного перед Богом, рыцаря и покровителя, который сам творит свою судьбу, стремится к самосовершенствованию. Николай Кристоф – человек своего времени, известный вельможа со всеми полагающимися атрибутами и статусом, болезнями, историей личной и фамильной, с нетипичным стремлением к иррациональному. Его герой – магнат, дипломат, географ, биолог, придворный, историк, философ, военачальник, писатель и паломник-рассказчик, который объединяет все эти качества, верит в силу разума и внутреннего единства человеческой личности.

О популярности паломнического дневника Сиротки свидетельствуют многократные переиздания произведения на латыни, польском, немецком, русском языках в XVII–XIX вв. На белорусском языке произведение было издано под названием «Пэрэгрынацыя, або Паломніцтва Ясна Асветленага Князя Ягамосці Мікалая Крыштофа Радзівіла ў Святую Зямлю. У імя твае, Госпадзе Хрысце» в переводе Сергея Шупы с польскоязычного издания 1847 г. [3, с. 166–447].

Становление мемуарной литературы отразило переломные моменты в формировании национального самосознания белорусского народа. Ощущение себя в контексте прошлого, настоящего и будущего представляло собой осознание не только своего места между предками и потомками, т. е. в контексте семейной истории или сословной принадлежности, но и в контексте истории своей страны.

Первым, собственно мемуарным произведением белорусской литературы является «Диариуш» Федора Евлашовского – это своеобразный сборник интересных бытовых сюжетов и увлекательных историй, в котором автор рассказывает о повседневных заботах и интересах реального человека, передает его настроения и мнения, раскрывает элементы психологии и конкретно-исторического восприятия явлений современников и событий. Датированная часть произведения охватывает период с 1564 по 1604 гг. О сведениях личного характера автор повествует на фоне исторических событий в той мере, в какой они касались его жизни или впечатляли своей масштабностью или неожиданностью. Он упоминает об

отдельных сражениях Ливонской войны (например, на р. Ула, 1564 г.) и Люблинской унии, приеме иностранных послов в ВКЛ выборах королей, говорит о событиях в центральных поветах ВКЛ во время восстания Северина Наливайко (1595–1596 гг.) и др. [4, с. 483–499].

Во второй половине XVII в. возникает новый принцип изложения материала, который группируется вокруг героя, принимающего решения не под влиянием христианской морали, норм поведения или идеалов, а под влиянием обстоятельств, под ударами судьбы, что обуславливает обобщения, основанные на фактах действительности. В это время на основе текущих заметок (раптуляров) формируется основной тип мемуаристики – фамильный диариуш. Среди подобного рода литературы выделяется семейная хроника Маскевичей Самуила и Богуслава.

Воспоминания Самуила Маскевича представляют собой отдельные рассказы, составленные логично и последовательно. Хронология иногда нарушается, особенно в главах за 1604–1614 гг. В произведении очень много сообщений о различных происшествиях, упоминается огромное количество имен знакомых, сослуживцев и просто людей, с которыми ему довелось встретиться. Герои С. Маскевича описаны всегда в повседневной обстановке: бояре во дворцах, воины в походах, битвах, дежурящие в домах своих хозяев, крестьяне возле своих животных, занятые своими домашними делами. Автор создает колоритные картины из жизни Москвы: «На рынке в Китай-городе всегда стоит до 200 извозчиков, т.е. людей с санями, запряженными одной лошадей. Если вы хотите попасть в более отдаленную часть города, то лучше нанять извозчика, чем идти пешком. За 1 грош он скачет как сумасшедший, не переставая кричать во весь голос: гись, гись, гись! – и народ разбегается в стороны. За 1 грош он везет до определенного места, потом останавливается и не едет дальше, пока не получит еще 1 грош. Так он зарабатывает себе на еду и немало платит царю» [4, с. 770]. В произведении Самуила Маскевича автобиографический герой оценивает события с позиций общечеловеческих ценностей.

Примером семейной хроники являются автобиографические произведения Богуслава Казимира Маскевича (1625–1683), который, как и его отец, был гусарским полковником. Первое из его произведений, охватывает период с 1643 г. по июнь 1649 г. и заканчивается описанием подготовки царских войск к битве с войсками Богдана Хмельницкого под Лоевом. Второе – описывает наступление московских войск князя И. Хованского на Беларусь в начале 1660 г. [1, с. 719–721]. Автор создал эпическую картину событий середины XVII в. с официальных позиций Речи Посполитой во всей своей неприглядной жестокости, с описанием осад, штурмов (Мозырь, Бобруйск), казней и пыток [5, с. 263–265]. Тем не менее, изображая военные события отчасти как приключения, Б.-К. Маскевич резко критикует командование и показывает разброд и беспорядок в войсках, не способных к серьезным боевым операциям, его особенно возмущала ненужная роскошь магнатов во время войны, их гордыня и высокомерие. Он выражает не только собственное мнение, но и настроения рядового офицера даже при описании самих событий (бой при Крутой Балке и т. д.) [1, с. 721].

Семейная хроника Обуховичей (Филиппа Казимира и его сыновей Михаила и Теодора) ярко демонстрируют идеологию сарматизма (представления о своей социальной исключительности и «сарматской» самобытности, обосновывавшей отсталость белорусской культуры), получившую распространение среди шляхты Речи Посполитой.

Во второй половине XVII в. наблюдаются попытки обобщить исторический материал и упорядочить повествование фамильных диариушей. Примером могут послужить воспоминания (сохранились без названия) выходца из небогатой слуцкой шляхты, кальвиниста Яна Цадровского (1617–после 1682 гг.), которые отражают сложное взаимодействие хроникальной, протокольно-календарной и мемуарной форм.

Дневниковые записи переработаны с параллельным использованием семейного дневника и дополнены рассказами, составленными по памяти. Автор описывает морские штормы (во время его службы у Богуслава Радзивилла и путешествий по Европе: Голландия, Дания, Англия, Франция, Германия), неурожай, голод и беспорядки в Минске в

1656–1657 гг., рисует панораму страны, охваченной войной, изнуренной стихийными бедствиями, болезнями и грабежами иностранных войск, сообщает о собственных тревогах и преждевременной смерти детей и жены, рассказывает о бытовых деталях и жизненных происшествиях, иногда опасных и трагических, иногда обнадеживающих и благоприятных [6, с. 123–134].

Вторая часть воспоминаний охватывает период с 1652 г. по 1682 г. включительно. Эта часть работы включает три фрагмента. Первый фрагмент состоит из автобиографических записей, напоминающих семейный диариуш. Второй фрагмент содержит мартиролог родственников с краткими сообщениями об их деятельности, судьбе, причинах и обстоятельствах смерти. Третий фрагмент документального рассказа о разгроме кальвинистской общины в Вильно в 1682 г. трагическая кульминация всего произведения - документальный рассказ о разгроме кальвинистской общины в Вильно в 1682 г.

Характерным для мемуаристики начала XVIII в. произведением можно считать воспоминания минского воеводы Кристофа Станислава Завиши (1666–1721 гг.), первая часть которых представляет собой генеалогию рода. События Северной войны (1700–1721 гг.), вторжение войск Карла XII и Петра I, внутривосточные противоречия между магнатскими группировками Речи Посполитой и борьба Августа II Сильного и Станислава Лещинского, описания Сеймов и дворцовых интриг нашли отражение в произведении К.-С. Завиши и дополнены фактами и обстоятельствами жизни его богатого шляхетского рода. Он создал колоритные образы и зарисовки панских пиров и балов, приключений и сцен охоты, описал некоторые обряды и обычаи, но с позиций сарматской исключительности. Его воспоминания отличает «театральность» стиля, где картины безудержного веселья сменяются натуралистическими сценами жестокости (истязания дезертиров, погромы крестьян-«сапеженцев» и др.), сентиментальная чувствительность сменяется холодным и трезвым расчетом, красноречивое изображение балов и приключений соседствует с сухими отчетами об экономических событиях [1, с. 744]. Автор воспроизводит не только внешние события, но и эмоционально-психологическую атмосферу жизни богатой шляхетской семьи (например, в описании визита Петра I в имение Завиши), высказывает свои взгляды и желания [7, с. 28].

Интересным примером мемуарного жанра является «Диариуш моей жизни» Мартина Матушевича (1714–1773 гг.). Он описал быт и нравы брестской шляхты, события местной жизни, борьбу между собой Радзивиллов и Чарторыйских, рассказывал о политических событиях в Речи Посполитой в 1740-е – 1760-е гг. и особенно, о деятельности князя Кароля Радзивилла Пана Коханку [8].

Появляются и новые формы мемуаров. Например, бродячий школяр Илья Турчиновский (1695–1746 гг.) описывал свои необычайные приключения во время путешествия по Украине и Беларуси или новогрудская «лекарка» Соломея Русецкая-Пильштынова (1717–1760 гг.) написала мемуарный, авантюрный роман о своих приключениях в Турции и России, который был издан в Стамбуле на польском языке в 1760 г. (затем переиздан в 1957 г. в Польше) [7, с. 30–41].

Таким образом, именно в мемуарах наиболее полно отражены процессы взаимодействия личности и общества, а также способы формирования у людей представлений о себе и окружающем мире. Мемуаристы, рассказывая о фактах и происшествиях, об исторических событиях на Родине и за ее пределами, сознательно или бессознательно определяли себя носителями национального самосознания, даже когда писали на латинском или польском языках.

Источники и литература

1. Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў : у 2 т. / Нац. акад. Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы; падрых. А. І. Богдан і [інш.]; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. – 2-е выд., выпр. – Мінск : Бел. навука, 2006. – Т. 1: Даўняя літаратура XI–XVIII стагоддзя. – 910 с.

2. Мальдзіс, А. Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі / А. Мальдзіс. – Мінск : «Мастацкая літаратура», 2009. – 481 с.
3. Кніга жыццй і хаджэнняў: [пераклад са старажытнарускай, старабеларускай і польскай моў / укладанне, прадмова і каментарыі А. Мельнікава. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1994. – 503 с.
4. Анталогія даўняй беларускай літаратуры XI – першая XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы; падрых. А. І. Богдан і [інш.]; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. – 2-е выд., выпр. – Мінск : Бел. навука, 2005. – 1015 с.
5. Pamiętniki Samuela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów (wiek XVII) / Opracował, wstępem i przypisami opatrzył Alojzy Sajkowski. Redakcja i słowo wstępne Władysław Czapliński, – Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1961. – 332 s.
6. Помнікі мемуарнай літаратуры Беларусі XVII ст. / АН БССР, Ін.літ. імя Я. Купалы / Уклад., уступ. арт. і камент. А. Ф. Коршунава. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 175 с.
7. Мальдзіс, А. Беларусь у лютэрку мемуарнай літаратуры XVIII стагоддзя: нарысы быту і звычаяў / А. Мальдзіс. – Мінск.: Мастацкая літаратура, 1982. – 256 с.
8. Мартин Матушевич. Диариуш [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://imperiaduhu.by/kultura/lit-proza/marcin-matushevich-dyiarush.html>. – Дата доступа : 04.03.2024.

УДК 94:327.5(476.2:470.333-37Стародуб)«16»

Е. В. Хроленок

Белорусский государственный университет

ГОМЕЛЬСКО-СТАРОДУБСКИЙ ТРАНСГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН. ПОРУБЕЖНЫЕ КОНФЛИКТЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII ВЕКА)

В статье рассматривается проблема существования гомельско-стародубского трансграничного региона. Особое внимание уделено вопросам оформления государственной границы на данном участке во второй половине XVII в. и борьбе за контроль над регионом между Речью Посполитой, Россией и Гетманской Украиной. На основе архивных документов, таких как Инвентарь Гомельского староства 1717 г., показаны последствия окончательного разделения края на два пограничных региона.

К концу XV в. в Великом Княжестве Литовском (ВКЛ) сформировался крупнейший удел – Стародубское княжество. Его владелец Семен Можайский смог объединить под своей властью Стародуб, Гомель, Чернигов, Любеч, Хотимльскую и Карачевскую волости. В 1500 г. он вместе со всеми своими землями переходит на службу к московскому царю, одновременно с этим присоединив к уделу еще и часть мстиславльских территорий – Попову Гору, Мглин, Дроков с их волостями. Таким образом, был образован пограничный регион, который можно условно назвать Стародубской Северщиной.

С пресечением династии Можайских в 1518 г. Стародубское княжество вошло в домен московского царя, а на его месте появилось несколько уездов. В 1534 г. ВКЛ предприняло попытку вернуть утраченные территории, но территориальные приобретения ограничились лишь Гомельским уездом. С этого момента Стародубскую Северщину следует считать уже трансграничным регионом – относительно целостной природной и социальной системой, состоящей из двух взаимосвязанных приграничных территорий, которая является

сферой интересов соседних государств. При этом сама граница между Гомельскими и Стародубскими землями оставалась неустойчивой. По состоянию на 1560 г. она была абсолютно верно локализована белорусским историком В. Н. Темушевым. Ученый аргументировано показал, что в тот период земли Гомельского староства своеобразным «клином» входили на территорию Стародубского уезда [1, с. 174–175]. Однако процесс дальнейшего становления границы на данном участке описан в историографии лишь эпизодически.

Кроме того, необходимо отметить, что при изучении любых пограничных регионов историки сталкиваются со сложностями, связанными с взаимодействием исследуемого локального пространства и так называемых центров притяжения. Гомельско-стародубский регион в XVII в. и вовсе выглядит уникальным, так как на его жизнь оказывало влияние сразу три соседних государства: Речь Посполитая (РП), Россия и Гетманская Украина. Последняя хоть и являлась в XVII в. всего лишь автономией в составе России, но в отношении северских земель проводила вполне самостоятельную политику.

В 1618 г. по результатам Деулинского перемирия Стародубщина была возвращена в состав РП, где образовала одноименный повет в составе Смоленского воеводства. Таким образом, граница между Гомельским староством и Стародубским уездом стала носить лишь административный характер. Но и это состояние продлилось недолго.

Новый этап в истории Стародубской Северщины начался в 1648 г. Вспыхнувшее в Украине национально-освободительное восстание под руководством Богдана Хмельницкого перекинулось на южные территории Беларуси. Население Северщины проникнувшись идеями запорожского гетмана, быстро организовало собственные отряды. Уже в мае 1648 г. жители открыли ворота казакам в Лоеве, в начале июня были взяты Любеч и Новгород-Северский, а затем Погар. 15 июня казаки заняли без боя Стародуб, после него Почеп и двинулись к Гомелю. Этот город также не оказал сопротивления восставшим. В регионе было установлено казачье управление. Черниговский полковник руководил «всею Северью аж по Гомель и Дроков и Мглин» [2, с. 14]. Но с заключением Зборовского мирного договора в 1649 г. казаки оставили все земли в ВКЛ.

Однако уже летом 1654 г. началась новая война между Россией и РП, в которой Запорожское войско выступило на стороне царя. Корпус наказного гетмана Ивана Золотаренко двинулся из Новгород-Северского на территорию ВКЛ. Казаки в течение нескольких месяцев овладели Чечерском, Пропойском, Речицей и Гомелем. Не вызывает сомнений, что целью Богдана Хмельницкого было включение всех завоеванных земель в состав своего государства, но как оформлялся этот процесс в 1654 г. применительно ко всем белорусским городам установить затруднительно. Исключение составляет лишь Гомель. Вероятно, историческая принадлежность этого города к Северщине на данном этапе еще никем не оспаривалась. В результате чего Гомель становится центром новой сотни в составе Стародубского полка. Границы этого территориального образования, вероятно, были тождественны левобережной (восточной) части Гомельской волости. Это видно из акта, выданного 27 октября 1655 г. в Стародубе полковником Нежинским и всего Севера Григорием Гуляницким. Согласно данному документу адресованному, в том числе и гомельскому сотнику «отчина Опанаса Зенченкова у Тростани сотни Гомельской ... а мешкать ему вольно люб в Стародубе люб и где хочет» [3, с. 476]. Также можно предположить, что власть стародубского полковника в этот период распространилась и на чечерские села в междуречье Сожа и Беседи. Но и это объединение Стародубской Северщины просуществовало не долго.

17 октября 1655 г. под стенами Старого Быхова погиб северский гетман Иван Золотаренко. На его место командовать казацкими силами в Беларуси был назначен Иван Нечай. Тот уже в мае 1656 г. называет себя полковником Белорусским, Могилевским и Гомельским [4, с. 522], хотя видимо сам Гомель не контролирует. Со смертью Богдана Хмельницкого в 1657 г. в Украине началась гражданская война между сторонниками союза с Россией и возврата в состав РП. 16 сентября 1658 г. новый гетман Иван Выгов-

ский подписал Гадячский договор с РП и перешел на ее сторону. В соответствии с положениями указанного договора Иван Нечай начинает оказывать сопротивление российским войскам, находящимся в Беларуси. Однако осенью 1659 г. Иван Выговский был лишен гетманства, а Иван Нечай в декабре того же года взят в плен под Старым Быховом.

Избранный гетман Юрий Хмельницкий 17 октября 1659 г. подписал новый договор с Россией. Одним из его условий было освобождение от казаков территории ВКЛ. Исключение составили лишь земли Стародубского повета, которые к тому времени уже прочно закрепились в составе Запорожского войска. Гомель и Стародуб вновь оказались по разные стороны государственной границы. Однако 31 марта 1660 г. царь Алексей Михайлович своей жалованной грамотой за помощь в борьбе против Ивана Выговского передает Гомель со всем уездом и волостью нежинскому полковнику Василию Золотаренко [5, с. 16].

Не выясненным остается вопрос, начал ли новый владелец Гомеля интеграцию региона в состав Гетманской Украины, так как уже в 1661 г. городом овладел предводитель белорусских казацких отрядов Денис Мурашка. Он при поддержке сил РП смог контролировать Гомельскую волость до 1667 г., а его военные действия на Северщине оставались еще долго в памяти народа как «Мурашкова война». Так, в конце 1664 г. гомельский полковник осуществил рейд под Новгород-Северский, весной следующего года под Стародуб, а в 1666 г. в Чернигов.

Границу, которая установилась между Гомелем и Стародубским полком в этот период, можно локализовать при помощи переписных книг, составленных в конце 1666 г. московским стольником Кириллом Хлоповым. Документ охватывает посполитое население, проживавшее в населенных пунктах Стародубского, Погарского, Мглинского и Почепского уездов. В реестре сел Топальской сотни указаны Чертовичи, Манюки и Микуличи, но в то же время говорится, что селища Тростань, Рыловичи, Щербиничи, Рогов, Слободка Щербининка, Фоевичи, Чолхов и иные «Мурашце до Гомля отошли, с которых и дань побрал» [6, л. 137об.]. Очевидно, что стародубско-гомельская граница на данном этапе установилась по линии обозначенной еще в 1560 г. Вопросы вызывает только контроль Гомеля над бывшими порубежными селами Щербиничи, Чолхов и Фоевичи, которые до Деулинского перемирия называются московскими, а после 1618 г. составляли, по мнению А.М. Лазаревского Чолховскую волость [3, с. 493]. Однако можно предположить, что они были переподчинены Гомелю еще в 1618–1654 гг., и тогда вероятно граница между Речицким и Стародубским поветами проходила на указанном участке по р. Трубеж. Следовательно, претензии Дениса Мурашки на указанные села были вполне обоснованы. В то же время и администрация Стародуба считала их своими. Вероятно, она не освободила эти населенные пункты, как того предписывали Переяславские статьи 1659 г, а утратила контроль над ними только в результате походов Дениса Мурашки. Причем произошло это еще до 1663 г., когда взамен утраченных земель в с. Тростань упоминаемый ранее казак Афанасий Зенченко получил от стародубского полковника слободку Людковщину [3, с. 476].

В мае 1666 г. Иван Брюховецкий направил под Гомель войско во главе с черниговским полковником Демьяном Многогрешным. Последний взял город в осаду, и оставив руководить ей стародубского и нежинского полковников, сам подступил к Кричеву. Однако царь Алексей Михайлович уже твердо решил заключить мир с РП и такое поведение украинских казаков в его планы не входило. Уже в июне они получили приказ вернуться на свою территорию [7, с. 125]. Заключенное в январе 1667 г. Андрусовское перемирие закрепляло Стародубский повет за Российским государством, Гомель же оставался в составе РП. Исключение каким-то образом составило, вероятно, только с. Лотаки, которое в 1684 г. гетман Иван Самойлович называет в числе литовских сел [3, с. 46].

Утрата территорий на левом (восточном) берегу р. Сож не устроила казачество, и была одной из причин антимосковского восстания на Северщине в 1668 г., которое

в конечном счете привело к падению гетмана Ивана Брюховецкого. Выбранный на его место Демьян Многогрешный смог расширить права украинской автономии, но вопрос о посажских селах решен не был. К 1671 г. казацкие войска заняли территорию Речицкого и Мозырского поветов, а также Мстиславского воеводства по р. Сож. Объясняя свой поступок, гетман писал царю, что установление рубежа по реке необходимо в целях обороны от возможного нападения РП, а также указывал, будто жители Гомеля сами просили принять их под руку московского правителя [8, с. 671]. Однако уже в начале 1672 г. Демьян Многогрешный был лишен должности, а захват земель в Посожье был представлен как измена. Казацкие войска были выведены с оккупированной территории. При этом Стародубский полк все же сумел получить некоторые выгоды. В Реестре Речицкого повета 1690 г. в отношении сел Щербиничи, Фоевичи, Чолхово и Семеновщина указано, что они находятся «под казацким заездом с 1671 г.» [9, л. 6–12]. Вероятно, тогда же к Стародубскому полку были присоединены и другие села, занятые Денисом Мурашкой, которые казаки считали частью Топальской сотни. Таким образом, был окончательно ликвидирован «восточный выступ» Гомельского староства известный еще с 1560 г.

Последнюю попытку овладеть посажскими селами предпринял уже новый украинский гетман Иван Самойлович. В 1683 г. в преддверии переговоров о заключении мирного договора между Россией и РП казаки заняли часть Речицкого повета включая села Гомельской волости по р. Сож, а также часть Чечерского староства. Об этом Иван Самойлович сообщал царям в январе 1684 г. При этом он указывал на давнюю принадлежность этих сел Стародубскому и Черниговскому полкам [10, с. 14–19]. Затем в том же 1684 г., уже с ведома Москвы, гетманские отряды «заехали» села «по самой Сож реку» от Гомеля до Рославля [2, с. 75]. Занятая территория была включена в состав Стародубского полка. Однако с заключением «Вечного мира» в 1686 г. казакам предписывалось освободить все земли в ВКЛ. Из перечисляемых Иваном Самойловичем в январе 1684 г. сел, Стародубский полк сохранил контроль лишь над с. Лотаки, находящимся к северу от Поповой Горы.

Отвод казацких войск спровоцировал, вероятно, первый массовый выход белорусских крестьян в Стародубщину. Материалы розыскного дела, проведенного в Стародубском полку в 1722 г. показывают масштаб произошедшего. Так, в с. Рябцево Полковой сотни из 25 дворов 14 принадлежало потомкам выходцев из Литвы. Интересно, что появились они в Рябцево видимо около 1680–1690 гг. и местами своего исхода называют посажские села такие как, например Железняки и Журавичи [11, л. 58–59]. В целом же население Стародубщины с 1666 г. до 1721 г. выросло более чем в три раза [12, с. 214]. Во многом это произошло именно в результате притока белорусского населения.

Гомельское староство же наоборот теряло своих жителей. Это становится видно из редко привлекаемого в историографии Инвентаря 1717 г. Согласно ему, сам гомельский замок хоть и ремонтировался, но уже потерял свое значение пограничной крепости: «Будынак новый. Изба в ней покоев два, напротив изба другая в ней покоев нижних два с одной печью. Там же в боку в тых же избах коморы для распоряджения господарства с печами и пекарнями. В тым будынку каминов, мурованных три. В тым же будынку галерея з балясами, а до будынку вход через ганок ненакрытый. Брама новозатеяная одна. ... Избы напротив две. ... Изба на верхнюю браму покоев килька непоконченных и ненакрытых. В браме ворота едны з фурткой на бегунах. Замок сам огороджаны палами дубовыми потребуе репараций. Стайня новая з воротами. Будынак стары кухонный. Изба з каморой. Напротив, пекарня з каморой. Стайня старая с воротами. Свирнов три старых для ссыпанья збожжа. Ледовня новая при ней же свирен над пивницею новозачатый. Пекарен господарских две. Свирнов малых два для зложення ржи господарской. Бровар стары з сто-

довней для роблення пива. Церковь святого Миколая» [13, л. 503]. В городе было по-прежнему четыре улицы, на которых числилось всего 54 дыма, а 66 «пляцев» оставались пустыми [13, л. 504–505]. Староство кроме самого Гомеля включало в себя еще 23 населенных пункта, из которых 8 были пустыми, а оставшиеся 15 насчитывали только 172 дыма [13, л. 504–512].

В то же время существовал и обратный процесс, хотя и не такой значительный. Так, например в 1726 г. атаман Поповогорского куреня Новоместкой сотни Стародубского полка сообщал, что Андрей Сердюк владел грунтом в д. Версличи и «козаковал с этого грунту немало, а потом оставил той свой козацкий грунт и пошел со всей своей семьей за границу» [14, л. 3].

Рубеж между РП и Россией, установленный «Вечным миром» 1686 г. с небольшими изменениями сохраняется и сегодня. Он представляет собой участок бело-русско-российской границы разделяющий Гомельскую и Брянскую области. Кроме того, можно считать, что с 1686 г. прекратил свое существование и гомельско-стародубский трансграничный регион. Составлявшие его части продолжили свое дальнейшее развитие различными путями. Это, однако, не прекратило взаимоотношения между их населением.

Источники и литература

1. Темушев, В. Н. Русско-литовское пограничье: Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI века / В. Н. Темушев. – М. : Центрполиграф, 2018. – 256 с.
2. Летопись самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и о междоусобиях, бывших в Малой России по его смерти: доведена продолжателями до 1734 года. – М. : Императ. о-во истории и древностей рос., 1846. – III, 152, – VI с.
3. Лазаревский, А. М. Описание старой Малороссии: материалы для истории заселения, землевладения и управления : [в 3 т.] / А. М. Лазаревский. – Изд. 2-е. – Белые берега : Десяточка : Белобережье, 2008. – Т. 1: Полк Стародубский. – 559 с.
4. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией : в 15 т. (АЮЗР). – СПб. : Тип. П. А. Кулиша, 1863–1892. – Т. 3: 1638–1657 / ред. Н. И. Костомаров. – 1861. – Разд. паг.
5. АЮЗР. – Т. 5: 1659–1665 / ред. Н. И. Костомаров. – СПб. : Тип. П. А. Кулиша, 1867. – Разд. паг.
6. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 124. Оп. 1. Д. 73.
7. АЮЗР. – Т. 6: 1665–1668 / ред. Н. И. Костомаров. – СПб. : Тип. П. А. Кулиша, 1869. – Разд. паг.
8. АЮЗР. – Т. 9. – СПб. : Тип. М. Эттингера, 1877. – Разд. паг.
9. Archiwum Głowne Akt Dawnych w Warszawie. – F. 362. Spr. 90.
10. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией : в 12 т. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1846–1875. – Т. 11 / под. ред. А. Тимофеева. – 1869. – VIII, 312 с.
11. Центральний державний історичний архів України у м. Київ (ЦДІАК). – Ф. 51. Оп. 3. Д. 800.
12. Хроленок, Е. В. Стародубский полк: люди и власть : Эволюция сословной структуры в XVII–XVIII вв. / Е.В. Хроленок. – М. : Квадрига, 2022. – 270 с.
13. Lietuvos valstybės istorijos archyvas. – F 8(SA). – Ap. 1. – В. 69.
14. ЦДІАК. – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 1960.

А. А. Дзятчэня
Гродзенскі дзяржаўны
універсітэт імя Янкі Купалы

**НАРМАТЫЎНАЕ ЗАБЕСПЯЧЭННЕ РАЗВІЦЦЯ
ТРАНСПАРТНЫХ КАМУНІКАЦЫЙ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯЎ
ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ё ДРУГОЙ ПАЛОВЕ ХVІІІ СТАГОДДЗЯ
(ПА МАТЭРЫЯЛАХ СЕЙМАВЫХ ПАСТАНОВАЎ РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ)**

У артыкуле разглядаюцца асноўныя падыходы дзяржаўнай улады да развіцця транспартных камунікацый на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага ў другой палове ХVІІІ ст. На прыкладзе сеймавых пастановаў вызначаюцца накірункі ўладкавання сухапутных і водных шляхоў зносін, характэрныя ў тым ліку і для беларускіх земляў ВКЛ. Аналізуецца месца транспартных камунікацый і аб'ектаў транспартнай інфраструктуры ў дзяржаўнай палітыцы па развіццю гандлю.

Другая палова ХVІІІ ст. для беларускіх зямель у складзе ВКЛ стала пачаткам глыбокіх ператварэнняў практычна ва ўсіх галінах сацыяльна-эканамічнага развіцця [1, с. 114]. У айчыннай гістарыяграфіі ў апошнія гады ўмацоўваецца тэзіс, што да гэтага часу ў ВКЛ завяршыўся перыяд так званага «разбуральнага стагоддзя», выкліканага войнамі сярэдзіны ХVІІ – пачатку ХVІІІ ст., і склаліся ўмовы для правядзення эканамічных рэформ. Яны мелі месца ва ўсіх відах уладанняў: у каралеўскіх сталовых эканоміях, стараствах, дзяржавах, у прыватных і царкоўных уладаннях [2, с. 503].

Аднаўленне эканомікі суправаджалася пашырэннем гандлёвых адносін як унутры краіны, так і за яе межамі. Гэта ў сваю чаргу патрабавала якасных транспартных камунікацый (сухапутных і водных). Інтэнсіўнае развіццё як знешняга, так і ўнутранага гандлю выклікала памкненні ўлад да паляпшэння шляхоў зносін.

Вывучаемы перыяд стаў пераходным перыядам ад бясспрэчнага панавання традыцыі да пэўнай мадэрнізацыі грамадства. Пасля канвакацыйнага сейма Рэчы Паспалітай 1764 г. дзяржаўнае кіраўніцтва пачынае рэалізацыю шэрагу мерапрыемстваў па ўпарадкаванню сацыяльна-эканамічнага жыцця краіны [1, с. 115]. Рашэнні аб правядзенні розных мерапрыемстваў гатага характару прымаліся на сеймах РП. Для ВКЛ прымаліся асобныя пастановы. Важнай крыніцай для вывучэння сеймавых пастановаў з'яўляецца *Volumina Legum*.

Volumina Legum – збор законаў, сеймавых пастановаў, прывілеяў і іншых заканадаўчых актаў, якія дзейнічалі на тэрыторыі Польшчы, Беларусі, Літвы і правабярэжнай Украіны да 1793–1795 [3]. Аналіз прыведзеных у 7-м, 8-м і 9-м тамах дакументаў дазваляе дастаткова падрабязна вызначыць асноўныя пазіцыі і падыходы дзяржаўнай улады да развіцця транспартных камунікацый на беларускіх землях Вялікага Княства Літоўскага ў другой палове ХVІІІ ст.

Так, жадаючы «прывесці літоўскі скарб назаўсёды ў поўны парадак і павялічыць яго даходы», на канвакацыйным сейме 1764 г. прымаецца пастанова аб стварэнні новага органа – Эканамічнай рады Літоўскага скарбу ці Скарбавай камісіі ВКЛ [4, s. 76]. Сфера кампетэнцый Скарбавай камісіі ВКЛ была дастаткова шырокай: контроль за фінансамі, размеркаванне і збор падаткаў, ажыццяўленне судовых функцый па фінансавым справам, прызначэнне і звальненне дзяржаўных служачых (афіцыялістаў), кантроль за гандлем і ў цэлым за эканамічным становішчам у краіне [5, с. 114].

У межах вывучаемага пытання найбольшы інтарэс выклікае менавіта кантроль за гандлем, які быў немагчымы без дакладнага вызначэння стану існуючых транспартных камунікацый і іх інфраструктуры. Ужо ў пастанове «Скарбавая камісія ВКЛ» [4, s. 73],

якая з'яўлялася свайго роду інструкцыяй для новаўтворанага органа, гаварылася пра неабходнасць направіць рэвізораў па ваеводствах і паветах для апісання усіх трактаў, мастоў, грэбляў¹, партовых рэк, памераў маставога², грэбельнага³, каб «імі хадзілі людзі, якія займаліся гандлем» [4, s. 73]. Дадзенае рашэнне яскрава адлюстроўвае накірунак дзяржаўнай улады на упарадкаванне ўнутранага і знешняга гандлю, пошук новых магчымасцяў для яго развіцця і павелічэння грашовых паступленняў у скарб.

Дзеля дасягнення гэтых мэтаў былі зроблены крокі і па ўпарадкаванню мытнай справы. Згодна з пастановай канвакацыйнага сейма 1764 г., у Рэчы Паспалітай ліквідаваліся ўсе прыватныя мытныя пункты і пошліны, і ўводзілася так званая генеральная пошліна [4, s. 78; 1, с. 118]. Згодна з ей, усе, «пачынаючы ад караля да апошняга жыхара і гандляра», павінны былі плаціць вызначаныя сумы як на вадзе, так і на сушы без уліку якіх-небудзь агульных вызваленняў, сервітутаў і пратэкцый [4, s. 78]. Ад выплаты генеральнай пошліны вызваліліся толькі шляхецкія тавары, якія перавозіліся з аднаго ўладання ў другое, ці на таргі, а таксама тавары, якія ўвозіліся з-за мяжы для асабістых патрэб [1, с. 118].

Дадзеная пастанова таксама ўсталёўвала дастаткова падрабязныя правілы спагнання маставога і грэбельнага. Першапачаткова, з-за вялікага кошту мастоў і грэбляў ва ўладаннях некаторых дзедзічаў і пасэсараў, як і ў пастановах 1726 г. і 1736 г., прапанавалася ад людзей кожнага стану і купцоў за «найбольш каштоўныя масты і грэблі» збіраць у якасці платы не больш чым 3 польскіх грошы ад каня ці вала. За «меньш каштоўныя» – па 2 ці 1 польск. грошу. Пры гэтым Скарбавая камісія ВКЛ загадала правесці рэвізію ўсіх гандлёвых шляхоў і стварыць уніфікаваны тарыф на праезд па мастах і грэблях для ўсёй тэрыторыі княства. Планавалася, што дадзенымі тарыфамі і камунікацыямі купцы будуць карыстацца і плаціць на пастаяннай аснове [4, s. 79]. Між тым пастанова строга забараняла злоўжываць паўнамоцтвамі: адмяняць, рабіць прыпіскі да тарыфу ці зварочваць купцоў з тракту. За права спагнання маставога і грэбельнага ўладальнікі павінны былі падтрымліваць дадзеныя камунікацыі ў добрым стане. За парушэнне спаганяўся штраф у памеры 500 коп Літоўскіх грошаў [4, s. 79].

За становішчам некаторых аб'ектаў транспартнай інфраструктуры дзяржаўныя ўлады сачылі асабіста. Аб гэтым сведчыць прыклад Цярэспальскіх⁴ маста і грэбляў на партовай рацэ Буг у Брэсцкім ваеводстве. У сеймавай пастанове адзначалася, што дадзеныя аб'екты пабудаваны за немалыя грошы, таму за карыстанне згаданымі камунікацыямі кожны, без выключэння, павінен плаціць ад каня ці вала па 3 польск. грошы, а ад пешага чалавека па 1 польск. грошу [4, s. 79].

Ужо ў 1766 г. генеральная пошліна унутры Рэчы Паспалітай скасоўвалася, як перашкода для пашырэння «краёвага гандлю» [3, s. 192]. Планавалася, што дадзены крок дапаможа гандлюючым і з Кароны да Літвы, і з Літвы да Кароны, і тым «хто ідзе ці плыве праз Літву» [4, s. 192]. З гэтай жа нагоды ў 1768 г. прымаецца сеймавая пастанова аб асвабоджэнні расійскіх купцоў ад уплаты розных пошлін [4, s. 285–286]. Але нягледзячы на гэта, усе па-ранейшаму павінны былі плаціць за перасячэнне мастоў, перапраў і перавозаў, як і мясцовыя гандляры з мэтаю падтрымання ў добрым стане дадзеных аб'ектаў транспартнай інфраструктуры [4, s. 285–286].

Але часам падтрыманне добрага стану мастоў, грэбляў і перапраў была дастаткова цяжкім мерапрыемствам для ўладальнікаў. У пастанове «Аб падвышэнні цаны маставога і грэбельнага» адзначалася, што ўсталяваныя тарыфы выклікалі скаргі многіх грамадзян,

¹ Грэблі – земляныя насыпы, прызначаныя для пракладкі палатна дарогі праз нізкія багністыя ўчасткі ці балоты [6, с. 127].

² Маставое – плата за перамяшчэнне цераз масты.

³ Грэбельнае – плата за перамяшчэнне цераз грэблі.

⁴ У нашы дні – тэрыторыя Рэспублікі Польшча.

якія не змаглі дзеля выгоды насельніцтва ўтрымліваць вялікія пераправы такім малым коштам маставага. Таму Скарбавай камісіі ВКЛ прапанавалася на мастах і грэблях даўжынёй больш за паўтары сотні локцяў⁵ (г. зн. больш за 97, 44 м) цану змяніць, не вышэй аднак чым у 2 разы. Асабліва дадзеная мера была накіравана на тых, хто перавозіў цяжкія грузы [4, s. 313]. За праезд цераз масты на рэках, якія часцей пашкоджаліся лёдам, таксама дазвалялася ўсталяваць большую плату [4, s. 314].

Гэтыя пастановы відавочна адлюстроўваюць вектар дзяржаўнай улады на пашырэнне эканамічных сувязяў і падтрыманне транспартных камунікацый у задавальняльным стане, улічваючы пры гэтым інтарэсы тых, хто іх абслугоўваў.

На гэтым жа сейме 1768 г. была прынята пастанова аб рамонце дарог, мастоў і ачышчэнні рэк. Не толькі для агульнай выгады, але і для карысці краю прапанавалася ўладкаваць «злыя тракты» і «непрыемныя дарогі». Дадзеныя мерапрыемствы павінны былі праводзіцца на прыкладзе іншых краін. Напрыклад, дзеля гэтых мэтай Камісія Скарбавая Каронная магла выплачваць штогод двойчы па сто тысяч польскіх злотых [4, s. 303].

Відавочна, што накірунак на ўладкаванне транспартных камунікацый быў важным для ўсёй краіны, і вышэйзгаданыя мерапрыемствы распаўсюджваліся у тым ліку на беларускія землі. Яскравы прыклад – пастанова за назвай «Вялікі Пінскі канал, або порт Агінскага», якая была прынята на сейме 1768 г. У дадзенай пастанове адзначаецца вялікая роля ваеводы Віленскага Міхала Казіміра Агінскага ў стварэнні вялікага Пінскага канала, які злучыў рэкі Ясельда і Шчара, і тым самым прадпрыняў шмат для «грамадскага добра». За гэта нават планавалася ўсталяваць яму помнік за кошт дзяржаўнага скарбу [4, s. 393].

Дастаткова падрабязна ў дакуменце апісаны і далейшыя крокі, вызначаныя для абслугоўвання і больш эфектыўнага выкарыстання канала. Напрыклад, у спадчыну Агінскаму і яго нашчадкаў былі перададзены вёска Мышкаўцы і мястэчка Лагішын Пінскай эканоміі [4, s. 393]. З кожнага вясла ці спіцы лодак і караблёў, праплываючых па канале, узымалася па 8 польскіх злотых. Пад пагрозай штрафу ў 3000 коп Літоўскіх грошаў катэгарычна забаранялася капаць канавы, каб у канал не паступала брудная балотная вада [8]. Таксама дадзены дакумент выразна рэкамендаваў Скарбавай Камісіі ВКЛ ліквідаваць усялякія перашкоды для навігацыі па канале і загадаць спадкаемцу Агінскага падтрымліваць у добрым стане дадзеную «найбольш выгадную водную артэрыю» пад пагрозай страты вышэй нададзеных прэферэнцый [4, s. 393].

У 1775 г. адбыліся пэўныя змены ў дзяржаўнай вертыкалі Рэчы Паспалітай: быў створаны новы кантралюючы орган – Пастаянная Рада [9, s. 66]. Дадзены орган падзяляўся на 5 дэпартаментай: Інтарэсаў чужаземскіх, Паліцыі ці добрапарадку, Вайсковы, Справядлівасці, Скарбавы [9, s. 70]. Згодна з пастановай, Скарбавы дэпартамент павінен быў разглядаць, заканадаўча ўпарадкоўваць і ацэньваць мемарыялы і праекты, адабраныя Скарбавымі камісіямі, і накіраваныя на развіццё гандлю, павелічэнне даходаў, стварэнне рамёстваў, ачышчэнне рэк, будаўніцтва каналаў, партоў, мастоў, дарог, будынкаў і паляпшэнне другіх грамадскіх спраў [9, s. 77].

На гэтым жа сейме быў зацверджаны спіс справаў, якія павінны былі разглядацца Скарбавымі камісіямі. На першым месцы дадзенага спіса – справы аб «дэпактацыі» (г. зн. абманах) купцоў, зварочванні імі з трактаў і кантрабандзе. Асобны пункт быў выдзелены і адносна праблемы злоўжывання службовымі паўнамоцтвамі афіцыялістамі на мастах, перавозах, грэблях і «супраціўленню» купцоў плаціць усталяваныя тарыфы на трактах [9, s. 78]. Таксама ў 1775 г. сеймавай пастановай была прадпрынята спроба ўрэгулявання спадчынага валодання некаторымі перавозамі і мастамі на землях ВКЛ. У дакуменце канстатавалася, што з-за магчымасці перадачы дадзеных аб'ектаў пад залог трэцім асобам наносілася шкода непасрэдна ўласнікам земляў. Таму заканадаўча прапанавалася скасаваць дадзены недахоп і адмяніць прывілеі на валоданне мастамі, перавозамі і пераправамі, дзе гэта перашкаджала правам спадчынных уладальнікаў [9, s. 404].

⁵ Локаць – мера даўжыні роўная 64,96 см [7, с. 77].

Значная ўвага, па-ранейшаму, надавалася і пытанню арганізацыі водных шляхоў зносін. Наступная пастанова канстатавала, што сплаў па рэках Жыжма і Гаўя складаны з-за плацін і розных перашкодаў, створаных пасэсарамі берагоў, а гэта ў сваю чаргу шкода для скарбу. Па гэтай прычыне Скарбавай камісіі ВКЛ прапанавалася ліквідаваць дадзеныя недахопы. Тое ж датычылася і іншых рэк, якія «маглі быць сплаўнымі» [9, s. 404]. Выконваць дадзеныя мерапрыемствы трэба было як можна больш эканомна, што занатавала пастанова аб утварэнні сплаву паміж рэкамі Піна і Мухавец [9, s. 405].

У наступны раз справа ўпарадкавання транспартных камунікацый на землях ВКЛ разглядалася на дзяржаўным узроўні ў межах працы чатырохгадовага сейма (1788–1792 гг.). Згодна з пастановай ад 19 лістапада 1789 г., у паветах і ваеводствах ВКЛ прапанавалася стварыць «камісіі парадковыя», якія павінны былі выконваць шэраг арганізацыйных функцый у розных сферах, кіруючыся канкрэтнымі інструкцыямі [10, s. 136]. Крокі па ўпарадкаванню эканамічнага жыцця на мясцовым узроўні вызначаліся ў інструкцыі «Аб матэрыі эканамічнай ваеводскай» [10, s. 140].

З дакумента вынікае, што з мэтай паляпшэння гандлю, эфектыўнай арганізацыі гаспадаркі ваеводскія камісіі павінны былі актыўна сачыць за станам транспартных камунікацый як водных, так і наземных. Калі перамяшчэнне тавараў па сплаўных рэках было ускладнена з-за розных перашкодаў, ці патрабавалася ачышчэнне альбо выпраўленне некаторых рэк, дадзеныя камісіі абавязваліся паведаміць пра гэта ў Скарбавую камісію. Яна ў сваю чаргу рыхтавала і выносіла праект па рэалізацыі згаданых мерапрыемстваў для зацвярджэння на сейме [10, s. 140].

Таксама дадзеная пастанова з'яўлялася свайго роду спробай правесці новую рэвізію сухапутных шляхоў. Згодна з ёй, мясцовыя камісіі павінны былі «злюстраваць найбольш важныя тракты ваеводства ці павета, якія ішлі да сталічных краёў ці да сплаўных портаў», і дакладнае апісанне адправіць Скарбавай камісіі. Скарбавая камісія, абапіраючыся на дадзеныя вопісы, павінна была ўпарадкаваць «тракты купецкія», асабліва на памежжы, каб купцы мелі менш магчымасцяў для «шкоды скарбу». Там жа вызначаліся памеры маставога і грэбельнага за ўзыманнем якога наказвалася сачыць мясцовым камісіям, і яны ж сачылі за тым, каб купцоў з дарог гвалтам не вярталі. Злачынцам прадпісвалася грашовае пакаранне ў 500 коп Літоўскіх грошаў. Атрыманыя грошы ішлі на рамонт дарог [10, s. 140].

Увогуле, дзяржаўныя ўлады, як і ў папярэдні час, дастаткова сур'ёзна ставіліся да ўзымання розных транспартных платаў. Аб гэтым сведчыць сеймавая пастанова ад 27 кастрычніка 1790 г., якая заканадаўча дазваляла не плаціць на перавозах, а таксама маставое і грэбельнае тым, хто перавозіў збожжа [10, s. 187].

Згодна з пастановай ад 24 жніўня 1791 г. прапанавалася стварыць «Камісію паліцыі абодвух народаў» [10, s. 277]. Дзеля выгады цэлага края дадзеная камісія павінна была супрацоўнічаць з Скарбавай камісіяй і ажыццяўляць догляд за тым, што з'яўляецца агульнай маёмасцю, служачай для зручнасці гандлю ўсіх грамадзян: грамадскімі трактамі, рэкамі, сплавамі, берагамі, каналамі [10, s. 281].

29 кастрычніка 1791 г. была прынята сеймавая пастанова аб стварэнні «Скарбавай камісіі абодвух народаў» [10, s. 319]. Адною з галоўных задач дадзенага органа стала стварэнне вялікіх транзітных магчымасцяў ў краіне. У межах вырашэння дадзенай задачы прапаноўваліся наступныя крокі: 1. Адмена збораў з караблёў, тавараў і прадуктаў, якія паступалі па вадзе (між тым за камісіяй захоўвалася права прызначэння платы за масты, грэблі, перавозы); 2. Забарона на прымушэнне падарожнікаў, асабліва гандляроў, ехаць вызначанымі маршрутамі з мэтай атрымання найбольшай выгады праз спаганне розных платаў (акрамя месцаў на дзяржаўнай мяжы, адведзеных для ўезду і выезду з краіны); 3. У справе ачышчэння рэк, стварэння каналаў і дарог Скарбавай камісіі прадпісвалася супрацоўнічаць з Камісіяй паліцыі [10, s. 321].

Апошні раз, у межах працы чатырохгадовага сейма, адносна згаданых транспартных камунікацый была прынята пастанова 21 красавіка 1792 г. Дадзены дакумент адлюстроўваў крокі, якія прапаноўвалася прадпрыняць дзеля абароны краіны. Разам з іншымі мерапрыемствамі ў ім адзначалася неабходнасць падрыхтоўкі пераправаў, мастоў, грэбляў [10, s. 423].

Такім чынам, аналіз сеймавых пастановаў другой паловы XVIII ст. паказвае, што транспартныя камунікацыі і аб'екты транспартнай інфраструктуры на беларускіх землях ВКЛ ўспрымаліся дзяржаўнай уладай як важны і эфектыўны інструмент для развіцця знешняга і ўнутранага гандлю. З гэтай прычыны, на працягу з 1764 г. па 1792 г. на самым высокім узроўні, з пэўнай рэгулярнасцю, прымаліся заканадаўчыя акты, накіраваныя, перш за ўсё, на падтрыманне і паляпшэнне стану шляхоў зносін з мэтай далейшага пашырэння таварна-грашовага абарачэння ў краіне.

Крыніцы і літаратура

1. Китурко, И. Ф. Деятельность Скарбовой Комиссии Великого Княжества Литовского по созданию таможенной службы как пример модернизации государственной системы управления во второй половине XVIII в. / И. Ф. Китурко // Lietuvos Didžioji Kunigaikštyste: tarp tradiciju ir naujoviu : XVIII amžiaus studijos. – Vilnius, 2014. – С. 114–127.

2. История белорусской государственности : в 5 т. / А. А. Коваленя [и др.]; отв. ред. тома: О. Н. Левко, В. Ф. Голубев; Нац.акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларуская навука, 2018. – Т. 1: Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. – С. 503–526.

3. Volumina Legum [электронный ресурс] // Онлайн библиотека Царское Село. – Режим доступа: <https://book-olds.ru/BookLibrary/52000-Polskoe-Korolevstvo/1859-1889.-Volumina-Legum-svod-zakonov-seymovyih-postanovleniy-privilegiy-na-territorii-Polshi-Belarusi-Litvyi-i-pravoberezhnoy-Ukrainyi-s-1347-do-1793%E2%80%94941795.-na-polsk.-yaz.html>. – Дата доступа: 01.02.2024.

4. Volumina legum: przed. zbioru praw staraniem XX. Pjarow w Warszawie od roku 1732 do roku 1782 wydane. Petersburg: Nakladem i drukiem Jozafata Ohryzki., 1860. – Т. 7. – 415 s.

5. Китурка, И. Ф. Архіў Скарбовай Камісіі ВКЛ як асноўны збор крыніц па вывучэнню мытнай справы ў ВКЛ у другой палове XVIII ст. / И. Ф. Китурка // Романовские чтения – 10, посвящённые 80-летию со дня основания исторического факультета: сб. ст. Международной науч. конференции / под общ. ред И. В. Шардыко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – С. 114–116.

6. Карпенка, Дз. Сушапутныя шляхі зносін на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага (Мсціслаўскі, Пінскі і Мазырскі паветы) / Дз. Карпенка // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2014. – № 29. – С. 122–128.

7. Довнар, А. Б. Состояние транспортных коммуникаций в Великом княжестве Литовском на белорусско-российском пограничье второй половины XVI–XVIII вв. / А. Б. Довнар // Очерки антропологии дороги: коммуникации русско-белорусского пограничья в XV–XVIII вв. / М. Ю. Колпаков [и др.]. – Псков : Логос, 2022. – С. 77–103.

8. Raczynski, E. Hr. Raczynski Medale z panowania Stanisława Augusta [электронный ресурс] / E. Hr. Raczynski // Gabinet medalow Polskich. – Режим доступа: <https://gabinetmedalow.m4n.pl/data.php?medal=533>. – Дата доступа: 07.02.2024.

9. Volumina legum: przed. zbioru praw staraniem XX. Pjarow w Warszawie od roku 1732 do roku 1782 wydane. Petersburg: Nakladem i drukiem Jozafata Ohryzki., 1860. – Т. 8. – 625 s.

10. Volumina legum: wydawnictwo komisji prawniczej akademii umijetnosci w Krakowie (z funduszu s p. ks. Adama Jakubowskiego). Krakow: Nakladem Akademii Umijetnosci., 1889. – Т.9. – 506 s.

В. С. Пазднякоў
Беларускі навукова-даследчы інстытут
дакументазнаўства і архіўнай справы

АРМЯНЕ Ў ВЯЛІКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОЎСКІМ

У атрыкуле зробена спроба сабраць і прааналізаваць апублікаваныя звесткі пра армянаў на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага ў XIV–XVII стст., вызначыць іх месца ў грамадскім жыцці дзяржавы. Наяўныя дадзеныя сведчаць пра існаванне сталых армянскіх супольнасцей (калоній) у Кіеве, Луцку, Уладзіміры, Крэменцы. У сталіцы дзяржавы – Вільні – армянская калонія са сваёй царквой і школай не склалася, але там пражывалі армянскія рамеснікі і гандляры. Праз тэрыторыю Беларусі пралягалі маршруты армянскіх купцоў.

Адной з цікавых этнічных груп у Вялікім Княстве Літоўскім (і Беларусі таго часу) былі армяне. Група гэта не была шматлікай, але займала прыкметнае і даволі высокае месца ў сацыяльнай стратыграфіі тагачаснага грамадства. Армяне сяліліся ў ВКЛ у асноўным абшчынамі (так званымі калоніямі) у гарадах і мястэчках. Прычыны перасялення армян у межы ВКЛ – барацьба армянскіх купцоў за рынкі, рэлігійныя ганенні на армян у Арменіі пад уладай Асманскай імперыі, войны за Закаўказзе паміж Асманскай імперыяй і Іранам. Міграцыя армян у ВКЛ ішла непасрэдна з Арменіі і з прамежкавых пляцовак – Крыма і Малдовы.

Паводле падлікаў Я. Дашкевіча, на Правабярэжнай Украіне да канца XVIII ст. існавала каля 60 армянскіх калоній. Некаторыя з іх знаходзіліся ў межах ВКЛ, праўда, адносна невялікі прамежак часу, за выключэннем армянскай калоніі ў Кіеве. Сярод іншых гарадоў ВКЛ, дзе фіксуецца армяне, можна назваць Луцк, Уладзімір, Крэменец.

Асобае месца сярод армянскіх калоній на землях ВКЛ займае кіеўская. Яна самая старажытная з іх. Упершыню армяне ў Кіеве ўпамінаюцца ў «Кіева-Пячэрскім пацерыку» ў адносінах да рэалій канца XI–пачатку XII ст. У XV ст. яны ўмацавалі сваё становішча ў горадзе. Вялікі князь літоўскі і кароль польскі Казімір IV выдаў кіеўскім армянам прывілей. Аўтэнтычны экзэмпляр дакумента і нават яго тэкст не захаваліся, але звесткі з прывілея пераказаў Яўген Балхавіцінаў [1, с. 106]. Згодна з дакументамі, якія захоўваліся ў Кіеўскім касцёле, Казімір дазволіў армянам пабудаваць Успенскую царкву на кіеўскім Падоле, на Гнілой вуліцы, дзе пазней стаяла Пакроўская званіца. Вялікі князь літоўскі і кароль польскі Аляксандр выдаў фундушы армянскай царкве Кіева ў 1496 і 1499 гг., Жыгімонт I Стары – у 1511, 1513 і 1535 гг., таксама выдаў прывілей і Стафан Баторый. Кіеўская армянская царква не захавалася да нашага часу, але даследавана археолагамі. Яе рэшткі раскапаны на Падоле, каля праваслаўнай Пакроўскай царквы XVIII ст. Г. Івакін лічыў, што царква Раства Багародзіцы пабудавана армянскай грамадой у XIV–пачатку XV ст. Яна была каменнай, распіснай фрэскамі, з падлогай з паліваных плітак [2, с. 146–152]. Храм пацярпеў у час нападу на Кіеў арды крымскага хана Менглі-Гірэя ў 1482 г. На яго месцы пазней была пабудавана драўляная царква Раства Багародзіцы, якая ў 1622 г. была падпарадкавана армянскай царкве Узнясення Багародзіцы ў Львове [3, с. 73–75, № 48]. Гэта царква згарэла 16–17 ліпеня 1651 г. У XVI ст. з’явіліся даволі шматлікія армянскія графіта на мурах Кіеўскага Сафійскага сабора [4; 5, с. 213–214, 226–227]. Сярод іх аўтараў – святары, купцы, вайскоўцы. Мяркуюцца, што пасля зруйнавання каменнай армянскай царквы армянам было дазволена правіць службы ў адным з памяшканняў Сафіі (у прыдзеле Антонія і Феадосія – усыпальніцы Уладзіміра Манамаха). Датаваныя графіта паказваюць, што гэта армянская святыня функцыянавала адносна невялікі прамежак часу – з пачатку XVI ст. да пачатку XVII ст. Захаваліся сведчанні пра існаванне армянскага Кіеўскага епіскапства за 1371–1378 гг. [6, с. 211]. Пасля ў Кіеве адзначаецца армянская парафія (з 1384 г.), якая існавала да

1660 г. Згодна з лічбамі, сабранымі Я.Дашкевічам, у 1552 г. у Кіеве было не менш 22 армянскіх двароў (не менш 176 чалавек), а ў першай чвэрці XVII ст. – каля дзесяці армянскіх двароў (паводле іншых звестак, у 1618 г. у горадзе налічвалася толькі 4 армянскія сям’і). Згодна з указам цара Аляксея Міхайлавіча, армяне былі выселены з Кіева [6, с. 211–212, 230].

У 1512 г. кіеўскі армянін «Норудим» атрымаў ад велікакняжацкага скарбу 10 коп грошаў [7, р. 459, № 618], а ў 1530-х гг. кіеўскі армянін, татарскі перакладчык Васіль Салтанавіч – 3 капы грошаў і лунскае сукно [8, р. 208, № 161.1].

Армянская парафія ў Луцку згадваецца ў кандаках каталікосаў Мясропа I, Канстанціна IV, Тэадораса II 1364, 1375, 1384 і 1390 гг. [6, 212]. Аўтар XVII ст. Сімяон Лехацы адзначаў: «Раней у Луцку было 300 дамоў армян, яны мелі сёлы, маёнткі і шмат вакуфаў, там знаходзіўся раней прастол. Цяпер засталіся дзве армянскія сям’і, але каменная царква і сяло яшчэ існуюць» [9, с. 249]. Існаванне армянскага Луцкага епіскапства не знаходзіць пацвярджэння ў аўтэнтычных крыніцах, хіба што Ян Длугаш упамінае армянскага епіскапа ў Луцку ў 1429 г. [10, с. 262]. Армянскія жыхары Луцка згадваюцца ў гарадскіх кнігах пад 1406 г., але на працягу XV ст. луцкія армяне перасяліліся ў Львоў. У 1618 і 1678 гг. у Луцку адзначаны толькі дзве армянскія сям’і, у 1700 г. – 11 сем’яў [6, с. 231]. З пазнейшага дакумента вядома, што вялікі князь Свідрыгайла надаў армянскай царкве св. Стафана ў Луцку маёнтак Цапароў. У першай палове XVI ст. у Луцку разгарэўся канфлікт паміж армянскім папам Вартыкам і луцкім каталіцкім біскупам Юрыем Фальчэўскім (1536?–1547). Як аказалася, біскуп паведаміў вялікаму князю літоўскаму і каралю польскаму Жыгімонту Аўгусту, што ўсе армяне зышлі з Луцка, акрамя армянскага папа, і на гэтай падставе выпрасіў для сябе маёнтак Цапароў. Аднак Вартык некалькі разоў звяртаўся да гаспадара з просьбай вярнуць яму Цапароў. У рэшце рэшт Вартык і Фальчэўскі заключылі пагадненне на шэсць год з той умовай, што калі б армяне зноў пасяліліся ў Луцку, то біскуп верне Цапароў, што зацвердзіў гаспадар. Пасля Фальчэўскі памёр, ад новага луцкага біскупа Валяр’яна Пратасевіча Вартык пачаў патрабаваць Цапароў, даводзячы, што армяне ўжо засяляюць Луцк, і калі Цапароў будзе пры армянскай царкве, іх будзе прыходзіць яшчэ больш. Жыгімонт Аўгуст у 1554 г. прысудзіў Цапароў луцкай армянскай царкве св. Стафана [11, р. 149–150, № 60]. Луцкі армянскі поп упамінаецца і падчас правядзення рэвізіі Луцкага замка 1545 г. [12, с. 155]. Луцкія армяне прыгадваюцца яшчэ ў 1509 г. [13, р. 139, № 79]. У 1524 г. пан Васіль Сямашкавіч купіў у луцкай армянкі Іванісавай дом, што пацвердзіў вялікі князь літоўскі і кароль польскі Жыгімонт Стары [14, р. 325–326, № 388]. У 1561 г. вялікі князь літоўскі і кароль польскі Жыгімонт Аўгуст вызваліў луцкіх армян, якія прыйшлі «зъ земли Волоское» ад некаторых падаткаў і павіннасцей, гэтая палёгка распаўсюджвалася і на мяркуемых будучых перасяленцаў [11, р. 464, № 580]. Як вынікае ў вышэй прыведзеных лічбаў, гэтыя меры не дужа садзейнічалі павелічэнню армянскага насельніцтва ў Луцку.

Ва Уладзіміры на Валыні, як меркавалася раней, армяне з’явіліся з XIII ст. Аднак першае верагоднае ўпамінанне перасяленцаў – згадка пра мясцовую армянскую парафію ў кандаку каталікоса Мясропа I 1364 г. Яна ж прыгадваецца ў кандаку каталікова Якаўбоса III 1410 г. Некаторыя перасяленцы ва Уладзіміры ўпамінаюцца ў львоўскіх гарадскіх кнігах 1387 г. [6, с. 207]. Аб армянах ва Уладзіміры ўпамінаў Сімяон Лехацы [9, с. 249]. У Крэменцы армяне прыгадваюцца ўскосным чынам. Калі ў 1438 г. вялікі князь Свідрыгайла надаў Крэменцу магдэбургскае права, то войт Юрэк атрымаў права суда над русінамі, лахамі, немцамі, валохамамі, армянамі, яўрэямі і татарамі. Далей у адпаведным прывілеі ідзе размова пра палёгкі для новапрыбылых мяшчан, так што армяне ў прывілеі маглі быць упамянуты з надзеяй на іх будучае тут пасяленне [15, с. 3–5, № 2].

Астрожац на Валыні, маёнтак князя Пятра Міхайлавіча Галаўні-Астрожацкага, меў няпэўныя адносіны да армян. Уладальнік маёнтка атрымаў у 1528 г. прывілей ад

вялікага князя літоўскага і караля польскага Жыгімонта Старога на магдэбургскае права для свайго ўладання. Прывілей прадугледжваў, што ў новазаснаваным горадзе паселяцца армяне [15, с. 36–37, № 8; 14, р. 522–523, № 680]. Ці сапраўды адбылося так, невядома.

У гарадах органам армянскага самакіравання была рада старэйшын (6–12 чал.). У некаторых гарадах армянскія абшчыны дамагліся асобнага самакіравання паводле магдэбургскага права. Такія абшчыны ўзначальваліся выбарнымі войтамі. Абшчыны мелі свой суд, уласнае права – кодэкс Мхітара Гоша (1519). Армянскія рады выконвалі адміністрацыйныя і фінансавыя функцыі, збіралі падаткі, утрымлівалі шпіталі, распараджаліся царкоўнай маёмасцю. Армянскія калоніі былі аўтаномнымі, але падтрымлівалі паміж сабой сувязі.

Вядучую ролю ў жыцці армянскіх калоній адыгрывалі буйныя гандляры, якія падтрымлівалі гандлёвыя сувязі аж да Індыі, Егіпта і Партугаліі, займаліся ліхварствам, пазычалі грошы магнатам, каралю. Росквіт армянскага гандлю ў ВКЛ і Польшчы прыпадаў на XIV–першую палову XVII ст. Да «армянскіх тавараў», што ўвозіліся, адносіліся: дарагія тканіны, вопратка, дываны, залататканыя паясы, «турэцкія» хусткі, усходняя зброя, духмяныя рэчавы, вывозіліся мёд, бурштын, ювелірныя вырабы, вырабы гарбарнага рамяства (сёдлы, вупраж), халодная зброя.

Некаторым замежным армянскім гандлярам вялікія князі літоўскія выдавалі прывілеі з пэўнымі палёгкамі. Так, Жыгімонт Стары ў 1541 г. выдаў прывілей армянскаму купцу з Кафы (Крым) Сяркізу Хачымавічу на бязмытны гандаль у ВКЛ за яго паслугі літоўскаму пасольству ў Крыме [16, с. 82–83, № 33].

Менавіта з усходнім гандлем было звязана часовае з’яўленне на тэрыторыі Беларусі армянскіх купцоў. Пры заключэнні фінансавых здзелак купцы часта ўказвалі як месца выплаты даўгоў буйныя кірмашы, у тым ліку ў Слуцку, пра што сведчаць запісы армянскага суда ў Камянцы [17, с. 69–70]. Па дарозе армянскія купцы павінны былі наведаць Берасце, Пінск, Клецк, а пры маскоўскім напрамку іх маршрутаў, – Менск і Магілёў. Захаваліся сведчанні пра беларускі гандаль львоўскага мешчаніна армяніна Андрэяса, чый воз з таварам у 1516 г. быў абрабаваны сялянамі Шайбакова двара на рацэ Ятфі, што выклікала судовую справу і штраф у 50 коп грошаў на карысць Андрэяса [18, стб. 413–415, № 310].

У 1510 г. армянін з Кафы Беята меў судовую справу з кіеўскім армянінам Дзямьянам адносна доўгу ў 150 коп грошаў [18, стб. 635–637, № 81]. Пры разглядзе справы на гаспадарскім судзе прысутнічалі з паслы крымскага хана «з рукі» Беята па імю Аўгустын і Патэстын. Высветлілася, што ў Кіеве Дзямьян узяў у Беята тавараў на 150 коп грошаў, пасля чаго паехаў у Вільню іх прадаваць, абяцаючы вярнуць грошы ў Кіеве. Аднак Беята на стаў чакаць доўг у Кіеве, а паехаў за ім у Вільню. Дзямьян заплаціў 40 оп, хоць гэта было не згодна з умовай. Пасля абодва паехалі ў Слуцк, але далей не здолелі рушыць, бо шляхі былі зачынены з-за мецяжу Льва Глінскага. Дзямьян пакінуў у Слуцку свой тавар з Беатам, а сам паехаў у Луцк. Следам за ім рушыў Беят, хоць Дзямьян яму гэта забараняў. Прычым Беят ехаў не гасцінцам, а «пасельскімі» дарогамі, быў перахоплены луцкім мытнікам Шамаком Данілавічам і трапіў пад канфіскацыю тавараў. Па просьбе «добрых людзей» палову тавараў удалося вярнуць. Пасля гэтага кампаньёны зрабілі перарахунак паміж сабой, і Беят прызнаў у Луцкай ратушы, што Дзямьян яму нічога не вінен. Цяпер, на гаспадарскім судзе, Беята пачаў даводзіць, што вызваліў Дзямьяна з даўгоў у Луцку пад прымусам, бо яго трымалі на ланцугу. Аднак гэтага ён не даказаў, так што праўда засталася за Дзямьянам.

У наступным, 1511 г., гаспадарскі суд разглядаў яшчэ адну справу, дзе дзейнічалі армянскія купцы [18, стб. 768–770, № 154]. На гэты раз гаспадару жаліліся купцы з Кафы Аўгуштын (фражын, гэта значыць, італьянец, пэўна, тоесны Аўгустыну на судзе 1510 г.) і армянін Андрэй Аксенавіч з таварышамі. Яны скардзіліся на таго ж луцкага мытніка Шамака Данілавіча з-за безпадстаўнай канфіскацыі тавараў, калі яны ехалі з Літвы ў Кафу. Шамак даводзіў, што купцы ехалі не па звычайнай дарозе, пэўна, імкнучыся пазбегнуць выплаты мытных падаткаў. Да таго гэтая справа разглядалася князем К. І. Астрожскім, які вырашыў яе на карысць Шамака. Гаспадарскі суд пацвердзіў такое рашэнне.

За 1563 г. маем кароткую звестку пра смерць у Вільні армянскага купца Аляксандра [19, стб. 315, 332, № 18]. Калі ў 1579 г. кароль польскі і вялікі князь літоўскі Стафан Баторый зацвердзіў статут цэха шаўцоў Вільні, то былі ўрэгуляваны правілы гандлю армянскімі купцамі шавецкімі вырабамі [20, с. 210, № 33]. У гандлёвай пастанове віленскага ваяводы Мікалая Крыштофа Радзівіла 1604 г. таксама ўпамінаюцца армянскія купцы [20, с. 248 № 42; с. 250, № 43].

Армянскія гандляры, як знатакі ўсходніх моў, выступалі перакладчыкамі ў вялікакняжацкай і каралеўскай канцылярыях, выконвалі дыпламатычныя даручэнні ў краінах Усходу. У армянскіх калоніях былі ўмельныя майстры, сярод якіх вылучаліся ткачы, што выраблялі дарагія тканіны і залататканыя паясы, а таксама лекары, мастакі.

Некаторыя армяне атрымлівалі ад вялікіх князёў літоўскіх маёнткі. Так, у 1506 г. вялікі князь Аляксандр падараваў армяніну Піліпу пустое селішча Лісанавы ў Кіеўскім павеце з правам трымаць карчму [7, р. 166–167, № 161.1; 161.2]. Вялікі князь Жыгімонт Стары ў 1514 г. падараваў кіеўскаму армяніну Леньку Дземяновічу (пэўна, сыну вышэйназванага Дземяна) сяло Атачылавічы ў Мазырскай воласці за дыпламатычную службу [21, р. 254, № 418]. Пазней у Мазырскім павеце вядомы яго нашчадкі – шляхецкі род Лянкевічаў-Іпагорскіх гербаў «Котвіч» і «Побаг» [22, с. 86–91]. Таму ж Леньку Дземяновічу Жыгімонт Стары даў шэсць службаў і чатыры пустыя зямлі ў Асмалоўцах у Навагрудскім павеце [23, р. 75–76, № 54]. У дакуменце 1521 г., калі Ленька ўжо не жыў, ён ахарактарызаваны так: «быль добрымь слугою господарьскимь и земскимь и голову свою положилъ на службе господарской»; у свой час ён гандляваў нейкімі рэчамі ў Ардзе [18, стб. 1504–1506, № 184; стб. 1506–1507, № 185].

У 1516 г. Жыгімонт Стары падараваў кіеўскаму армяніну Макару Івашкавічу селішча Лыскаўшчыну ў Беласароцкай воласці, таксама за дыпламатычныя паслугі [21, р. 169, № 204].

У Вільні армянская калонія не склалася, хоць армянскае насельніцтва там пражывала, у тым ліку рамеснікі. Чэшскі езуіт Бальтазар Гостунскі пісаў у 1570 г.: «У гэтым горадзе Вільні шмат народаў, а менавіта: літвіны, русіны, палякі, татары, немцы, яўрэі, дастаткова шматлікія італьянцы і армяне». Гостунскі адзначаў, што амаль усе этнічныя групы мелі ў Вільні сваі святыні і школы, але не назваў у гэтым шэрагу армянаў [28, с. 32]. Пра армян у Вільні сведчыць Сімяон Лехацы [9, с. 249]. У XVI ст. тут упамінаецца армянін-саф’янік [24, р. 12–13].

Найбольш вядомая армянская сям’я рамеснікаў і прадпрымальнікаў у ВКЛ – Маджарскія, што трымалі Слуцкую майстэрню шаўковых паясоў [25]. Улічваючы вялікую ролю Слуцка ва ўсходнім гандлі ВКЛ, размяшчэнне мануфактуры менавіта ў гэтым горадзе прадстаўляецца невыпадковым.

Асобным эпізодам беларуска-армянскіх сувязей часоў ВКЛ з’яўляецца армянскі запіс у Тураўскім Евангеллі XVI ст. Мяркуецца, што запіс зроблены прыкладна ў той час, калі было напісана Евангелле. Запіс месціцца на адвароце 172 аркуша рукапісу, пашкоджаны пры абрэзцы кнігі і цалкам не разабраны (чытаюцца толькі словы «сынам Цатура») [26, с. 48]. Яго даследаванне – цікавая справа будучага. У пэўнай ступені гэты помнік нагадвае іншы цікавы царкоўны помнік – крыж кіеўскага князя Уладзіміра Альгердавіча, які потым быў забяспечаны армянскім надпісам (у пачатку XX ст. захоўваўся ў Эчміадзіне) [27, с. 66].

Крыніцы і літаратура

1. Евгений. Описание Киевософийского собора и киевской иерархии с присовокуплением разных граммат и выписок, объясняющих оное, также планов и фасадов константинопольской и киевской софийской церкви и ярославова надгробия / Евгений. – Киев, 1825. – 291 с.

2. Івакін, Г. Ю. Історичний розвиток Києва XIII – середини XVI ст. / Г. Ю. Івакін. – Київ, 1996. – 272 с.
3. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. – СПб. : В типографии Эдуарда Праца, 1865. – Т. 2. – [2], 15, 272 с.
4. Григорян, Г. Армянские надписи Киевского собора святой Софии / Г. Григорян // Вестник общественных наук (Ереван). – 1979. – № 4. – С. 85–93.
5. Корниенко, В. История реставрации, перестроек и изменений функционального назначения восточной части южной внутренней галереи Софии Киевской / В. Корниенко, А. Остапчук, Л. Колодницкий // Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. – Київ, 2012. – Вип. II. Збірка наукових праць, присвячена 150-літтю з дня народження Дмитра Власовича Айналова (1862–1939 рр.). – С. 208–235.
6. Дашкевич, Я. Вірмени в Україні: дорогами тисячоліть: Збірник наукових праць / Я. Дашкевич. – Львів : «Логос», 2012. – 1317 с.
7. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8 (1499–1514). Užrašymų knyga 8 / Parengė: A.Baliulis, R.Firkovičius, D.Antanavičius. = Литовская Метрика (1499–1514). Книга записей 8. – Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1995. – 708 p.
8. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 15 (1528–1538). Užrašymų knyga 15 / Parengė: Artūras Dubonis. – Vilnius: «Žara», 2002. – 446 p.
9. Лехацци, С. Путевые заметки / Перевод с армянского, предисловие и комментарии М.О.Дарбинян / С. Лехацци. – М. : «Наука», 1965. – 322 с.
10. Długosz, J. Roczniki czyli kroniki sławnego królestwa polskiego / J. Długosz. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN SA, 2009. – Księga jedenasta 1413–1430. – Wydanie II. – 369 s.
11. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 37 (1552–1561). Užrašymų knyga 37 / Parengė Darius Baronas. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2011. – 631 p.
12. Литовська Метрика. Книга 561. Ревізії українських замків 1545 року / Підготував Володимир Кравченко. – Київ, 2005. – 599 с.
13. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 25 (1387–1546). Užrašymų knyga 25 / Parengė: D.Antanavičius ir A.Baliulis. = Литовская Метрика (1387–1546). Книга записей 25. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1998. – 460 p.
14. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 12 (1522–1529). Užrašymų knyga 12 / Parengė: Darius Antanavičius ir Algirdas Baliulis. – Vilnius: «Žara», 2001. – 854 p.
15. Архив Юго-Западной России. – Киев: В Университетской типографии, 1869. – Ч. 5. Т. 1. – 94, 636 с.
16. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Книга 28 (1522–1552). Книга записей 28. (Копія канца XVI ст.) / Да друку падрыхтавалі: В.Мянжынскі, У.Свяжынскі. – Менск: 2000. – 311 с.
17. Григорян, В. Р. История армянских колоний Украины и Польши: (Армяне в Подолии) / В. Р. Григорян. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1980. – 291 с.
18. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою Коммиссиею. – СПб., 1903. – Т. 20. Литовская Метрика. Т. 1. – VII, 50 с., 1566 стб., 258, IV с.
19. Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою Коммиссиею. – Юрьев, 1914. – Т. 30: Литовская Метрика. Отд. 1–2. Ч. 3. Т. 1. – IV, 30 с., 896 стб., 44, [2] с.
20. Акты Виленской археографической комиссии. – Вильна : Типография А. Г. Сыркина, 1879. – Т. 10. – XXXVIII, 593, 48, [2] с.
21. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 9 (1511–1518). Užrašymų knyga 9 / Parengė: Krzysztof Pietkiewicz. – Vilnius: «Žara», 2002. – 615 p.
22. Boniecki, A. Herbarz polski / A. Boniecki. – Warszawa: Skład główny Gebethner i Wolff, 1911. – Т. XIV. – 396 s.

23. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 11 (1518–1523). Įrašų knyga 11 / Parengė Artūras Dubonis. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1997. – 227 p.
24. Arutiunian, V. Armėnai / V. Arutiunian // Visuotinė lietuvių enciklopedija. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2002. – T. 2. – P. 12–13.
25. Лисейчиков, Д. В. Маджарские: армянский род в истории Беларуси / Д. В. Лисейчиков, Е. С. Глинский. – Ереван; Минск : Фонд «АНИВ»; НИАБ, 2023. – 487 с.
26. Лабынцев, Ю. А. Новое о Туровских Евангелиях / Ю. А. Лабынцев // Матэрыялы Першых кнігазнаўчых чытаньняў (Мінск, 15 верасня 1998 г.). – Мінск : НББ, 2000. – С. 39–49.
27. Клепатский, П. Г. Очерки по истории Киевской земли: Литовский период / П. Г. Клепатский. – Біла Цэрква : Видавець Олександр Пшонківський, 2007. – 478 с.
28. Piechnik, L. Dzieje Akademii Wileńskiej / L. Piechnik. – Rzym : Institutum Historicum Societatis Jesu, 1984. – Т. 1: Początki Akademii Wileńskiej 1570–1599. – 263 s.

УДК 94:355.216(476+474.5)

А. П. Шляев
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЙСКА ВКЛ В ПОЛОЦКОЙ КАМПАНИИ 1579 ГОДА

Данная статья посвящена войску ВКЛ в Полоцкой кампании 1579 г., которая открывает завершающий этап Ливонской войны. Утеря Полоцка в 1563 г. стала сильнейшим ударом для ВКЛ. При возобновлении войны для ВКЛ, уже в составе Речи Посполитой, вопрос возврата Полоцка стоял крайне остро. Для кампании 1579 г. были привлечены значительные силы, однако их точное количество определить достаточно сложно.

В 1558 году, используя как предлог «юрьеву дань», московские войска вторгаются на территорию Ливонской конфедерации, начиная Ливонскую войну. В 1559 г. заключается перемирие, которым воспользовался последний магистр Ливонского ордена Г. Кетлер. В августе этого же года было заключено соглашение, по которому земли Ливонского ордена и Рижского архиепископства переходили под протекторат ВКЛ. Часть земель бывшей Ливонской конфедерации получили Швеция и Дания. Таким образом, все эти государства оказались втянуты в конфликт с Москвой.

Изначально ВКЛ и Москва стремились разрешить конфликт дипломатическим путем, однако после серии неудачных переговоров и истечения срока очередного перемирия в 1562 г. начинаются открытые боевые действия [1, с. 41–53].

Наиболее ошеломляющий эффект произвела быстрая осада и взятие войском Ивана Грозного Полоцка в феврале 1563 года. Это нанесло сильнейший удар по обороноспособности ВКЛ, также стало очевидно, что посполитое рушение не способно своевременно реагировать на военные угрозы. Несмотря на то, что сбор ополчения был назначен еще на декабрь 1562 г., к февралю 1563 г. гетману Н. Радзивиллу Рыжему удалось собрать войско примерно в 3500 человек. Такие небольшие силы не могли оказать абсолютно никакой помощи осажденному Полоцку, учитывая, что московские войска превышали их по численности приблизительно в десять раз [1, с. 60–62].

После 1564 г. война приобретает затяжной характер, попытки отбить Полоцк со стороны ВКЛ успеха не имели. К концу 1560-х годов ВКЛ практически исчерпало все свои внутренние ресурсы для сохранения наемного войска. В таком крайне тяжелом положении княжество начинает переговоры с польской стороной, в первую очередь для получения финансовой и военной помощи. Итогом этих переговоров стало подписание

Люблинской унии в 1569 году и образование конфедеративной Речи Посполитой. Стремление выиграть затянувшуюся Ливонскую войну способствовало избранию в 1576 г. на трон Речи Посполитой Стефана Батория.

В 1578 г. начинается подготовка к возобновлению активных боевых действий. На Варшавском сейме король заявляет о необходимости привлечения наемных войск «людей служебных», а также об организации набора пеших воинов в пределах Речи Посполитой. В итоге сейм удовлетворил требования короля и утвердил двухгодичный сбор налога на содержание войска для войны с Москвой [2, с. 191–192].

Главной целью кампании 1579 г. становится возврат ВКЛ Полоцка. Для осуществления этой цели были привлечены значительные силы, однако окончательно установить численность этих сил достаточно сложно. Касательно коронных войск, их численность достаточно достоверно подтверждается разнообразными источниками и составляет около 20 тысяч человек [3, с. 103–105]. К сожалению, точно установить численность войска ВКЛ на последнем этапе Ливонской войны практически невозможно из-за плохой сохранности и отсутствия источников, а также большого количества неточностей, в дошедших до нас сведениях. В повествовательных источниках общая численность войск Речи Посполитой в 1579 г. иногда может достигать и 135 тысяч человек, хотя чаще всего она находится между 50–60 тысячами [4, с. 118]. Такое завышение можно объяснить настоящей идеологической войной, которая развернулась между Стефаном Баторием и Иваном Грозным. В зависимости от ситуации, стороны заметно искажали количество войск, как своих, так и противника, чтобы подчеркнуть важность побед и незначительность поражений.

Финансовые документы, в таком случае, дают более достоверную информацию о численности войск, однако, касается она только частей, находившихся на содержании, не учитывая добровольные и иные подразделения. Так, скарбовые книги Стефана Батория указывают, что к моменту взятия Полоцка наемное войско ВКЛ составляло около 10 тысяч человек. Большую часть, 7,3 тысячи, составляли пехотинцы, что объясняется включением в списки гарнизонов крепостей и замков [5, с. 214–217; 6].

Используя изменение численности гарнизонов замков, можно проследить количество пехотинцев, привлеченных в войско ВКЛ. Стоит отметить, что солдаты ВКЛ находились и в гарнизонах Инфлянтских замков, однако численность их оставалась на одном уровне, приблизительно 2,5 тысячи пехотинцев [5, с. 214–217; 6]. В ВКЛ, в течение 1579 г., численность гарнизонов замков заметно изменяется. В конце 1578 г., в документах упоминается 17 замков, в которых размещалось 1,6 тысячи пехотинцев, от 50 до 250 человек в замке. Наиболее многочисленные гарнизоны находились в Витебске и Дисне, по 250 пехотинцев, что объясняется их близостью к Полоцку [3, с. 69; 7]. К началу лета 1579 г. численность гарнизонов значительно сокращается. Всего в замках ВКЛ теперь насчитывалось только 1000 пехотинцев. Сложно представить, что во время подготовки и начала сложной военной кампании по взятию Полоцка, в ВКЛ просто так сократили гарнизоны. Скорее всего эти солдаты были использованы в полевых частях, непосредственно в боевых действиях. Показательно также, что сократились больше всего как раз гарнизоны в замках, расположенных ближе к Полоцку. В Витебске гарнизон уменьшился на 100 пехотинцев, в Дисне на 150 [3, с. 83; 7].

В сентябре 1579 г., после взятия Полоцка, наблюдается обратная тенденция, численность гарнизонов замков ВКЛ начинает быстро возрастать. Среди замков теперь указывается и гарнизон Полоцка, численностью в 900 солдат (600 из них пехотинцы). Общая же численность составила 2530 пехотинцев [5, с. 214–217; 6].

В октябре численность гарнизонов замков еще больше увеличилась, что связано с окончанием активных боевых действий и распределением оставшихся войск на зиму по крепостям. Гарнизоны в ВКЛ состояли уже из более 3,5 тысяч пехотинцев [3, с. 117].

Таким образом, можно проследить как численность пехоты в гарнизонах возросла с 1,6 тысячи до 3,5 тысяч. Учитывая минимальное количество гарнизонов летом 1579 г. в 1 тысячу человек, можно предположить, что приблизительно 2,5 тысячи наемной пехоты ВКЛ было задействовано непосредственно под Полоцком.

Количество привлеченных кавалеристов в войско ВКЛ составляло около 3 тысяч всадников, часть из них также являлась гарнизонами замков. Под Полоцком было задействовано около 2,5 тысяч кавалерии ВКЛ. Таким образом, общая численность наемных войск ВКЛ во время полоцкой кампании, которая достоверно отображена в сохранившихся документах, составляет приблизительно 5 тысяч солдат, 2,5 тысячи кавалеристов и 2,5 тысячи пехотинцев [5, с. 214–217; 6]. При этом в источниках отдельно упоминаются отряды, бывшие в распоряжении Филона Кмиты, численностью в 1600 солдат (200 кавалеристов и 1400 пехотинцев), что доводит общую численность наемных солдат, занятых в боевых действиях 1579 г. до 6,6 тысяч (2,7 тысячи кавалеристов и 3,9 пехотинцев) [5, с. 214–217], [6].

Необходимо учесть и 600 пехотинцев, которые изначально располагались в гарнизонах замков, тогда получается, что ВКЛ смогло привлечь новых формирований приблизительно на 6 тысяч солдат, которые были мобилизованы с конца 1578 по лето 1579 гг., что еще раз демонстрирует прогрессивность наемной военной организации. Стоит еще раз отметить, что это далеко не вся численность войска ВКЛ, а лишь та часть, которая непосредственно прослеживается по документам.

Намного сложнее определить численность добровольных подразделений в составе войск ВКЛ. Присутствие в войске отрядов, выставленных «на ласку государеву» было характерно в предыдущие периоды и достаточно распространено. Самостоятельная организация добровольных подразделений поощрялась решением сейма, содержание подобных отрядов, скорее всего, оплачивалось в счет будущих налогов [8, с. 23]. Наличие в войсках ВКЛ многочисленных добровольных подразделений фигурирует у Р. Гейденштейна и других авторов, описывавших события Ливонской войны [3, с.98], [9, с. 115]. Также добровольцы были упомянуты и в привилее Стефана Батория 1581 г., где король отмечает действия различных служебных чинов и шляхты ВКЛ, которые не по приказу и исполняя повинность, а сами добровольно собрали и предоставили значительные воинские отряды [10, с. 342]. Однако, определить точно численность этих отрядов практически невозможно. Предположения по количеству добровольцев строятся обычно на основе того же Р. Гейденштейна и других авторов, которые указывали на число в 10 тысяч человек и на примерное равенство численности добровольных и наемных подразделений в войске ВКЛ [3, с. 98; 9, с. 115].

Польский историк Г. Котарский предлагает интересный способ определить количество пехоты и кавалерии у добровольцев. Схожие отряды присутствовали в посполитом рушении 1567 г., данные о котором сохранились в пописях. Используя данные о соотношении разных родов войск (3,8 тысяч кавалеристов и 595 пехотинцев), предполагается, что в 1579 г. из 10 тысяч добровольцев 8,3 тысячи было в кавалерии и 1,7 тысячи солдат в пехоте [3, с. 98–99]. Подобные расчеты, конечно, являются весьма умозрительными и имеют характер предположения. Учитывая многочисленные упоминания большого количества добровольцев в войске ВКЛ, это предположение можно считать вполне возможным, таким образом войско ВКЛ под Полоцком могло достигать приблизительно 15–16 тысяч солдат.

Встречаются предположения, того же Г. Котарского, что в войске ВКЛ было задействовано и посполитое рушение, причем весьма многочисленное, более 10 тысяч человек, с чем сложно согласиться [3, с. 96–105]. Во-первых, у нас нет сведений о подобном масштабном сборе шляхетского ополчения в ВКЛ, нет пописов, решений сейма, хоть каких-то указаний на действия ополчения и т. д. Во-вторых, в ряде письменных источников мы встречаем прямые указания, что войско ВКЛ в 1579–1581 гг. состояло только из наемных солдат и добровольцев. Так, в грамоте московских дипломатов Петра Головина и Курбата Григорьева о сборе войск Стефаном Баторием в 1579 г. сообщается: «...рать, государь, у короля собрана все наемные люди из Польши и из Литвы – желныри. А шляхта литовские идут охочие не многие, которые похотели итти на своих грошах, а которые не похотели, те не идут, а ис Польши паны и шляхта никто не идет, опричь наемных людей...» [4, с. 121–122; 11].

У Р. Гейндейнштейна есть описание смотра войск ВКЛ перед походом 1580 г.: «В тот же день, в который тронулся Замойский, королю, прибывшему в Витебск, представились литовские войска, как получавшие жалованье, так и добровольные, при том в таком количестве и вооружении, что никто не мог догадаться о потерях их прошлого года» [9, с. 115]. Также присутствует описание войск ВКЛ и в дневнике Яна Зборовского: «Тут мне следует объяснить вашей милости порядок, в каком идут королевские войска. Впереди канцлер с несколькими тысячами, о чем уже было сказано. Перед королем на расстоянии нескольких миль идет пан Вольминский, кастелян полоцкий, с легкою пехотою... За Вольминским следует Криштоф Радзивилл, кастелян трокский, гетман польный великого княжества Литовского, со всеми литовскими жолнерами; за ним два вспомогательные отряда, набранные из литовских волонтеров; потом воевода виленский Николай Радзивилл с остальным литовским войском и со всеми панями. В этом отряде также одни только волонтеры» [12, с. 2–3].

Касательно крупных отрядов посполитого рушения, численностью в 10 тысяч человек и более, то можно заметить, что авторы приводят подобные цифры исходя из пописов войска ВКЛ 1567 и 1528 гг., также, как и при расчете численности добровольных подразделений. Расчет ведется приблизительно, для доступных и не занятых противником регионов, в зависимости от численности ополчения, которую выставляли поветы. Однако, общая итоговая численность шляхетского ополчения, которое собиралось с июня 1567 по март 1568 г., разительно отличалась от реальной единовременной численности, как это было в 1567 г. (при общей численности в 27 тысяч, реальная лишь на месяц превысила 11 тысяч, очень быстро сократившись до 1,2 тысячи солдат) [1, с. 153–154; 3, с. 99–101]. Таким образом, сведения из пописов 1567 и 1528 гг. не могут дать никакой информации касательно наличия и численности посполитого рушения в войске ВКЛ 1579 г. При этом небольшие отряды посполитого рушения могли быть задействованы на вспомогательных участках. Так, к примеру, шляхетское ополчение во главе с жмудским каштеляном численностью около 2 тысяч кавалеристов, прикрывало северные границы ВКЛ [3, с. 96–105].

В итоге общий состав войск ВКЛ в 1579 г. был представлен наемным компонентом в 10 тысяч солдат (4 тысячи являлись гарнизонами крепостей) и добровольным, предположительно равным по численности компонентом. Непосредственно под Полоцком со стороны ВКЛ было задействовано до 16 тысяч солдат. Общая численность войск Речи Посполитой под Полоцком была приблизительно 30–35 тысяч солдат, что достаточно близко к предполагаемой численности войск Ивана Грозного при взятии Полоцка в 1563 г. [4, с. 25–27].

Источники и литература

1. Янушкевіч, А. М. Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. : манаграфія / А. М. Янушкевіч. – Мн. : Медисонт, 2007. – 356 с.
2. Volumina legum : w 9 t. / nakladem i drukiem Jozofata Ohryzki. – St. Petersburg : Przedruk zbioru praw staraniem xx. pijarow w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydanego, Drukarnia J. Ohryzki, 1859. – Т. II: Ab anno 1550 ad annum 1609. – 482 s.
3. Kotarski, H. Wojsko polsko-litewskie podczas wojny inflanckiej 1576–1582. Cz. 2 / H. Kotarski // Studia i materiały do historii wojskowości. – 1971. – Т. 17, cz.1. – S. 51–124.
4. Филюшкин, А. И. Когда Полоцк был российским. Полоцкая кампания Ивана Грозного 1563–1579 гг. / А. И. Филюшкин, А. В. Кузьмин. – М. : Русские Витязи, 2017. – 176 с.
5. Księgi podskarbińskie z czasów Stefana Batorego: 1576-1586: w dwóch częściach / A. Pawiński – Warszawa : skł. gł. w Księg. Gebethnera i Wolffa, 1881. – 314 s.
6. AGAD. – Archiwum Skarbu Koronnego – Seria 4. Sygn. 29. S.68–75.
7. AGAD. – Archiwum Zamoyskich – Sygn. 3112. S. 5–6.
8. Бохан, Ю.М. Наемная войска ў Вялікім княстве Літоўскім у XV–XVI стст. / Ю. М. Бохан. – Мн. : Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2004. – 92 с.

9. Гейденштейн, Р. Записки о Московской войне (1578–1582) : пер. с лат. / Р. Гейденштейн. – СПб., 1889. – 312 с.

10. Przywilej ruski Stefana Krola // Sprawy wojenne krola Stefana Batorego / I. Polkowski. – Krakow : Drukarnia Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1887. – S. 341–343

11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 79. Оп. 1. Кн. 11. Л. 23–25. Статейный список Петра Головина и дьяка Курбата Григорьева, 10 июля 1579 г.

12. Зборовский, Я., Дзялынский, Л. Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.) / (Яна Зборовского и Луки Дзялынского.); пер. с польск. под ред. О.Н. Милевского. – М. : Императорское Общество Истории и Древностей Российских при Московском Университете; Унив. тип, 1897. – 68 с.

УДК 94:346.62:336.74(476+474.5+438)«1766»

В. А. Юргенсон

Институт истории НАН Беларуси

ПЕРЕХОД РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ НА ДЕНЕЖНУЮ СИСТЕМУ, ОСНОВАННУЮ НА ТАЛЕРЕ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Регулирование денежного обращения является одной из важнейших функций государства. В 1623–1633 гг. в Речи Посполитой были предприняты усилия по переходу денежной системы на талер. Основной причиной этого явился инфляционный кризис первой трети XVII в. Реформа была осуществлена путем издания соответствующих ординаций, универсалов и сеймовых конституций. Указанные документы регулировали курс и метрологические характеристики монет. Данная реформа помогла успешно преодолеть инфляционный кризис первой трети XVII века, однако сформированная денежная система в силу своих недостатков могла функционировать только в относительно стабильных внутри- и внешнеполитических условиях.

Одним из важнейших признаков становления и развития государственности является централизованное регулирование денежного обращения. Право монетной регалии является важной составляющей суверенитета, а стабильность денежной системы выступает в качестве одного из компонентов стабильности государства. В первой трети XVII века Речь Посполитая столкнулась с финансовым и инфляционным кризисом, для преодоления последствий которого была осуществлена денежная реформа 1627–1633 годов, которая вводила денежную систему, основанную на талере. Важным аспектом подготовки (1623–1627) и проведения (1627–1633) данной реформы было её правовое регулирование.

Война Речи Посполитой со Швецией, затянувшаяся почти на три десятилетия (1600–1629), подорвала экономику страны. Денежные выплаты войску создавали большую нагрузку на государственную казну. Помимо войны со Швецией, на рост инфляции и государственных расходов Речи Посполитой существенное влияние также оказали гражданская война 1606–1609 гг. («Сандомирский рокош») и начавшиеся в 1609 году войны с Москвой. Негативное влияние также оказал тот факт, что в результате «Сандомирского рокоша» были свёрнуты политические и экономические реформы.

Финансирование значительной части государственных расходов, вызванных этими конфликтами, производилось путём эмиссии монеты с пониженной пробой и массой, что привело к активным инфляционным процессам в экономике. Еще в 1604 году согласно решению Скарбовой Комиссии, содержание серебра в шестяке было уменьшено на 8,5 %, в трояке на 8,4 %, в гроше – на 16,5 % и в шеляге на 55,4 %. Таким образом, Речь Посполитая встаёт на путь инфляционного финансирования экономики. Артикул

34 сеймовой конституции 1611 г. в связи с инфляцией устанавливал новый курс дуката и талера (70 грошей за дукат, 40 грошей за талер). Таким образом, по сравнению с 1598 г. номинальный курс дуката вырос на 20,7 % (с 58 до 70 грошей), а номинальный курс талера – на 11,1% (с 36 до 40 грошей) [1, с.11–12]. Артикул 10 сеймовой конституции 1616 г. узаконивал снижение пробы разменной монеты и содержания серебра в ней [1, с. 134]. Артикул 17 сеймовой конституции 1620 года регулировал вопросы, связанные с денежной системой. В нем указывалось, что в силу инфляции пересматривались курсы талера и дуката. Курс дуката устанавливался в 4 злотых, курс талера варьировался в зависимости от его серебряного содержания: «*талеры старые по злотых полтора, талеры золотые по грошей тридцати семи, орты Гданьские по грошей шестнадцати*» [1, с. 149–153, 180]. Таким образом, курс дуката по сравнению с 1611 г. возрастал на 71,4 % (с 70 до 120 грошей), курс полноценного, «старого» талера возрастал на 12,5 % (с 40 до 45 грошей). Также возрастал курс гульдинера (на 23,3 %, с 30 до 37 грошей) и орта. Артикул 9 сеймовой конституции 1623 г. уточнял ряд положений артикула 1620 г., а также уравнивал пробу и курс гданьских и быдгощских ортов в сторону уменьшения пробы гданьских ортов до уровня более низкопробных быдгощских [1, с. 217–218]. Ординация от 13 марта 1623 года устанавливала следующие метрологические характеристики монет:

– Полтораки – проба VI лотов («*liga ma bydz szesc lotow srebra scerego, a dziesec lotow przysady*»), 168 штук из краковской гривны лигатурного сплава («*na grzywne mincarska, to jest mieszana*») и, соответственно, 448 штук из краковской гривны чистого серебра. Выход их должен составлять на 22 злотых 12 грошей из гривны чистого серебра.

– Орты – проба XI лотов, 28 штук из краковской гривны лигатурного сплава, 40 8/11 штуки из гривны чистого серебра, на 21 злотый 21 грош 11 польских денариев из гривны чистого серебра.

– Шестаки и трояки получали пробу в VII¼ лота («*dotow siedm t quintel ieden*»), по 50 шестаков или 100 трояков из краковской гривны лигатурного сплава.

– Гроши – проба IV½ лота («*dotow czetry, quintlow dwa*»), 193 штуки из краковской гривны лигатурного сплава, 686 2/9 штуки из краковской гривны чистого серебра, на 22 злотых 26 грошей 4 польских денария из гривны чистого серебра.

– Шеляги – проба II лота, 300 штук из краковской гривны лигатурного сплава [2, fl.1015].

В этих условиях, с целью стабилизации денежной системы, начинается постепенная её переориентация на неподверженный инфляции талер как её основу. Первым шагом в этом направлении стал 9-й артикул сеймовой конституции 1623 года, который запрещал обращение любой «чужеземной» монеты «опроч талеров и червонных злотых». [1, с. 451–452]. 13 марта того же 1623 года выходит монаршая ординация [2, fl. 1013–1017], которая официально понижала 45-грошовый курс талера, установленный сеймовой конституцией 1620 года. Согласно ординации цена талеров снижалась на пять грошей при одновременном понижении их пробы и устанавливалась в 40 грошей [3, с. 141].

Королевская ординация от 7 июня 1625 года [4, fl. 629–633] касалась определения курса отечественных новых «золотых» талеров. С начала 20-х годов параллельно с полноценными талерами и иностранными «золотыми» талерами – гульдинерами, в обращении появляются монеты Речи Посполитой достоинством в 1 злотый. Это были монеты талерного типа, отличавшиеся от обычных талеров лишь массой и указанием номинала в грошах под гербом. Эти монеты, также, как и гульдинеры, получили название «золотых» талеров, но имели отличный от них курс (30 грошей, а не 37 как у гульдинеров). Эмиссия этих монет была недолгой, поскольку снижение пробы гроша в 1623 году привело к тому, что они стали вывозиться за пределы страны по их номинальной стоимости, которая стала меньше, чем содержание в них серебра, в силу чего казна Речи Посполитой стала нести убытки. Поэтому, для прекращения оттока серебра за рубеж, ординация 1625 года повышала нарицательную цену отечественных «золотых» талеров с 30 грошей до 31 гроша и 1 шеляга, делая тем самым невыгодным их вывоз за рубеж [4, fl. 269–633].

В следующем 1626 году выходит сразу две королевских ординации, так или иначе затрагивающие талерную монету. Первая из них, от 5 марта 1626 года [5, fl. 484–489], касалась дополнительно установления и уточнения метрологических характеристик монет. Следующая ординация – от 10 апреля 1626 года [4, fl. 666–673], возвращала талерам курс в 45 грошей, а дукатам в 75 грошей и предписывала быдгощскому двору отныне чеканить талеры и дукаты. Одновременно эта ординация вводила в действие положение сеймовой конституции 1620 года о том, что из всей иноземной монеты отныне в обращение допускаются исключительно талеры и дукаты [4, fl. 666–673].

Реформирование денежной системы с переводом её на талерную основу продолжается в следующем 1627 году. 11 января 1627 года выходит королевская ординация [6, fl. 328–329], устанавливающая, что основной монетой Речи Посполитой является «имперский талер», т.е. талер, чеканенный по имперской стопе, утвержденной аугсбургским монетным уставом 1559 года. Таким образом проба и серебряное содержание отечественных талеров приводились в соответствие с талерами Священной Римской Империи. В том же году выходит сеймовая конституция 1627 года, пункт 11 которой предусматривал, чтобы в дальнейшем «żadna munita minorum spectricum, oprócz samych talerow u pułalerkow, ktore w sobie trzymać mają czternaście łotow feinsylberu w grzywnie, bita nie była». Первоначально это положение устанавливалось в качестве чрезвычайной, временной меры, которая должна будет действовать до созыва следующего сейма [1, с. 261–262]. Это же положение было подтверждено пунктом 19 сеймовой конституции 1629 года [1, с. 294] и пунктом 12 сеймовой конституции 1631 года [1, с. 320–321]. Требование о недопущении чеканки неполновесной монеты, под которой подразумевалась разменная билонная монета, содержалось и в 17 пункте акта элекционного сейма 1632 года [1, с. 359]. Однако пункт 36 сеймовой конституции 1633 года изменял статус данного запрета, который становился не временным, а постоянным. Этим же пунктом учреждались специальные комиссии при коронном и литовском подскарбиях, которые должны были следить за тем, чтобы не чеканились монеты достоинством ниже полуталера, а также следить за соблюдением 14-лотовой пробы талеров и полуталеров [1, с. 379–380].

Помимо сеймовых постановлений, с конца 1627 и до 1632 года выходит также ряд королевских ординаций, закреплявших и детализировавших эти положения. Королевская ординация от 31 декабря 1627 года [4, fl. 676–678] предписывала всем монетным дворам государства отныне чеканить исключительно «монету доброго веса и доброго материала» в строгом соответствии с сеймовой конституцией 1627 года [4, fl. 676–678]. Несмотря на то, что декабрьская ординация 1627 года не называет конкретных номиналов этих монет, эти номиналы содержатся в сеймовой конституции, на которую делает отсылку данный документ и которая из всех серебряных монет разрешала чеканку исключительно талеров и полуталеров. Следующая ординация от 5 марта 1629 года напрямую не касалась чеканки талеров, но отменяла все контракты и временные разрешения на чеканку мелкой монеты [4, fl. 679–681].

Королевская ординация от 20 ноября 1632 года [7, fl. 317–322] регулировала, какие именно серебряные монеты отныне допускаются в денежное обращение Речи Посполитой. Основой денежного обращения провозглашался талер и его фракции. Из всех серебряных монет отныне допускалась чеканка исключительно талеров и их половинной фракции (что повторяет требование предыдущих сеймовых конституций и королевских ординаций). Из разменных дореформенных монет статус платежного средства сохраняли номиналы от полторака до шестака, однако их дальнейшая чеканка запрещалась. Более мелкие номиналы изымались из обращения. Сохранялись в обращении и орты, стоимость которых была с 1623 года снижена до 1/5 талера. Из иностранных серебряных монет в обращение допускались исключительно талеры и их фракции. Данная ординация устанавливает исчерпывающий перечень всех иностранных талерных монет и их фракций, допускающихся в денежное обращение Речи Посполитой. К ним относились «шрекенбергеры» (саксонские монеты

XVI в. в 1/7 талера), серебряные дукатоны «Бельгии» (Belgium – латинское обозначение Испанских Нидерландов), Камптена, Девентерна и Цволле, «бельгийские» патагоны, различные германские талеры и их фракции, германские зильбергульдены (гульденталеры), реалы Испании и «Испанской Индии» (американских колоний), а также шотландские серебряные реалы. Курс отечественного талера и германского рейхсталера устанавливался в 3 злотых, курсы остальных талеров и их фракций – на основе этого курса с учетом их серебряного содержания относительно имперского рейхсталера и паритетного ему талера Речи Посполитой. Так, например, испанские 8-реаловые монеты и патагоны Испанских Нидерландов оценивались, согласно тексту ординации, в 88 грошей [7, fl. 317–322].

Важнейшим правовым документом, знаменующим собой окончательное закрепление принципиально нового статуса талера, стал королевский универсал 1633 года о монетных дворах [1, с. 380–381], который предусматривал решительные меры по изменению денежного обращения Речи Посполитой в соответствии с сеймовыми решениями 1627–1633 гг. Универсал подтверждал запрет чеканки монет достоинством ниже полуталера, при этом требуя, чтобы данный запрет соблюдался не только в Короне и ВКЛ, но и в находящейся в лённой зависимости от Речи Посполитой Пруссии. Помимо этого, универсал предполагал предельно жесткие меры по изъятию всей иностранной монеты кроме полуталеров, талеров и дукатов. Согласно универсалу, все остальные иностранные монеты приравнивались к фальшивым и подлежали конфискации. Также в нем содержалось требование об обязательной публикации самого универсала и распространении его текста «по городам и местечкам, как в Короне, так и в Великом Княжестве Литовском» [1, с. 380–381].

Денежная система, основанная на талере, появившаяся в ходе денежной реформы, смогла на определенное время стабилизировать экономику Речи Посполитой. Однако при этом, одновременно, она лишила государство доходов от монетной регалии, а прекращение чеканки мелкой монеты привело, спустя полтора десятилетия, к засилью мелкой монеты иноземного (прежде всего шведского) чекана. С целью избавиться от этого засилья в 1650 году была проведена новая денежная реформа, вводившая стабильную разменную монету. Однако в условиях «Хмельниччины» (1648–1651) и начавшихся позднее войн с Россией (1654–1667) и Швецией (1656–1660) стабильная, но не дававшая доходов от монетной регалии денежная система, основанная на талере, функционировать уже не могла, и во второй половине 50-х годов XVII века происходит отказ от данной денежной системы и возврат к инфляционному финансированию экономики Речи Посполитой.

Таким образом, можно сделать вывод, что с одной стороны, денежная реформа 1627–1633 годов позволила преодолеть жесткий инфляционный кризис первой трети XVII века и на определенный период стабилизировать экономику страны. Однако несовершенство данной системы в итоге привело к 40-м годам XVII века к разменному кризису и засилью иноземной мелкой монеты, а сама система, основанная на не подверженной инфляции, но не дававшей дохода денежной единице, могла функционировать лишь в условиях внутре- и внешнеполитической стабильности, которой характеризовалось правление Владислава IV, но оказалась совершенно неспособна обеспечить финансовую безопасность государства в период восстаний и войн, начавшихся в правление Яна Казимира.

Источники и литература

1. Volumina legum : w 9 t. / J. Ohryzka. – St. Petersburg : Przedruk zbioru praw staraniem xx. pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydanego, nakładem i drukiem Jozofata Ohryzki, 1859–1860. – Т. III: Ab anno 1609 ad annum 1640. – 472 s.

2. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie [Электронный ресурс]. – МК 170. – Режим доступа: <http://agadd2.home.net.pl/metrykalia/MK/0170/dirindex.html> – Дата доступа: 1.02.2024.

3. Zagórski I. Monety dawnej Polski zakoteż prowincyj i miast do niéj należących, z trzech ostatnich wieków. / I. Zagórski – Warszawa, w drukarni przy ulicy Rymarskiej N.743, 1845. – 191 s.

4. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie [Электронный ресурс]. – МК 177. – Режим доступа: <http://agadd2.home.net.pl/metrykalia/МК/0177/dirindex.html> – Дата доступа: 1.02.2024.

5. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie [Электронный ресурс]. – МК 174. – Режим доступа: <http://agadd2.home.net.pl/metrykalia/МК/0174/dirindex.html> – Дата доступа: 1.02.2024.

6. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie [Электронный ресурс]. – МК 176. – Режим доступа: <http://agadd2.home.net.pl/metrykalia/МК/0176/dirindex.html> – Дата доступа: 1.02.2024.

7. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie [Электронный ресурс]. – МК 180. – Режим доступа: <http://agadd2.home.net.pl/metrykalia/МК/0180/dirindex.html> – Дата доступа: 1.02.2024.

УДК 94(4):316.647.8(=162.1)«17»

А. М. Кротов

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ПОЛЬША И ПОЛЯКИ XVIII ВЕКА: ОБРАЗ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОКОВ-ЕВРОПЕЙЦЕВ

В статье рассматривается образ Польши и поляков, сформированный в XVIII в. в восприятии европейцев. Опираясь на сочинения побывавших в Польше интеллектуалов из их числа, автор приходит к выводу, что, познакомившись с реалиями её жизни и осмыслив увиденное, они создали некомплементарный образ погружённой в анархию страны; государства, находящегося в упадке, неспособного противостоять захватническим устремлениям соседних держав; народа, который заслуживал лучшей участи, нежели та, которую ему уготовила безраздельно господствовавшая в стране шляхта, вид, поведение и менталитет которой расценивались как весьма экзотические.

Процесс формирования этноса длителен, сложен и многогранен. Признаком его законченности является возникновение этнического самосознания – чувства принадлежности к конкретному этносу, в основе которого лежит представление об общности происхождения и исторических судеб, входящих в него людей, а также представление об отличии этноса, воспринимаемого как «свой», от других, «чужих» этносов.

В своё время Дж. А. Тойнби предлагал теорию этногенеза, в которой развитие этносов объяснялось чередованием «вызовов» из окружающего мира (в том числе и от других этносов) и способностью дать успешный «ответ» таким вызовам. И хотя эта теория подвергалась критике, вряд ли стоит сомневаться в том, что внешняя опасность является едва ли не главным фактором формирования этноса, поскольку консолидирует его и побуждает к противодействию. Характер такого противодействия зависит от многих факторов, в числе которых находятся степень пассионарности этноса, а также особенности этнического характера и менталитета.

Существует множество трактовок термина «нация». В современной социальной науке и праве под нацией понимаются два типа человеческих сообществ: совокупность граждан одного государства (политическая, или гражданская нация) и этническая общность.

По большому счёту нация – это воображаемое сообщество, не существующее в завершённом виде. Процесс её формирования перманентен. Он не идёт сам собой – его кто-то организует, направляет, руководствуясь, прежде всего, целью сохранения этой нации, созданного ею государства, культуры и пр. Это даёт право считать, что нации конструируются. Очень важную роль в процессе «конструирования» наций играют учёные, писатели и поэты, художники и музыканты.

Особенно явственно это себя проявляет в случае с Польшей и поляками, которые в период с 1795 по 1918 г. не имели собственного государства. Богатое культурное наследие польского народа в это тяжёлое для него время сохранялось и преумножалось представителями польской общественной элиты и интеллектуалами, которые грезили о восстановлении независимости. Стараясь пробудить этнорелигиозные чувства поляков, они предпринимали усилия, направленные не только и не столько на реконструкцию национальной истории, являвшуюся источником жизненных сил польского народа, сколько на новое её истолкование. Польская история обрастала мифами, легендами, символами, обретавшими характер национальных, художественными интерпретациями всякого рода воспоминаний и пр.

Нельзя не согласиться с российским историком А. Г. Васильевым, изучавшим «гибель Польши» как образ-воспоминание польской историографии периода разделов, что «утрата государственности в последней трети XVIII в. привела к тому, что именно историческому сознанию принадлежит значительный перевес в структуре польской национальной идентичности» [1, с. 216].

В образе прошлого любого народа одни периоды фаворизируются, другие же, наоборот, являются «пустыми». Это своеобразные «вершины» и «долины» коллективной памяти [1, с. 223]. И польский народ – не исключение. В его исторической памяти также выделяются определённые события, получающие статус «поворотных моментов истории», с которых начинается новая эпоха и происходит полный разрыв с прошлым. Но ни одно из них не травмировало так глубоко историческое сознание поляков, как «падение Польши», её разделы. Понять и принять произошедшее было практически невозможно... Действительно, как могла из Вены, спасённой польским войском от турецкой осады в 1683 г., исходить инициатива раздела Польши? Как могло случиться, что её просвещённые западные соседи смогли найти общий язык с Россией, от которой Польша их «веками защищала»? Как могла Польша оказаться настолько слабой?

Во внутренних причинах, которые к этому привели, поляки всерьёз не разбирались. Для объяснения им было вполне достаточно внешних факторов. Сама же трагедия вдохновила их на новое мифотворчество, в рамках которого Польша предстала в образе мессии, который должен был ввести человечество в эпоху счастья. Польский мессианизм XIX в., развитие которого было спровоцировано разделами Польши, явился «новой польской апологетикой, основанной на сопоставлении исторических событий Ветхого и Нового Заветов с исторической судьбой Польши и польского народа» [2].

Однако с точки зрения объективной, не мифологизированной истории, выяснение причин, которые привели к гибели польское государство, а вместе с ним и всю Речь Посполитую, представляется весьма актуальным, ибо исторический процесс, как известно, цикличен. Нежелание учитывать уроки прошлого, как показывает история, оборачивается необходимостью повторения этих уроков.

С одной стороны, память о трагедии «разделов» способствовала сохранению этнонационального единства польского народа и возрождению независимого польского государства в 1918 г. С другой же, она сделала частью культурного достояния польского народа «вплетённые» в его легендарно-мифологическую традицию фантазии, имеющие политическую подоплёку, которые являлись и продолжают являться фактором, не дающим покоя ни самим полякам, ни их соседям.

В частности, польская национальная идентичность, связанная в сознании поляков с понятием «польскость», предполагает существование у каждого поляка образа Отечества,

т. е. Польши, а также чувства принадлежности к особой гомогенной национальной общности, объединённой единством языка, верований, быта, нравов, обычаев, исторической судьбой и солидарностью социальных и политических интересов – к польскому народу.

В первом случае возникает проблема определения границ этого польского «Отечества». Во втором – с тем, кого же следует считать поляком. И то, и другое связано с польской национальной идеологией с её максималистскими установками.

Истинные причины, приведшие Польшу в последней трети XVIII в. к катастрофе, вытекали из особенностей её политического и социального устройства. Это было очевидно всем, за исключением самих поляков.

В числе этих «всех» были также и выходцы из европейских стран, которые, побывав в Польше и прожив там какое-то время, в своих сочинениях выходили на польскую тематику и давали довольно чёткие, а главное – беспристрастные характеристики всему тому, что им пришлось там увидеть. Прежде всего это касается французов, которые с точки зрения поляков всегда были «истинными друзьями Польши». В этой связи нельзя не отметить, что в период разделов Франция действительно стояла в стороне. Правда дальнейшая история франко-польских отношений показала, что в геополитических играх Франции, революционной ли она была или наполеоновской, Польша была «разменной монетой», а сами поляки – «пушечным мясом».

Одним из создателей в восприятии европейцев XVIII в. образа Польши и поляков был Жак-Анри Бернард де Сен-Пьер – французский писатель, путешественник и мыслитель, который оказался в Польше в 1764 г., в период бескоролья, наступивший после смерти короля Августа III. Там он ввязался в политические интриги, поддерживав князя Радзивилла Пана Коханку в его борьбе с будущим королём, графом Понятовским, за что даже посидел в тюрьме, куда его заточили Чарторыйские [3, s. 14–15]. Пребывание де Сен-Пьера в Польше было непродолжительным, но очень насыщенным. У него появилось достаточно оснований для того, чтобы дать объективную, потому нелестную для поляков оценку увиденному: «В Польше существует множество мелких князей, которые не имеют ни денег, ни двора. Чтобы придать блеск своей свите, которую они не в состоянии увеличить, они присваивают её членам звания капитанов и полковников. Когда они совершают визиты, войско это, насчитывающее больше офицеров, нежели солдат, остаётся в зале и иногда прислуживает своему господину при столе. Их развлечения не умнее их тщеславия; они не могут занять себя ничем полезным, <...> отупляют пьянством свой слабо развитый ум. В этой стране <...> доверяют образованию своих отпрысков французским лакеям, которые деморализуют их лестью. Эти чужаки в скверных стихах возвещают, что ясновельможный пан в какой-то день станет надеждой отечества и восхваляют его род, из-за чего они все считают, что пан гувернёр – это особо ценный человек. <...> Лакеи маршалка великого были капитанами, домашние учителя – полковниками» [4, s. 206].

Де Сен-Пьер заключал, что в Польше никто по-настоящему не заботится об интересах государства и страны, что интересы эти были попорчены теми, кто должен был их блюсти и защищать. В результате страна превратилась в арену соперничества великих держав, последствия которого ничего хорошего ей не сулили: «В Польше существует столько спорных интересов, сколько там есть сильных родов и сколько существует в Европе великих держав, которые имеют деньги для того, чтобы их потратить. Сильные роды находятся под влиянием женщин, поддерживающих Францию из-за своего интереса к моде и украшениям, другие имеют интерес к саксонскому фарфору, а иные, будучи ценителями изысканных венгерских вин, к Австрии, но всякий раз верх берут великие державы, которые имеют солдат. Россия трижды занимала польский трон» [4, s. 210]. В Польше же, как констатировал де Сен-Пьер, «большинство генералов не видели войны», а «военная служба находится в великом презрении» [4, s. 206]. Бедствия страны и причины развала польского государства де Сен-Пьер связывал с этническими особенностями поляков: «Нет народа, который бы так быстро забывал и об оскорблениях, и о благодеяниях. Поляки руководствуются сиюминутным инте-

ресом, не строят планов на будущее и не извлекают уроков из прошлого» [4, s. 207]. Обращает внимание де Сен-Пьер также на сходство между поляками и татарами: «Костюм поляка состоит из: из суконного халата с разрезными рукавами и шёлкового кафтана под ним, скреплённого поясом, из которого висит длинная сабля. Они постоянно носят обувь на высоких каблуках, ездят на лошадях не так изящно, как татары, пользующиеся для этого кнутом, а используют вместо него шпоры. Все они носят усы и бреют головы, покрывая их шапками с оторочкой из светлого меха» [4, s. 202–203].

Как и де Сен-Пьер, аналогию между степняками и поляками увидел также Уильям Кокс, английский священник, более прославившийся как историк, автор ряда популярных трудов, среди которых было и «Путешествие по Польше, России, Швеции и Дании» [5], написанное по итогам гран-тура, который он совершил в качестве наставника лорда Джорджа Герберта, сына графа Пембрука. Кокс пишет по этому поводу: «Чертами лица, обычаями, одеждой, фигурой и общим внешним видом поляки напоминают скорее азиатов, чем европейцев, и нет сомнения, что они происходят от татарских предков. Один из немецких историков (Кокс ссылается на взгляды немецкого историка XVII в. Иоганна Якова Маскова – А. К.), прекрасный знаток древней истории народов, заметил, что то, как поляки бреют головы, является, пожалуй, одним из древнейших признаков их происхождения. В начале V века у некоторых народов, известных под общим названием скифы, всё ещё был такой обычай носить волосы» [5, s. 648].

Своё мнение о Польше и поляках оставил также лотарингец Юбер Вотрен, нанятый губернёр (1777–1781 гг.) Казимира Нестора Сапеге его матерью – Эльжбетой, сестрой Великого гетмана Польской Короны Францишка Ксавери Браницкого, в книге «Наблюдатель в Польше» [6], опубликованной в 1807 г. Он был очень разочарован своим пребыванием в Польше и в людях, с которыми ему там пришлось иметь дело. Отношения между Вотреном и его воспитанником не заладились. Последний оказался несносным лицемером. Поэтому намерение Эльжбеты сделать из него с помощью Вотрена государственного деятеля, достойного его собственных и материнских амбиций, не реализовалось. И нанимательница не заплатила Вотрену за его услуги.

В итоге знакомства с семейством Сапег и взяв «на вооружение» цитату Ювенала «Если ты хочешь познать человеческий нрав, тебе хватит Дома хотя б одного» [7] Вотрен в своей книге, имеющий характер памфлета, создал некомплементарный образ Польши и поляков, в котором нашли отражение климатические особенности страны, происхождение польского народа и его характеристика, особенности политического устройства, экономики (прежде всего – область финансов), религия. Причём наибольшее внимание было уделено этническим особенностям поляков и политическому устройству Польши [6]. Он писал, что французы нигде не имеют таких прилежных подражателей, как в Варшаве, однако вне столицы они совмещают французскую вежливость со скифской брутальностью и азиатским бытом [8, s. 788]. Говоря об этнокультурной «гутаперчивости» польской знати, он писал: «В Париже поляк умеет быть парижанином, в то время как немец остаётся немцем, а англичанин скорее всего будет ещё большим англичанином, чем в Лондоне» [8, s. 788]. Удивляться этому видимо не стоит – многие из предков этих поляков имели непольское происхождение (восточнославянское или литовское, например). Так что традиции этнической мимикрии в среде польской шляхты существовали. Были живы и её навыки...

Вотрен отметил, что почти все варшавские дамы являлись большими модницами, предпочитая при этом иностранные платья, а не польские: «Как только в Париже создаётся новый наряд <...> он немедленно попадает с портновским манекеном в Варшаву, а отсюда и в провинцию» [9]. Всё это стоило больших денег, и польских модниц обвиняли в том, что, покупая роскошные наряды во Франции, они разоряют свои семейства. Впрочем, эти обвинения их трогали мало... Вотрен писал, что польки своим поведением демонстрируют просто непристойную свободу: «Полька <...> может сама сказать мужчине, что он ей нравится» [8, s. 786].

Французский литератор, католический монах–ораторианец Луи-Антуан Караччиоли служил гувернёром в доме полевого гетмана Короны Вацлава Ржевуского. В 1775 г. он опубликовал трактат «Польша, какая была, какая есть, какая будет», в котором восхвалял патриотические и республиканские добродетели польской шляхты [7]. Делал он это и в других своих сочинениях. В частности, в книге «Истинный мантор, или воспитание дворянства...» Караччиоли писал о Варшаве и поляках следующее: «Варшава представляется <...> свободной, открывающей свои границы для всех иностранцев, и кажется, как будто бы она их зовёт, чтобы они пришли в пределах её насладиться приятностями <...> Можно сказать, что в Польше дворянство живёт великолепно, и должно признаться, что нет в свете народа, который бы странноприимство (деятельность, связанная с приемом странников – А. К.) столь часто и щедро соблюдал, как поляки» [10, с. 131–132]. Недостатки в военной, в частности, области, которые Караччиоли смог рассмотреть, с его точки зрения носили преходящий характер и вполне могли быть устранены: «Если Польша не достигла до таковых сил, которые бы она от пространной обширности своих земель иметь могла, то сие происходит конечно не от недостатка мужества, потому что нет храбрее польского шляхетства; но ему недостаёт к устрашению своих соседей пехоты. Можно смело сказать, если сие мужественное шляхетство спешить, то оно будет непобедимо» [10, с. 137].

В 1755 г. французский посол в Варшаве Шарль-Франсуа, граф де Бройль, рекомендовал французскому дворянину Сезару Фелисити Пиррису де Варилью стать воспитателем сыновей известной в то время в Польше поэтессы и филантропки Барбары Сангушко, являвшейся дамой с интеллектуальными амбициями, активно участвовавшей в политической жизни. В частности, она организовала салон в Поддембице (в центральной Польше, ныне входит в Лодзинское воеводство – А. К.), смоделированный по образцу французских салонов XVIII в., где собрались интеллектуалы, художники и политики. Де Вариль был связан с семьей Сангушко до смерти своей покровительницы в 1791 г., дав образование не только её сыновьям, но и внуку. Он находился при ней в Варшаве, а также в её резиденции в Любартове, участвуя в её светских и литературных развлечениях.

Уже в конце правления Августа III, в 1760 г. де Вариль написал труд под названием «Политическое собрание, или краткое описание различных разновидностей польского правления», который в 1762–1763 гг. по приказу русского воеводы Августа Чарторыйского издавался дважды. Это указывает на политические связи автора в этот беспокойный период, связанный со смертью Августа III и выборами на королевский трон Станислава Августа Понятовского, кандидатура которого была выдвинута партией Чарторыйских. Его заслуги перед семьями Сангушко и Чарторыйских были столь велики, что Пиррису де Варилью на коронационном сейме 1764 г. было даровано гражданство Короны Польской. В эпоху Барской конфедерации он рекомендовал полякам придерживаться национального согласия. Эти мысли он записал в 1769 г. в «Письмах о текущей ситуации в Польше». Публикация в Лондоне его «Политических размышлений в Полонии» вызвала дипломатический скандал и вынудила автора отправиться в Париж, откуда он вернулся только в 1777 г. [7].

В изданном в 1760 г. в Варшаве сочинении «Политический компендиум» де Вариль писал о том, что из всех европейских народов именно поляки лучше других сохранили у себя свободу, однако современная ему Польша страдает от аристократических вожделений, отсутствия твёрдых законов и сильной власти. Он пишет: «Это – настоящее чудо, что вы могли существовать столь долго в таком беспорядке» [1, с. 239]. Отсюда – логичный вывод, что падение Речи Посполитой закономерно и что оно является следствием нарушения общего закона, который никакое общество не может нарушить безнаказанно. Этот закон де Вариль сформулировал следующим образом: «Нет общества без законов, тщетны законы без власти, нет законодательной власти без высшей власти» [1, с. 239].

Последними записями впечатлений и наблюдений из поездки в Польшу в конце XVIII в. являются рассказы французских политических эмигрантов, бежавших из своей

разорённой революцией страны. Альфонс-Гуссен-Жозеф-Андре-Мари-Марсель де Фортия де Пиль и его товарищ Пьер-Мари-Луи де Буажелен де Керду опубликовали в Париже в 1796 г. написанную в соавторстве книгу «Поездка двух французов в Германию, Данию, Швецию, Россию и Польшу, совершённая в 1790–1792 гг.» [11]. Оба путешественника были аристократами, роялистами и солдатами, покинувшими Францию не по доброй воле, а из-за опасений по поводу развития политической ситуации.

Де Пиль и де Керду писали, что Польша является аристократической республикой, в которой шляхта обладает суверенитетом и независимостью, но она также является и монархией, ибо есть король: «Эта чудовищная смесь породила наиабсурднейший строй, который существовал когда-либо, коротко говоря, – ни монархия, ни республика, а полная анархия. Его сохранение соответствует интересам шляхты, которая единственная из этого извлекает пользу. <...> Народ состоит только из двух классов: панов и холопов. Паны не только властвуют над своими холопами, но и принимают деятельное участие в делах управления» [12, s. 716]. «Шляхта (вообще – А. К.) делится на две части: сенат и рыцарство (собственно шляхту – А. К.). Сеймы состоят из сенаторов и шляхтичей, послов со всех воеводств. Обычно сеймы собираются через два года, чрезвычайные же тогда, когда этого требуют обстоятельства. На воеводские сеймики шляхта является вооружёнными ватагами и там часто проливается кровь. Вся земля находится в руках шляхты. Свобода шляхтича – полнейшая. Анархия является наилучшей формой правления для тех, кто с этого получает выгоду, потому они всегда прилагают всяческие усилия для того, чтобы продолжить её существование. Короля выбирает общий собрание, которое собирается в полумили от Варшавы в месте, которое предназначено для этой цели» [12, s. 717].

Говоря о шляхетской демократии и так называемых «золотых вольностях», де Пиль и де Керду приходят к весьма объективным выводам: «В глазах поляка настоящей сущностью свободы является вето, которое может выкрикнуть наиникчёмнейший шляхтич, принимающий участие в сейме. На этом сейм завершается, а послы разъезжаются по домам <...> Что это за демократия, которая в такой свободе имеет негативную цель? Никакой, если правящее собрание подчиняется сопротивлению одного человека, который может быть подкуплен королём или иностранным государством, пьян, ослеплён, неспособен отличить правду от лжи. Но польский шляхтич находит удовольствие в факте, что, не являясь королём, благодаря <...> такому бессмысленному вето он будет принимать участие в осуществлении высшей власти» [12, s. 718–719].

Буквально одним предложением они характеризуют социально-экономический уклад Польши и главную его проблему: «Имения польской шляхты огромны, нужда народа безгранична» [12, s. 723]. Далее авторы приходят к выводу, что полнейшая свобода шляхты крайне негативно сказывалась на военном потенциале Польши. С большим трудом государство, которое постоянно испытывало нехватку денежных средств, вело работу по созданию полноценной регулярной армии, которая бы отвечала требованиям времени. Она появилась в Речи Посполитой только в конце XVIII века. Де Пиль и де Керду особо охарактеризовали ополчение шляхты, созываемое на время ведения войны: «Посполитое рушение может составить 100 тысяч всадников, но многочисленное это войско состоит из шляхты, которая в большинстве никогда не покидала домашнего очага; очень чудно вооружённое, оно тянет за собой такой большой обоз, что с большим трудом его можно задействовать в деле. Дворянство заботится только о том, чтобы показать себя как можно пышнее, поэтому великолепие, которым оно себя окружает, больше подходит для празднования победы, чем для армии, идущей на поле боя» [12, s. 725]. В результате рассуждений этих авторов сам собой напрашивался вывод, что военная слабость Польши может стать фактором, способным спровоцировать могущественных соседей на нападение.

Образ Польши и поляков, созданный де Пилем и де Керду, дополняется новыми деталями в совместном труде католических священников Пьера-Николя Ано и Франсуа

Мальфильятра под названием «Два путешественника или письма о Бельгии, Голландии, Германии, Польше, Пруссии, Италии, Сицилии и Мальте, содержащие историю... и беспристрастный отчёт об основных событиях, произошедших в Европе с 1791 по конец 1802 года» [13]. Оба священника вынуждены были покинуть Францию из-за боязни репрессий, поводом для которых мог стать их отказ принести присягу духовенства на гражданской конституции.

В своей книге они старались рассказать о всяких проявлениях экзотики, о всём том, что отличало Польшу от Франции. С одной стороны, их поражали проявления отсталости, в частности, – катастрофическое состояние дорог. С другой же, они удивлялись богатству и культуре домов магнатов, а также знанию иностранных языков представителями польской элиты. Ано и Мальфильятр заключали: «Конечно, мнения, высказываемые в нашей стране о жителях Польши, не совсем справедливы. Считается, что они всё-таки полусарматы, менее цивилизованные, чем есть на самом деле. А правда в том, что ни одна другая нация во многих отношениях не похожа так на французов» [7].

Как пишет польский историк Пётр Угневский, авторы обоих отчётов (Фортиа де Пиль с Буажеленом де Керду и Пьер-Николя Ано с Франсуа Мальфильятром) очень критически относились к восстанию Костюшко, рассматривая его как катастрофический результат влияния якобинских идей и принятия террористических методов французских якобинцев. Хотя они и похвалили Конституцию от 3 мая за её умеренность, а её авторов за здравый смысл, который те в неё вложили, однако выразили разочарование в том, что поляки выбрали путь противодействия давлению со стороны соседей, который привёл страну к катастрофе» [7]. В частности, де Пиль и де Керду убеждали читателей в том, что поляки «должны были забыть ту роль, которую они сыграли в истории, и броситься в объятия одного из своих соседей, заключив с ним разумное соглашение». П. Угневский с сожалением констатирует, что эти французские дворяне не понимали упорства поляков, их стремления сохранить независимость, достоинство, патриотические и гражданские ценности [7].

Один из самых колоритных персонажей своего времени, известный во всей Европе писатель, путешественник и авантюрист из Венеции Джованни Джакомо Казанова де Сейнгальт прославился прежде всего благодаря своим любовным похождениям, описания которых можно найти в мемуарах «Истории моей жизни» [14], которые Казанова задумал написать, когда ему было почти семьдесят лет. В них имеются довольно пространственные описания его приключений в Польше, а также его впечатления о Польше и поляках.

Казанова прибыл в Варшаву 10 октября 1765 г. с рекомендательными письмами из Санкт-Петербурга. Князем Адамом Казимиром Чарторыйским он был представлен Станиславу Августу Понятовскому, который поддержал венецианца финансово и позволил находится подле себя. Как писал сам Казанова: «С тех пор я присутствовал при одевании короля, не пропуская ни одного дня» [15]. Адам Чарторыйский представил Казанову также своему отцу – Августу Александру Чарторыйскому, воеводе русскому. Описывая его внешний вид, Казанова изображает типичного рыцаря-сармата. При этом он повествует о текущих внутривосточных проблемах Речи Посполитой и о той роли, которую играл в польской политике Август Александр: «Я нашёл этого знаменитого человека окружённым лицами его свиты, одетыми в национальный костюм, в больших сапогах, в кафтанах, с обритой головой. Этот-то воевода и был главной причиной беспорядков в Польше. Недовольный положением, которое он и его брат, литовский канцлер, имели при дворе, они стали во главе заговора, который должен был низвергнуть с престола саксонского короля и заместить его, с поддержкой России, молодым Станиславом Понятовским, который был назван Станиславом-Августом» [15].

Будучи человеком наблюдательным и довольно ироничным, Казанова часто шутил о титуломании польской магнатории, о шляхте и даже о монархах, включая королеву Франции – супругу короля Людовика XV Марию Лещинскую (дочь польского короля и великого князя литовского в 1704–1709 и 1733–1734 годах Станислава Лещинского – А. К.).

Быстро войдя в светское общество Варшавы, Казанова вёл образ жизни, как он сам считал, образцовый: избегал любовных связей и карт, и работал на короля, надеясь стать его секретарём. Однако вскоре этот образ жизни был прерван конфликтом с графом Браницким. Говоря о Браницком и об его друге – полковнике Бининском, Казанова констатировал: «Под внешностью светскости и мягкости поляки сохранили кое-какую дикость. Как в порывах их дружбы, так и в проявлениях их злобы виден ещё сармат или скиф» [15].

Дуэль с Браницким закончилась ранением Казановы в руку и куда более серьёзным ранением его противника. Происшествие это оказалось резонансным. Сам Казанова позже писал, что последствия дуэли были тяжелы: вызовы на новые дуэли, на которые он «имел благоразумие не отвечать», буквально сыпались со всех сторон; он потерял благорасположение короля и вынужден был покинуть Польшу. Повествуя о переменах в отношении к нему короля и других своих покровителей, Казанова приводит небезынтересное мнение о поляках князя Сулковского: «Я встретил воеводу русского (Августа Александра Чарторыйского – А. К.): он почти не удостоил меня поклоном; увидел я также короля, но Его Величество даже не посмотрел на меня. Спросив польского посланника во Франции князя Сулковского о причине такой перемены, я получил следующий ответ: “Это следствие национального характера; мы – очень непостоянны; вы знаете поговорку: „Sarmatorum virtus veluti extra ipsos” (“У сарматов нет добродетелей; они только их показывают”)?» [15]. Впрочем, вскоре Казанова получил возможность убедиться, что прохладное к нему отношение короля должно было стать стимулом для быстрее его отъезда из Польши. Тысяча дукатов, которые Станислав Август ему послал для погашения долгов и на оплату поездки за границу [15], убедили Казанову, что последний действовал исключительно в его интересах.

Свою лепту в создание образа Польши и поляков в восприятии европейцев внёс и выходец из Силезии Иоганн Йозеф Кауш, который вёл врачебную практику в столице Силезии Вроцлаве (в ходе Первой Силезской войны 1740–1742 гг. город был присоединён к Пруссии – А. К.), а затем в Миличе (Нижняя Силезия). Своё путешествие в Польшу он описал в книге «Новости о Польше», вышедшей в 1793 г. В ней содержатся точные наблюдения автора, касающиеся Польши, её общественного строя, национального характера поляков. Кауш рассказывает о бедности крестьян, об ошеломившем его состоянии рабства, в котором они пребывали, и заключает, что крестьянское население страны уничтожает нужда и отсутствие поддержки со стороны государства [3, s. 41].

Очень впечатлило Кауша устройство крестьянской хаты, её отопление по-чёрному. Он пишет: «Первые жители земли не могли жить примитивнее! Даже кочующие народы видимо не ставили в местах своих постоев худших жилищ. На каждом шагу здесь видны следы пожаров» [16, s. 356]. Крестьянские хаты, стены которых строились из очень плотно сплетённого сухостоя и для утепления обмазывались глиной; с крышами, крытыми соломой или камышом, которые поддерживались деревянными столбами и балками [17, s. 38], действительно становились лёгкой жертвой пожаров.

Обращает внимание Кауш на особое отношение к женщинам в среде польской шляхты: «Ещё удивительнее, когда видишь, как тот же дворянин, перед которым все в его деревне трепещут от страха, с нежной галантностью ведёт себя по отношению к своей слабой половине, <...> жене. Даже когда он сильно злится, его гнев сразу тает, как только его любимая половинка, которая обычно управляет не только домом, но и хозяином этого дома, горячо просит его о чём-то. В целом к женщинам в Польше относятся с уважением, граничащим с обожествлением. Поклон за поклоном, целование руки за целованием рук практикуются здесь гораздо чаще, чем где бы то ни было» [18]. Обратной стороной этой зависимости от слабого пола, ставшей следствием чрезмерной увлечённости шляхтичей, особенно молодых, любовными ухаживаниями за его представительницами, стало очень широкое, как констатирует Кауш, уже не как путешественник, а как врач, широкое распространение венерических заболеваний: на 10 больных – 6 с венерическими болезнями [16, s. 289].

Обратил внимание на проявления сарматских традиций и моды в Польше ещё один немец – литератор и библиотекарь Иоганн Эрих Бистер, побывавший там в мае–июне 1791 г. Он анонимно опубликовал в 1791–1793 гг. отчёт о своём путешествии, в котором не смог удержаться от мелких критических замечаний по поводу внешнего вида шляхтичей: «Польскую шляхту, особенно в деревне, обвиняют в гордыне. Действительно, когда шляхтичи ходят в национальных костюмах, они производят впечатление чрезвычайно тщеславных. Этот наряд своим кроем и формой рукавов напоминает турецкий костюм, однако обувь поляков настолько чудесна, что её даже нельзя сравнивать с турецкой. Складывается впечатление, что турецкая одежда приспособлена для <...> ленивого человека, который только переползает с дивана на диван в своих покоях. А вот польская идеально подходит для смелых мужчин, так как позволяет им свободно передвигаться пешком и верхом» [19, s. 201–202].

Очень ёмкий художественный образ Варшавы периода Четырёхлетнего сейма (1788–1792 гг.) создал немецкий писатель (выходец из Магдебурга), переводчик и педагог Фридрих Иоахим Христофор Шульц. Как пишет Вацлав Завадский, никто из иноземцев до Шульца или после него не смог сделать на этом поприще чего-то большего» [3, s. 38]. Шульц много путешествовал, но чаще всего жил в Веймаре, Берлине и Вене. В 1789 г. он находился в Париже, где стал свидетелем революционных событий, которые впоследствии описал в своей «Истории великой революции во Франции» (1789 г.), которая отличалась полным беспристрастием автора. Равно как и другое его сочинение – «О Париже и парижанах» (1791 г.), представляющее собой наглядную картину нравов Франции конца XVIII в., которое стало первым опытом Шульца в области образотворчества.

В 1791 г. по рекомендации герцогини Курляндской Доротеи он получил приглашение стать профессором истории в Митавскую академическую гимназию в Курляндии. В Митаве (ныне Елгава в Латвии) Шульц приобрёл доверие и расположение местных бюргеров, которые боролись против привилегий шляхты, взявшей в Курляндии власть в свои руки. Осенью 1791 г. они делегировали Шульца в Варшаву, уполномочив защищать интересы курляндского бюргерства на Четырёхлетнем сейме [3, s. 36]. Ревностно выполняя порученную ему работу, Шульц воспротивился высшей шляхте, которая попыталась, хотя и тщетно, оклеветать его перед правительством Речи Посполитой.

Поскольку о литературных заслугах Шульца современная ему критика была очень высокого мнения, а сам он, по словам его современников и друзей, был человеком в высшей степени даровитым, прекрасно образованным, очень находчивым и остроумным, с добрым и впечатлительным сердцем, сказанное им о Варшаве и варшавянах заслуживает особого внимания и доверия [20]. В частности, он писал: «Так выросли дворцы и хаты, князья и нищие – физическая и моральная основа быта Варшавы. Рядом с дворцами господ выросли костёлы, при них монастыри <...> выросли дворцы банкиров, дома купцов и спекулянтов» [3, s. 39]. Шульц подчёркивает резкий контраст между большим богатством и ужасающей бедностью. Большинство населения, которое составляют бедные люди, голодает, когда всё в столице дорого и недоступно для бедного человека: «Дорогим является даже то, что в первую очередь необходимо для жизни, за что приходится платить и беднякам, и богачам: хлеб, мясо, соль, древесина, пиво, освещение и жильё. Страна, которая так обильно поставляет хлеб другим, должна своим собственным детям давать на самом деле его даром; однако наоборот, часто он здесь дороже, чем где-либо в другом месте, а цена топлива настолько высока, что много жителей мёрзнет» [3, s. 39]. Рисует он также и образ жизни высшего света (шляхты, банкиров), составной частью которой были балы, приёмы, пикники, танцы, ассамблеи и т. д. [3, s. 39–40]. Его представителям, погрязшим в развлечениях и удовольствиях, не было дела до просвещения, науки: «Литература здесь – как вообще всё – мертва. Пресса стоит. Пара книжных магазинов закрыты их хозяевами, от книг стараются избавиться, за бесценку отдают их перекупщикам. Науки снова погрузились в глубокий сон, как и прежде» [3, s. 37].

Число авторов, внёсших свой вклад в создание в восприятии европейцев XVIII в. образа Польши и поляков, не исчерпывается названными в статье именами. Однако и другие авторы, побывавшие в Польше и имевшие возможность познакомиться со своеобразием её политического устройства, общественной жизни, хозяйства, с царившими в ней порядками, нравами и пр., оставили воспоминания и характеристики, схожие с приведенными выше. Все они вместе, имея высокий уровень образованности, позволявший адекватно оценить увиденное, необходимые для этого способности и таланты, а также возможность совершенно свободно выражать своё мнение о Польше и поляках на страницах собственных сочинений, создали в целом некомплементарный образ польского государства и правящего в нём сословия – шляхты. Все они отмечали неэффективность архаичной и во многом фантазийной модели политического устройства Польской Короны (и Речи Посполитой в целом), абсолютно нежизнеспособной в изменившемся и продолжающем стремительно меняться мире. Главной причиной упадка польской государственности и приближающегося её краха они считали «золотые шляхетские вольности», погрузившие страну в анархию, ослабившие её и превратившие в объект захватнических устремлений могущественных соседей. Симпатии авторов были лишь на стороне крестьян, которые с их точки зрения не заслуживали такой жалкой участи, которую готовила им безраздельно господствовавшая в стране шляхта.

Источники и литература

1. Васильев, А. Г. «Падение Польши» и модели мемориализации травмы [Электронный ресурс]. – С. 215–248. – Режим доступа: <https://roii.ru/crises/roii-crises-8.pdf>. – Дата доступа: 24.02.2024.
2. Травкина, А. А. Специфика польского романтического мессианизма XIX века [Электронный ресурс] / А. А. Травкина. – С. 56–64. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-polskogo-romanticheskogo-messianizma-xix-veka?ysclid=ltcsd1ruox462565959>. – Дата доступа: 04.03.2024.
3. Zawadzki, W. Wstęp / W. Zawadzki // // Polska stanisławowska w oczach cudzoziemców : w 2 t. / Wstęp i oprac. W. Zawadzkiego. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1963. – Т. 1: – S. 5–46.
4. Saint-Pierre J.-H.-B., de. Podróż po Polsce / J.-H.-B. de Saint-Pierre // Polska stanisławowska w oczach cudzoziemców : w 2 t. / Wstęp i oprac. W. Zawadzkiego. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1963. – Т. 1. – S. 199–212.
5. Coxe, W. Podróż po Polsce, 1778 / W. Coxe // Polska stanisławowska w oczach cudzoziemców : w 2 t. / Wstęp i oprac. W. Zawadzkiego. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1963. – Т. 1. – S. 559–703.
6. Vautrin, H. L'observateur en Poljgne [Ressource électronique] / H. Vautrin. – Paris: Giguet et Michauds, 1807. – 484 p. – Mode d'accès: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=hvd.hxj9gm&seq=8>. – Date d'accès: 23.02.2024.
7. Ugniewski, P. Francuzi w Polsce w drugiej połowie XVIII wieku [Zasób elektroniczny] / P. Ugniewski. – Reżym dostępu: https://www.wilanow-palac.pl/francuzi_w_polsce_w_drugiej_polowie_xviii_wieku.html. – Дата доступу: 21.02.2024.
8. Vautrin, H. Obserwator w Polsce / H. Vautrin // Polska stanisławowska w oczach cudzoziemców : w 2 t. Т. 1 / Wstęp i oprac. W. Zawadzkiego. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1963. – S. 705–829.
9. «Так повелела мода!» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/wall-154374270_4485?ysclid=lszsbhbhxo503237247. – Дата доступа: 24.02.2024.
10. Караччиоли, Л.-А. Истинный мантор, или воспитание дворянства, сочинённое маркизом Караччиоли, полковником в службе короля польского [Электронный ресурс] / Л.-А. Караччиоли / Пер. с франц. Ф. Полуниин. – М. : Императорский Московский университет, 1769. – 174 с. – Режим доступа: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003334707?page=1&rotate=0&theme=white>. – Дата доступа: 24.02.2024.

11. Piles, F. de. Voyage de deux Français en Allemagne, Danemark, Suède, Russie et Pologne fait en 1790–1792 [Ressource électronique] / F. de Piles, B. de Kerdu. – Paris: Chez Desenne, 1796. – Т. IV. – 400 p. – Mode d'accès: <https://archive.org/details/voyagededeuxfran04fort/page/398/mode/2up>. – Date d'accès: 26.02.2024.

12. Piles, F. de. Podróż dwóch francuzów / F. de Piles, B. de Kerdu // Polska stanisławowska w oczach cudzoziemców: w 2 t. / Wstęp i oprac. W. Zawadzkiego. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1963. – Т. 2. – S. 675–727.

13. Anot, P.-N. Les deux voyageurs ou Lettres sur la Belgique, la Hollande, l'Allemagne, la Pologne, la Prusse, l'Italie, la Sicile et Malte; contenant l'histoire... et un récit impartial des principaux evènements qui se sont passés en Europe, depuis 1791 jusqu'a la fin de 1802 [Ressource électronique] / P.-N. Anot, F. Malfillatre. – Rheims : Chez Brigot, 1802. – 372 p. – Mode d'accès: https://archive.org/details/bub_gb_GulaAAAAQAAJ. – Date d'accès: 26.02.2024.

14. Казанова, Дж. История моей жизни = Casanova J. Histoire de ma vie / Дж. Казанова / Сост., вступ. статья, коммент. А. Ф. Строева; пер. с франц. И. К. Стаф, А. Ф. Строева. – М. : Московский рабочий, 1990. – 734 с.

15. Казанова, Дж. Мемуары [Электронный ресурс] / Дж. Казанова. – Режим доступа: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9A/kazanova-dzhakomo/memuari/12?ysclid=lt2og3fjuf756795492>. – Дата доступа: 26.02.2024.

16. Kausch, J. J. Wizerunek narodu polskiego. Opis podróży ze Śląska do Krakowa w Małopolsce / J. J. Kausch // Polska stanisławowska w oczach cudzoziemców : w 2 t. / Wstęp i oprac. W. Zawadzkiego. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1963. – Т. 2. – S. 267–379.

17. Kamecka, M. E' Autre vu par les voyageurs étrangers visitant la Pologne au XVIIIe siècle / M. Kamecka // Metamorfozy podróży: Kultura i tożsamość / Praca zbior. pod red. J. Sztachelskiej. – Białystok : Wyd-wo Uniwersytetu w Białymstoku, 2012. – S. 36–44.

18. Wójciuk, A. Staropolskie powitanie: «Czołem, panie bracie!» [Zasób elektroniczny] / A. Wójciuk. – Режим доступа: <https://histmag.org/Staropolskie-powitanie-Czolem-panie-bracie-15985>. – Дата доступа: 21.02.2024.

19. Biester, J. E. Kilka listów o Polsce pisanych latem 1791 roku / J. E. Biester // Polska stanisławowska w oczach cudzoziemców : w 2 t. / Wstęp i oprac. W. Zawadzkiego. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1963. – Т. 2. – S. 185–242.

20. Schulz, F. Podróż Inflantczyka z Rygi do Warszawy i po Polsce w latach 1791–1793 / F. Schulz // Polska stanisławowska w oczach cudzoziemców : w 2 t. / Wstęp i oprac. W. Zawadzkiego. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1963. – Т. 1 – S. 381–673.

УДК 94(476)«18»

Ю. В. Веретилло

Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы

О ФОРМИРОВАНИИ ГУБЕРНСКИХ АКЦИЗНЫХ УПРАВЛЕНИЙ

Недостатки финансовой системы Российской империи остро проявились во время Крымской кампании. Наряду с возрастающими военными издержками, необходимы были огромные денежные средства для индустриализации и покрытия расходов, связанных с отменой крепостного права. Государственный бюджет исполнялся с дефицитом, а покрытие недостающих средств осуществлялось путем привлечения займов. В сложившейся ситуации было принято решение о реформировании финансовой системы в целом и источников пополнения казны в частности. Одним из направлений стал пересмотр системы взимания налога с алкоголя. В статье представлен порядок формирования губернских акцизных управлений, которым предстояло заводить вводимой акцизной системой взимания питейных сборов.

Обострившиеся в 50-х гг. XIX в. проблемы в экономике Российской империи, которые привели к значительному дефициту бюджета, побудили правительство к пересмотру и реформированию финансовой системы государства. Одним из подлежащих пересмотру направлений был доход с алкогольной продукции, который взимался посредством применения откупной системы, когда правительственная регалия по сбору налога передавалась с торгов в руки частных лиц. Несмотря на стабильность и значимость поступлений в бюджет (составлял порядка 1/3 всех государственных доходов) к концу 50-х гг. XIX в. проявились существенные недостатки откупов, в результате которых правительство пришло к заключению, что не весь положенный объем налога поступает в казну [1, с. 4]. Помимо этого, откупная система негативно отражалась и на народной нравственности. Нарушение условий реализации алкоголя со стороны откупщиков способствовало неумеренному потреблению населением алкоголя в результате чего происходило моральное разложение низших слоев общества. Принимаемые правительством меры не имели должного эффекта и носили только временный характер, что подрывало основы государственности, когда население теряло веру к представителям государственной власти. В результате указанных обстоятельств 6 марта 1858 г. императором Александром II было принято решение о пересмотре откупной системы и выработке наиболее оптимального способа взимания налога с алкоголя [2, с. 512]. Непосредственная реализация правительственной задачи осуществлялась министерством финансов. Уже в октябре 1860 г. в Государственный совет были представлены основания заменявшей откупа акцизной системы взимания налога с алкогольной продукции. Наряду с обсуждением нового способа налогообложения спиртных напитков представителям высшей государственной власти необходимо было решить вопрос о способе управления акцизной системой. Всесторонний анализ представленной информации об откупной системе позволил представителям власти прийти к мнению, что только государственное заведование питейным сбором соответствовало бы целям и задачам проводимой реформы. В результате этого было принято решение о создании губернских акцизных управлений, которые, в отличие от прочих местных учреждений, были наделены высокой самостоятельностью и подчинялись непосредственно министру финансов [1, с. 39]. Решение частных вопросов о штатах акцизных учреждений, степени власти и круге обязанностей чиновников, а также губернатора в отношении местных организаций по администрированию акцизных сборов было предоставлено министру финансов [1, с. 40]. Предложения по вышеуказанным вопросам необходимо было представить в Государственный совет не позднее 15 апреля 1863 г. совместно с основным руководящим документом новой системы – «Положением о питейном сборе».

Непосредственная разработка Положения была возложена на учрежденную 26 октября 1860 г. Особую комиссию при министерстве финансов под председательством исполняющего обязанности статс-секретаря Государственного совета Заблоцкого-Десятовского [2, с. 516]. Вопросом устройства губернских акцизных управлений занималась административная подкомиссия.

Первоначальная задача, которая была поставлена Заблоцким-Десятовским перед членами подкомиссии, заключалась в определении способа управления акцизными ведомствами. На рассмотрение были предложены коллегиальность и единоначалие.

Для определения наиболее оптимального способа руководства и всесторонней оценки предложенных вариантов необходимо было добиться единого понимания характера деятельности акцизных ведомств. Постоянный контроль за соблюдением акцизного законодательства и оперативное реагирование на возникающие изменения подразумевали исполнительный характер деятельности. В свою очередь коллективное обсуждение применения каких-либо законодательных мер не только вредило бы действиям чиновников, но и способствовало бы самоустранению руководителя от исполнения возложенных на него функций, что в конечном итоге негативно отразилось бы на функционировании всей системы в целом. Таким образом подкомиссия пришла к выводу, что управление

стоит «вне тех условий, в коих коллегиально устройство служит лучшим обеспечением успешного и правильного достижения цели учреждения» [3, с. 68]. Единоначалие, сосредоточенное в руках губернского управляющего акцизными сборами, признавалось единственным гарантом своевременного и качественного исполнения законодательства.

В целях непрерывного функционирования местных организаций по администрированию акцизных сборов в случаях отсутствия управляющего, а также для обеспечения его объективной информацией о реальном положении дел в губернии и качестве исполнения обязанностей подчиненными было предложено учредить в каждом управлении должности помощника управляющего и ревизоров.

При обсуждении порядка ведения делопроизводства комиссия учитывала, что губернским учреждениям предстоит выполнять служебную переписку и вести учет денежных поступлений и отчетность по ним. Работы первого рода, ввиду простоты их выполнения, предлагалось вменить секретарю. Операции по учету акциза и патента были более сложными и требовали определенных знаний и умений, для чего было предложено учредить должность бухгалтера и его помощника.

В вопросе организации непосредственного надзора в уездах комиссия полагала, что развитая сеть мест производства алкогольной продукции в одних губерниях и отдаленность заводов друг от друга в других не позволят обеспечить необходимый уровень контроля только лицами губернского учреждения. В помощь губернским учреждениям было предложено ввести окружные акцизные управления в составе надзирателя и его помощников, которые подчинялись бы власти губернского управляющего. Ведению руководителей окружных учреждений предлагалось подчинить 1 или 2 уезда с разделением их на участки, находящиеся под непосредственным контролем помощников. Делопроизводство, ввиду его малочисленности, предлагалось поручить бухгалтеру, который наряду со служебной перепиской выполнял бы функции учета акцизных поступлений и осуществлял отчетность по ним.

Для того, чтобы установить штатную численность акцизных ведомств членам подкомиссии предстояло решить следующие задачи:

1. Определить оптимальное количество акцизных управлений, численность личного состава и размер содержания каждого из служащих;
2. Установить степень служебного положения акцизных чиновников в системе госучреждений.

При определении необходимого количества акцизных управлений в Империи подкомиссия исходила из того, что размер бюджетных поступлений будет напрямую зависеть от степени учета объема произведенного алкоголя. Только посредством организации непрерывного и пристального контроля за местами производства спиртосодержащей продукции возможно достичь фискальных целей акцизной системы. Таким образом в губерниях, имеющих развитую сеть винокурных заводов и требующих более пристального надзора, необходимо было сформировать самостоятельные акцизные управления. В свою очередь местности, где винокурение отсутствовало или было незначительным, подлежали объединению между собой с подчинением председателям казенных палат [3, с. 262]. Таким образом подлежали формированию 48 губернских акцизных управлений, 45 из которых были самостоятельными учреждениями, деятельность которых распространялась только на одну губернию [4, с. 9].

В каждом акцизном управлении было признано достаточным иметь по 1 должности управляющего и его помощника. Штатная численность оставшихся служащих была поставлена в строгую зависимость от местоположения акцизного ведомства и количества заводов по производству спиртных напитков. Так в Прибалтийских и Привилегированных губерниях, имеющих развитую сеть заводов по производству спиртного, предлагалось назначать 2 ревизора. В Великороссийских, где количество заводов было меньшим, а сами они, как правило, располагались на значительном удалении друг от друга – по одному. При этом признавалось возможным увеличивать численность ревизоров на одну штатную единицу там, где количество мест производства, в сравнении с аналогичными губерниями, было большим.

В каждом окружном акцизном управлении, как и в губернском учреждении, предполагалось назначить по одному надзирателю. Количество окружных управлений зависело от численности заводов, размещаемых на подконтрольной территории. Для Прибалтийских губерний на одно окружное акцизное управление приходилось порядка 90 заводов и на участок – 15–19. В привилегированных данные показатели составляли 35 на округ и 7–14 на участок. Для Великокороссийских губерний ведению округа предлагалось назначить территорию, объединяющую по 2–3 уезда в зависимости от их площади. В свою очередь участки помощников надзирателя распространялись на территорию одного уезда [4, с. 10]. В результате кропотливой работы комиссии было принято решение о необходимости введения 4526 должностей, 655 из которых приходилось на акцизные управления на белорусских территориях [4, с. 14].

Рассмотрев вопросы состава и численности акцизных управлений, комиссия приступила к определению размеров содержания каждого из служащих. Успех акцизной системы в целом и деятельности местных учреждений в частности во многом зависел от благонадежности чиновников. В этой связи комиссия считала, что должностные лица «должны быть обеспечены вполне достаточным содержанием, которое должно быть разделено на жалование и разъездные деньги» [3, с. 264]. Из двух составляющих наибольшее внимание было уделено вопросу разъездных расходов, которые являлись необходимым условием качественного исполнения обязанностей по проверке мест производства спиртного. Для точного определения размера денежных средств, необходимых для выделения на командировочные расходы, комиссии предстояло установить сущность и основные принципы расходования денежных средств по указанной статье. Исходя из заложенной нечастой периодичности проверок чиновниками губернского акцизного управления и учитывая значительность расстояний для поездок было принято решение, согласно которому содержать постоянных лошадей указанной категории лиц было экономически не целесообразно. Комиссия предлагала выделить губернским чиновникам только некоторую сумму, размер которой колебался в промежутке 800–1000 руб. в год в зависимости от должности. Должностным лицам окружного акцизного управления, ввиду постоянных поездок по делам службы и необходимости постоянного содержания лошадей, полагалось 400 р. в год на каждое должностное лицо [3, с. 265]. Остальным служащим выделение денежных средств по указанной статье расхода не предполагалось.

Денежное содержание предложено было установить в следующем размере: управляющему – 4500 руб. в год, помощнику – 2000 руб., старшему ревизору – 1400 руб., младшему ревизору – 1000 руб., секретарю губернского учреждения – 900 руб., бухгалтеру губернского учреждения – 1400 руб., его помощнику – 500 руб., окружному надзирателю – 1100–1300 руб., его старшему помощнику – 800 руб., младшему – 600 руб. и окружному бухгалтеру – 500–600 руб. [3, с. 253]. Издержки по формированию всех акцизных управлений предполагались в размере 3 млн. руб., которые министр финансов счел умеренными.

Заключения административной подкомиссии были подготовлены в апреле 1861 г., а уже в мае того же года они рассматривались совместно с Положением о питейном сборе [3, с. 261].

В результате проведенной в 1861 г реформы порядка взимания налога с алкоголя подлежали формированию губернские акцизные управления, основная функция которых заключалась в охране фискальных интересов государства в вопросе налогообложения спиртных напитков. Правительство придавало особое значение местным учреждениям по администрированию акцизных сборов, в результате чего они, в отличии от прочих местных организаций, были наделены значительными полномочиями и являлись самостоятельными ведомствами с прямым подчинением высшей власти. Определение штатов акцизных управлений осуществлялось путем всестороннего анализа как собственного, так и зарубежного опыта применения различных систем взимания питейных сборов. Наряду с этим впервые

учитывались особенности винокуренного производства в различных местностях государства, что в конечном итоге позволило рационально сформировать структуру и численный состав каждого из губернских акцизных управлений.

Источники и литература

1. Мнение Государственного Совета, удостоенное Высочайшего его Императорского величества утверждения 26 октября 1860 г., о главных основаниях системы взимания питейных сборов в России с 1 января 1863 г. – СПб. : Б.М., 1860. – 59 с.

2. Министерство финансов 1802–1902 : в 2 ч. / Министерство финансов. – СПб. : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. – Ч. 1. – 626 с.

3. Труды Комиссии, высочайше утвержденной для составления проекта положения об акцизе с питей : в 2 ч. / Министерство финансов. – СПб : Тип. И. Огризко. 1862. – Ч. 1. – 202 с.

4. Сборник правительственных распоряжений по управлению питейно-акцизными сборами. – СПб. : Тип. «Общественная польза», 1866. – 93 с.

УДК 94(431)”1830/1890

В. В. Репин, Д. В. Воронов

Белорусский государственный университет

ПРУССКАЯ ПОЛИТИКА НА ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ В 1830–1890 ГОДАХ

В статье рассматриваются основные направления политики Пруссии на польских землях в 1830–1890 гг. Представлены этапы перехода к политике германизации на польских землях (1830–1840 гг.), идеологической корректировки политики германизации (1840–1860 гг.) и форсированной германизации (1871–1890 гг.). Успешной политика была в аспектах экономической модернизации, в других способствовала усилению польского национального самосознания и социальному разделению между польской и немецкой общественностью.

Период от III раздела Речи Посполитой до восстановления государственности по окончании Первой мировой войны занимает одно из важных вех в изучении истории становления польской нации. В этот период Польша не имела собственной государственности. Она была разделена между Россией, Австрией и Пруссией, чья имперская политика воздействовала на историческое развитие польских земель. Повышенного внимания исследователей требует изучение прусской политики на польских землях. Ввиду малой изученности данной проблематики в русскоязычной историографии актуальным является комплексно исследовать разные аспекты истории Польши периода XIX – начала XX в., что обуславливает актуальность данной работы.

Историография германизаторского вектора Пруссии на польских землях охватывает период 1830–1890 гг. (от восстания в Царстве Польском 1830–1831 гг. до ухода Бисмарка с поста рейхсканцлера Германии в 1890 г.). Из исследовательских этапов мы можем выделить: советский [1; 2.] и постсоветский (А. Г. Матвеева [3], польский: эмигрантский (П.Вандыч [4], В.Конопчинский [5]), коммунистический (Ю.Хлебовчик [6], В. Якубчик [7], Л.Тшецяковский [8]) и современный (Э.Казимерчак и В.Ледэр [9], Я. Лютославский [10], Р.Лысонь [11] и П. Матусик [12]). Для советского направления характерно рассмотрение исторического процесса в русле марксизма-ленинизма, где с идеологически обусловленным изложением прусской, затем германской, политики истории давали негативную оценку власти юнкерского и буржуазного классов над

польским крестьянством и рабочими. Постсоветские исследователи не отошли от такого взгляда, но начали рассматривать проблему в свободной от формационного подхода парадигме. Современные авторы рассматривают вопрос не со стороны Пруссии, как актора германизаторской политики, а со стороны поляков и их противодействия политике государства, делая вывод, как А. Г. Матвеева в своей статье, что прусская политика в 1815–1830 гг. была благоприятной для польского населения, улучшила финансовое положение Великопольши в Пруссии и, как следствие, данное положение позволило полякам во время революции 1848 г. собрать ресурсы в борьбе за свои национальные права [3, с. 102–103].

Более комплексно, чем в русскоязычной историографии, рассматривают прусскую политику польские историки. В их работах вопрос рассмотрен через польскую национальную парадигму. Однако, благодаря подробному анализу формирования «органической работы», который предложили представитель неопозитивистской мысли в эмиграции П. Вандыч и историк-марксист из ПНР Ю. Хлебовчик, использовавший при польском научном плюрализме методы Школы Анналов и обращение к национальным особенностям, удаётся проследить, каким образом прусская политика в 1830–1890 гг., во время германизаторского засилья, меняла свои очертания и методы по интеграции Великопольши в единое государственное пространство. Современные историки дополняют эти существующие наработки данными из архивов ФРГ и историографическими сведениями немецких историков.

После подавления российским правительством восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском Пруссия начала постепенный переход к германизаторскому пути в польской политике. Фридрих-Вильгельм III (1797–1840 гг.) начал укреплять свой режим в Великом Княжестве Познанском. Поскольку там могло подняться антипрусское выступление, было решено упразднить должность штатгальтера⁶ и передать дополнительные полномочия обер-президенту. В княжестве обер-президентом стал Э. Флётвель. За десятилетие своей работы он делал всё, чтобы максимально инкорпорировать Великопольшу в состав Пруссии. Целью прусских властей становилось включение края в немецкую систему управления. Для достижения отмеченного результата королевским бюрократам требовалось ослабить политические позиции ведущих сословий региона: шляхты (путём экономического давления) и католического духовенства (за счёт большей зависимости от государства) [4, с. 129–131]. В действительности эти две группы были социальной базой восстания в России – их ослабление означало предотвращения народного выступления. Что касалось остальных групп населения, то сформировать у них прусский дух виделось возможным через немецкоязычное обучение и военную службу.

В 1832 г. немецкий язык получил статус единственного официального языка в Познанском Княжестве [3, с. 98; 5, с. 10]. До этого делопроизводство велось по-немецки, т. к. административный аппарат состоял на польских землях из немцев. Пруссия стремилась обратить пристальное внимание на школьное образование, дабы идеологически формировать у польской молодёжи дух прусского патриотизма. Все дисциплины, кроме уроков религии, стали преподаваться по-немецки, что способствовало германизации поляков [3, с. 98; 4, с. 133]. Одновременно увеличилось издание немецкоязычной периодики в крае, посредством чего транслировалась поддержка новой государственной политики. Однако полностью власти не запрещали выпуск польскоязычных газет, чтобы избежать недовольства у поляков. Поэтому администрация Флётвеля позволяла деятельность некоторых польских изданий. Те же показывали польскому народу королевскую

⁶ Должность наместника короля Пруссии была учреждена в 1815 г. по итогам Венского конгресса. Штатгальтером до 1830 г. был Антоний Радзивилл. Его пребывание на должности носило символический характер лояльной полякам политики Гогенцолернов в 1815–1830 гг. [5, р. 7].

политику в некритичном свете [12]. Так, прусские власти начали вмешиваться в публичную жизнь поляков, вынуждая их повсеместно пользоваться немецким, что интегрировало местное население в неотъемлемую часть прусского общества.

Вместе с вышеизложенными мерами администрация Флётвеля проводила политику включения Великого Княжества Познанского в немецкую систему управления. В 1832 г. был введён запрет польской шляхте избираться в ландрат⁷. Прусские власти увеличили представительство немецких землевладельцев в органе, что вело до онемечивания местного самоуправления. Дальнейшим шагом по присоединению Великопольши в немецкую управленческую структуру стало упразднение в 1836 г. должности войта громады. Вместо войтов администрация назначала районных комиссаров, которые обязывались исполнять полицейские функции на местах [4, s. 134]. На эти должности назначались отставные офицеры либо унтер-офицеры прусской армии. Увеличив немецкое представительство в местном органе власти и назначив на местах военных, Пруссия стремилась установить жёсткий контроль в Великопольше.

В 1840 г. Фридрих-Вильгельм IV стал новым монархом в Пруссии. Молодой правитель был сторонником реформ, придерживался немецких либеральных взглядов, которые зиждились на германской национальной идеи. Хотя политические взгляды короля повлияли на смягчение польской политики накануне 1848 г., Берлин не отходил от германизаторского вектора. Стоит отметить, как проявилось смягчение политики Пруссии. Во-первых, в первый год правления Фридрих-Вильгельм IV провёл амнистию участникам восстания 1830–1831 гг., жившим в Пруссии. Так, для шляхты снялось ограничение на покупку земли. Во-вторых, король восстановил гнезненского архиепископа М. Дунина в сане [3, с. 99; 13, s. 6]. Но подтвердив тем самым номинальное равенство католиков с протестантами в стране, гарантированное майской прокламацией 1815 г., Фридрих-Вильгельм IV приказал создать при Министерстве культов Католический Департамент [14, s. 7]. Этот орган работал подобно тайной полиции, которая вела контроль за деятельностью костёла.

На территории Познанского Княжества под влиянием основных немецких политических лагерей (либералов, консерваторов и демократов) начали появляться польские политические лидеры и объединения. За ними местная администрация следила и ограничивала их деятельность вплоть до ареста в 1847 г. видных польских политических деятелей К. Либельта и Л. Мерославского по обвинению в организации восстания [13, s. 6–7]. Так, при новой королевской власти на германизаторскую линию в прусской политике начали влиять политические идеи, пользовавшиеся популярностью в 1840-х гг. в правящих кругах.

Насчёт того, какое влияние на польскую политику оказали события революции 1848–1849 гг. в Пруссии, целесообразно подчеркнуть, что данная тема требует отдельного рассмотрения. Нам следует вкратце обозначить как немецкие политические лагеря поспособствовали формированию германизаторской повестки политики будущей Германии в Великопольше. Франкфуртское Национальное собрание (1848–1849 гг.) меняло свою позицию по польскому вопросу: от признания разделов Речи Посполитой неправомерными и помощи полякам в возрождении государственности, позволявшая бы вести с Россией более основательную конфронтацию, до признания польских земель частью Германии, т. к. там проживало немецкоязычное население [4, s. 136–138]. В разгар революционных событий во Франкфурте проходили диспуты между левой и националистической фракциями собрания. В результате среди делегатов возобладала идея демократа В. Йордана о «здоровом национальном эгоизме», заключившая, что польские земли являются частью Германии и по ним проходит восточная граница немецкого отечества с Россией [3, с. 98; 4, s. 139].

⁷ Орган самоуправления в крае [3, с. 98; 13, с. 3].

К 1860-м гг. власти Пруссии, с одной стороны, отталкивали польский аспект внутренней политики на второй план, решая вопрос о принятии конституции, с другой – переформатировали под принцип «здорового национального эгоизма». К слову, в Титуле I Конституционной хартии 1850 г. говорилось следующее: «Все области монархии в их теперешнем размере создают прусскую государственную территорию». Также в основном законе Пруссии не было отдельного титула о правах поляков [15]. Формально поляки считались, по конституции, немецкими подданными, что позволяло им пользоваться конституционными правами. Но эта формальность значительно расходилась с реальностью. В 1862 г. О. Бисмарк стал министром-президентом Королевства Пруссия. Он задал изменения политических приоритетов в государственной политике в 1863–1871 гг.: объединить под началом Пруссии немецкие княжества в единое государство.

Во внутренней политике «железный канцлер» применял польский козырь в идеологической борьбе с оппонентами. В конце 1860-х гг. начался натиск на языковые и культурные права поляков. В ответ левые депутаты прусского ландтага высказали недовольство. Затем Бисмарк обвинил левых в подстрекательстве польскому колу, которое, по его мнению, стремилось ослабить государство изнутри. Остальные депутаты, считая возможным поднятие восстания в Великопольше, положительно отнеслись к обвинениям канцлера [4, s. 228–229; 6, с. 95]. С образованием Германии польский вопрос стал внутринемецкой проблемой, что помогло Бисмарку начать противодействие тенденциям регионализма и католицизма и вести опруссачивание общественно-политической жизни Германии.

Главным инструментом для начала в Германии политики Культуркампфа послужил польский козырь. Когда в Германии Культуркампф для ослабления позиций католической церкви в социальной жизни не имел радикальных проявлений, то в Великопольше данная политика носила германизаторский характер. Согласно «майским» законам 1873–1875 гг., в крае началась борьба с католическим клиром, который оказывал влияние на народное сознание поляков путём школьного образования. Соответственно, имперские власти взяли под свой контроль все народные школы в Великопольше [2, с. 97]. Затем обучение в учреждениях образования, кроме Закона Божьего, стало проходить по-немецки. В ответ польские организации начали поддержку костёла и выражали недовольство действиями властей. В середине 1870-х гг. по краю прокатилась волна митингов. Местная администрация усилила полицейский режим в Великопольше: закрывались товарищества и польскоязычные издательства, административный аппарат получил обширные полномочия судить священников и представителей интеллигенции, вводить языковые ограничения в публичной жизни [4, s. 234].

К 1880-м гг. берлинская политика репрессий привела к росту у польской общественности поддержки костёла и пробуждению национального самосознания. На фоне данных тенденций усилилась консолидация польских организаций в рамках «органической работы» и их влияние на массы. Оценив неудачи политики Культуркампфа, рейхсканцелярия Бисмарка продолжила борьбу с поляками экономическим путём. На замену административным методам германизации пришёл принцип колониальной экспансии [9, s. 46]. Считалось, что увеличение доли немецкого населения в Великопольше поспособствует размытию региона в имперском пространстве. Потому колониационная политика, проводимая Флётвелем, была возобновлена. В 1886 г. прусский ландтаг издал закон о колонизации польских земель. По нему определялось создание Колонизационной комиссии, осуществлявшей выкуп земли у польских землевладельцев и передачу её в руки немцам [9, s. 51–52]. Комиссией создавался парциляционный фонд, который пополнялся как через куплю земельных участков у поляков, так и конфискацию владений у хозяев [6, с. 99].

Колонизационная политика Берлина в первые годы деятельности столкнулась с непредвиденными трудностями. Одной из таковых послужил недостаток немецких колонистов. Вследствие миграции немецкого населения с Востока Германии в западные промышленные районы, именуемой в немецкой историографии «Бегством с Востока»,

происходил отток немецкого населения [6, с. 99–100; 9, с. 64–66]. В сложившейся ситуации Колонизационная комиссия предлагала переселенцам из западных земель (крестьянам в первую очередь) льготы. Однако имперские власти не смогли обернуть социальный процесс вспять. Поэтому вербовка колонистов для переселения в Великопольшу стала малоэффективной. Ещё одной проблемой стало увеличение цен на землю из-за спроса на неё со стороны имперской комиссии. Вследствие уменьшения предложений о продаже земли и отсутствии желающих из западных земель Германии поселиться власти были вынуждены с 1896 г. позволить куплю земли польским организациям и парциляционным банкам у комиссии и немецких землевладельцев [9, с. 75]. Таким образом за годы существования комиссия, занимавшаяся экспроприацией польского землевладения, стала фондом выкупа по высоким ценам имений крупных землевладельцев среди поляков и немцев. Как следствие, произошла деформация итогов работы комиссии в направлении, противоположном первоначальному замыслу германизации Великопольши.

В 1890 г. к своему концу подошла эра Бисмарка. Новым канцлером стал Л. Каприви, проводивший 4 года «примиренческую» политику к полякам. Это обуславливалась отсутствием у канцлера большинства в рейхстаге и рядом внутривластных проблем своего времени.

В заключении подытожим: с приходом к управлению в Княжестве Познанском Э. Флётвеля завершилась политика уступок Берлина, на которую Пруссия пошла ввиду обязательств, данных на Венском конгрессе. В 1830-е гг. наблюдался поворот к политике германизации, выраженный в присоединении Великопольши в немецкую систему управления путём увеличения представительства немецких юнкеров в местном самоуправлении и назначении военных на посты руководителей громад, ограничении языковых и культурных свобод поляков с помощью школьного образования на немецком языке, кроме уроков религии. Во избежание недовольства, которое могла вызвать политика Флётвеля, полностью польский язык не искоренялся из общественной жизни путём издания провластных польских газет.

С началом правления Фридриха-Вильгельма IV до прихода О. Бисмарка к власти отмечается период корректировки польской политики Гогенцолернов. В первые годы правления нового короля польская политика смягчилась посредством амнистии участников восстания 1830–1831 гг., восстановления в сане гнезненского архиепископа, снятия ограничений в языковой и культурной сфере. Но Министерство культов создало Католический департамент для контроля за церковью. Администрация княжества арестовывала инакомыслящих, чтобы сохранять контроль над краем. За время революции 1848–1849 гг. прямое влияние на корректировку польской политики Пруссии оказало Франкфуртское национальное собрание, делегаты которого вначале радушно ставились к восстановлению польской государственности для защиты общенемецких внешнеполитических интересов. Затем по мере спада революционных настроений позиция собрания поменялась до националистической, согласно которой Германия заканчивалась там, где проживает немецкое население. Поскольку в Великопольше оно проживало, значит край признавался Франкфуртским собранием частью Германии. Это положение способствовало принятию Конституции в Пруссии, где Великопольша признавалась обычной провинцией Пруссии.

С образованием единой Германии Берлин перешёл к политике форсированной германизации, делавшей ставку на борьбу с польским языком и культурой, а также с влиянием костёла на народные массы. Стремление Бисмарка окончательно германизировать поляков стало целью политики Культуркамфпа, которая в конечном итоге привела к усилению польского национального самосознания. Рассмотрение деятельности Колонизационной комиссии показало, что экономические особенности регионов Германии не позволили в полной мере реализовать колониционную политику Берлина в крае.

Источники и литература

1. История Польши : в 3 т. / ред. кол. : Королюк В. Д. , Миллер И. С. , Третьяков П. Н. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1954. – Т. 1. – 577 с.7
2. История Польши : в 3 т. / ред. кол. : Миллер И. С. , Хренов И. А. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1955. – Т. 2. – 711 с.
3. Матвеева, А. Г. Политика Пруссии в польских землях в первой половине XIX века / А. Г. Матвеева // Новая и новейшая история. – 2003. – № 1. – С. 92–103.
4. Wandycz, P. S. The Lands of Partitioned Poland, 1795–1918 / P. S. Wandycz. – Washington, 1984. – 427 s.
5. Konopczynski, W. A. Brief Outline of Polish History. Translated by Benett, Francis / W. A. Konopczynski,. – Geneva : Imprimerie Atar, 1919. – 140 p.
6. Хлебовчик, Ю. Роль польско-германских отношений в истории германского «Дранг нах Остен» 1795–1918 гг. // «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: 1871–1918 гг. / ред. Королюк В. Д. – М. : Издательство «Наука», 1977. – 349 с.
7. Jakubczyk, W. Studia nad dziejami Wielkopolsce w XIX- XXw. / W. Jakubczyk // Prace Komisji Historycznej. – Poznan : Poznanskie Towarzystwo Pryjaciol Nauk, Wydzial Historii i Nauk Spoecznych, 1967. – 196 s.
8. Treciakowski, L. Wplyw Zaboru Pruskiego na swiadomosc spoleczenstwa Polskiego // L. Trzeciakowski // Dzieje Najnowsze, Rocznik IX – 1977. – Z. 4. – S. 1–13.
9. Kazimierzczak, E., Leder W. 200 lat niemieckiej polityki wobec Polski. – Warszawa : Oficyna wydawnicza Volumen, 1999. – 199 s.
10. Lutoslawski, J. Wielkie Ksiestwo Poznańskie 1807-1914/ J. Lutoslawki. – [Электронный ресурс] – <http://www.archivia.com.pl/artykuly/wielkie-ksiestwo-poznanskie-powstanie-i-organizacja.pdf> – Дата доступа: 9.02. 2024.
11. Lyson, R. Polskie ugrupowania ugodowe w Wielkim Ksiestwie Poznanskim w latach 1894–1918. – Poznan: UAM, 2012. – 315 s.
12. Matusik, P. Wielkie Ksiestwo Poznańskie: Polacy, Niemcy, pruska polityka 1815–1914 / P. Matusik [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pw.ipn.gov.pl/pwi/historia/kulisy-powstania-wielko/8548,Wielkie-Ksiestwo-Poznanskie-Polacy-Niemcy-pruska-polityka-1815-1914.html?poz=1> – Дата доступа: 11. 02. 2024.
13. Banaszewski, K. Rewolucja, powstanie, poczatek niepodleglosci czy niepotrzebny zryw? – Poglady polskich uczestnikow i obserwatorow wokol poznanskiej Wiosny Ludow. – Zielona Gora : Uniwersytet Zielonogorski, 2007. – S. 1–18.
14. Siecinski, W. Samorząd terytorialny na obszarze wielkiego księstwa poznańskiego w latach 1815–1848 / W. Siecinski // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, Studia Administracyjne nr 7. Szczecin: Uniwersytet Szczeciński, 2015. – 257 s.
15. Конституционная хартия Пруссии, принятая 31 января 1850 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. / Отв. ред. Н. Н. Блохин. – М. : Гос. изд. юрид. литературы, 1957. – 577 с.

УДК 94:342.5:321(438.31)«1815-1846»

П. Н. Мытник

Белорусский государственный педагогический
университет имени М. Танка

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО КРАКОВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В данной статье показаны причины создания Краковской республики как независимого города-государства в Восточной Европе по решению Венского конгресса 3 мая 1815 г., выявлены

особенности ее государственного строя и политического устройства, раскрыты характер взаимоотношений между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти, а также роль государств-попечителей в судьбе Краковской республики и ее ликвидации в 1846 г.

Краковская республика как уникальный образец польской государственности существовала в 1815–1846 гг. Этот город-государство объявлялся вольным, независимым и строго нейтральным под непосредственным покровительством Российской империи, Прусского королевства и Габсбургской австрийской монархии и чем-то напоминал города-государства Ганзейского союза (1367–1669 гг.). Его историческое значение оценивается как польской, так и российской научной литературой как феномен дипломатической победы императора Всероссийского Александра I на отнюдь не спокойном заседании Венского конгресса 1814–1815 гг. [1, с. 87; 2, с. 3391]. Более того, историки склонны утверждать, что личная инициатива императора по созданию города-государства была обусловлена его воспитанием в духе либерализма и неоднократными размышлениями о возможности введения конституционализма в России, а также стремлением «пробовать» конституционный механизм в действии на национальных окраинах, прежде чем перейти на общероссийский масштаб [2, с. 3392].

Поражение Франции в кампании 1812 г. фактически поставило крест на планах императора Наполеона I Бонапарта по возрождению польского государства. Это вызвало разочарование у той части поляков, кто стремился вернуть к жизни утерянную Речь Посполитую, участвовав в войне на стороне французов. Заграничный поход русской армии 1813–1814 гг. завершился окончательным крушением Варшавского герцогства – французского протектората в Восточной Европе. Теперь судьба польского народа всецело находилась в руках представителей России, Австрии, Пруссии, Великобритании, уже разгромленной Франции и других европейских стран, которые собрались в Вене в сентябре 1814 г.

«Теперь меня более всего занимает Польша», – говорил российский император полякам, находясь в Пулавах в гостях у семейства Чарторьских. – «Еду на конгресс работать для нее, но надо двигать дело постепенно. У Польши три врага: Пруссия, Австрия и Россия, и один друг – это я. Если бы я хотел присоединить Галицию, пришлось бы сражаться. Пруссия соглашается восстановить Польшу, если ей отдадут часть Велико-Польши. А я хочу отдать польским провинциям около двенадцати миллионов жителей. Составьте себе хорошую конституцию и сильную армию, и тогда посмотрим» [3, с. 72]. Вышесказанное позволяет предположить, что Александр I, стремясь воссоздать польское государство в границах Российской империи, видел себя спасителем поляков. Этому, безусловно, содействовали и польские дворяне, в частности А. Е. Чарторьский – друг императора, член «негласного комитета», министр иностранных дел империи 1804–1806 гг., а также польский патриот, принимавший участие в написании как конституции Краковской республики, так и конституционной хартии Царства Польского.

На Венском конгрессе царил напряжённая обстановка. В ходе обсуждения польского вопроса против позиции русской делегации решительно выступили делегаты Великобритании и Австрии: их категорически не устраивали требования Санкт-Петербурга в отношении территорий Варшавского герцогства. Россию поддержала только Пруссия, и то из корыстных побуждений. Ещё в Париже Александр I сделал Фридриху-Вильгельму III выгодное предложение об отказе от польских территорий в обмен на земли Саксонии. Оно было принято, так как саксонский король находился в плену и ставить ответные требования был не в состоянии. Ожидалось, что за щедрое вознаграждение удастся заручиться и согласием Австрии. Об этом свидетельствует краткое извлечение из инструкции, составленной Александром I уполномоченным для ведения переговоров на конгрессе: «Австрии: Тироль, Зальцбург, Иннфиртель (Вайнфиртель), побережье Адриатического моря и часть Италии до рек По и Тесина. Пруссии: Саксония и Познань, до черты от Торна (Торунь) до Калиша и по течению Просны. России: вся остальная часть Герцогства Варшавского» [3, с. 73].

Австрийский министр иностранных дел К. Меттерних решительно отверг план русско-прусской стороны ввиду опасной близости предполагавшейся русской границы к стратегическим пунктам Королевства Галиции и Лондомерии. Также, судя по изречению К. Меттерниха, Австрию беспокоил и Краков: «Передача Кракова России означает, что ее армии окажутся в десяти переходах от Вены, а сохранение в ее руках Замостья значит, что они могут в три перехода дойти до Лемберга, и тогда восточную Галицию уже нельзя будет удержать; обладание ею оказалось бы до крайности непрочным, коль скоро размещенная там армия будет сразу же отрезана, как только русские войска двинутся от Кракова за Вислу...» [3, с. 74]. Сторону австрийского министра поддержала Великобритания, не желавшая усиления Российской империи на мировой арене. Однако император Александр I изначально отказывался идти на уступки и склонялся к давлению на конгресс. Так, в разговоре с Ш. М. Талейраном он открыто высказывал возможность вмешательства русской армии: «Впрочем, у меня в Варшавском герцогстве 200 000 человек, пусть попробуют прогнать меня из него. Я отдал Пруссии Саксонию, и Австрия согласна на это» [3, с. 75]. 19 ноября 1814 г. для придания весомости своим польским претензиям Александр I отправил в Варшаву своего брата цесаревича Константина Павловича, который собрал армию в 70 тыс. и обратился к жителям бывшего Варшавского герцогства с воззванием: «Вы ознаменовали себя великими подвигами в борьбе, нередко вам чуждой. Теперь, когда вы обратите все свои усилия к защите отечества, вы будете непобедимы. Беспредельная преданность императору, который желает одного блага вашему отечеству, любовь к его августейшей особе, повиновение, дисциплина, согласие – вот средства, могущие обеспечить благоденствие вашей страны, состоящей под мощной защитой императора. Таким путем вы достигнете той счастливой доли, которую другие могут вам обещать, но которую он один может вам доставить. Его могущество и его добродетели в том ручаются». Этот демарш, исполненный русским императором, произвел сильный переполох в венском «дипломатическом танцзале» [3, с. 76].

Ситуация достигла своего апогея, когда в дело вмешался французский представитель Ш. М. Талейран. Он второпях подготовил вариант союзной конвенции против России между Великобританией, Францией и Австрией, подписанный 3 января 1815 г. Российскому императору доложили о готовившемся союзе, однако первоначально он не придавал ему особого значения. Лишь спустя некоторое время он заметил подозрительную военную активность, однако по-прежнему настаивал на мирном урегулировании вопроса. Именно тогда императором была предложена идея наделить Краков статусом «вольного города» [2, с. 3392]. После «ста дней» Наполеона Бонапарта и смены расстановки сил на Венском конгрессе стороны смогли прийти к взаимовыгодному соглашению, подписав 3 мая 1815 г. «Дополнительный трактат относительно Кракова, области его и конституции между дворами российским, австрийским и прусским заключенного». Датой подписания договора было выбрано 3 мая, так как именно в этот день 24 года назад была принята Конституция Речи Посполитой. Согласно документу, город объявлялся независимым, строго нейтральным и демократическим государственным образованием под непосредственным покровительством трёх государств-соседей. Таким образом, на территории Восточной Европы возникло микросоударство, политическое устройство которого отличалось от держав региона того времени, так как за основу его создания были взяты принципы демократии и республиканских традиций. Судьба Кракова всецело легла на его граждан, которые активно участвовали в политической жизни на протяжении 31 года его существования как вольного города.

В качестве приложения к договору от 3 мая 1815 г. А. Е. Чарторыйским были сделаны наброски Конституции Краковской республики. Будучи истинным польским патриотом, он делал всё возможное для возрождения польского государства при помощи русского императора, стремясь таким образом «руками России воссоздать Польшу» [2, с. 3393]. Первоначально в его план входило единение всех земель в составе империи, однако решение Венского конгресса даровало независимость одному из польских городов, что сделало план весьма проблематичным в исполнении.

Конституция была написана быстрыми темпами, поэтому окончательно её доработать должен был сформированный летом 1815 г. Организационный комитет. Доработанный проект существовал 1818 г., когда в него были внесены изменения. Они детализировали сущность института частной собственности и прав крестьян, которые уже могли принимать участие в выборах депутатов в сейм республики. Правда, при одном условии – деревня могла отправить своего кандидата, если среди её жителей не было лица, имевшего право голоса, и она включала минимум 10 дворов [2, с. 3394]. Конституция объявляла католичество государственной религией, но в отношении нехристианский верований декларировалась терпимость и гарантировалась правовая защита. Официальным языком был польский язык. Также гарантировалось равенство всех перед законом.

Согласно окончательному варианту Конституции, власть в стране была представлена законодательной, исполнительной и судебной ветвями. Высшим органом исполнительной власти являлся Сенат, состоявший из председателя и 12 членов, восемь из которых выбирало собрание, а также по два – капитул и Краковский университет. Законодательная инициатива принадлежала Собранию Представителей (сейму), состоявшему из 41 члена. 26 их них избирали гминные собрания, по три Сенат из сенаторов, капитул из каноников и прелатов и университет из профессоров и докторов. Оставшиеся шесть мест принадлежали так называемым мировым судьям. Собрание имело законодательные и контрольные полномочия, собиралось один раз в год с целью утверждения бюджета, контроля работы государственных чиновников, выбора сенаторов и судей. Конституция ставила в зависимость его законодательную инициативу от согласия Сената, которому принадлежало право отложить на год исполнение постановления, если оно не прошло большинством в восемь голосов [3, с. 3393].

Сохранялось действие Кодекса Наполеона и независимость судей. Существовали суды первой инстанции и апелляционный. В первом суде три члена, а в апелляционном четыре, в том числе и председатели, назначались пожизненно. Эти два суда решали все тяжёлые дела без различия рода или титула обвиняемого. Когда приговоры обеих инстанций совпадали во всех пунктах, то апелляция запрещалась. Но если в гражданских делах решения в основном не совпадали и обвиняемый приговаривался к смерти или бесчестию, то дело ещё раз выносилось в апелляционный суд, и к обычным судьям присоединялись все городские судьи-примирители и четыре человека, по два из которых каждая из главных споривших сторон выбирала из граждан Кракова. Устанавливалась необходимость присутствия трёх судей для принятия решений в первой, пяти во второй и семерых в последней инстанции. В случае грубого превышения полномочий чиновником любого ранга возникала необходимость созыва «Верховного судилища», представлявшего собой аналог современного Верховного суда. Составлялась комиссия из пяти представителей, определявшихся по жребию; трёх членов Сената, им же избиравшихся; представителей судов первой инстанции и апелляционного; четырёх судей-примирителей, назначавшихся по очереди; трёх граждан, избиравшихся чиновником, преданным суду. Для принятия легитимного решения необходимо было присутствие по крайней мере девяти членов [4, с. 323].

Избирательное право в республике получили все граждане с земельным налогом выше 50 краковских золотых, врачи, купечество, руководители предприятий, духовенство, судьи и профессора университета. Требованиями на занятие должности сеймика или сенатора было наличие высшего образования, исключение составляли только назначенные государствами-попечителями и бывшие чиновники Варшавского герцогства.

В будущем в политической системе Краковской республики наблюдалась тенденция к усилению влияния Сената, который фактически перехватил законодательную инициативу у сейма. Первый конфликт между ними произошёл в 1817 г. по причине налоговой реформы, в результате чего вмешалась российская власть. Это стало первым обращением к стране-попечителю. В дальнейшем такая практика всё чаще распространялась и приводила к урезанию полномочий демократических институтов, сводя всю систему к олигархии открытого типа.

В 1815–1827 гг. в Сенате главенствовала партия сторонников шляхтича С. Воздицкого, поддерживавшаяся А. Чарторыйским. Будучи консерваторами, они выступали за присоединение города к Царству Польскому и борьбу с либеральным крылом, лидером которого был ректор Краковского университета В. Литвинский [5, s. 366]. Конфликт между этими двумя партиями произошёл в 1820 г., спровоцировавший серьёзные студенческие волнения. В 1827 г. С. Воздицкий проиграл выборы кандидату от либералов главе апелляционного суда Ю. Никоровичу. Партия консерваторов устроила бойкот в Сенате, чем воспользовались государства-попечители. Они блокировали решение Сената и вернули на пост председателя С. Воздицкого. Это ослабило позиции либералов, параллельно был урезан суверенитет Кракова [5, s. 367].

В последующие годы ситуация обострялась. Восстание 1830–1831 гг. сделало город пристанищем многих повстанческих организаций, борьба с которыми привела к изданию нового варианта Конституции в 1833 г. Так, были ограничены полномочия Соборания представителей, создан контрольный орган – Конференция резидентов стран-попечителей. Тайное соглашение между Австрией и Россией предусматривало оккупацию города австрийскими войсками и присоединение к Галиции в случае революционных беспорядков. В 1836 г. под предлогом борьбы с польскими «конспираторами» Австрия ввела свои войска на территорию Кракова [6, с. 44]. Они оставались здесь до 1841 г. В то время автономия республики практически бездействовала. 21 февраля 1846 г. в городе началось общепольское восстание под руководством Национального правительства Польской республики Я. Тиссовского. 24 февраля состоялся государственный переворот М. Вишневого, провозгласившего себя диктатором. Однако сторонники Я. Тиссовского вернули его к власти на следующий день. Уже в марте 1846 г. в результате сдачи последнего на прусской границе город был передан под контроль России, которая, в свою очередь, отдала власть австрийскому генералу Н. Кастильоне. 16 ноября 1846 г. город Краков был официально включён в состав Австрийской империи с принесением присяги императору [6, с. 48].

Таким образом, по решению Венского конгресса на пересечении границ России, Австрии и Пруссии возникла Краковская республика. Её государственное устройство, провозглашённое демократическим, с течением времени сменилось на аристократическое, что проявилось в усилении влияния консерваторов в Правительствующем Сенате и постоянном присутствии стран-соседей. Оппозиция в лице либерально настроенной профессуры Краковского университета и части мещан стремилась сохранить суверенитет и свободы, прописанные в Конституции, однако политические связи консерваторов и события 1830–1831 гг. постепенно склонили Россию и Австрию к ликвидации независимости «вольного города», что и было реализовано после подавления восстания в 1846 г.

Источники и литература

1. Karpinska, M. *Historie Polski w XIX wieku: w 4 t.* / M. Karpinska, S. Wiech, T. Gasowski, G. Kucharczyk. – Warszawa : Wydawnictwo DiG, 2013. – Т. 2: *Historie polityczne : w 2 cz.* – Cz. 1. – 506 s.

2. Сайфуллина, А. Р. Конституционное устройство Краковской республики и роль Российской империи в его становлении / А. Р. Сайфуллина // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»* / А. Р. Сайфуллина – Набережные Челны: Набережночелнен. гос. ун-т, 2017. – Т. 39. – С. 3391–3395.

3. Соколов, А. Р. Александр I и образование Краковской республики / А. Р. Соколов // *Новый исторический вестник.* – 2016. – № 1 (47). – С. 71–86.

4. Змерзлая, Е. П. Создание судебных систем «Вольного города Кракова» и «Царства Польского» в 1815 г. / Е. П. Змерзлая // *Ученые записки Крым. федеральн. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. Юрид. науки.* – 2012. – Т. 25. – № 2 (64). – 321–326.

5. Filimowski, M. Zarys organizacji wladz terenu / M Filimowski // Ziemia chrzanowska i Jaworzno / M. Cabalska [et.al.]. – Kraków : Wydawnictwo Literackie, 1969. – 498 s.
6. Соколов, А. Р. Гибель Краковской республики / А. Р. Соколов // Военно-исторический журнал. – 2016. – № 3. – С.43–49.

УДК 94(100)654

И. Р. Чикалова
Белорусский государственный педагогический
университет имени М. Танка
Р. А. Чикалов
Независимый исследователь

МОНАРХИЯ ГАБСБУРГОВ В ПЕРИОД ДУАЛИЗМА: ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА ИМПЕРИИ

В статье демонстрируются национальные противоречия, разворачивавшиеся в империи Габсбургов, показываются попытки их преодоления. Монархия должна была постоянно считаться с межэтническими конфликтами между немцами и чехами в Богемии, поляками и русинами в Галиции, хорватами и итальянцами в Далмации, сербами и хорватами в южных областях Венгрии и Австрии. Австро-венгерские противоречия спровоцировали кризис самого дуализма.

Империя Габсбургов являлась многонациональным государственным образованием. В 1857 г. на ее территории проживало 31,595 млн человек. Из них 14,555 млн. составляли славянские народы, 7,728 млн. – немцы, 4, 871 млн. – венгры, 2,600 млн. – румыны, 0,524 млн. – итальянцы [1]. Не обладая количественным большинством, австрийцы доминировали в империи, дискриминируя непосредственно подчиненных Вене славян Богемии, Галиции, Силезии, Словении, Далмации, итальянцев Ломбардо-Венецианской области. Магьяры Венгрии, добиваясь восстановления утраченной государственности и, находясь в связи с этим в состоянии конфликта с Габсбургами, сами подавляли поставленных в административную зависимость от них русинов Закарпатья, словаков, южных славян Хорватии и Славонии, сербов Воеводины, румын Трансильвании. В землях венгерской короны магьяры не только держали в своих руках аппарат управления, но и концентрировали значительную часть земельной собственности, взимая с крестьян феодальные повинности. Многочисленные народы все более проникались духом национального самосознания.

Такой процесс шел в Богемии, полностью лишенной административной самостоятельности. В ее городах насаждались немецкая культура и язык. Но уже в первой половине XIX в. здесь начинается движение за национальное возрождение. На рубеже 1860-х – 1870-х гг. завершается процесс формирования чешской нации. И хотя среди чешской интеллигенции доминировали идеи австрославизма, сама политическая реальность питала националистические настроения. Ряд провинций частично, а Крайну полностью заселяли словенцы, наиболее германизированный славянский этнос, но и здесь росло национальное самосознание. В 1868 г. на одном из митингов всеобщее одобрение вызвал призыв: «Мы все, словенцы, не хотим быть ни штирийцами, ни каринтийцами, ни приморцами, мы хотим быть только словенцами, объединенными в единую Словению» [2, с. 371]. Попавшие под власть Габсбургов Тешинская Силезия и Западная Галиция составляли менее 10 % этнически польских земель, но к 1870 г. в них проживало почти 25 % поляков от числа заселявших всю польскую национальную территорию. Полякам было присуще ярко выраженное стремление к восстановлению национально-государственной независимости. Лишь в Восточной Галиции социально и национально

угнетенное украинское крестьянство тяготело к другим малороссийским областям, но и здесь господствующий класс был польским или полонизированным, что и определяло ориентиры политического развития.

Но и перед самими австрийскими немцами также встала сложнейшая проблема. Крах идеи объединения германских земель под главенством Австрии в результате поражения в австро-прусской войне 1866 г. и последовавшим за этим образованием Северогерманского союза, а затем и Германской империи потребовал пересмотра сложившихся национально-политических приоритетов. Австрийские немцы оказались перед необходимостью принять как неизбежность путь самостоятельного национального развития. Но эта переориентация проходила болезненно, поскольку, по словам современника, вся «немецкоговорящая часть империи думала и ощущала себя немцами, воспринимала государственное разделение как неестественное, как результат прусской политики силы» [3, с. 36].

Не менее остро стоял национальный вопрос в Венгерском королевстве. Революция 1848–1849 гг. консолидировала венгерскую нацию, чему способствовал ряд факторов: наличие мощного дворянского класса; непрерывная государственно-политическая традиция Венгерского королевства, сохранившаяся, несмотря на утрату в XVI в. независимости и османское господство в XVI–XVII вв.; наличие политических учреждений в виде государственного собрания и развитой комитатской системы; административно-политическое единство королевства, включавшего в свой состав всю массу мадьярского населения; наконец, резкое отличие мадьярского языка от языка соседей. В то же время после революции территорию собственно Венгрии разделили на пять имперских наместничеств. Венгерские чиновники подчинялись назначавшемуся Веней военному и гражданскому губернатору. Трансильванию, Хорватию, Славонию, Сербскую Воеводину и Темишварский Банат поставили под прямое австрийское управление. Немецкий язык объявили государственным и обязательным для администрации, судопроизводства, народного образования во всех частях империи.

Формирование хорватской нации шло в условиях административно-политической раздробленности: Хорватия и Славония находились в составе Венгерского королевства, а т. н. Военная граница – в управлении военного министерства. Конфликт с мадьярским ядром королевства подпитывали сначала идеи иллиризма (создания Иллирийского королевства под властью Габсбургов в составе Хорватии, Славонии и Далмации), а затем югославизма – объединения Хорватии, Славонии, Сербии в единое государственное образование.

Сербы населяли Воеводину, жили в Хорватии, Славонии, на территории Военной границы, в Далмации. Они тяготели к Сербии, которая с обретением автономии стала центром притяжения и ядром сербской государственности. Со времен раннего средневековья в состав Венгерского королевства входила Словакия. Мадьяризация ее господствующего класса хотя и тормозила, но не смогла остановить тенденцию к формированию особого словацкого самосознания. Не прекращались трения с мадьярской властью у румын Трансильвании. Осознание их этнической общности с населением румынских княжеств, а затем и независимого Румынского государства вызывало, особенно в годы Первой мировой войны, стремление к воссоединению с Румынией.

Конфликт между австрийской и венгерской частями империи окончательно обозначился с момента принятия патента от 26 февраля 1861 г., который, с одной стороны, определял состав рейхсрата, а, с другой, содержал уставы ландтагов отдельных частей империи. Венгры отказались от участия в работе рейхсрата и стали добиваться полной автономии. Чтобы преодолеть нараставшее недовольство, требовалась модернизация империи, проведение радикальных реформ.

Результатом борьбы стало подписание в 1867 г. Австрией и Венгрией соглашения, превратившего прежде единую монархию в реальную унию. Австрийская империя была преобразована в дуалистическую монархию – Австро-Венгрию. Законодательную основу нового государства составил свод законов, т. н. «Декабрьская конституция» [4; 5]. Ее структурными частями стали нормативные акты: Основной государственный закон об общих

делах и о способах их разрешения; Основной государственный закон о представительстве; Основной государственный закон об общих правах граждан; Основной государственный закон о правительственной и исполнительной власти. В Венгрии межнациональную проблему пытались решить по примеру австро-венгерского соглашения: с Хорватией-Славонией в 1868 г. заключили договор, который предоставил хорватам определенную автономию при сохранении за Венгрией «общих дел»: национальной обороны, транспортных коммуникаций, торговых соглашений и налогообложения [6]. Избирательные реформы 1873, 1882, 1895 гг. [7], Закон о всеобщем, равном, прямом, тайном избирательном праве 1907 г. [8] расширили электоральный корпус.

В соответствии с «Декабрьской конституцией» обе части империи объединялись на основе личной унии – император Австрии являлся королем Венгрии, поэтому император Франц Иосиф и императрица Елизавета были коронованы в Будапеште как венгерские король и королева. Общими для всего государства были только министерства иностранных дел, военное и финансов. Каждая из обеих стран имели парламент, правительство, национальную армию, обладали практически равными правами и обязанностями. Парламенты в Вене и Будапеште избирали делегации по 60 представителей для рассмотрения общеимперских вопросов. Император мог применительно к обоим государствам назначать и увольнять глав правительств, давать согласие на назначение министров, утверждать принимавшиеся законы, созывать и распускать парламенты, издавать чрезвычайные декреты, руководил внешней политикой и вооруженными силами. Конституция предусматривала равенство подданных всех частей империи перед законом, гарантировала основные гражданские права.

Дуалистическая система управления предусматривала закрепление за австрийцами ведущей роли в землях, подчиненных Австрии, и за мадьярами – Венгрии. Территории австрийской и венгерской компетенции, разделенные рекой Лейтой, составляли Цислейтанию и Транслейтанию. Немцы в Цислейтании составляли лишь треть населения. Мадьяр в Транслейтании насчитывалось менее половины.

Таким образом, внутривосточный вектор развития Габсбургской державы на вторую половину XIX – начало XX вв. определили три переломных момента в ее истории: утрата Ломбардии и Венеции вследствие поражения в австро-итало-французской войне 1859 г. и австро-прусской войне 1866 г., крах австрийских планов великогерманского пути объединения Германии в результате проигрыша Пруссии все той же войны 1866 г., наконец, преобразование в 1867 г. империи в дуалистическую монархию. Эти события решающим образом изменили спектр внутривосточных проблем Австро-Венгрии. Монархия сбросила бремя германских дел, уступив связанные с ними заботы Пруссии, освободила себя от постоянного противоборства с национально-освободительным движением в итальянских провинциях, упростила национальную ситуацию в самой империи в связи с предоставлением Венгрии определенной самостоятельности. При этом отстранение от власти на принципах автономии румын Трансильвании, итальянцев Тироля и Приморья, славянских народов обострило противостояние между ними и привилегированными австрийскими и венгерскими элитами. Монархия должна была постоянно считаться с межэтническими конфликтами между немцами и чехами – в Богемии, поляками и русинами – в Галиции, хорватами и итальянцами – в Далмации, сербами и хорватами – в южных областях Венгрии и Австрии.

Национально-политическая история империи в эпоху дуализма (1867–1918) характеризуется борьбой двух направлений – централистского и федералистского. Централизм был стержнем государственного строя Габсбургской монархии и господства австро-немецких и венгерских правящих кругов. Вместе с тем неразрешенность национального вопроса побуждала политические партии, общественные движения и саму правившую элиту искать пути выхода из политического кризиса в переходе к федералистскому устройству государства. Планы преобразования дуалистической монархии в триалистическую вынашивали наследник престола Франц Фердинанд и его окружение. Намечалось в

границах империи создать третье – югославянское – государственное образование путем объединения транслейтанской Хорватии-Славонии, австрийской провинции Далмация и аннексированной Боснии и Герцеговины. Проект преследовал цель парализовать освободительные движения югославян и укрепить их лояльность к Австрии, нейтрализовать объединительные стремления Сербии, помышлявшей о собирании в одном государстве южных славян. Немаловажное значение имело намерение создать противовес венгерской оппозиционности. Естественно, Венгрия резко воспротивилась этим планам.

Проблемы национального переустройства империи стояли в центре внимания и различных общественных групп. Христианско-социальная партия, образованная в 1891 г., в национальном вопросе заняла антивенгерские и антисемитские позиции. Она отвергала австро-венгерский дуализм и выдвинула идею преобразования страны на началах федерализма в государственной форме Соединенных Штатов Австрии под руководством Габсбургов.

Программу культурно-национальной автономии в 1899 г. выдвинул К. Реннер, один из руководителей Социал-демократической партии Австрии, с 1896 г. в результате реформирования действовавшей как федеративный союз отдельных национальных социал-демократических партий (австрийской, чешской, польской, украинской, югославянской, итальянской), каждая из которых имела свои руководящие центры и обладала широкой автономией. Реннер полагал, что «осуществление территориального принципа не приведет к решению австрийской проблемы, а лишь к разложению Австрии» и что именно, наоборот, культурно-национальная автономия, т. е. культурно-национальная общность независимо от места обитания, обеспечит сохранение многонациональной империи. Идеи Реннера в определенной степени восприняла программа СДПА, принятая на ее съезде в Брюнне (1899). Она требовала: «Австрия должна быть преобразована в государство, представляющее демократический союз национальностей». И далее: «Вместо исторических коронных земель должны быть образованы отдельные национальные самоуправляющиеся административные единицы, в каждой из которых законодательство и управление находились бы в руках национального парламента, избранного на основе всеобщего, прямого и равного голосования» [Цит. по: 9, с. 245]. Совмещение идей внетерриториальной культурно-национальной автономии и ограниченного территориального самоуправления наций в условиях империи не могло не привести к новым конфликтам: «национальные самоуправляющиеся административные единицы» отнюдь не всегда были национально однородны, наоборот, особенно в городах, отличались полиэтничным составом населения.

Если указанные партии исходили из необходимости сохранения империи, то к ее уничтожению призывало т. н. Немецко-национальное движение во главе с Г. фон Шёрнером. Свои требования оно сформулировало в Линцской программе 1882 г. Ее лейтмотив состоял в призыве к объединению Австрии, Чехии и Словении в единое целое с немецким языком в качестве государственного и «немецким характером» в качестве этнической доминанты [10, с. 255]. Дальнейшим шагом в этнической чистке должна была стать передача Галиции и югославянских земель под юрисдикцию Венгрии, связи с которой ограничиваются персональной унией. Наконец, Шёрнер требовал исключить влияние евреев из всех сфер общественной жизни. Заключительным этапом предполагалось присоединение к Германии этнически и расово «очищенной» Австрии. Таким образом, пангермански настроенные австрийские немцы выдвинули программу фактического расчленения империи, однако эти планы встретили резкое неприятие монархии и большинства самих австрийских немцев, не стремившихся к упразднению империи Габсбургов и аншлюсу.

Все эти планы выхода из кризиса не были – и не могли быть – реализованы: имперский государственный механизм не был в состоянии модернизировать себя, даже если и осознавал, что речь идет о сохранении империи. Провал попыток урегулирования чешско-немецких противоречий свидетельствует об этом.

Федерализм в форме австрославизма активно инициировался чешским национальным буржуазно-демократическим движением, которое выступало под лозунгами равного с

Австрией и Венгрией статуса чешских земель в составе империи, всеобщего избирательного права, развития чешской культуры путем основания национальных сельскохозяйственных и промышленных училищ, увеличения числа средних школ, создания высших учебных заведений, учреждения академии наук и искусства, театральных, читательских, певческих и физкультурных союзов. Одним из главных было требование введения чешского языка в учреждениях и назначения чехов на должности в органах управления. По существу речь шла о превращении дуализма в триализм, при котором Чехия стала бы третьей составной частью империи. В Чехии в 1868–1871 гг. прошла кампания массовых «таборов» – митингов под открытым небом. В них приняли участие более 1,5 млн человек.

Говоря о реакции на эти требования правительства Австрии, следует отметить, что ее национальная политика существенно отличалась от венгерской. Австрийская элита проявляла склонность к определенным уступкам в пользу национальных образований в Цислейтании. Ввиду этого Франц Иосиф даже обещал короноваться в Праге в качестве чешского короля, после того как в октябре 1871 г. чешский ландтаг после переговоров с венским правительством З. Гогенварта принял т. н. «Фундаментальные статьи», предусматривавшие предоставление Чехии равного с Австрией и Венгрией статуса. А. Л. Погодин в своей книге «Славянский мир» приводит рескрипт императора чешскому сейму: «помня государственно-правовое положение короны Чехии и тот блеск и могущество, которые она доставила Габсбургам», император обещал подтвердить своим коронованием в качестве чешского короля автономные права Чехии, что ставило ее в положение, аналогичное Венгрии [11, с. 40]. Однако с протестами выступили австронемецкие централисты. По Богемии, где немцев было 37%, прокатилась волна антиправительственных и антиславянских выступлений. Враждебно отнеслись к грядущей реформе венгерские элиты, опасавшиеся роста национально-освободительной борьбы в Словакии, Хорватии и других славянских землях венгерской короны. Возражал против заключения австро-чешского соглашения Бисмарк, заявивший, что Германия не желает видеть у своих границ автономную Чехию. Франц Иосиф вынужден был отступить. Он отверг «Фундаментальные статьи» и отправил Гогенварта в отставку: попытка превращения дуалистической монархии в триалистическую провалилась.

Хотя Габсбургская монархия не смогла обеспечить автономию неавстрийским народам, большинство населения Цислейтании не стремилось к ее развалу. Все ведущие чешские политические партии стояли на позициях сохранения империи Габсбургов на условиях ее постепенной федерализации.

На протяжении последующих лет, включая 1890-е гг., национально-политическое движение в Чехии сосредоточилось на «вопросе о языке». Речь шла об учреждении чешского высшего учебного заведения и о признании чешского языка – наряду с немецким – языком делопроизводства и судопроизводства. По сути это был вопрос об укреплении политических позиций чешской буржуазии и интеллигенции в местном управлении, где тогда значительную роль играли немцы. Для решения этой задачи чешские политические деятели воспользовались удачно сложившейся внутривластной обстановкой. В правящих кругах империи все больше зрело осознание того, что Австрия не может быть ни немецкой, ни славянской страной, она должна быть австрийской. Чтобы противостоять не осознавшей эту реальность части немецкоязычного населения, ориентировавшейся на Германию, австрийские кабинеты нуждались в поддержке славянских депутатов. Когда в 1879 г. в Вене правительство возглавил Э. Тааффе, он образовал в Рейхсрате прочное правительственное большинство («железное кольцо») в составе немецких консерваторов, польских и чешских депутатов, позволившее ему находиться у власти 14 лет. Уже в 1880 г. Тааффе обеспечил поддержку чехам предписанием рассматривать в Чехии административные и судебные дела на языке заявителя. Это привело к увеличению их числа в чиновничьем и судебном аппаратах, поскольку немногие из немцев знали чешский язык, а чехи, как правило, владели обоими. В 1882 г. Пражский университет разделили на немецкое и чешское отделения. Министром юстиции в правительстве Тааффе стал чех Пражак.

Эти уступки имели определенное значение для укрепления политических позиций чешской буржуазии. Вместе с тем они вызвали усиление немецкого национализма и немецко-чешского конфликта, нарастание внутривластного кризиса. Его внешним проявлением была постоянная смена австрийских правительств. В 1893 г. ушло в отставку правительство Тааффе. Сменивший его кабинет А. Виндишгреца продержался у власти лишь до 1895 г. и вынужден был сложить полномочия опять-таки из-за языковой проблемы, хотя и в другом месте. Он санкционировал организацию в Словении гимназии (до этого здесь были только начальные школы) с преподаванием на немецком и словенском языках, что вызвало ожесточенное противодействие немецких националистов. Новое правительство К. Бадени, пытаясь смягчить национальные противоречия, в 1897 г. в обход парламента издало знаменитые «постановления о языке». Они предусматривали равноправие чешского и немецкого языков в Чехии и Моравии, в связи с чем знание обоих языков стало для чиновников обязательным не только в районах совместного проживания, но и в немецких городах, в частности, в Судетах.

В ответ немецкое население не только Чехии, но и Австрии вновь начало устраивать уличные беспорядки. Во многих городах разгромили и закрыли чешские школы и культурные учреждения, немецкие владельцы предприятий увольняли рабочих-чехов. Из ряда городов вообще изгнали чешских жителей. Работу Рейхсрата парализовала обструкция немецких депутатов, доходило до диких побоищ между немецкой и чешской фракциями. С другой стороны, во всех городах Чехии и Моравии ежедневно собирались демонстрации чехов. Волнения подавили с помощью вооруженной силы, но правительство Бадени пало, а вслед за этим были отменены и постановления о языке.

Однако работа Рейхсрата не наладилась. Обструкцию начали применять и чешские депутаты. И наоборот, всякая попытка сделать им уступки вызывала противодействие немцев. Парализованный Рейхсрат фактически оказался не в силах выполнять функции законодательного учреждения. Уступки чехам в экономической и культурной областях, сделанные в 1900–1904 гг. правительством Э. Кёрбера, привели лишь к прекращению чешской парламентской обструкции. Национальные противоречия не смог преодолеть и Рейхсрат созывов 1907 и 1911 гг., избранных на основе нового избирательного закона 1907 г. В марте 1914 г. он вообще был распущен. Такая же судьба постигла и местные представительные учреждения в Цислейтании [12, с. 383–386].

Свою специфику имела ситуация в Транслейтании. Правящая «Партия конституции 1867 г.» во главе с Ф. Деаком изначально являлась наиболее последовательной сторонницей дуализма. Ей противостояла «Партия “среднелевой” оппозиции» во главе с К. Тиссой. Она первоначально требовала предоставления Венгрии права иметь свою армию, устанавливать дипломатические отношения и контролировать финансы, с чем связывала расширение национального суверенитета. Но став в 1875 г. правящей, объединилась со сторонниками умершего к этому времени Деака, приняла название Либеральной и отказалась от борьбы с соглашением 1867 г., осознав его выгоды. Тисса до 1890 г. находился во главе правительства, проводя политику модернизации системы управления в интересах упрочения венгерского господства. Так, реформа избирательной системы 1874 г. привела к тому, что лишь 3,3% жителей Трансильвании могли принимать участие в голосовании [13, с. 264]. Среди ограничительных механизмов был ценз грамотности (она определялась по венгерскому языку).

Межнациональные отношения для венгров составляли проблему, не менее острую, чем для австрийских немцев. Ее политическое решение они пытались найти по примеру австро-венгерского соглашения: в 1868 г. предоставили хорватам определенную автономию. Хорватия получила свой парламент (сабор) с правом делегировать 40 депутатов в Государственное собрание королевства. Учреждались хорватские министерства внутренних дел, юстиции, культов и просвещения. Вопросами внутреннего

управления, образования, судопроизводства самостоятельность Хорватии и ограничивалась. Ключевые рычаги влияния оставались в руках венгерской стороны: правительство во главе с баном назначалось королем, за венграми оставалось решающее слово и в отнесенных к сфере «общих дел» национальной обороне, транспортных коммуникациях, торговых соглашениях и налогообложении. Несправедливо распределялись хорватские доходы: Венгрия получала 55%, Хорватия – 45%. Неравноправность статусов Венгрии и Хорватии осложняла их отношения, тем более что Венгрия не считалась с хорватским суверенитетом. В 1907 г. венгерское правительство установило, что на железных дорогах, в том числе и хорватских, могут работать только лица, владевшие венгерским языком. Это вызвало новый виток недовольства венгерским диктатором.

Другие национально-территориальные образования Транслейтании не имели и такой автономии. Стремясь сгладить противоречия с подвластными народами, венгерский парламент в 1868 г. принял закон «О равноправии национальностей». Он предоставил гражданам право говорить на родном языке в комитатском собрании и суде первой инстанции, выбирать язык переписки с государственными учреждениями всех уровней, предусмотрел возможность назначения чиновниками представителей национальных меньшинств при условии владения языками, разрешал основывать культурные и экономические общества, открывать начальные и средние школы с обучением на родном языке. Эти положения отвечали интересам национальных меньшинств, которые добивались их выполнения, большей частью безуспешно. В то же время закон провозглашал, что «все граждане Венгрии в соответствии с основополагающими принципами конституции образуют в политическом смысле единую нацию, единую и неделимую венгерскую нацию, членом которой является каждый гражданин отечества, к какой бы национальности он не принадлежал» [Цит. по: 14, с. 430]. Стремление создать мононациональное государство, в котором венгры составляли менее половины населения, вызвало резкое противодействие национальных меньшинств: все они выступали против мадьяризации и мадьярской политической гегемонии, хотя никто и не призывал к разрушению монархии Габсбургов.

Преодоление центробежных тенденций венгерское правительство и его глава К. Тисса видели в мадьяризации невенгерских народностей, хотя это и было сопряжено с нарушением закона о национальностях 1868 г. В 1875 г. запретили деятельность единственной культурно-просветительской организации словаков – «Словацкую Матицу». Были закрыты имевшиеся на тот момент 3 словацкие гимназии, множество средних и начальных школ. Политика мадьяризации окраин наиболее ярко проявилась в школьных реформах 1879 и 1883 гг., в соответствии с которыми венгерский язык стал обязательным для всех школ немадьярских народов – начальных и средних, государственных и негосударственных – и условием получения учительского диплома. Политика венгерского правительства в области народного образования привела к тому, что в 1900 г. из числа средних школ 84,2 % принадлежали венграм, 8,8 % – сербам и хорватам, 4,6 % – немцам, 2,3 % – румынам, ни одной не было у словаков и украинцев [15]. Принятый в 1907 г. новый закон о народном образовании еще больше ужесточил мадьяризацию школ: даже выпускники негосударственных начальных школ должны были уметь «ясно выражать свои мысли по-венгерски». С 1907 по 1911 г. было закрыто 459 румынских школ. В межнациональных противоречиях была основная причина слабости Венгерского королевства, потерявшего в итоге Первой мировой войны входившие в его состав земли.

В конце 1890-х гг. по инициативе Венгрии чрезвычайно обострились австро-венгерские противоречия, спровоцировавшие кризис самого дуализма. В 1897 г. Венгры впервые отказались продлить особый договор, который заключался каждые 10 лет и определял экономические отношения между двумя частями империи, отвергнув предложение об увеличении доли Транслейтании в общие расходы империи (до этого она составляла 34,4 %). Наибольшей остроты конфликт достиг в 1903–1906 гг., когда Партия

независимости во главе с Ф. Кошутом (сыном Л. Кошута) выдвинула требование «мадьяризации» армии, сведения до минимума «общих дел» с Австрией, возвращения Венгрии внешних атрибутов ее суверенитета.

На парламентских выборах 1905 г. Партия независимости одержала победу, однако Франц Иосиф отказался поручить ей формирование правительства и назначил антиконституционное правительство во главе с генералом Г. Фейервари. Его поддержали социал-демократы в обмен на обещание провести радикальную избирательную реформу. В этих обстоятельствах национальная оппозиция пошла на примирение с монархией на условиях отказа Австрии от проекта введения в Цислейтании всеобщего избирательного права. В феврале 1906 г. был образован коалиционный кабинет во главе со сторонником дуализма Ш. Векерле. В 1907 г. Австрия и Венгрия подписали новое экономическое соглашение: венгерская доля расходов была повышена на два процента. Так более чем на десятилетие продлилась жизнь агонизировавшей империи.

В то же время непреодоленные национальные противоречия – немецко-славянские и немецко-итальянские в Цислейтании, венгеро-славянские и венгеро-румынские в Транслейтании, австро-венгерские в масштабе всей империи – показали обреченность монархии, неспособной провести структурные преобразования ради собственного самосохранения. Национальные движения порождали неустранимые конфликты, исподволь подтачивали Габсбургскую монархию и, в конечном счете, ее разрушили [12, с. 390–391]. К ее исчезновению с политической карты Европы, распаду ее на ряд национальных суверенных государств в итоге привела Первая мировая война.

Источники и литература

1. Национальный состав Австро-Венгрии // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки. 1870–1914 / Сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М. : Высш. шк., 1989. – С. 235–236.
2. Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. – 1849 г. – М. : Наука, 1980. – 610 с.
3. Исламов, Т. М. Империя Габсбургов. Становление и развитие. XVI–XIX вв. / Т. М. Исламов // Новая и новейшая история. – 2001. – № 2. – С. 11–40.
4. Австрия // Современные конституции : сборник действующих конституционных актов / пер. под ред. и с вступ. очерками В. М. Гессена и Б. Э. Нольде. – СПб. : Право, 1905–1907. 2 т. – Т. 1. Конституционные монархии. – 1905. – С. 3–30.
5. Венгрия // Современные конституции: сборник действующих конституционных актов / пер. под ред. и с вступ. очерками В. М. Гессена и Б. Э. Нольде : в 2 т. – СПб.: Право, 1905–1907. – Т. 1: Конституционные монархии. – 1905. – С. 181–186.
6. Венгерско-хорватское соглашение // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки. 1870–1914 / Сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М. : Высш. шк., 1989. – С. 252.
7. Приложение: Закон об изменении и дополнении основного закона о представительстве 21 декабря 1867 г., а также законов 1-го апреля 1873 г. и 12-го ноября 1886 г. 14-го июня 1896 г. // Лоуэлл, А. Л. Правительства и политические партии в государствах Западной Европы (Франция, Италии, Германия, Австро-Венгрия, Швейцария) / А. Л. Лоуэлл. – М. : Изд. С. Скирмунта, 1905. – С. 560–563.
8. Закон о всеобщем, равном, прямом, тайном избирательном праве 26 января 1907 г. // Страны Западной цивилизации. XIX – начало XX в. Хрестоматия / сост., авт. коммент. Чикалова И. Р., Чикалов Р. А. – Минск : Выш. шк., 2010. – С. 444.
9. Резолюция по национальному вопросу. Принята на съезде Социал-демократической партии Австрии в Брно (24–29 сентября 1899 г.) // Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США. – М. : Высш. шк., 1985. – С. 244–246.

10. Из Линцской программы немецких националистов Австрии // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки. 1870–1914 / Сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М. : Высш. шк., 1989. – С. 255–256.

11. Погодин, А. Л. Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года / А. Л. Погодин. – М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1915. – VIII, 420 с. + 3 отд. л. карт.

12. Чикалов, Р. А. Новая история стран Европы и Северной Америки (1815–1918) / Р. А. Чикалов, И. Р. Чикалова. 2-е изд., испр. – Минск : Выш. шк., 2013. – С. 372–391.

13. Краткая история Румынии: С древнейших времен до наших дней / Отв. ред. В. Н. Виноградов. – М. : Наука, 1987. – 541 с.

14. История Европы : в 8 т. – М. : Наука, 2000. – Т. 5: От французской революции XVIII века до первой мировой войны. – 667 с.

15. Удельный вес национальных школ и расходов на народное образование у различных народов Австро-Венгрии // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки. 1870–1914 / Сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М. : Высш. шк., 1989. – С. 236.

УДК 94(476.7-21Брест)«1914-1918»

А. Н. Вабищевич
Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина

БРЕСТ-ЛИТОВСК ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Автор проанализировал положение города Брест-Литовска (современного Бреста) накануне и в начале Первой мировой войны, во время немецкой оккупации с 13 (26) августа 1915 г. до 9 февраля 1919 г. Большинство городских построек Брест-Литовска было разрушено. Состояние города показано сквозь призму оценок и восприятие современников. При написании статьи автором активно привлекались и использовались источники личного происхождения: дневники, воспоминания жителей, российских и немецких военнослужащих, дипломатов, а также иные виды источников.

Первая мировая война имела негативные последствия для социально-экономического развития белорусских земель. Тяжёлые потери понесли западнобелорусские территории, которые оказались под немецкой оккупацией. Таким показательным примером является судьба Бреста в годы Первой мировой войны. Несмотря на наличие целого ряда публикаций по данной теме, пока нет комплексного исследования (с раскрытием всех аспектов и использованием различных источников) о положении города в тот период. Важным является использование материалов с воспоминаниями очевидцев (жителей, военнослужащих российской, немецкой и австро-венгерской армий, дипломатов и др.). Об актуальности эго-документов для изучения Первой мировой войны свидетельствуют издания последнего времени, среди которых следует отметить работу И. Р. Чикаловой [1]. В предыдущих публикациях нами применялись отдельные воспоминания жителей города и очевидцев о тех событиях [2; 3]. В данной работе постараемся вкратце обобщить сведения о состоянии города в 1914–1918 гг.

Брест (Брест-Литовск) до Первой мировой войны являлся крупным уездным городом Гродненской губернии, важным транспортным центром. В 1912 г. в городе проживало 57 тыс. человек. Среди промышленных предприятий преобладали мелкие (до 100 рабочих) – железнодорожное депо и железнодорожные мастерские, 12 гильзовых заводов,

а также кожевенные заводы, табачная мануфактура, чугунолитейные и механические заводы и др. В городе действовали мужская и женская гимназия, городское и другие училища, храмы разных конфессий (православные, католические, иудейские). После страшных пожаров 4–5 мая 1895 г. и 28 апреля 1901 г., когда была уничтожена вся центральная часть Бреста, в градостроительстве был сделан акцент на возведение каменных построек. В начале XX в. были возведены крупные сооружения – Свято-Николаевская братская церковь, мужская гимназия, торговый пассаж Ратнера и др.

В соответствии с Генеральным планом модернизации Брест-Литовской крепости на 1912–1921 гг. предусматривалось создание обводной линии обороны. Однако к реализации плана приступили только летом 1913 г., поэтому к началу Первой мировой войны не успели выполнить поставленные задачи. Это вынудило активизировать строительство всех фортификационных сооружений. Свой вклад в модернизацию крепости вносили известные военные инженеры Иван Белинский (5-й форт), Дмитрий Карбышев (7-й форт) и др. Из-за недостатка средств не всё удалось построить. Тем не менее, к октябрю 1914 г. работы были завершены, а к весне 1915 г. обводная линия обороны приобрела завершённый вид: 14 фортов, 21 укреплённый пункт, общей протяжённостью 45 км. К августу 1915 г. эта крепость 1-го класса Варшавского военного округа считалась самой подготовленной для обороны российской крепостью.

С августа 1914 г. до лета 1915 г. Брестская крепость и город Брест-Литовск находились в глубоком тылу российских войск. Большое отступление российской армии летом 1915 г. вызвало «великий исход» – волну массового беженства гражданского населения на восток. Падение крепостей Ковно, Осовец, Новогеоргиевск (Модлин) поставило под угрозу окружения Брестскую крепость. Наступление немецких и австро-венгерских войск сдерживалось 3-й российской армией. Как оценивал комендант Брестской крепости, генерал-лейтенант В. Лайминг, при бережном использовании имеющихся запасов боеприпасов, продовольствия можно было выдержать осаду неприятельских войск до 8 месяцев. Однако при этом не учитывалось, что наиболее боеспособные части всё время перебрасывались из крепости на фронт, а в крепости оставались резервы, склады. Согласно приказу В. Лайминга от 1 августа 1915 г. началась эвакуация мирного населения из города, а крепость готовилась к осаде. В условиях угрозы окружения неприятельскими войсками в российской Ставке Верховного Главнокомандования было принято решение оставить крепость и отступить. Поздно вечером 7 августа 1915 г. поступил её приказ об эвакуации гарнизона крепости, выводе из него вооружения, боеприпасов, имущества и др., о выводе гражданского городского населения. На протяжении 5 дней в спешном порядке, под обстрелами неприятельской артиллерии и бомбёжками авиации боеприпасы, оборудование грузилось в вагоны и отправлялось на восток, часть оборонительных сооружений крепости была взорвана – форты (остались целыми только 3), мосты, цитадель пострадала меньше. При отступлении надо было уничтожить все ресурсы, которые мог бы захватить и использовать враг, а также попытаться возбудить у населения патриотические чувства, как во время Отечественной войны 1812 г. Большая часть мирных жителей эвакуировалась пешком, некоторые на конных повозках на восток белорусских земель, в российские губернии. Для людей не хватало пищи, воды, лошадей, распространялась холера, сыпной тиф, дизентерия и другие заразные болезни. По дороге питались ягодами, грибами, фруктами диких яблонь, груш. Дороги из города и окрестностей на Кобрин, Берёзу-Картузскую были запружены повозками и пешими беженцами. Частыми были людские потери от обстрелов немецкой артиллерии, налётов авиации [4, с. 95].

Военный врач Лев Войтоловский был одним из непосредственных свидетелей эвакуации войск и населения из города. «Уходим с последними остатками ошалело бегущей армии. С трудом продираемся сквозь бушующее пламя. Огненные языки полыхают жаром в лицо. Сбросив всадников, десятки лошадей в одичалом безумии с топотом мчатся по горящим улицам Бреста. На станции поезда удирают, не дожидаясь пассажиров. Отбившиеся одиночки-солдаты, сёстры милосердия, беженцы – бросаются в первый

попавшийся вагон и бегут, неведомо куда и зачем. ... С высокого пригорка в последний раз открывается пылающий Брест. В вечернем небе скачет и мечется широкое огненное зарево. Мглистый воздух, наполненный криками и гарью, гудит и вздрагивает от взрывов: это с грохотом взлетают последние форты» [5].

Отступление российской армии из горящего Бреста показал в своём автобиографическом романе «Тяжёлый дивизион» Александр Лебеденко. «Восточная часть города была уже вся в огне. Выстроившиеся в линию по обеим сторонам шоссе большие и малые дома горели бурно разворачивающимся на ветру пламенем. Шоссе каменным хребтом уходило в дымы пожаров, и впереди на всем его протяжении бушевало пламя. Порывы ветра швыряли хвосты дыма, алые обрывки пламени на самую середину шоссе. ... Пешие шли посередине шоссе. Позади ревело и местами уже успокаивалось безлюдное, дымящееся, покоровившее город пожарище. Огонь справлял небывалое торжество. Никто не боролся с пламенем» [6].

Один из немецких штабных офицеров также засвидетельствовал большие разрушения крепости и города. «Когда мы подъезжали к Брест-Литовску, то огромные столбы поднимавшегося к небу дыма подсказали то, что мы там увидим. Но действительность превзошла наши мрачные ожидания. ... Нас окружало море огня, чада и дыма, затемнявшего дорогу настолько, что ничего не было видно в нескольких шагах. Из глаз текли слёзы. Всё кольцо казарм, окружающее редюит, комендантский дом, с балкона которого наш кайзер когда-то приветствовал свой русский полк, всё горело ярким пламенем (пруссский принц, будущий германский император и король Пруссии Вильгельм II по приглашению русского императора Александра III посетил Брестскую крепость 29 августа 1886 г. Вильгельм II являлся почетным командиром отдельных российских воинских формирований – *А.В.*). Дышать было трудно от жары. Тут и там лежали груды снарядов, и к ним подступал огонь. Люди были заняты спасением продовольствия из горящих складов, так как не хватало человеческих сил, чтобы потушить такой пожар. ... Мы вышли из цитадели и направились в город. И тут мосты через Мухавец оказались разрушенными. ... Как вкопанные, остановились мы, глядя на это гигантское зрелище. Насколько мог охватить глаз, мы видели сплошное огромное море поднимавшегося к небу огня, над которым, затемняя солнце, поднималась огромная дымовая туча, возвещающая всей окрестности: «Брест погиб!» [7, с. 45–46]. Позже немецкая сторона выпустила специальные открытки с видами разрушенного города для проведения в Европе антироссийской пропаганды.

После 2-дневных боев 13 (26) августа 1915 г. немецкие и австро-венгерские войска заняли крепость и город. Под немецкой оккупацией Брест находился до 9 февраля 1919 г., когда город заняли польские войска. Кайзеровскими войсками проводилось ограбление уцелевшего имущества. Кирпич извлекался из руин или в результате разбора уцелевших домов, его вывозили в другие местности или использовали для мощения дорог. Разрушенные торговые ряды оккупанты использовали под лагерь для военнопленных. Всего в ходе военных действий и оккупации были уничтожены из 3670 зданий – 2500, из 1700 изб – 1500 [8, с. 55].

Разрушены были почти все промышленные предприятия города. Город обезлюдел. Оккупанты выслали оставшихся жителей в резервации и лагеря, в городе расположились тыловые части кайзеровских войск, содержались военнопленные. Около уцелевших довоенных построек были построены новые бараки (для солдат), вышки, киоски, начал наводиться новый порядок. Политические митинги и собрания были запрещены. Всякое перемещение и особенно на транспорте (в основном, на гужевом) строго контролировалось. В ночное время действовал комендантский час. Для военных целей немецкие оккупанты построили небольшую электростанцию. Часть зданий была отремонтирована в самой крепости, среди них Белый дворец.

Обезлюдивший город был безопасным для немецких оккупантов. Об этом свидетельствует признание немецкого генерала и дипломата Макса Гофмана (с 1917 г. –

начальника штаба Главнокомандующего Восточным фронтом): «Все эти русские разрушения были нам отчасти на-руку, если не считать жилищных неудобств. Возьмём для примера сожжение Брест-Литовска, в котором нашему штабу позже пришлось прожить почти два года. Несмотря на сожжение, мы смогли там устроиться, причём нам не пришлось заботиться о пропитании угнанных оттуда 80 тыс. жителей (данная цифра завышена – *А.В.*). Также и в отношении шпионажа и других опасностей для нас было удобно то, что русские очистили город» [9, с. 90–91].

В Брестской крепости расположился штаб Восточного фронта. «Город был совершенно выжжен, и квартир там не было для помещения в нём всего штаба командующего восточным фронтом. В сущности, уцелели только офицерские квартиры в цитадели Брест-Литовска. Они были загрязнены и запущены, однако их можно было в короткий срок вновь привести в годное для жилья состояние. Жилая площадь могла вместить лишь чисто военную часть штаба» [9, с. 119]. Командующий Восточного фронта генерал-фельдмаршал Леопольд Баварский расквартировался в сентябре 1916 г. – мае 1918 г. в усадьбном доме Немцевичей в Скоках возле Бреста, что был оставлен хозяевами, которые отправились в беженство. В дворце в Скоках 4 (17) декабря 1917 г. был устроен приём по случаю подписания 2 (15) декабря 1917 г. перемирия между Германией, её союзниками и Советской Россией. А с 9 (22) декабря 1917 г. до 3 марта 1918 г. в Брестской крепости проводились мирные переговоры, которые приостанавливались из-за разногласий сторон, острой внутрипартийной и публичной дискуссии в Советской России, сопровождались возобновлением боевых действий – 18 февраля 1918 г. австро-германские войска начали наступление и заняли большую часть белорусских земель. Приезжавший на мирные переговоры руководитель советской делегации Лев Троцкий отмечал, что «за вычетом нескольких зданий, стоявших в стороне от старого города и занятых немецким штабом, Брест-Литовска, собственно, не существовало более...» [10, с. 93–94]. Только 3 марта 1918 г. переговоры завершились заключением в Белом дворце (сохранились лишь его руины) Брестского мирного договора между Советской Россией и странами Четверного союза (Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Османской империей).

Условия жизни для немногочисленных уцелевших горожан (в основном на Киевке и Граевке) во время немецкой оккупации были очень сложными. Наблюдалось запустение и нищета. В городе не было больниц, не работали школы. Критическим было санитарное состояние, частыми были эпидемии различных болезней. Не хватало продовольствия, повседневных товаров, топлива. Была страшная дороговизна, трудно было купить продукты питания (мясо, муку, масло и др.). Процветал «чёрный рынок». Местное население использовало немецкие марки как деньги вплоть до 1924 г., пока новые власти – польские – не ввели злотый. От голода выживали за счет огородов, личного подворья.

Только в мае 1918 г. немецкие оккупационные власти разрешили жителям возвращаться обратно. Постепенно прибывали люди из беженства. К концу 1918 г. в городе проживало до 7 тыс. человек, к концу 1919 г. – 14 тыс. человек, а в 1921 г. – до 30 тыс. человек. Основная масса беженцев возвратилась в город до 1923 г., уже при нахождении его в составе Польского государства [11, с. 20]. Весной 1918 г. немцы передали в руки краевого комиссариата Украинской Народной Республики в Бресте вопросы религии, образования, решение проблем беженцев. После Ноябрьской революции 1918 г. в Германии начался вывод немецких войск, планировалось передать город УНР. Однако в феврале 1919 г. город был занят польскими войсками.

Послевоенное восстановление города проводилось в 1920–1930-е гг. К 1925 г. была восстановлена 1/5 часть, к концу 1927 г. – только 730 домов. Кроме 1-этажных деревянных домов, которые строились преимущественно на Киевке и Граевке, в центральной части города возводились и каменные особняки, здание Польского банка, воеводского управления и другие здания. К 1939 г. была достигнута довоенная численность населения – около 58 тыс. человек [8, с. 69].

В целом, в годы Первой мировой войны на Брест выпали нелёгкие испытания. После отступления российских войск город находился почти 3 с половиной года под немецкой оккупацией. Колоссальными были разрушения городских построек – 68 % (деревянных жилых домов – 88%). Как неоднократно уже бывало в истории города, жителям предстояло вновь его возрождать.

Источники и литература

1. Чикалова, И. Р. (Не)забытая война: Первая мировая война в документах, публицистике, воспоминаниях и исследованиях современников (1914–1941) / И. Р. Чикалова. – 2-е издание, дополн. и переработ. – Минск : Беларус. навука, 2024. – 507 с.
2. Вабішчэвіч, А. Крэпасць і горад Брэст-Літоўск у час Першай сусветнай вайны паводле сведчанняў выдавоўцаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2015. – № 8. – С. 5–13.
3. Вабищевич, А. Н. Брестская крепость и город Брест-Литовск в годы Первой мировой войны глазами очевидцев / А. Н. Вабищевич // Брестская крепость: историко-культурный контекст : сб. материалов Междунар. форума преподавателей рус. яз. и лит. стран СНГ и Европы, Брест, 6–10 окт. 2014 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, Генер. консульство Рос. Федерации в г. Бресте, Фонд «Русский мир»; редкол.: Т. В. Сенькевич (гл. ред.), О. Б. Переход; под общ. ред. Т. В. Сенькевич. – Брест : БрГУ, 2015. – С. 12–21.
4. Историческое наследие Брестской крепости в исследованиях и экспозициях мемориала / Министерство культуры Республики Беларусь, мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой»; редкол.: Г. Г. Бысюк [и др.]. – Брест : Альтернатива, 2013. – 156 с.
5. Войтоловский, Л. Н. По следам войны. Походные записки [Электронный ресурс]. – М., 1931. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/voitolovsky_ln/06.html. – Дата доступа: 12.02.2024.
6. Лебеденко, А. Г. Тяжёлый дивизион [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/lebedenko_ag2/12.html. – Дата доступа: 14.02.2024.
7. Пэلمان, К. Бои на реке Зап. Буге летом 1915 года / К. Пэلمان. – Петроград : ГИЗ, 1921. – 57 с.
8. Брест в 1919–1939 гг.: документы и материалы / сост. А. Г. Карапузова [и др.]; гл. ред. Е. С. Розенблат. – Брест : Альтернатива, 2009. – 308 с.
9. Гофман, М. Война упущенных возможностей / пер. с немецк.; предисловие В. Гурко-Кряжина [Электронный ресурс]. – М.–Л., 1925. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/324858>. – Дата доступа: 27.02.2024.
10. Троцкий, Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии : в 2 тт. Т. 2 [Электронный ресурс]. – Берлин : Изд-во «Гранит», 1930. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/684631>. – Дата доступа: 29.02.2024.
11. Брест. Брэст. Brest. 1000 / сост. А.Н. Вабищевич. – Минск : Беларус. Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2019. – 456 с.

УДК 94(476):329.73«18»

В. А. Міхедзька
Гомельскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Ф. Скарыны

ПРЫГОН І БЕЛАРУСКІ НАЦЫЯТВОРЧЫ ПРАЦЭС У XIX СТАГОДДЗІ

У артыкуле разглядаюцца фактары развіцця беларускага нацыятворчага працэсу ў XIX ст. у параўнальным кантэксце Цэнтральна-Усходняй Еўропы. Аўтар прыходзіць да высновы, што сярод найбольш значных перашкод на шляху нацыянальнай мабілізацыі беларускага

сялянства сталіся наступствы даўгатэрміновай прыгоннай залежнасці, якая на тэрыторыі Беларусі мела параўнальна найбольшыя маштабы ахопу, і абсалютная перавага паншчыны і іншых адпрацовачных павіннасцей у структуры феадальнай рэнты.

Даследчыкі фармавання мадэрных еўрапейскіх нацый неаднойчы заўважалі адрозныя тэмпы развіцця нацыятворчых працэсаў [1; 2; 3; 4]. Побач з іншымі усходнееўрапейскімі народамі, якія якраз дэманстравалі параўнальную запозненасць нацыябудавання, беларускі нацыятворчы працэс вызначаўся найбольш познім часам свайго афармлення. Т. Снайдэр выказаўся найбольш катэгарычна: «Як усе ведаюць, беларусы ў XIX ст. не зрабілі ніякіх рашучых крокаў па шляху ўтварэння ўласнай нацыі» [5, с. 120].

Гэтая з’ява патрабуе вывучэння і тлумачэння. Чым магчыма патлумачыць адносна запозненае нацыябудаванне беларусаў у параўнанні нават з бліжэйшымі суседзямі – літоўцамі, латышамі, эстонцамі і украінцамі? Пры гэтым польскае і рускае нацыябудаўніцтва выпадае з параўнальнага кантэксту, паколькі першае пачыналася ва ўмовах існавання ўласнай дзяржавы, а за тым развівалася ва ўмовах яе страты і змагання за яе аднаўленне, а другое фармавалася ў прынцыпова іншых умовах статуснасці тытульнай нацыі велізарнай імперыі.

Адзначаліся розныя фактары, якія, магчыма, замарудзілі пачатак і наступнае развіццё беларускага нацыябудавання. Напэўна, найбольшую ўвагу тлумачэнню фактараў беларускага нацыяўтварэння надаў у сваіх работах Р. Радзік [2; 6]. Сярод іх – уваход усёй беларускай этнічнай тэрыторыі у склад Расійскай імперыі, у той час як навакольныя народы апынуліся у складзе розных манархій. Адсутнасць свайго «П’емонта», па меркаванні Р. Радзіка, унемажлівіла падтрымку «беларускага праекта» як у канкурэнтнай барацьбе паміж дзяржавамі, што падзялілі Рэч Паспалітую, гэтак і ў якасці супрацьвагі польскаму ўплыву [2, с. 26]. Гэтую думку падзяляе і Т.Снайдэр: «Менавіта ў гэтым і заключалася праблема – у тым, што ўсе сяляне, якія гаварылі па-беларуску, жылі ў Расійскай імперыі, усе былі пад Расіяй ... шанцы на нацыянальнае адраджэнне значна лепшыя, калі насельніцтва таго ці іншага народа падзелена паміж дзвюма-трыма імперыямі. Польскі, літоўскі, украінскі народы – усім ім спрыяў нацыянальны падзел. Але для беларускага народа гэта было немагчыма» [5, с.120-121]. Расійская імперыя, змагаючыся з польскім ўплывам, бачыла у першай траціне XIX ст. у беларускім сялянстве частку палякаў, або пазней, у спробах сфармуляваць адасобленую беларускую ідэнтычнасць – праявы «польскай інтрыгі», накіраванай на разбурэнне «трыадзінства» рускага народа.

Пры ўсёй канкрэтна-гістарычнай апраўданасці гэтага сцвярджэння, яно не мае абсалютнага характара, на што звярнуў увагу П. Церашковіч. Сапраўды, як і беларусы, фіны, латышы і эстонцы таксама цалкам знаходзіліся ў складзе Расійскай імперыі, што не перашкодзіла ім паспяхова развіваць свае нацыянальныя рухі. У той жа час, варта зазначыць, што фіны ў складзе Расійскай імперыі каля стагоддзя існавалі ва ўмовах беспрэцэдэнтнай аўтаноміі. Гэтая аўтаномія, а за тым і спробы яе знішчэння, уніфікацыі і русіфікацыі Фінляндыі, што ажыццяўляліся напрыканцы XIX – пачатку XX ст., стварылі спрыяльныя ўмовы нараджэння і высявання фінскага нацыянальнага руху. Р. Радзік вылучыў і іншыя фактары якія, на яго думку, вызначылі запозненае і запаволенае развіццё беларускага нацыятворчага працэса. Гэта занадта нізкі ўзровень нацыянальнай і гістарычнай свядомасці сялян-беларусаў, ліквідацыю ўніяцкай царквы, якая выступала аб’яднаўчым інстытутам для масы беларусаў і як вынік, жорсткі канфесійны падзел на каталікоў і праваслаўных; нарэшце, адсутнасць у беларускім грамадстве «праслойкі, якая была б зацікаўлена ў стварэнні нацыі і адначасова магла б паспяхова падтрымаць працэс яе развіцця», якой сталіся грэка-каталіцкія святары ва Усходняй Галіцыі, або літоўскія каталіцкія ксяндзы [2, с. 33]. У сваю чаргу, П. Церашковіч вылучыў галоўную, на яго погляд, прычыну спазнення фармавання беларускай нацыі – «цывілізацыйную адсталасць», асноўным складнікам якой лічыў эканамічную сітуацыю. Яе адлюстраванем на мяжы XIX–XX ст. стаўся самы нізкі паказчык інтэнсіўнасці рынкавых адносінаў, які выявіўся ў разы ніжэйшых прыбыткаў на душу насельніцтва ў еўрапейскай Расіі [7, с. 23–24].

Разглядаючы параўнальны кантэкст нацыябудавання Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, Р. Радзiк адзначыў, што нацыянальны рухi абаяралiся на мяшчанства, буржуазiю, iнтэлігенцыю i выявіў агульную заканамернасць – адмоўную залежнасць у шанцах на зараджэнне моцнага нацыянальнага руху i хуткае нацыятварэнне ад адноснай велiчынi сялян ускладзе этнаса [6, с. 108]. У той жа час сацыяльную базу беларускага руху стваралi менавіта непiсьменныя i маламаёмасныя сяляне [6, с. 105; 7, с. 23]. Адсутнасць заўважнай праслойкi беларускай гарадской буржуазiі, напэўна, адыграла сваю негатыўную ролю. Але вядома, што падобны стан рэчаў быў характэрны не толькi для беларусаў, але i для iх блiжэйшых суседзяў – украiнцаў, лiтоўцаў, латышоў, эстонцаў. Яны таксама ўваходзiлі ў лiк народаў, нацыянальны рухi якіх, па вызначэннi М. Гроха, належалi да «запозненага» тыпу. Тым не менш, яны, у параўнаннi з беларусамi, паказалi на працягу другой паловы XIX – пачатку XX ст. больш iнтэнсiўнае i вынiковае нацыянальнае развiццё; iх нацыянальны рухi набылi масавы характар. Грунтоўны параўнаўчы аналіз сацыяльных умоў i характару развiцця беларускага нацыянальнага руху ў кантэксце Цэнтральна-Усходняй Еўропы добра прадстаўлены ў айчыннай гiстарыяграфiі [3].

Не адмаўляючы прыныповага ўплыву паказаных фактараў на станаўленне i развiццё беларускага нацыянальнага руху, уяўляецца мэтазгодным звярнуць дадатковую i асаблівую ўвагу на адзiн з iх, заўважаны П. Церашковiчам. У сваiм параўнальным аналізе беларускага i ўкраiнскага нацыянальнага рухаў ён вылучыў сярод фактараў развiцця адноснаю колькасць прыгоннага насельнiцтва i адзначыў, што не толькi ў параўнаннi з украiнцамi, але i ў цэлым у кантэксце Цэнтральна-Усходняй Еўропы i Расiі беларусы да канца 1850-х гг. заставалiся найбольш прыгонным народам i, больш за тое, узровень гэтага прыгону нават узрастаў [7, с. 21–22]. Гэты фактар, як уяўляецца, недастаткова асэнсаваны. Зразумела, i гэта на прыкладзе лiтоўскага руху адзначыў М. Грох, што для пачатку ператварэння масы сялян у прызнаную апору нацыянальнага руху павiнны быў прайсцi час, самае меншае жыццё пакалення [1, р. 97].

Такiм чынам, час скасавання прыгону мае ў справе пачатку фармавання нацыянальнага руху прыныповую значнасць. Акрамя таго, гаворка мусiць iсцi не толькi пра сам факт прыгоннай залежнасцi (што само па сабе патрабуе дадатковага параўнальнага разгледу), але i пра працягласць у гiсторыi народа, характар i формы залежнасцi, што выяўлялася ў структуры падаткаў i павiннасцяў.

Беларуская сiтуацыя выглядае больш зразумелай у параўнаннi з суседнiмi. Так, «лiфляндскiя правiлы» 1804 г., пашыраныя i на эстонскiя землi, адмянялi ранейшае прыгоннае права, замяняючы яго сiстэмай падпарадкавання сялян памешчыкам па прускiм узору [8, с. 19, 23]. Канчатковая адмена прыгоннага права ў остзейскiх губернях адбылася пры iмператары Аляксандры I (1816 – мацерыковая Эстляндыя, 1817 – Курляндыя, 1818 – востраў Эзель, 1819 – Лiфляндыя), але сяляне былі вызваленыя без зямлi. У 1850-х – пачатку 1860-х гг. сяляне гэтых зямель набылi права на валоданне зямлi. Пасля адмены прыгоннага права ў Лiфляндскай i Курляндскай губернях, ў асяроддзi гаварыўшых па-латышску сялян стала фармавацца нацыянальная самасвядомасць. Да канца XIX ст. Лiфляндскай губ. ва ўласнасцi сялян знаходзiлася больш за 80 %, а ў Эстляндскай губ. – 50 % хутарскай зямлi, частка хутароў па-ранейшаму здавалася ў арэнду. У 1869 i 1873 гг. адбылiся першыя з'езды настаўнікаў-латышоў, на якіх абмяркоўвалiся праблемы выкладання латышскай мовы, а ў Рызе было праведзена першае Свята песнi i танца, аснову якога склалi латышскiя народныя песнi [9, с. 17, 72]. Эканамiчна самастойныя эстонскiя сяляне, сталi галоўнай эканамiчнай сiлай, сацыяльна актыўнай групай i асновай нацыянальнага руху. Варта адзначыць, што Латгалiя, якая уваходзiла ў склад Вiцебскай губ., пазбавiлася ад прыгону толькi ў 1861 г. на агульных з беларускiмi паветамi умовах. Сацыяльна-эканамiчнае i нацыянальна-культурнае развiццё Латгалiі было непараўнальна нiжэйшае за Курляндскую i Лiфляндскую губ., дзе да таго часу ўжо сфармавалiся латышская iнтэлігенцыя i буржуазiя. Латгалiя, такiм чынам, дэманструе выразнае падабенства з беларускiмi рэалiямi таго часу.

Становішча ўкраінскага сялянства было значна больш разнастайным і складаным праз тое, што яно існавала ў межах дзвюх імперый. Улады Аўстрыйскай імперыі ў выніку рэвалюцыйных рухаў 1846 і 1848 гг. скасавалі прыгон і паншчыну на падуладных украінскіх землях у 1848 г. На падрасійскіх тэрыторыях Украіны на працягу XIX ст. заставаўся значны адсотак вольных сялян – т. зв. «маларасійскіх казакаў», пры тым, што на украінскім Левабярэжжы прыгон усталёўваўся толькі напрыканцы XVIII ст. [7, с. 21; 10, с. 314–320]. На працягу першай паловы XIX ст. у выніку рэалізацыі шэрагу ўрадавых пастановаў адносна колькасці прыгонных сялян змянялася. Па падліках П. Церашковіча, да 1858 г. колькасць прыгоннага насельніцтва ва Украіне скарацілася да 44 %, у тым ліку на Правабярэжжы – у сярэднім да 58 %, на Левабярэжжы – да 37 %, у Харкаўскай і Херсонскай губ. да 30 і 31 % адпаведна. У той жа час у Беларусі прыгонныя сяляне складалі каля 62 % насельніцтва, і гэты паказчык быў самым высокім у еўрапейскай частцы імперыі. Для параўнання, у Ковенскай губ., дзе літоўскае насельніцтва складала пераважную большасць прыгонных таксама складалі каля 37 % насельніцтва [7, с. 21].

Важным фактарам уяўляецца структура феадальнай рэнты. Ад пачатку XIX ст. на тэрыторыі Беларусі ва ўмовах хуткага развіцця таварна-грашовых адносін, выкліканага ўцягваннем беларускіх зямель ва ўсерасійскі рынак, хутка расла таварнасць панскай гаспадаркі. Гэта прадвызначыла дамінаванне адпрацовачнай рэнты ў павіннасным рэжыме беларускага сялянства. Менавіта першая палова XIX ст. стала часам паўсюднага распаўсюджвання паншчыны. У 50-я гады XIX ст. паншчынныя сяляне складалі 97 % усіх прыватнаўласніцкіх сялян Беларусі. Больш за тое, у дзяржаўных уладаннях паншчына такасама мела абсалютную перавагу у структуры сялянскіх павіннасцей. Да пачатку 40-х гадоў XIX ст. толькі некалькі аброчных дзяржаўных уладанняў было ў Віцебскай і Гародзенскай губ., а ў Магілёўскай і Мінскай губ. усе падданыя ў дзяржаўных маёнтках знаходзіліся на паншчыне [11, с. 117, 162]. У гэты час, як ніколі раней у папярэднія перыяды, шырокае распаўсюджанне атрымала звышнарматыўная паншчына. Адработачныя павіннасці не абмяжоўваліся толькі паншчынай. Значнае месца сярод іх займалі згоны, гвалты, талокі (характар гэтых павіннасцей у першай палове XIX ст. быў на справе ідэнтычны), шарваркі, падарожчына, старажоўшчына, малацьба. Па даных віленскага інвентарнага камітэта, на канец 30 – пачатак 40-х гадоў XIX ст. у агульным абцяжарванні сялян адпрацовачныя павіннасці складалі каля 94 %. Узровень адпрацовачнай эксплуатацыі беларускага прыгоннага сялянства ў сярэдзіне XIX ст. набыў найбольшы памер за ўсю гісторыю прыгону [12, с. 306]. Вынікам сталася дэградацыя беларускага сялянства, што знайшло адлюстраванне ў шматлікіх апісаннях расійскіх аўтараў першай паловы XIX ст. [13]. Нават ва ўмовах прыгонніцтва перавага грашовых форм рэнты садзейнічала актывізацыі эканамічных і сацыяльных сувязей сялян, у той час як паншчына і іншыя адпрацоўкі гэтыя сувязі руйнавалі. Магчыма, невыпадкова менавіта пазбаўленыя паншчыны ў 1840-х гг. дзяржаўныя сяляне найбольш актыўна ўдзельнічалі ў паўстанні 1863 г. у Беларусі.

Беспрэцэдэнтны ўзровень прыгоннай паншчыннай залежнасці і яе працягласць у Беларусі стала прынцыповай перашкодай для развіцця не толькі сацыяльнай мабільнасці і камунікацыі пераважнай масы сялянства, але значна замарудзілі працэсы эканамічнага, сацыяльнага і культурнага развіцця беларускага сялянства. Магчыма, менавіта гэта і абумовіла ў наступныя дзесяцігоддзі XIX і ў пачатку XX ст. няздольнасць масы сялянства усведаміць сваю нацыянальную ідэнтычнасць, а разам з тым сталася перашкодай да з'яўлення сапраўды масавага нацыянальнага беларускага руху.

Крыніцы і літаратура

1. Hroch, Miroslav. *Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups Among the Smaller European Nations* / Miroslav Hroch. – Cambridge University Press 1985. – 220 p.

2. Радзік, Р. Беларусы (Погляд з Польшчы) / Р. Радзік. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2002. – 132 с.
3. Терешкович, П. В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в. в контексте Центрально-Восточной Европы / П. В. Терешкович. – Минск : БГУ, 2004. – 223 с.
4. Hroch, Miroslav. Małe narody Europy: perspektywa historyczna / Miroslav Hroch. – Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 2003. – 168 p.
5. Снайдэр, Т. Пра паходжанне нацый Усходняй Еўропы / Т. Снайдэр // Беларускі гістарычны агляд. – 2010. – Том 17. – Сшыткі 1–2 (32–33). – С. 117–124.
6. Радзік, Р. Беларусы на фоне нацыятворчых працэсаў у грамадствах Цэнтральнай і Усходняй Еўропы / Р. Радзік // Беларускі гістарычны агляд. – 2011– Том 18. – Сшыткі 1–2 (34–35). – С. 99–122.
7. Терешкович, П. Украинцы и белорусы: сравнительный анализ формирования наций на фоне истории Центрально-Восточной Европы XIX – начала XX в. / П. Терешкович // Перекрестки. Журнал исследований восточноевропейского пограничья. – 2004. – № 1–2. – С. 10–32.
8. Долгих, А. Н. Лифляндское положение 1804 г. в имперском аспекте: к истории крестьянского вопроса в России в начале XIX в. / А. Н. Долгих // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – Т. 12. – № 6. – С. 19–25 [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://cyberleninka.ru/article/n/liflyandskoe-polozhenie-1804-g-v-imperskom-aspekte-k-istorii-krestyanskogo-voprosa-v-rossii-v-nachale-xix-v/viewer>. – Дата доступу: 15.02.2024.
9. Кирчанов, М. В. Zemnieki, latvieši, pilsoņi. Идентичность, национализм и модернизация в Латвии / М. В. Кирчанов. – Воронеж : Научная книга, 2009. – 203 с.
10. Історія українського селянства : Нариси в 2-х т. / НАН України; Інститут історії України / В. А. Смолій (відп.ред.) – Київ : «Наукова думка», 2006. – Т. 2 – 653 с.
11. Чепко, В. В. Сельское хозяйство Белоруссии в первой половине XIX в. / В. В. Чепко. – Минск : Наука и техника, 1966. – 218 с.
12. Гісторыя сялянства Беларусі : у 3 т. / Анішчанка Я. К., Галенчанка Г. Я., Голубеў В. Ф. і інш.; пад рэд. В. І. Мялешкі і інш. – Мінск : Беларуская навука, 1997. – Т. 1: Гісторыя сялянства Беларусі ад старажытнасці да 1861 г. – 431 с.
13. Міхедзька, В. А. Беларусы ва ўсведамленні расійскага грамадства ў XIX – пачатку XX ст. / В. А. Міхедзька // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2009. – № 4. – Ч. 1. – С. 119–126.

УДК 168.522

С. В. Чувак
Гродзенскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Янкі Купалы

ІНТЭРПРЭТАЦЫЯ КАНЦЭПТАЎ ЖЫЦЦЁ – СМЕРЦЬ У МАСТАЦКАЙ КАРЦІНЕ СВЕТУ БЕЛАРУСКІХ СЯЛЯН (НА МАТЭРЫЯЛЕ ТВОРАЎ ЯКУБА КОЛАСА)

Паняцці «жыццё» і «смерць» неразрыўна звязаны адно з адным, утвараючы адну з асноўных узаемных апазіцый у карціне свету любога этнасу. Менавіта два гэтыя феномена складаюць асноўны змест разумення Сусвету, выражаюць асаблівасці яго ўспрымання. У творчым асэнсаванні Я. Коласа гэта апазіцыя знайшла рэалізацыю праз светаразуменне беларускіх сялян ў шматлікіх метафарычных вобразах (пакута – выратаванне; суматоха, вір бурлівы – адпачынак, вызваленне; святло – цемра; рух – прыпынак). Разуменне ўзаемасувязі канцэптаў жыццё – смерць з’яўляецца асновай для вывучэння і разумення беларускай ментальнасці.

На думку некаторых даследчыкаў (Філіп Ар'ес, П'ер Шаню) адносіны да жыцця і смерці служаць адметным эталонам, індыкатарам характару цывілізацыі. Праблема разумення жыцця і смерці – складнік больш агульнай праблемы спосабу ўспрымання свету сацыяльна-псіхалагічных устаноў. Гэта з'ява прыкладна такога ж плану як «час», «прастора», «смах», «пачуццёвасць» [1, с. 44]. Выключнасць пытання разумення смерці яшчэ і ў тым, што яе даследванне патрабуе ведаў, аб тым што ёсць жыццё, у чым яго каштоўнасць і сэнс.

Межы канцэпту «жыццё» ў селяніна – гэта столькі, колькі я жыву, г. зн. час асабіста пражытага жыцця. Асноўны вызначальнік руху часу – гэта праца на зямлі. Рытм і парадак працоўнага календара азначае тэмп чалавечага існавання:

Адна работа за другою
Ідзе–плыве сваёй чаргою
То ў агародзе, то на полі
І не спыняецца ніколі;
Ці то ў няволі, ці ў ахвоце
Вясна мінецца, прыйдзе лета [2, т. 1, с. 206]

Здатнасць да працы вызначае вылучае этапы жыцця чалавека. Дзеці з маленства дапамагаюць бацькам: пасвяць хатнюю жывёлу, вучацца асноўным сялянскім заняткам, пара маладосці, а потым і сталасці – час, калі селянін уступае ў пару, калі ён можа выконваць свой самы галоўны і свяшчэнны абавязак – апрацоўваць зямлю, ён атрымлівае пачэсны статус гаспадара:

Выйшаў рольнік з хаты ў поле
Ды па межах ходзіць,
Каб пабачыць сваім вокам,
Як бог жыта родзіць.
Селянін глядзіць з уцехай,
Ходзячы ў тым дары...
Так ні поп, ні ксёндз не ходзяць
Пры сваім алтары [2, т. 1, с. 74–75]

У старасці чалавек губляе сілы, не можа працаваць, таму і жыццё яго губляе сэнс, цікавасць найперш для яго самога. Вось як бачыць сваё жыццё стары Базыль: «Ён ужо нічога не чуе і не бачыць, толькі вушы злучаюць яго з жыццём, якое *шуміць і гамоніць усюды, ідзе сваім парадкам*, але сам Базыль стаіць збоку, здалёк ад яго...*усе*, каму яшчэ трэба прайсці свой круг, *шумяць і гамоняць і робяць сваю работу*. Адзін толькі Базыль лішні тут і ўсім чужы, толькі для аднаго яго міма праходзіць гэтае жыццё» [2, т. 4, с. 98]. Для героя жыццё – рух, праца, важна, што не толькі яго асабістая, а ў рэчышчы агульнага руху, агульнай працы. Чалавек, калі траціць магчымасць працаваць, спыняе рух жыцця, а значыць падыходзіць да яго фіналу. Значыць, што жыццё істотна рэгламентуецца яго фізічнай сілай, здольнасцю да працы і каштоўнасць жыцця вымяраецца адносінамі супольнасці да тваёй дзейнасці. Папершае, селянін усё робіць так, як «з прадзедаў было–вялося і вядзецца» [2, т. 6, с. 31], а па-другое, маральныя ацэнкі грамады ўсталёўваюць яго ранг у супольнасці.

Селянін не шукае выключнасці, праяваў уласнай адметнасці. Такое разуменне свайго месца ў жыцці, канешне, абумоўлена сацыяльным статусам сялянства, якое знаходзілася на самай нізкай прыступцы грамадскага парадку і было пазбаўлена магчымасці рухацца ўверх. З другога боку селянін па прычыне моцнай прывязанасці да прыроднага асяроддзя жыццё і смерць не ўспрымае як нешта ўнікальнае, а толькі як чарговыя змены ў вечназменлівым Сусвеце. Ён бачыць сябе толькі імгненнем, «малюсечкай пылінкай» у «багне часаў і прасторы, бо ім няма граніц, запораў» [2, т. 6, с. 278].

Такое разуменне часу вядзе да знікнення доўгатэрміновай памяці:

Каротка памятка аб людзе,
Аб простым людзе. І такая

Ўсім бедным доля выпадае:
Прайсці свій круг, прамарнавацца
І невядомымі астацца
Ды быць забытымі тут ўсімі –
І сваякамі, і чужымі [2, т. 6, с. 46].

Успаміны сялян грунтуюцца толькі на іх асабістым досведзе, на расказах яшчэ жывых прадстаўнікоў старэйшага пакалення. Адсутнасць так званай гістарычнай памяці можна яшчэ патлумачыць і адсутнасцю цікавасці сялян да таго, што адбываецца за межамі яго свету. Адзінай такой з'явай, часавым перыядам, які жыве ў памяці сялян, з'яўляецца прыгон, паншчына, сведчанні панскай несправядлівасці (верш «Даўнейшае», паданне пра Кірылаву магілу ў апавяданні «Чорт»). Адзіным рухальнікам яго жыцця выступае плынь прыроднага, а не сацыяльнага часу. Паказальна, што нават дубы больш ведаюць і памятаюць пра чалавечую даўніну, чым самі людзі, яны нават названыя Коласам старасвецкімі: «І многа ўсякіх змен часу бачылі гэтыя нямыя сведкі прошласці! Жыццё многіх людскіх пакаленняў прайшло перад імі і праходзіць, бы тыя хвалі Нёмана... а яны ўсё стаяць, спакойныя, важныя, і жывуць сваім асобным жыццём» [2, т. 4, с. 98].

Будучае ж селяніну ўяўляецца цьмяным, непрадказальным, ад чалавека яно схаванае. Прадвызначанае жыцця земляроба сіламі прыроды, залежнасць ад, нездольнасць кіраваць імі і нават уплываць на іх рух нараджаюць фаталізм, вяртаюць да ідэі лёсу, долі, як наканавання звыш, а селяніну застаецца толькі цярпенне. А з другога боку селянін поўны пераканання, што як мяняецца жыццё ў прыродзе, так і яго жыццё калісьці павінна змяніцца:

Дымам пойдзе ўсё ліхое,
Ўсё, што душыць нас і гне.
Вер, брат, – жыцце залатое
Будзе ў нашай старане [2, т. 1, с. 49].

Сэнс канцэпту «жыццё» – адзін з самых істотных пры разглядзе феномену менталітэту. Ён фармуецца пад уплывам многіх складнікаў і прадвызначае якаснае напавенне элементаў, якія выступаюць як сэнсаўтваральныя складнікі мадэлі свету. Тое, як чалавек разумее ўласнае жыццё, у чым бачыць яго сэнс і стварае аснову для фармавання каштоўнасных, эмацыйных і многіх іншых устаноў.

У кожнай культуры існуе міфарагіяльны сцэнарый стварэння свету, які забяспечвае суадносіны касмічных падзеяў з этапамі жыцця. У творчасці Я. Коласа няма такой цэльнай сістэмы. Зафіксавана толькі паданне пра сувязь чалавечага лёсу з зоркамі на небе. У паэме «Новая зямля» маці расказвае, што кожнаму чалавеку пры нараджэнні даецца зорка – «яна жыццём яго кіруе і лёс яго і смерць пільнуе», яна таксама «служба божа», якая нават свеціць больш ярка, калі «з людзей хто выдатнейшы» [2, т. 6, с. 182]. Сымон-музыка сваёй жыццё ацэньвае як «нечай волі дробны знак» [2, т. 6, с. 570].

Такім чынам, жыццё даецца чалавеку вышэйшаю сілаю і разам з ім чалавек атрымлівае лёс, долю. Пад лёсам і доляю маецца на ўвазе прызначэнне селяніна – ён павінен многа і цяжка працаваць, карміць і ствараць свет. Земляроб перакананы, што яго доля няшчасная, бо ў грамадстве людзей яго сацыяльны статус неапраўдана прыніжаны. Зло завязала яму свет, з яго працы ўсе карыстаюцца, а яму, хто ўсю гэту прыгажосць стварыў, нічога не належыць, ён не гаспадар:

Усе вуглы і куты
Сваім целама я змеў,
Ссек і лес, і кусты,
І дарогі правёў,
Ды не езджу па іх,
А хаджу пехатой
Ў рваных ботах старых,

Часцей босай нагой.
Збудаваў я палац,
Многа фабрык, мастоў.
Сам жа голы, як бац, –

Пары дзве рызманоў [2, т. 1, с. 80].

Упэўненасць ў сваёй несправядлівай долі падмацоўваецца і тым, што жыццё
вымагае ад чалавека сілы і вытрымкі, каб справіцца з ім:

Эх, ты, жыццё, жыццё людское!
Няма табе, няма спакою:
Ты – суматоха, вір бурлівы,
Ў табе загіне баязлівы,

Як парахно, як зерне тое [2, т. 6, с. 225].

Гэта цытата сведчыць не толькі пра складанасці на жыццёвым шляху селяніна, але і пра тое, што жыццёвыя абставіны вымагаюць ад селяніна мабілізацыі ўсіх сіл для адказу на выклік лёсу. Нягледзячы на неспрыяльныя сацыяльныя ўмовы, селянін імкнецца да стварэння свайго свету праз працу на зямлі. Такое ўспрыманне жыцця як засваенне прасторы праз працу на зямлі нараджае іншае разуменне жыцця: «Што ні кажы, а жыццё, ужо само па сабе, ёсць радасць, вялікае шчасце, бясцэнны дар. Ёсць важныя дзве часціны, з якіх складаецца жыццё, і яго глыбокі сэнс і характэр – чалавек і прырода. Бо ніколі не страціць для нас цікавасці чалавек, бо праяўленне яго розуму бязмежна, бо дарогі яго не вызначаны, бо формы яго жыцця і яго адносін да другіх людзей бясконца разнастайныя, канчаткова не выяўлены і ніколі не могуць стаць канчатковымі. А прырода! Колькі вялікага задавальнення дае нам яна! Бо прырода – найцікавейшая кніга, якая разгорнута перад вачамі кожнага з нас. Чытаць гэту кнігу, умець адгадаць яе мнагалучныя напісы – хіба ж гэта не ёсць шчасце?» [2, т. 9, с. 12–13]. Спалучэнне, з'яднанне прыроды і чалавека нараджаюць радасць жыцця, спасціжэнне сутнасці ўсяго існага, магчымасць ствараць уласны, сялянскі свет надае жыццю працаўніка сэнс.

Яшчэ адной азначальнай рысай жыццёвай плыні селяніна з'яўляецца яе рухомасць. Вобраз дарогі мы найчасцей сустракаем у Я. Коласа як увасабленне зменлівасці, рухомасці чалавечага жыцця: апавяданні «Сірата Юрка», «Думкі ў дарозе» паэмы «Новая зямля», «Сымон-музыка». Асаблівасць паказу жыццёвых шляхоў беларускага сялянства ў творчасці Якуба Коласа ў тым, што аўтар здолеў ухваліць дынаміку ў разуменні жыцця сялянствам у канцы XIX – пачатку XX стагоддзя. Письменнік у паказе беларускага селяніна не абмяжоўваецца фіксацыяй традыцыйнай фаталістычнай інтэрпрэтацыяй сэнсу жыцця. Для староўкі бабкі Мар'і час існавання чалавека на зямлі вышэйшая прадвызначанасць, зададзенасць, якую нельга парушаць, чарговы этап зменаў усяго існага: «Каб вы запыталіся ў дрэва, чаму яно расце, дык хіба ж бы яно вам адказала? ... Жывём, покі жывецца, бо жывы ў зямлю не палезеш, а прыйдзе смерць, тады пахаваюць» [2, т. 9, с. 10–11].

Смерць для селяніна – гэта завяршэнне яго дарогі. Смерць выступае непазбежным завяршальнікам гэтага шляху. Чалавечае жыццё лінейнае, яно не можа ні вяртацца, ні паўтарацца, але ў сялянскіх ўяўленнях жыццё чалавека не аддзяляецца ад жыццёвай плыні прыроды. Існаванне ўсяго ў прыродзе – гэта імгненне ў часе Вечнасці, сэнс яго быцця ў працягу жыццёвай плыні, смерць, паміранне, знікненне – лагічнае завяршэнне пэўнага цыклу, які становіцца пачатам новага жыцця. У лірыцы Я. Коласа нярэдка вобразы «вясна – восень» з'яўляюцца выражэннем апазіцыі «жыццё – смерць». Восень – пара, калі «стаіць лес сірацінай», «смутныя ёлкі бы ўдовы», «сірацее рэчка», «амярцвелы дол». Пры гэтым самотнае развітанне з жыццём не безнадзейна-трагічнае, а поўнае светлага чакання адраджэння. Менавіта ў такім разуменні сэнсу смерці селянін далучаецца да прыроднага, вышэйшага парадку руху часу, так не толькі смерць, але і жыццё набываюць большую вартасць:

Шчаслівы міг, бо палі пугы!
Канец – і нейкі круг замкнуты
І небыццё ідзе і гіне,
Каб месца іншай даць часіне;
І веры ў той канец няўхільны
Знішчае тлен гнілы, магільны [2, т. 6, с. 265].

Паэма «Новая зямля» – творчае адлюстраванне паяднання цыклаў жыцця Прыроды і Чалавека. У творы мы бачым як поўны каляндарны цыкл: ад зараджэння жыцця ўвесну да згасання ўвосень, так і жыццё Міхала, як увасабленне жыццёвага цыклу селяніна. Сусвет паядноўвае гэтыя колы, а смерць набывае новае значэнне: страта дзеля нараджэння, рух наперад, які замыкае метафізічны рух вечнага, бясконцага абнаўлення.

Мізэрнай часткай такога кола адчувае сябе Міхал у паэме «Новая зямля». Апошні раздзел твора цалкам прысвечаны пакутлівым пошукам героя сэнсу смерці. Такая цяжкая ўнутраная праца патрабуе мабілізацыі ўсіх душэўных сіл, каб асэнсаваць змест і прызначэнне жыцця, перагледзець веды аб тым, што ёсць смерць, каб годна прыняць яе. Такая складаная, выключна драматычная сітуацыя прыводзіць да змены каштоўнасных устаноў героя, мяняе аснову яго паводзінаў:

І тое, што даўней, бывала,
Яго так моцна захапляла,
Цяпер здавалася няўзрачным
І непатрэбным і нязначным;
Яго цікавіць лёс уласны,
Лёс пагражаючы, нясны,
Зацята схованы, замкнёны. [2, т. 6, с. 274].

Драматызм сітуацыі, як бачым, ускладняецца тым, што пошук сэнсу смерці «заўсёды трагічны, незавяршальны і індывідуалізаваны, а выпрацоўка адзінага рашэння ... для усіх і назаўсёды немагчыма» [2, т. 2, с. 58]. У сваіх пошуках Міхал абапіраецца на культурныя коды, матрыцы, закладзеныя стагоддзямі існавання сялянскай супольнасці. Але Колас паказвае нам і змены яго пазіцыі. У развагах, трызненнях Міхала сутыкаюцца два абсалютна розныя пачаткі. З аднаго боку герой разумее, што падыходзіць да завяршэння жыццё, як спосаб пазнання свету. Гэта «ўласнае», найбольш індывідуалізаванае жыццёвае кола, для яго не халодная і недасягальная вечнасць, а радасць штодзённага існавання: зямля, сям'я, людзі. Смерць адмяжоўвае чалавека ад таго, што яму ўдалося адваяваць у несправядлівага лёсу, што вымагала душэўнай моцы і жыццёвай смеласці.

Канец кладзецца між табою
І тым, што дорага і міла,
Што душу грэла і хіліла
І сэрца моцна парывала [2, т. 6, с. 265].

Фінал гэтага кола выклікае ў Міхала самыя цяжкія перажыванні. Выратаванне, ахову шукае селянін толькі ў сваім асяроддзі:

З глыбокім жалем, садрыганнем
Ратунку просіць у людзей,
У брата, жонкі і дзяцей,
Бо неба жорстка, неба глуха
І не прыклоніць свайго вуха,
Хоць ты прасі, хоць ты малі,
Хоць грудзі рві і сэрца выні –
Ты не кранеш яго цвярдзіні,
Яно далёка ад зямлі.
Яно зацята, бо нямое,
Яно маўкліва, бо пустое [2, т. 6, с. 279].

У гэтай цытаце выразна бачна сакралізацыя зямлі, як прасторы, асвоенай чалавекам. Яна супрацьстаіць недасяжнаму, незразумеламу, а таму і пустому па сваёй вартасці небу. У свядомасці селяніна не знайшла істотнага адлюстравання хрысціянская мадэль сэнсу жыцця і смерці. Яго жыццёвая практыка, уласны досвед падказвае яму, што смерць чалавека – гэта толькі бяспледнае зніканне. І толькі зямля да канца застаецца вернай ахоўніцай для земляроба. Матыў апошняга прытулку ў роднай зямлі выразна гучыць у творах Я. Коласа (верш «Смерць арыштанта», «Перад дарогай», апавяданне «Бунт»). Гэта, па-першае, паказвае, што зямля – галоўная каштоўнасць селяніна, па-другое, у аснове светаадчування беларуса ляжыць вартасць лакальнай прасторы (вёска, сям'я, род).

Селяніну блізкае і зразумелае толькі тое, што побач з ім, прадметны, рэальны свет, дасягалны для яго як для фізічнай асобы, па гэтай прычыне найбольшы трагізм выклікае менавіта канцовасць матэрыяльнага:

Няўжо памру і стану трупам,
Згнію ў зямлі нікчэмным струпам
На целе гэтае зямлі? [2, т. 6, с. 271].

Трагедыя смерці для Міхала заключаецца ў тым, што ён назаўсёды страціць сваю зямлю, як самае дарагое, як сэнс існавання.

Прызвычаены апеляваць практычнымі рэчамі і з'явамі селянін Міхал палюхаецца існавання ТАМ, бо не ведае якое яно. Для старога Базыля з апавядання «Старасць не радасць» канец яго жыцця – час, калі «ўсё злілося ў адну чорную пляму, якая вось-вось гатова патануць у багне прошласці» [2, т. 4, с. 96].

З другога боку, Міхал усведамляе, што яго смерць – гэта таямніца, дзеянне сіл, непадуладных яго разуменню. Смерць непазбежная і абавязковая для ўсіх. Усе людзі роўныя перад ёю, што ў разуменні селяніна яшчэ больш падкрэслівае несправядлівасць ладу зямнога жыцця:

Ох, браце: смерць не разбірае
...Ці многа жыў, ці жыў ты мала,
Ці ты багаты, ці ты бедны,
Ці ты зайздросны, ненаедны [2, т. 6, с. 62].

Нягледзячы на разуменне непазбежнасці заканчэння жыцця, смерць для селяніна застаецца драматычнай праявай невядомых яму сіл, якія так ці інакш парушаюць гармонію жыцця. Смерць застаецца трагедыяй. Міхал не шукае для сябе апраўдання, выратавання ў ідэях вызвалення, збаўлення душы, ён проста скраецца прадвызначанасці сваёй долі.

Чалавечыя жыццё і смерць ў любой супольнасці, у тым ліку і этнічнай, не столькі біялагічныя працэсы, колькі з'явы, якая патрабуюць дакладных маральных крытэрыяў, якія трымаюць грамадства ў стане дынамічнай раўнавагі маралі, калі не дапускаецца знешняе праяўленне агрэсіўных інстынктаў, масавыя забойствы, самагубствы і г. д. [3, с. 44]. Я. Колас у сваіх творах не толькі пабудаваў такі светапоглядны каркас, аснову, надаў яму вобразнага метафарычнага зместу, а нават здолеў паказаць развіццё гэтых канцэптаў у сітуацыі сацыяльнай нестабільнасці. У творах класіка выдатна паказана, што ва ўмовах разбурэння традыцыйнага сялянскага грамадства, парушаюцца, а часам і знікаюць асноватворчыя каштоўнасці ўстаноўкі. Рэвалюцыйныя змены ў свядомасці сялян пад час сацыяльна-палітычных падзей пачатку ХХ стагоддзя (рэвалюцыя, грамадзянская вайна, змена сацыяльнай стратыфікацыі грамадства) прывялі да пераасэнсавання каштоўнасці жыцця і смерці. Напрыклад, Паніч Грыша, герой апавядання «Крывавы вір», стаў ахвярай разбуральнай сілы сацыяльнага вакууму. Ціхмяныя, пакорлівыя сяляне ператварыліся ў жорсткіх і звераватых мсціўцаў. Усё пазітыўнае, што было ў душы, на пэўны час было выцеснена помслівасцю, нянавісцю да паноў, адкрытай ваяўнічасцю.

Такім чынам, разуменне і адносіны да жыцця і смерці, іх разуменне ў менталітэце беларускага селяніна – складанае і шматузроўневае ўтварэнне, якое вызначае аснову каштоўнасцей арыенціраў карціны свету нацыі і развіваецца па двух напрамках. З аднаго

боку, у высокім разуменні, смерць як і жыццё – гэта частка Сусветнага парадку, дадзенасць, якая ўсведамляецца як адзін з фрагментаў у бясконцым аднаўленне ўсяго існага. І чалавек, як частка Жывога няўмольна падпарадкоўаецца гэтаму правілу, праз яго далучаецца да Сусвету, як да вечнага жыцця. З другога боку, смерць – асабістая драма чалавека, які назаўсёды траціць самае каштоўнае – радасць пазнання свету і магчымасці асвайваць яго, губляе зямлю, як апрацаваную прастору, г.зн. свет, створаны працай на зямлі.

Крыніцы і літаратура

1. Чернявская, Ю. В. Народная культура и национальные традиции: пособие для учителей / Ю. В. Чернявская. – Минск : Беларусь, 2000. – 198 с.
2. Колас, Якуб Збор твораў: у 20 т. / Якуб Колас. – Мінск : Беларуская навука, 2007–2012.
3. Хазеева, І. А. Апазіцыя «жыццё – смерць» у беларускай паэтычнай карціне свету: метафара дарогі / І. А. Хазеева // Язык и культура. Проблемы современной этнолингвистики : Материалы Междунар. научн. конфер. Минск, 2–4 ноября 2000 г. / Научн. ред. И. И. Токарева. – Мн. : Минск. гос. лингв. ун–т, 2001. – С. 223–226.
4. Суворова, О. С. Личностное знание о смерти: пути формирования, смысл и значение / О. С. Суворова // Идея смерти в российском менталитете / под ред. Ю. В. Хен. – СПб : РХГИ, 1999. – С. 48–62.

УДК 94:353.2:330.36(476.6)«1914»

С. Б. Жихарев

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГУБЕРНАТОРСКОЙ ВЛАСТИ ПО ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЮ НАСЕЛЕНИЯ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассмотрена работа губернаторской власти Гродненской губернии на начальном этапе Первой мировой войны. Отмечается, что усилия гродненского губернатора В. Н. Шебеко по налаживанию нормального снабжения населения вверенной ему в управление губернии наталкивались на многочисленные препятствия и неблагоприятные обстоятельства. Выступая ключевой фигурой в координации усилий местной исполнительной власти, вышестоящих властей и органов общественного самоуправления Гродненской губернии, В. Н. Шебеко предпринимал все зависящие от него меры по облегчению людских страданий. Однако вызванные военной обстановкой запреты и ограничения, организационные просчеты и транспортные неурядицы существенно снижали эффективность прилагаемых губернатором усилий.

Первая мировая война кардинально изменила ситуацию в сфере снабжения населения Гродненской губернии жизненно важными припасами. Радикальные перемены затронули практически все стороны жизни людей. Целью данной статьи является исследование усилий гродненских губернских властей по обеспечению населения предметами первой необходимости, продуктами питания, а также средствами их железнодорожной доставки. Заниматься решением многих проблемных сторон жизнеобеспечения городов и координацией работы различных официальных инстанций, общественных учреждений и частных лиц выпало тогда назначенному 18 октября 1913 г. на должность Гродненского губернатора генерал-майору Вадиму Николаевичу Шебеко. 14 июня 1914 г. министр внутренних дел Н. А. Маклаков в срочной телеграмме известил Шебеко по поводу принятого Советом министров накануне решения о мерах, вызванных подготовкой к войне (всего 10 положений) [1].

Распределением железнодорожных вагонов среди торговцев, занятых снабжением населения Белостока продовольствием и предметами первой необходимости, заведовала образованная 23 августа 1914 г. на основе циркуляра гродненского губернатора осведомительная комиссия. Заседания комиссии обычно проходили два раза в месяц под председательством белостокского городского головы. В работе комиссии, первое заседание которой было назначено на 29 августа 1914 г., приняли участие члены уездной управы, податной инспектор, уездный исправник, члены комитета торговли и мануфактуры, в качестве экспертов так называемые «сведущие лица». Комиссию ознакомили с действующими нормативными документами и временными правилами по перевозке частных грузов по железным дорогам в военное время [2, л. 87об.]. Располагая сведениями о нормах потребления населением разных продуктов, а также о количестве прибывавших на железнодорожные станции Белостока грузов, осведомительная комиссия рассматривала поступившие от торговцев заявления, всячески стремясь предотвратить концентрацию выписываемых и поставляемых для жителей города товаров среди ограниченного круга лиц [2, л. 121об.].

22 августа 1914 г. Главное управление по делам местного хозяйства МВД напомнило губернаторам, что на них возложена ответственность за сбор информации о прибывающих в города по железным дорогам предметах первой необходимости и топливе. Специально создаваемые под председательством губернаторов первичные инстанции – формируемые из глав городских управ и городских старост совещания и осведомительные комиссии по обеспечению населения предметами первой необходимости – рассматривали поступающие от частных лиц ходатайства о доставке грузов в города губернии, а также вели учёт прибывших на железнодорожные станции грузов. Собранные таким образом данные должны были передаваться губернаторами председателям профильных порайонных комитетов и главам особых совещаний, в ведении которых находилось регулирование перевозки коммерческих грузов в период мобилизационного положения на железных дорогах. О результатах своей деятельности по обеспечению городов железнодорожными грузами и об эффективности взаимодействия с инстанциями железнодорожного планирования губернаторы обязывались подробно отчитываться перед МВД [2, л. 78].

Губернские осведомительные комиссии не всегда располагали исчерпывающими сведениями об обеспеченности населения предметами первой необходимости. Значительные затруднения вызывало у комиссий и определение количества удовлетворённых порайонными комитетами ходатайств по внеочередной доставке железнодорожных товаров и о числе грузов, действительно прибывших в города по этим разрешениям. Существовали пробелы в знаниях местных осведомительных комиссий также и в отношении количества прибывавших в города грузов. К весне 1915 г. выяснилось, что практически ни одна из организованных в городах Гродненской губернии комиссий не может дать точные и полные ответы на запросы губернатора. Вопрос о соотношении дошедших до местного населения продуктов первой необходимости и топлива из общего объёма прибывших в губернию и вывезенных затем из неё в соседние регионы товаров оказался для большинства осведомительных комиссий наиболее проблематичным.

28 февраля 1915 г. гродненский губернатор В. Н. Шебеко в распоряжении, адресованном главам уездного дворянского сословного и городского общественного самоуправления (Пружанский, Сокольский, Волоковыский уездный предводители дворянства; Гродненский, Белостокский, Бельский, Брестский и Слонимский городские головы) с возмущением отмечал, что «подобная неосведомлённость Комиссий лишает их того значения, для которого они были организованы» [2, л. 41]. В распоряжении начальника губернии содержалось также требование, направленное на исправление грубых недостатков в деятельности осведомительных комиссий по сбору данных. Одновременно в документе указывалось на важность предотвращения злоупотреблений и спекуляции прибывающими по железным дорогам в города товарами: «Комиссии на будущее время обязаны вести строгий учёт

фактическому поступлению в города разрешенных Порайонными комитетами к внеочередной доставке грузов и при содействии полиции и железнодорожной администрации иметь наблюдение за тем, чтобы доставленные в города предметы первой необходимости были расходуются исключительно на нужды местного населения и каждый из случаев вывоза их в другие местности был зарегистрирован» [2, л. 41].

К проблемам с топливом, нехваткой зерна, муки и сахара весной 1915 г. добавилась хроническая нехватка мясных продуктов. В телеграмме управляющего Гродненской губернией на имя начальника военного эксплуатационного отдела армий Северо-Западного фронта в связи с этим отмечалось, что «в Белостоке ощущается сильный недостаток мяса и вообще предметов первой необходимости, почему население и войсковые части поставлены в очень тяжёлое положение» [2, л. 32]. Ситуация стала накаляться со второй декады марта, когда проходящие через Белосток и дислоцированные в нём войска стали прибегать к массовым реквизициям скота и мяса на городских скотобойнях. Гродненский губернатор В. Н. Шебеко в обозначенной телеграмме, а также жалобах от 21 марта и 2 апреля 1915 г. на имя окружного интенданта и командующего двинским военным округом по поводу самоуправства военных резюмировал, что «в Гродно и Белостоке войска с позиций и квартирующие забирают на скотобойнях всё мясо и в городах недопустимый мясной голод» [2, л. 158]. В своём новом обращении, подготовленном по просьбе белостокского городского головы к руководству двинским военным округом, Шебеко просил ограничить изъятие мяса войсками со скотобоев, а также разрешить частному грузоотправителю Яновичу ежедневный подвоз скота в Белосток в количестве четырёх вагонов со станций Тальная и Шпола. На обе просьбы гродненский губернатор получил отрицательный ответ. Отказ оказать помощь в обоих случаях был мотивирован тем, что дислоцированные в Белостоке войска не находятся в подчинении командования двинского военного округа, а названные железнодорожные станции расположены за пределами вверенного ему военного округа, что препятствует подаче сюда вагонов для погрузки и доставки скота в Белосток [2, л. 159]. Не поступило разрешение на внеочередную погрузку скота для Белостока со станций Тальная, Шпола и от председателя варшавского порайонного комитета, предложившего местным органам власти и общественного самоуправления обеспечивать потребности населения за счёт запасов скота Белостокского и Сокольского уездов. Проведённый белостокской городской управой подсчёт соотношения ввезённого в Белосток по железным дорогам в довоенное время во второй половине 1913 – первой половине 1914 гг. из Волынской и других губерний (50 %) скота и местного поголовья (50 %) свидетельствовал о невозможности решения проблемы за счёт собственных ресурсов. Несамодостаточный характер снабжения Белостока мясом подтверждался данными городских скотобоев, где из 9434 голов убитого за обозначенный довоенный период скота на долю привозного приходилось 4700 голов [2, л. 161]. После начала боевых действий подвоз скота снизился более чем в четыре раза, упав до 1170 голов, что вынудило городские скотобойни резко увеличить забой выращенного в собственном уезде скота. Резкому сокращению поголовья также способствовали реквизиции и его закупка для армии как в белостокском, так и в соседних с ним уездах. Таким образом, местные возможности для поставки скота городским потребителям оказались полностью исчерпаны, в силу чего, как следовало из заключения, сделанного белостокским городским головой, требовалось восполнить возникший в регионе дефицит поголовья железнодорожным подвозом из степных губерний [2, л. 162об.].

В апреле 1915 г. Белосток полностью исчерпал все свои запасы ржаной муки и городу стал грозить голод. С августа 1914 г. в Белосток было ввезено, как полагала городская дума, недостаточное для надлежащего обеспечения населения количество ржи (66 вагонов). Располагавшееся в Белостоке интендантство изъявило желание помочь населению, предложив уступить городу собственные запасы муки [2, л. 162об.]. 14 апреля 1915 г. городской голова в письме гродненскому губернатору выразил сожаление о

том, что из Гродненской губернии в целях снабжения действующей армии в Царство Польское по распоряжению властей вывезли большое количество продуктов питания, в то время как закупать недостающее для Гродненской губернии продовольствие в соседних с ней губерниях вскоре запретили. Под влиянием войны система снабжения населения продуктами во многих местностях стала перестраиваться на обслуживание преимущественно внутренних потребностей. Для борьбы с дефицитом и спекуляциями местные госорганы налагали жёсткие ограничения на вывоз продуктов торговцами в другие регионы. Глава белостокской городской управы жаловался начальнику губернии на действия варшавского порайонного комитета, отказавшего 24 марта текущего года белостокской городской думе в осуществлении погрузки пшеничной муки в товарные вагоны со станций Павлоград, Керчь, Бугуруслан, Тальная, Мариуполь, Никитовка, Бердянск и Ейск с пунктом конечного назначения г. Белосток [2, л. 162].

В апреле 1915 г. в Гродненской губернии иссякли запасы овса для лошадей, что могло привести к серьёзным сбоям в обеспечении работы земской почты. Например, в Бытени содержатель земской почты Гиллер Лейба Косс закупил для почтовых лошадей этого местечка 10 000 пудов овса. Зерно было погружено в вагоны на станции Бобровица Черниговской губернии с целью его отправки конечному грузополучателю на станцию Доманово [2, л. 143]. Однако из-за установленного запрета на вывоз зерновых хлебов вся партия названного овса по распоряжению начальника снабжения армий Юго-Западного фронта была арестована, а его вывоз со станции Бобровица был прекращён. Снятию запрета не помогло даже совместное обращение к военным властям гродненского губернатора В. Н. Шебеко и черниговского губернатора Н. Н. Лавриновского [2, л. 145]. 5 апреля 1915 г. гродненский губернатор через слонимского уездного исправника оповестил Г. Косса о принятом не в его пользу решении [2, л. 149].

Практически одновременно оказалась под запретом доставка 10 вагонов овса со станции Пантаевка на станцию Гродно, приобретенных гродненским общественным управлением и предназначенных для лошадей городского пожарного обоза. По распоряжению главного начальника Одесского военного округа генерала М. И. Эбелова и градоначальника Одессы И. В. Сосновского «весь объём зернового фуража округа подлежал покупке армии и поэтому не мог быть допущен для населения» [2, л. 61]. Несмотря на предоставленное варшавским порайонным комитетом ещё 6 марта 1915 г. разрешение на внеочередную перевозку столь необходимого в Гродно продукта, партия овса попадала также и под действующий местный запрет на вывоз грузов из Одесской губернии [2, л. 56]. Теперь в силу вступал разрешительный порядок снятия запретов и ограничений. А это требовало личного вмешательства гродненского губернатора и городского головы, поскольку решить возникшую проблему по доставке в Гродно вагонов с зерном могла только санкция одесского генерал-губернатора [2, л. 59].

В начале первого полугодия 1915 г. в Белостоке помимо мяса стало не хватать зерна и в первую очередь ржи, запасы которой, образовавшиеся в предыдущий более благополучный период благодаря дополнительно закупленным и ввезённым в город 66 вагонам, начали быстро иссякать. Белостокская городская управа просила гродненского губернатора посодействовать в доставке недостающих для нормализации положения объёмов ржи со станций Куцовка и Долинская [2, л. 161].

Примерно через год в Гродно иссякли запасы сахара, и в целях удовлетворения спроса городского населения на этот продукт управой 8 июля 1915 г. было выдано разрешение гродненскому купцу Берке Лейзеровичу Бурде выписать вне очереди один вагон сахара со станции Гомель [2, л. 244]. Через неделю стало очевидно, что начальник и комендант станции Гомель не собираются выполнять распоряжение министра путей сообщения «О внеочередной перевозке продуктов первой необходимости, приобретаемых на имя городских общественных управлений» на основании действующего запрета на

погрузку товаров для станции Гродно. Таким образом, из-за одновременного действия противоречащих друг другу ведомственных решений, принятых в МПС и Военном министерстве, Бурде было отказано выделить вагон под погрузку сахара на имя гродненской городской управы [2, л. 245]. 16 июля губернатор В. Н. Шебеко направил в варшавский порайонный комитет телеграмму, в которой изложил суть произошедшей на станции Гомель коллизии, ставшей причиной продолжающегося в Гродно дефицита сахара [2, л. 243].

В условиях разраставшегося железнодорожного кризиса не всегда эффективной в деле снабжения населения необходимыми товарами оказывалась и частная инициатива. Избыток продовольствия в одних регионах не означал, что другие губернии – как правило, ближе всех расположенные к театру боевых действий и терпящие дефицит самого необходимого – смогут наладить своевременную доставку жизненно важных для себя продуктов. Так, известный в Гродно торговец мукой Рубин Элиев Кимха в декабре 1914 г. приобрёл для губернского города в южных губерниях пять вагонов муки. Предназначавшаяся жителям Гродно мука из-за не выделенных Р. Кимхе в гродненском направлении вагонов была вынужденно отправлена в Вильно, где её выгрузили на железнодорожной станции на неопределённое время. Ситуация окончательно зашла в тупик, так как вскоре последовал запрет на вывоз грузов из Вильно от военных властей [2, л. 189]. 13 апреля 1915 г. предприниматель попросил гродненского губернатора помочь ему в решении возникшей проблемы. Торговцу посоветовали, не теряя времени (так как данный вопрос находится вне компетенции губернаторской власти), обратиться со своим ходатайством в гродненскую осведомительную комиссию и добиваться от местного общественного управления содействия в получении разрешения на провоз муки из Вильно в Гродно [2, л. 193].

К февралю 1915 г. цены на некоторые предметы первой необходимости и топливо в Брест-Литовске по сравнению с январем 1914 г. подскочили на 50 %. Все предпринятые городским самоуправлением меры по обеспечению населения предметами первой необходимости и топливом по приемлемым ценам не достигали цели. 31 января 1915 г. городской голова в письме гродненскому губернатору В. Н. Шебеко признал, что «для установления в городе нормальных цен важен систематический подвоз и выгрузка необходимых городу продуктов, что в условиях войны едва ли возможно, так как находится в тесной зависимости от воинских перевозок, поэтому в силу неизбежности нужно прибегать к обстоятельствам. В зависимости от них теперь регулируются заказы на перевозку грузов, состоящим при помощнике коменданта крепости особым совещанием. Сделать что-либо больше этого не вижу возможным» [3, л. 501об.].

Источники и литература

1. Черепица, В. Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности : монография / В. Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2006. – 359 с.

2. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (далее – НИАБГ). – Ф. 17 (Гродненское губернское по городским делам присутствие). Оп. 1. Д. 461. О перевозке грузов по железным дорогам в военное время (переписка с городскими головами, с городскими управами о правилах перевозки грузов по железным дорогам в Гродненской губернии во время войны). – 520 л.

3. НИАБГ. – Ф. 17. Оп. 1. Д. 440. Наряд Гродненского губернского по городским делам присутствия «Об организации перевозок(ки) грузов по железным дорогам в военное время». – 556 л.

**РАЗВИТИЕ КОЛОНИЙ БУЖСКИХ ГОЛЕНДРОВ НЕЙДОРФ И НЕЙБРОВ
В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

В тексте данной статьи представлена характеристика исторического развития Нейдорф и Нейбров – колоний бужских голендров – полиэтнической и поликонфессиональной группы лично свободных крестьян-чиншевиков в XIX – начале XX в. Анализ имеющихся данных об изменении в правовом положении голендров, поиска решения аграрного вопроса и влияния общественно-политических и социально-экономических процессов на изменения в жизни колоний дает представления об особенностях данного периода в истории бужских колоний на территории Беларуси.

На момент присоединения западнобелорусских земель к Российской империи (1795 г.) колонии бужских голендров Нейдорф и Нейбров существовали уже более двух веков. В XIX – начале XX в. они территориально относились к Домачевской волости Брест-Литовского уезда Гродненской губернии. Пребывание в составе России стало отдельным периодом в многовековой истории полиэтнических и поликонфессиональных колоний в долине р. Западный Буг. На данном периоде исторического развития колоний их жители претерпевали значительные изменения в своем положении: от лично свободных крестьян-чиншевиков (именуемых в Империи «вечные сельские чиншевики») до владельцев собственных земельных наделов. В XIX – начале XX в. происходили и другие значимые изменения в жизни колоний. Цель данной работы – охарактеризовать развитие колоний Нейдорф и Нейбров в XIX – начале XX в. на основе анализа правового положения бужских голендров, путей решения аграрного вопроса и влияния исторических процессов на изменения в жизни поселений.

Вопросом развития колоний в указанный период занимались такие исследователи, как Е. С. Розенблат [1], Э. Бютов [2], М. П. Костюк [3], В. Надольска [4], Н. Г. Галеткина [5] и др. Основными материалами для изучения данного периода в истории колоний стали документы из фонда Национального исторического архива в Гродно (далее НИАБ в Гродно), нормативно-правовые акты, регулирующие жизнь и положения колонистов, воспоминания очевидцев [6], статья «Хроника Нейдорф-Нейбровской кирхи» 1902 г. [7], заметки из периодических изданий [8] и др.

К началу XIX в. колонии Нейдорф и Нейбров окончательно сложились как многонациональные и многоконфессиональные поселения. Изначально жителями колоний, по версии ряда авторов, были переселенцы из нидерландских земель. Этническое происхождение отразилось в именовании колонистов «голендрами» (польское слово «holendr» или «olendr» можно дословно перевести как «голландец») [2, с. 4]. По другой версии, первые колонисты – это немцы, которые пользовались особым «голландским правом». Данная правовая норма давала личную свободу, сохранение вероисповедания (лютеранство). Жители Нейдорф и Нейбров имели возможность заниматься сельским хозяйством во владениях землевладельца на правах колонистов-чиншевиков [9, с. 54]. Бужские голендры имели право завещать, продать, разделить земельные наделы, однако новые владельцы были обязаны соблюдать первоначальные условия аренды (выплачивать чинш землевладельцу, а также выполнять ряд других повинностей) [1, с. 3–6]. В последней трети XVIII в. по решению владельцев земель, на которых располагались колонии, князей Радзивиллов статус свободных колонистов-чиншевиков получили и этнические поляки. Новые жители колоний также стали именоваться «голендрами» [10, с. 440]. Таким образом, основным критерием для обозначения колонистов в долине р. Западный Буг термином «голендр» является не этническое происхождения,

а социальный статус свободных колонистов-чиншевиков. Однако хотелось бы отметить, что в период пребывания в составе империи наименование колонистов «голендрами» не раз станет основой для разбирательства об этническом происхождении жителей Нейдорф и Нейбров. Подробнее об этом будет сказано ниже.

Больше полувека пребывания в составе империи положение колонистов практически не претерпевало изменений. Жители колоний продолжали пользоваться теми же правами, которыми обладали их предки во времена Речи Посполитой. Даже постоянная смена владельцев имения «Домачево» (к числу владельцев имения относились Радзивиллы (до 1813 г.), Витгенштейны, Гогенлоэ-Шиллингсфюрсты и др. [8]), в состав которого входили Нейдорф и Нейбров, не влияла на привычную жизнь колонистов. До начала XX в. жители колоний были обязаны выплачивать чинш (последний платеж был осуществлен в 1912 г.). У каждого колониста была особая книжка, где производили отметку об уплате чинша. Натуральные виды повинностей в середине XIX в. были заменены денежной выплатой [1, с. 189]. Например, в 1911 г. каждая из двух колоний выплатила по 345 руб. 10,5 коп. [11]. Одной из уникальных черт землевладения голендров являлся то факт, что женщины имели те же права на владения землей, что и мужчины. Обычно земельный надел передавался в наследство по мужской линии, но при отсутствии сыновей законными владельцами становились дочери или вдовы. Также интересным фактом наследования у голендров является то, что дети обоих полов имели равные права на наследство матерей, владеющих чиншевым наделом [2, с. 4–5]. Женщины могли напрямую обращаться к землевладельцу по земельным вопросам. Примером этому является дело о прощении вдовы Софьи Зелентовой о принадлежности ей пустоши Тичловской, датированное 1834–1837 гг. [12].

В начале XIX в. продолжала действовать установленная князьями Радзивиллами система самоуправления: в каждой колонии среди жителей избирался войт и его заместитель – старшина. Для сохранения межрелигиозного мира было решено, что в одной колонии на должность войта будет избираться лютеранин, а его заместителем – католик. В другой колонии – войт-католик, а старшина избирался из числа лютеран [13]. О сохранении данных должностей можно судить из документов из фондов НИАБ в Гродно, а также благодаря оттискам печатей войтов, датированных концом XIX в. Однако веденная князьями Радзивиллами система управления не смогла сохранить мир в колониях. Лютеране неоднократно стремились отсоединиться от своих католических «собратьев» и создать собственные колонии. Так, с 1834 по 1837 гг. лютеране колоний Нейдорф и Нейбров вели переписку с властями о разделении колоний по религиозному принципу. Они объясняли этот желание тем, что не признавали за католиками (практически все они являлись поляками) прав голендров. Лютеране считали, что решение князей Радзивиллов о предоставлении католикам прав вольных крестьян-чиншевиков было неправильным. Разбирательство не привело к желаемому для лютеран результату [13]. В последующие десятилетия колонисты стремились уже сообща сохранить свое самоуправление. В 1886 г. колонисты отказались подчиняться Домачевскому волостному правлению и демонстративно не участвовали в выборах сельских старост, мировых судей, а также уплачивать сборы и др. Они продолжали переписку с властями о возможности предоставления им прав на самоуправление. Данное прошение также осталось неудовлетворенным [14, л. 3–5].

Колонистов изначально отнесли к числу иностранных поселенцев на землях Империи. На них распространялось действие законодательных актов от 22 июля 1763 г. об иностранных поселенцах на территории Империи. Помимо Нейдорф и Нейбров к числу таких колоний на территории Гродненской губернии относилось и немецкое поселение в урочище Чоло в Пружанском уезде [15, л. 17]. В середине позапрошлого века у властей возникли сомнения относительно статуса колонистов Нейбров и Нейдорф. В 1864 гг. бужские голендры были лишены статуса «колонистов» [16]. Отныне в официальных документах и обращениях жители Нейдорф и Нейбров стали именоваться «бывшие колонисты», однако наименование типа поселений «колония» оставалось неизменным до начала Первой мировой войны [6].

Обе колонии были относительно равны как по численности населения, так и по размерам территорий. В XIX – начале XX в. численность жителей колоний превышало 2000 человек. Это визуально представлено в виде диаграммы (рисунок 1).

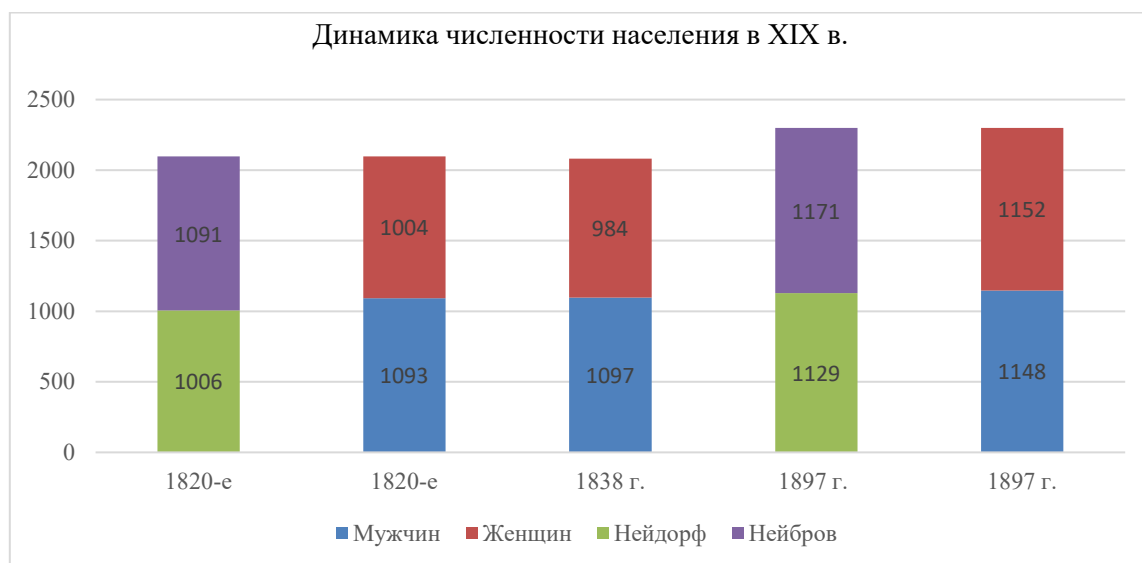

Рисунок 1 – Динамика численности населения в XIX в.

Представленные диаграммы составлены на основе анализа данных учета населения в колониях [15, л. 22об–23; 13] и материалов Всероссийской переписи населения 1897 г. [17, с. 46]. Незначительное сокращение населения между 1820-ми гг. (2097 чел.) и 1838 г. (2081 чел.) связан с переселением части населения на Волынь, речь о котором пойдет ниже.

Колонии занимали 1581 десятина или 7,6 % от всей территории Домачевской волости, однако для указанного числа населения этого было крайне мало: примерно 6 десятин на одну семью голендров, в то же время в среднем на крестьянскую семью волости приходилось примерно 12 десятин [18, л. 87–92]. Размер земель в колониях Нейдорф и Нейбров в 1890 г. представлено в таблице 1 [19, с. 118].

Таблица 1 – Размер земель в колониях Нейдорф и Нейбров

Тип земель Колония	Усадебной и пахотной	Луговой и пастбищной	Неудобной	Всего
Нейдорф	214 десятин	499 десятин	64 десятин	777 десятин
Нейбров	301 десятина	403 десятины	70 десятин	774 десятин
Земли кирхи Св. Троицы	11 десятин	18,5 десятин	0,5 десятин	30 десятин
Всего в колониях	526 десятин	920,5 десятин	134,5 десятины	1 581 десятина

Таким образом, в повседневной жизни колонистов актуальной была проблема мало-земелья. Ещё одной трудностью для голендров являлись постоянные паводки на р. Западный Буг [7]. Неоднократно жители колоний оставались без достаточного количества урожая, чтобы прокормить себя и уплатить налоги и чинш [6]. Землевладельцы и представители власти относились с пониманием к колонистам и освобождали их от податей. Так, в 1823 г. случились значительные паводки. С 20 июня по 24 июля все поля были затоплены водой. После паводка земля была покрыта «жаборинием» (илом). Жителей колонии освободили от всех повинностей и военных постоев в связи с природным бедствием [20, л. 5–77].

Ещё одной задачей для правительства стало определение дальнейшего статуса лично свободных колонистов (вечных сельских чиншевиков) после отмены крепостного права в России.

Решение всех указанных вопросов происходило поэтапно. Недостаточное количество земли в колониях в первые десятилетия XIX в. обусловило переселение части жителей на Волынь, где происходило активное освоение пустующих земель. Переселение бужских голендров на Волынь рассматривается рядом исследователей как элемент немецкой колонизации края [3; 4]. На территории Волини было основано более десятка поселений бужских голендров, которые стали именоваться «дочерние» колонии». Поселения были созданы в период с 1817 г. по 1834 г., когда 124 мужчины и 72 женщины из Нейдорф и Нейбров переехали на земли помещиков Котельницкого и Бычковского Луцкого уезда Волинской губернии [15, л. 19об.–20]. «Дочерние» поселения не утрачивали связи с «материнскими» Нейдорф и Нейбров. Это выражается в том, что большая часть лютеранских жителей «дочерних» колоний продолжали оставаться прихожанами Нейдорф-Нейбровской кирхи [4, с. 170].

Во второй половине XIX в. десятки колонистов приняли решение покинуть Нейдорф и Нейбров и стать арендаторами земель в других местах. Одним из крупнейших примеров этому может служить факт того, что в 1890 г. жители колоний Нейдорф и Нейбров и «дочерних» поселений Седлецкой губернии стали арендаторами в д. Язвин и д. Ирландка Меднянской волости Брест-Литовского уезда [14, л. 9–43].

Во времена реализации Столыпинской аграрной реформы часть бужских голендров переселились в Сибирь. Согласно документам НИАБ в Гродно в 1909 г. трое жителей Нейдорф (Юрий Клинка, Иван Бендык, Иван Людвиг) и житель Нейбров (Михаил Шниборх) подали прошение на переселение со своими семьями в Пихтинский переселенческий участок Тагнинской волости Балаганского уезда Иркутской губернии [21, л. 26, 45]. Согласно отчету за 1910 г., из Брестского уезда в Иркутскую область переселилось 4 семьи (в каждой в среднем 6 человек) [22, л. 59–68об.]. Вместе с ними в Восточную Сибирь переехали жители волинских «дочерних» колоний. Всего в Пихтинске было определено 185 долей. Таким образом, несколько сотен бужских голендров основали в Сибири три деревни (Пихтинск, Средне-Пихтинск, Дагник) и один хутор [5, с. 176].

Как уже было сказано, после отмены крепостного права бужские голендры оказались в числе тех, на кого действие Манифеста Александра II не распространилось. Стоял вопрос о том, как предоставить чиншевикам возможность стать собственниками земли. 9 июня 1886 г. правительство нормативно определило дальнейшее положение вечных сельских чиншевиков. Для реализации «Положения о поземельном устройстве сельских вечных чиншевиков в губерниях Западных и Белорусских» 29 января 1887 г. в Брест-Литовске было создано уездное по чиншевым делам присутствие, которое подчинялось Гродненскому губернскому по крестьянским делам присутствию [11, л. 1]. Фонд 239 НИАБ в Гродно содержит в себе документы о реализации реформы в регионе. Хотелось бы отметить, что опись 1 данного фонда, в которой представлены материалы о колониях Нейдорф и Нейбров, наиболее крупный по количеству единиц хранения среди всех (всего в фонде представлено 546 дел из них – 513 относятся к описи 1). За исключением пяти дел (в них представлен широкий комплекс документов о реализации реформы в колониях), каждая единица описи посвящена конкретной семье в Нейдорф и Нейбров. Анализируя представленные материалы, можно прийти к выводу, что реализация идей реформы в бужских колониях значительно затянулась. Несколько десятилетий бужские голендры объясняли представителям властей особенности правового положения своих предков, доказывали свои права на землю. Именно благодаря реализации реформы сохранились бесценные сведения о создании колоний в долине р. Западный Буг в XVII в. Окончательно жители Нейдорф и Нейбров стали собственниками своих чиншевых наделов в 1912 г. [11]. По решению властей Виленский

земельный банк предоставлял каждому жителю бужских колоний ссуду на 49 лет для выкупа чиншевого участка. Ежегодные выплаты по ссуде должны были быть примерно равными сумме чинша и других денежных платежей, уплачиваемых бывшему землевладельцу. Размер платежа зависел от территории земельного участка. Для выкупа земель в колонии Нейбров банк выдал ссуду размером 5466 руб. 11 коп., а для жителей Нейдорф – 5537 руб. 52 коп. Суммарно все жители Нейбров были обязаны выплачивать по 328 руб. 20 коп., а нейдорфские бывшие колонисты – 332 руб. 47 коп. в год [23, л. 1–52].

Во время восстания 1863–1864 гг. некоторые жители колоний бужских голендров присоединились к числу повстанцев. Одним из эпизодов восстания, в котором участвовали голендры, стало вооружённое нападение на местечко Домачево. Голендры из числа повстанцев были арестованы осенью 1863 г. Осенью 1863 – весной 1864 г. в Брест-Литовске проходил суд над пятью колонистами (Войцехом Хорожим, Антоном Кунцом, Иосифом Витовским, Антонием Хорожием и Антонием Требуховичем). Каждый был приговорен к разным видам наказаний [24, л. 1–61]. Ещё в 1863 г. из-за участия Антония Требуховича в восстании было предложено наложить контрибуцию на жителей Нейдорфа по 5 р. с каждого двора. Начальник Гродненской губернии в своем письме к Виленскому генерал-губернатору заявил, что данная сумма «ничтожна», и предложил увеличить размер контрибуции до 20 р. На данный момент в документах не нашлось сведений о том, были ли в конечном итоге обложены контрибуцией жители Нейдорф [25, л. 1–6]. 2 февраля 1865 г. жители Нейдорф и Нейбров ходатайствовали перед властями о возможности отдачи на поруки бывших повстанцев [24, л. 15].

Этническое происхождение голендров неоднократно обсуждалось в официальных документах. Их считали и потомками голландцев, и выходцами из немецких земель, и даже встречалась версия, что голендры – это отдельный народ. Они говорили на польском языке, который также использовался во время богослужения в кирхе [7]. Этот факт ещё более запутывал в вопросе об этническом происхождении. В годы Первой мировой войны появилась необходимость решить эту проблему. В условиях военного конфликта с Германией этнические немцы на территории Российской империи признавались неблагонадежными, их лишали имущества и могли депортировать в восточную часть страны. 16 июня 1915 г. в Гродненском губернском правлении слушали доклад Михила Рыль-Садовника, Михаила Баума и Мартина Генеборга. Представители колоний Нейдорф и Нейбров смогли доказать голландское происхождение своих предков, что спасло бужских голендров от возможных санкций [26, с. 56].

Подводя итог, хотелось бы отметить следующее:

1. В изучаемую эпоху историческое развитие колоний Нейдорф и нейбров можно выделить два этапа:

– первый этап (начало XIX – 1860-е гг.) характеризуется сохранением установленного в предшествующие времена правового положения колонистов, в том числе и в вопросе землепользования;

– на втором этапе (с 1860-х гг. – годы Первой мировой войны) происходят значительные изменения в положении бужских голендров: они утрачивают статус колонистов, а также становятся собственниками, а не пожизненными арендаторами-чиншевиками земельных наделов.

2. Решение проблемы малоземелья в основном происходила за счет переселения жителей колонии на Волынь, в Восточную Сибирь и в другие регионы.

3. Жители колоний бужских голендров являлись участниками значимых общественно-политических и социально-экономических процессов (сельскохозяйственная колонизация Волыни, восстание 1863–1864 гг., Столыпинская аграрная реформа и др), что повлияло на историческое развитие колоний.

Источники и литература

1. Розенблат, Е. С. «Вольные голендры» на Брестчине: история колоний Нейдорф и Нейбров / Е. С. Розенблат // Личность в истории: героическое и трагическое: сб. материалов Пятой междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию исторического факультета, Брест, 23–24 ноября 2011 года / редколл.: М. Э. Чесновский (гл. ред.) и др. – Брест : БрГУ, 2012. – С. 187–192.
2. Бютов, Э. Происхождение и история бужских голендров / Э. Бютов // Тальцы : журнал. – 2004. – № 4 (23). – С. 3–22.
3. Костюк, М. П. Німецькі колонії на Волині (XIX – початок XX ст.). / М. П. Костюк. – Тернопіль: Підручники і посібники, 2003. – 384 с.
4. Надольская, В. Забузькі голендри на Волині: походження, господарство, культура / В. Надольська // Краєзнавство. – 2013. – № 1. – С. 167–172.
5. Галеткина, Н. Г. Пихтинские голендры и вершининские поляки: Очерки по этничности сибирских переселенцев / Н. Г. Галеткина. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 224 с.
6. Стаття в газеті «Сельскій Вѣстникъ» № 8 отъ 22 февраля 1898 г. // Сайт г. п. Домачево [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://domachevo.com/historu-selskiy-vestnik1898.htm>. – Дата доступа: 25.02.2024.
7. Schultz, H. Kronika zboru ewangelicko-luterskiego Nejdorfskiego / H. Schultz // Parafia Ewangelicko-Augsburska Świętej Trójcy w Lublinie [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inlnk.ru/XOzllP>. – Дата доступа: 28.01.2024.
8. Chorazy, A. O nadbuzanskich olendrach z Nejdorf-Nejbrowa – pozn. Moscie Dolnych I Gornych – w dawnej polskiej prasie religijnej I świeckiej. Wybrane publikacje z lat 1885–1935 / A. Chorazy // Nadbużańskie Sławatycze. – 2015. – R. XVI. – S. 33–56.
9. Markuszewska, I. Sentimentality versus Transformation of the Historical Traditional Rural Landscape (A Case Study: The Landscape of Dutch Law Settlement in Poland) / I. Markuszewska // Quaestiones Geographicae. – 2019. – № 38 (1). – S. 53–70.
10. Tarkowski, P. Neydorf i Neybrow – dawne osady holenderskie nad Bugiem / P. Tarkowski // Drohiczyński Przegląd Naukowy : wielokulturowe studia Drohiczyńskiego Towarzystwa Naukowego. – 2014. – № 6. – S. 439–450.
11. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ в Гродно). – Ф. 1. Оп. 11. Д. 98. Л. 32.
12. НИАБ в Гродно. – Ф. 1. Оп. 19. Д. 621. Л. 6.
13. НИАБ в Гродно. – Ф. 1. Оп. 4. Д. 269. Л. 80.
14. НИАБ в Гродно. – Ф. 1. Оп. 18. Д. 784. Л. 43.
15. НИАБ в Гродно. – Ф. 1. Оп. 4. Д. 812. Л. 32.
16. НИАБ в Гродно. – Ф. 2. Оп. 38. Д. 631. Л. 1668–1673.
17. Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий, по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. / предисл. : Н. Тройницкий. – СПб. : типография Общественная польза, 1905. – 120 с.
18. НИАБ в Гродно. – Ф. 12. Оп. 1. Д. 1250. Л. 12.
19. Списокъ землевладѣний въ Гродненской губерніи / сост. П. Диковъ. – Гродно : Типографія губернскаго правлеія, 1890. – 314 с.
20. НИАБ в Гродно. – Ф. 1. Оп. 22. Д. 204. Л. 80.
21. НИАБ в Гродно. – Ф. 18. Оп. 2. Д. 78. Л. 47.
22. НИАБ в Гродно. – Ф. 84. Оп. 1. Д. 2. Л. 427.
23. НИАБ в Гродно. – Ф. 18. Оп. 1. Д. 2794. Л. 52.
24. НИАБ в Гродно. – Ф. 1. Оп. 34. Д. 2454. Л. 61.
25. НИАБ в Гродно. – Ф. 1. Оп. 34. Д. 746. Л. 7.
26. Дмитриева, О. П. Положение национальных общностей Беларуси в условиях Первой мировой войны (1914 – февраль 1917) / О. П. Дмитриева // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2013. – № 2. – С. 53–61.

С. Н. Рожкова
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ПРИЧИНЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРЕСТ-ЛИТОВСКОГО ДОГОВОРА 1918 ГОДА В БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье охарактеризована белорусская историография, посвященная причинам заключения Брестского мирного договора 3 марта 1918 г. Установлены и охарактеризованы важнейшие положения и выводы, к которым пришли белорусские исследователи данной проблемы, определена их научная обоснованность. Осуществлен сравнительный анализ советского и постсоветского этапов белорусской историографии причин заключения Брестского договора.

Брестский мир являлся важным событием в истории белорусского народа. В частности, он оказал существенное влияние на государствообразующие процессы на территории Беларуси. Поэтому данное событие вызывало и вызывает большой интерес у белорусских историков. В рамках изучения Брестского мира белорусская историография делает акцент на изучение ряда сюжетов.

Белорусские историки как советского, так и постсоветского периода при изучении Брестского мира делают акцент на агрессивных устремлениях Германии. Истоки тех положений, которые по настоянию Германии были зафиксированы в Брестском договоре и отражали её экспансионистские устремления, белорусские историки видят в её политике в годы Первой мировой войны в целом. Белорусскими историками подчеркивался империалистический характер германской политики в начале XX в. Г. М. Трухнов в этой связи писал, что «германский «дранг нах остен» ставил перед собой задачу путём максимального ослабления и порабощения России установить свою гегемонию в Восточной Европе». Захватническая программа Германии предусматривала расчленение России и отторжение от неё Украины, Крыма, Беларуси, Прибалтики и других регионов [1, с. 42]. Белорусская историография связывала агрессивные устремления Германии с интересами её правящих кругов. М. В. Кобрин пишет, что представители политических, военных кругов, индустриальные магнаты, крупные землевладельцы Германии выступали за территориальное расчленение России и создание национальных регионов, связанных с Германией [2, с. 88]. И. В. Дубовец, А. В. Исаченко ведут речь не только о правящих кругах Германии, но и о немецком обществе в целом, которое, по их мнению, было заражено экспансионистскими идеями. Лозунг о жизненном пространстве на Востоке и прочие геополитические планы, расовые и колонизаторские идеи, являлись составной частью политики Германии [3, с. 101; 4, с. 52].

Историки Беларуси постсоветского периода, объясняя причины заключения Брестского мира, пишут, что на одном патриотическом и революционном подъеме, без регулярной армии вести полномасштабную войну было не возможно [5, с. 38]. Белорусские ученые в тоже время отмечают, что ухудшение политического и военного состояния Германии, упадок морального состояния немецкой армии вынудило германское командование пойти на заключение мира [6, с. 67, 68].

Таким образом, по мнению белорусских историков, позиция Германии относительно содержания Брестского мира логично вытекала из той политики, которую она проводила накануне и в ходе Первой мировой войны. И здесь отсутствуют существенные различия между исследователями, относящимися к советскому и постсоветскому периоду белорусской историографии.

В белорусской историографии много внимания уделено политике большевиков в связи с заключением Брестского договора. Белорусские историки советского периода

связывали предложение советского правительства Германии о начале мирных переговоров, прежде всего, со стремлением реализовать декрет о мире. Н. С. Сташкевич отмечает, что в начале ноября 1917 года СНК РСФСР дал указание генералу М. М. Духонину предложить всем воюющим странам заключить перемирие. Идея перемирия нашла широкую поддержку солдат по всему фронту и оно было подписано 2 декабря 1917 года. Тем самым, отмечает автор, большевистская партия, опиравшаяся на народные массы, приводела в жизнь ленинскую идею о мире, которая помогла выйти из войны и заключить мирный договор [7, с. 122, 123]. Оправдывая сепаратный характер российско-германских переговоров, советские белорусские историки ссылались на отказ Антанты от участия в них. Н. С. Сташкевич пишет, что 26 октября 1917 года II Всероссийский съезд Советов принял декрет о мире, в котором Советское правительство предложило государствам, участвовавшим в войне, немедленно заключить перемирие и начать переговоры о мире. Страны Антанты не ответили на это предложение [8, с. 158]. По поводу перемирия У. Ф. Ладысев пишет, что Советская Россия решила выйти из войны. В связи с этим, историк отмечает, что советское руководство позволило на фронте договориться с частями противника о перемирии, не дожидаясь всеобщего перемирия на фронте. К проблеме заключения перемирия и начала мирных переговоров обращается в своих исследованиях В. А. Космач. Он отмечает, что 15 (2) декабря Советская Россия и Германия заключили перемирие, сроком на 28 дней, а с 22 (9) декабря 1917 года в Брест-Литовске начались переговоры между советским государством и центральными державами [9, с. 22; 10, с. 56]. А. А. Гладышук по вопросу перемирия, основываясь на дневнике принца Баварского пишет, что переговорам по заключению мира между Россией и Германией предшествовало заключение военного перемирия, которое проходило в два этапа. Первый этап переговоров по заключению военного перемирия прошел с 3 по 5 декабря 1917 года. Он не дал существенных результатов и закончился подписанием протокола о 10-дневном перерыве в военных действиях [11, с. 42–43]. Второй этап переговоров по военному перемирию прошел с 11 по 15 декабря 1917 года, в результате чего было подписано перемирие с 17 декабря по 14 января [11, с. 44].

М. М. Смольянинов выявляет причины, которые побудили большевиков пойти на переговоры с Германией. Он считает, что заключение перемирия было необходимо для фронта. Оно давало возможность произвести перегруппировку сил, наладить снабжение фронта продовольствием и фуражом, обмундированием и боевым снаряжением, произвести частичную демобилизацию армии [12, с. 222]. Относительно мотивов, которыми руководствовалась Германия, соглашаясь на переговоры с большевиками, Д. А. Мигун, А. В. Тихомиров и Н. Н. Ковалева формулируют положение, согласно которому немцев сделать этот шаг заставило желание прекратить войну на два фронта и сосредоточить все силы на Западе. Сложная политическая и экономическая ситуация в Советской России, утрата армией боеспособности побудила большевиков пойти на перемирие и начать переговоры о мире без аннексий и контрибуций [13, с. 12; 14, с. 75; 15, с. 45].

В. А. Космач отмечает, что немецкое руководство понимало, что большевики нуждаются в мире, чтобы укрепить свои собственные позиции. Заключение сепаратного мира будет означать достижение военных целей, а именно разрыв России с её союзниками. Россия будет вынуждена искать поддержки Германии, которая планировала предоставить ей помощь различными путями: во-первых, восстановлением железных дорог, чтобы обеспечить грузовые перевозки, затем предоставлением большого займа, в котором Россия нуждается для восстановления своего государственного механизма. Этот займ может быть гарантирован зерном, сырьём и т. п., которые будут поставлены Россией и направлены в Германию [16, с. 100].

Сравнивая советский и постсоветский этапы белорусской историографии, можно сделать вывод, что в них сложились различные концепции, объясняющие причины, по которым Советская Россия пошла на мирные переговоры с Германией. В советской историографии историки делали акцент на стремлении советского руководства реализовать декрет

о мире, в котором отразилась суть советской миролюбивой политики. В постсоветской историографии учёные сделали вывод, что сложная социальная, политическая и экономическая ситуация в Советской России, утрата армией боеспособности побудила большевиков пойти на переговоры о мире. Германию подтолкнуло пойти на переговоры желание прекратить войну на два фронта и сосредоточить все силы на Западе.

Источники и литература

1. Трухнов, Г. М. Из истории советско-германских отношений (1920–1922 гг.) / Г. М. Трухнов. – Минск : Изд. БГУ, 1974. – 72 с.
2. Кобрин, М. В. Политика Германии в отношении восточных территорий в 1914–1918 гг. / М. В. Кобрин // История Германии и германский вопрос с древности по современность: исторические, экономические, социальные, правовые и духовно-культурные аспекты : материалы междунар. науч. конф., 8–9 октября 2009 г., [г. Витебск / редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) и др.]. – Витебск : МИТСО, 2009. – С. 89–91.
3. Дубовец, И. В. Государственная политика Германии с 1918 до 2-й половины 1943 года в области производственно-хозяйственных правоотношений. Роль хозяйственных элит в государственном регулировании предпринимательских отношений / И. В. Дубовец // История Германии и германский вопрос с древности по современность: исторические, экономические, социальные, правовые и духовно-культурные аспекты : материалы междунар. науч. конф., 8–9 октября 2009 г., [г. Витебск / редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) и др.]. – Витебск : МИТСО, 2009. – С. 101–103.
4. Исаченко, А. В. Война как социальное явление / А. В. Исаченко // Першая сусветная вайна ў гістарычным лёсе Беларусі : матэрыялы рэспубл. круглага стала, [12 лістапада 2015 г., г. Віцебск / рэдкал.: А. С. Лучанкова і інш.]; Мин-во образования РБ; УА «Віцебскі дзярж. тэхналаг. ун-т». – Віцебск, 2016. – С. 52–53.
5. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / [М. П. Касцюк, І. М. Ігнаценка, У. І. Вышыньскі і інш.]; НАН Беларусі, Інстытут гісторыі. – Мінск : Беларусь, 1995. – Ч. 2. – 560 с.
6. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / [рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2007. – Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. / [А. Вабішчэвіч і інш.]. – 615 с.
7. Сташкевіч, М. С. Вялікі кастрычнік у Беларусі / М. С. Сташкевіч: – Мінск : Народная Асвета, 1985. – 126 с.
8. Сташкевич, Н. С. Приговор революции : крушение антисоветского движения в Белоруссии, 1917–1925 гг. / Н. С. Сташкевич. – Мінск : Университетское, 1985. – 304 с.
9. Космач, В. А. До и после Рапалло: Советская Россия и СССР во внешней культурной политике Германии (1917–1932 гг.) : монография / В. А. Космач; УО «Витебский гос. ун-т им. П. М. Машерова». – Витебск : Изд-во ВГУ, 2003. – 178 с.
10. Космач, В. А. От Бреста до Рапалло: германо-советские отношения в 1917–1922 гг. / В. А. Космач // Белорусская германистика: актуальные научные проблемы и этапы развития : к 100-летию основателя науч. школы советской белорус. германистики Г. М. Трухнова : материалы Республ. науч.-теорет. конф., г. Минск, 2 декабря 2008 г. / [редкол.: Г. А. Космач (отв. ред.) и др.]. – Минск : УО «Белорус. гос. педагогич. ун-т им. М. Танка», 2008. – С. 54–87.
11. Гладышук, А. А. Брестский мир в скоковском дневнике принца Баварского / А. А. Гладышук // Март 1918 года. На изломе истории... : материалы междунар. науч.-практ. конф., (Брест, 14–15 марта 2018 г.) : посвящ. 100-летию подписания Брестского мира / [редкол.: Г. Г. Басюк и др.]. – Брест : Альтернатива, 2018. – С. 42–51.
12. Смольянинов, М. М. Выход Советской России из Первой мировой войны и начало иностранной интервенции / М. М. Смольянинов // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : зб. навук. артыкулаў; [рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.) і інш.]. – Мінск : Мінскі дзярж. лінгв. ун-т, 2019. – Вып. 17 : матэрыялы міжнарод. навук. канф., Мінск, 6 красавіка 2018 г. – С. 221–232.

13. Мигун, Д. А. Политика Германии в отношении Беларуси (1914–1922 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. А. Мигун. – Минск : БГУ, 2001. – 20 с.

14. Ковалева, Н. Н. Брестский мир в воспоминаниях современников: Ж. Садуль об альтернативах мирного договора / Н. Н. Ковалева // Март 1918 года. На изломе истории... : материалы международ. науч.-практ. конф., (Брест, 14–15 марта 2018 г.) : посвящ. 100-летию подписания Брестского мира / [редкол.: Г. Г. Басюк и др.]. – Брест : Альтернатива, 2018. – С. 75–79.

15. Тихомиров, А. В Брестский мир 1918 г. и Беларусь / А. В. Тихомиров // Белорусский журнал международного права и международных отношений – Минск : Изд-во БГУ, 1999. – № 2. – С. 44–57.

16. Космач, В. А. От Компьена до Рапалло и оккупации Рура. Внешняя политика Веймарской Германии после Первой мировой войны (1918–1923 гг.): страницы истории : монография / В. А. Космач. – Псков : Псковский гос. ун-т, 2017. – 551 с.

УДК 94(476)''1917/1939''

В. В. Табунов

Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова

БЕЛОРУССКАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА: НА ПУТЯХ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Формирование белорусской государственности в начале XX столетия проходило в непростых общественно-политических и социально-экономических условиях. Такие нерешенные вопросы как национальный, аграрный, рабочий дополнились событиями Первой мировой войны, что в значительной степени обострило сложившуюся ситуацию. В результате Октябрьской революции 1917 г. власть перешла к партии большевиков, чье руководство в целом позитивно отнеслось к идее создания ССРБ (в дальнейшем – БССР). Итогом стало провозглашение 1 января 1919 г. Советской Социалистической Республики Беларусь. Второе провозглашение ССРБ состоялось 31 июля 1920 г. Постепенно территория ССРБ была существенно увеличена.

Путь к обретению белорусами своей государственности был долгим и нелегким. Ситуация усугублялась Первой мировой войной между Антантой в составе России, Франции и Великобритании и Четверным блоком в составе Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Османской империи. Белорусские земли стали ареной боевых действий в августе 1915 г. В октябре 1915 г. фронт стабилизировался по линии Двинск – Поставы – Барановичи – Пинск. На белорусский народ обрушились трудности, потери и невзгоды. Вместе с тем, революционные процессы, происходившие на территории российского государства, протекали и на белорусских землях фактически одновременно. Это оказало решающее влияние на развитие судьбоносных событий в Беларуси. С одной стороны, из-за военных действий появилось большое количество беженцев. С другой стороны, солдаты российской армии близко восприняли проблемы местного населения.

После Февральской революции 1917 г. появилась возможность возникновения не только культурных, но и политических белорусских организаций, ставивших своей целью обсуждение будущего статуса Беларуси. Представители политических сил, действовавших в условиях двоевластия Временного правительства и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, высказывали разные точки зрения по национальному вопросу, в том числе о праве наций на самоопределение. Партия конституционных демократов не признавала за белорусами права на национально-культурную автономию, социалисты-революци-

онеры высказались за право на областную автономию народов, оставив окончательное решение вопроса на усмотрение будущего Всероссийского Учредительного собрания, действовавшая на белорусских землях Северо-Западная организация Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) не определила своего отношения к белорусской национально-государственной идее.

Среди представителей белорусских организаций различного направления поначалу преобладали идеи автономии белорусских земель в составе демократической России. На съезде белорусских национальных организаций в Минске в качестве координационного центра белорусского национального движения были избраны Белорусский национальный комитет и делегация к Временному правительству для обсуждения и выработки с ним основ автономии белорусских земель в составе Российской федеративной республики, подготовки выборов в Белорусскую краевую раду. Однако Временное правительство не поддержало идею об автономии белорусских земель.

Созданная позже Великая белорусская рада также ставила своей целью достижение автономии белорусских земель в пределах Российской демократической федеративной республики. Себя она рассматривала в качестве высшего органа государственной власти автономной Беларуси. За автономию белорусских земель высказался и съезд солдат-белорусов Западного фронта с участием представителей от других фронтов и Балтийского флота [1, с. 132].

Вскоре после Октябрьской революции 1917 г. в Петрограде Совет народных комиссаров под руководством В. И. Ленина принял «Декларацию прав народов России», где объявлялись равенство и суверенность народов и их право на самоопределение вплоть до образования самостоятельных государств. В то же время орган советской власти на территории белорусских земель – Областной исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта (Облискомзап) и его исполнительный орган – Совет народных комиссаров (СНК) Западной области и фронта не поддерживали идею о создании белорусской национальной государственности.

В конце ноября 1917 г. в Петрограде при Всероссийском Совете крестьянских депутатов был образован Белорусский областной комитет, выступивший за автономию Беларуси в составе Российской федеративной республики.

По инициативе Великой белорусской рады и Белорусского областного комитета в Минске состоялся Всебелорусский съезд, на котором была принята резолюция о праве белорусского народа на самоопределение и установление демократических форм правления, выработана концепция белорусской государственности. Согласно ей предусматривалось образование Всебелорусского Совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов, который должен был созвать Белорусское Учредительное собрание для определения государственно-политического статуса Беларуси и создания легитимных органов власти. Фактически речь шла о советских формах белорусской государственности. В перспективе это вело к ликвидации Облискомзапа. Поэтому Всебелорусский съезд по приказу СНК Западной области и фронта был распущен.

В связи с оккупацией большей части территории Беларуси немецкими войсками в феврале 1918 г., закрепленной в марте 1918 г. Брестским мирным договором между Советской Россией и Германией и ее союзниками, центр Западной области был перенесен из Минска в Смоленск. Согласно постановлению II съезда Советов Западной области, проходившего в апреле 1918 г., в ее состав включена Смоленская губерния.

После того как 19 февраля 1918 г. Облискомзап и СНК Западной области и фронта покинули Минск, возобновили свою деятельность члены Исполнительного комитета Рады Всебелорусского съезда. До созыва на демократических началах Учредительного собрания они образовали Народный секретариат Беларуси во главе с И. Воронко. 9 марта 1918 г. была провозглашена Белорусская Народная Республика (БНР). 18 марта 1918 г.

Рада Всебелорусского съезда переименована в Раду БНР. 25 марта 1918 г. в Минске Радой БНР принята Третья Уставная грамота – акт о провозглашении независимости Белорусской Народной Республики.

Власти Германии по условиям Брестского мира рассматривали Беларусь как часть России. На все обращения о признании государственной независимости от Рады БНР они давали отрицательный ответ. Запретили создавать белорусские вооруженные формирования, не признали Народный секретариат как правительство, однако не препятствовали его деятельности в качестве представительства белорусского населения (в частности, при формировании органов местного самоуправления, в сфере торговли, промышленности, социальной опеки, в деле школьного образования, книгоиздания). Германское командование дало согласие на создание групп белорусских советников при уездных комендатурах. Тем не менее, собственной системы органов местной власти на местах БНР не имела и осуществлять свою юрисдикцию на территории, где она была провозглашена, не могла.

Советское правительство отнеслось к провозглашению БНР отрицательно, объявив его контрреволюционной акцией врагов советской власти.

В соответствии с декретом Совета народных комиссаров РСФСР в феврале 1918 г. в Петрограде начал действовать Белорусский национальный комиссариат (Белнацком) – отдел Народного комиссариата по делам национальностей Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР). С марта 1918 г. находился в Москве. С момента создания до мая 1918 г. комиссаром Белнацкома был А. Червяков. Комиссариат вел политическую и культурно-просветительную работу среди белорусов на территории Советской России, брал на учет белорусские организации и учреждения, эвакуированные во время Первой мировой войны, открывал белорусские школы и клубы, издавал «Дзянніца» – первую советскую газету на белорусском языке. Им был созван Всероссийский съезд беженцев из Беларуси, которых насчитывались сотни тысяч. Белнацком действовал в тесном сотрудничестве с белорусскими секциями Российской коммунистической партии (большевиков – РКП(б)). Через газету «Дзянніца» белорусские секции РКП(б) совместно с Белнацкомом неоднократно ставили вопрос о реализации права белорусского народа на самоопределение. Эту позицию приходилось отстаивать в полемике с деятелями Северо-Западного областного комитета РКП(б) и Облискомзапа (А. Мясников, В. Кнорин), отрицательно относившимися к идее белорусской государственности, считавшими, что национальные интересы должны подчиняться классовым интересам. В сентябре 1918 г. по предложению белорусских секций РКП(б) Белнацком разработал проект переименования Западной области в Белорусско-Литовскую коммуну. Однако Северо-Западный областной комитет РКП(б) отклонил это предложение и переименовал Западную область в Западную коммуну.

В апреле 1918 г. от имени Рады БНР была направлена телеграмма кайзеру Германии Вильгельму II с благодарностью за освобождение от российского господства и просьбой о поддержке БНР. Этот предательский по отношению к своему народу шаг привел к серьезному общественно-политическому кризису. Так, из состава Рады БНР вышли социалисты-революционеры, меньшевики, еврейские социалисты.

Разные точки зрения среди участников белорусского национального движения по вопросу, на чью поддержку следует опираться в деле построения белорусского государства, в итоге привели к тому, что Белорусская социалистическая громада (БСГ) распалась на три партии, которые имели различные политические платформы. Белорусская партия социалистов-революционеров выступала за полное самоопределение белорусского народа, находилась в оппозиции к большевикам, впоследствии не признала социалистических советских государственных образований на территории Беларуси, выступала против аннексий белорусской территории Польшей и РСФСР. Белорусская партия социалистов-федералистов поддержала провозглашение независимости БНР, одновременно выступала за «концепцию всемирной федерации», за одновременное решение национальных и социальных проблем, находилась в оппозиции к большевикам, также впоследствии не признала социалистических

советских государственных образований на территории Беларуси, заявила о своей оппозиции к польским властям, позднее фактически отказалась от «федералистической концепции», поддержала идею восстановления полной независимости и неделимости БНР в этнографических границах проживания белорусов. Белорусская социал-демократическая партия стояла на марксистских позициях, в соответствии с которыми считала, что переход к социализму возможен лишь в высокоразвитой стране, выступала за независимость Беларуси как демократической республики, считала, что задачей социализма является не уничтожение национальных особенностей, а их культивирование.

Представители левого крыла Белорусской социалистической громады принимали участие в работе Белорусского национального комиссариата, вступили в белорусские секции РКП(б), позднее вошли в состав первого советского правительства.

На территории Беларуси, занятой немецкими войсками, под руководством большевиков и левых социалистов-революционеров развернулось партизанское движение. Действовало более 100 партизанских отрядов. Северо-Западным областным комитетом РКП(б) был разработан план организации партизанских действий в тылу немецких войск. Прошедшая подпольно в июле 1918 г. Минская районная конференция партии большевиков главной задачей партийных организаций объявила подготовку вооруженного восстания на оккупированной территории с целью восстановления советской власти.

В ноябре 1918 г. после поражения Четверного блока в Первой мировой войне и революции в Германии Брестский мирный договор был аннулирован, и советские войска стали занимать территорию Беларуси после вывода немецких войск. Переехавшая из Минска в Гродно Рада БНР пыталась организовать воинские формирования. Практически в условиях оккупации удалось создать лишь несколько подразделений, не представлявших собой существенной военной силы. Руководящие круги возрожденного в ноябре 1918 г. польского государства взяли курс на восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г.

25 декабря 1918 г. на заседании членов Комиссии Белнацкома, Центрального бюро белорусских секций РКП(б), Комитета Московской белорусской секции РКП(б) был определен список кандидатов в члены Временного правительства Белорусской Советской Республики, во главе с его председателем Д. Жилуновичем [2, с. 283].

27 декабря 1918 г. была подготовлена Директива Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР, которая определяла основные принципы партийно-государственного строительства Беларуси, и Манифест Временного рабоче-крестьянского советского правительства Беларуси. 30–31 декабря 1918 г. в Смоленске состоялась VI Северо-Западная областная конференция РКП(б), объявившая себя I съездом Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии (КП(б)Б). Одним из главных на съезде стал вопрос о белорусской государственности. Западная коммуна провозглашалась самостоятельной Советской Республикой Белоруссией. Было объявлено, что основным ядром территории Белорусской Республики являются Минская, Смоленская, Могилевская, Витебская и Гродненская губернии и часть прилегающих к ним этнических местностей соседних губерний, населенных преимущественно белорусами [3, с. 145].

1 января 1919 г. было окончательно сформировано Временное рабоче-крестьянское советское правительство Беларуси (в его состав вошли 7 представителей Белнацкома и белорусских секций РКП(б) и 9 представителей Облискомзапа), и в тот же день был обнародован его Манифест, в котором объявлялось, что вся власть на белорусских землях принадлежит Советам рабочих, крестьянских, батрацких и красноармейских депутатов. Социалистическая Советская Республика Белоруссия (ССРБ, впоследствии Белорусская Советская Социалистическая Республика, БССР) выделялась из состава РСФСР. Рада и правительство БНР объявлялись вне закона.

3 января 1919 г. Облискомзап принял решение о самороспуске. Правительство ССРБ переехало из Смоленска в Минск. А. Мясников стал председателем Центрального Бюро КП(б)Б, с 21 января 1919 г. он возглавлял Военно-революционный совет ССРБ.

Без проведения предварительных консультаций с представителями Беларуси 16 января 1919 г. на пленуме ЦК РКП(б) был заслушан вопрос о Беларуси. Решением пленума предписывалось исключить из состава республики Витебскую, Смоленскую и Могилевскую губернии, а в ее составе оставить Минскую и Гродненскую. Также предписывалось вынести на съезд Советов Беларуси решение об объединении с Советской Литвой. С этим решением было не согласно большинство членов правительства Советской Беларуси. Однако их неоднократные обращения в ЦК РКП(б) с предложением отменить его не увенчались успехом.

Прошедший 2–3 февраля 1919 г. I Всебелорусский съезд Советов согласился с отторжением от ССРБ территории Витебской, Могилевской и Смоленской губерний, которые отошли к РСФСР, и определил территорию республики в составе Минской и Гродненской губерний. Также на съезде по предложению председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и секретаря Центрального комитета (ЦК) РКП(б) Я. Свердлова была принята декларация об объединении советских социалистических республик Беларуси и Литвы в одно государство. Данное решение было обусловлено тем, что поскольку нарастала военная угроза со стороны Польши, существовала необходимость в объединении сил советских республик.

27 февраля 1919 г. в Вильно прошло объединенное заседание ЦИК Литовской и Белорусской советских республик, где принято решение об объединении Литвы и Беларуси и избрано объединенное правительство – Совет Народных Комиссаров во главе с В. Мицкявичусом-Капсукасом. 2 марта 1919 г. СНК утвердил официальное название нового образования: Социалистическая Советская Республика Литвы и Белоруссии (ССР-ЛиБ, ЛитБел) со столицей в Вильно. В ее состав входили Минская, Гродненская, Виленская, Ковенская губернии и часть Сувалкской губернии.

Важнейшими задачами, стоявшими перед руководством ЛитБел, было укрепление советской власти на всех уровнях, оборона территории от внешних угроз, в первую очередь со стороны Польши, восстановление экономики.

Уже в конце февраля 1919 г. на территорию ЛитБел стали наступать польские войска. 21 апреля 1919 г. ими был взят Вильно. 19 апреля 1919 г. СНК ЛитБел постановил передать всю полноту власти Совету обороны ЛитБел. По его инициативе 1 июня 1919 г. ВЦИК РСФСР принял постановление о военном союзе советских республик России, Украины, Литвы и Беларуси. Военное командование, руководство советами народного хозяйства, железными дорогами, финансами переходило к РСФСР. Но положение на Западном фронте не улучшилось. Польские войска в середине лета заняли большую часть территории ЛитБел, 8 августа 1919 г. они вошли в Минск.

Наступление польских войска было остановлено только в октябре-ноябре 1919 г. на линии река Западная Двина – Полоцк – Лепель – Борисов – по реке Березина до Бобруйска – по реке Птичь до Мозыря. Было подписано временное перемирие.

В начале марта 1920 г. польские войска возобновили военные действия на Полесье, захватили Мозырь, Калинковичи, Речицу. В мае планировали захватить Жлобин, Могилев. В мае 1920 г. прошло неудачное наступление Красной Армии. После перегруппирования армий и корректировки взаимодействия войсками в июле 1920 г. началось ее новое наступление. В это раз оно было успешным. 11 июля 1920 г. советские войска освободили Минск.

31 июля 1920 г. вновь восстановленный Минский губернский военно-революционный комитет и представители партийных и советских органов приняли Декларацию о провозглашении независимости Социалистической Советской Республики Белоруссии (впоследствии БССР). ССРБ была восстановлена только в границах шести уездов Минской губернии [4, с. 28].

В июле – августе 1920 г. состоялось наступление Красной Армии на Варшаву, закончившееся ее поражением. Польские войска перешли в наступление и вновь заняли значительную часть белорусских земель.

12 октября 1920 г. был подписан договор о перемирии и предварительные условия мирного договора, которыми подтверждалась независимость Украины и Беларуси. Тем не менее, боевые действия еще продолжались, и 15 октября 1920 г. польские войска заняли Минск, но 17 октября его оставили.

18 марта 1921 г. в Риге был подписан мирный договор между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей, с другой стороны, по которому к Польше отошла территория Западной Беларуси [5, с. 247].

В декабре 1922 г. ССРБ вошла в состав нового государственного образования – Союза Советских Социалистических Республик. В скором времени оправдались надежды белорусского народа на расширение территории ССРБ. Первое ее укрупнение произошло в марте 1924 г. В состав ССРБ вошли 15 уездов и несколько волостей Витебской, Гомельской и Смоленской губерний. Территория республики увеличилась более чем в два раза. В декабре 1926 г. состоялось второе укрупнение ССРБ. В ее состав были включены Гомельский и Речицкий уезды. После освободительного похода Красной армии в Западную Беларусь 17 сентября 1939 г. сложились условия для воссоединения Западной Беларуси и БССР. В октябре 1939 г. в Белостоке Народным собранием Западной Беларуси принята Декларация о провозглашении советской власти и воссоединении Западной Беларуси с БССР, что и было осуществлено в соответствии с законами, принятыми в ноябре 1939 г. на внеочередной третьей сессии Верховного Совета БССР. Таким образом, Белорусская Советская Социалистическая Республика стала реальностью в сложной общественно-политической борьбе в 1917–1939 гг.

Источники и литература

1. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці : вучэбны дапаможнік для студэнтаў устаноў вышэйшай адукацыі / Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь ; аўт.: І. А. Марзалюк, А. Г. Каханоўскі, С. М. Ходзін, Д. У. Дук [і інш.] ; рэд.: І. А. Марзалюк, Г. Г. Краско. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2022. – 447 с.

2. Круталевич, В. А. История Беларуси : становление национальной державности (1917–1922 гг.) / В. А. Круталевич. – 2-е изд., доп. – Минск : Право и экономика, 2003. – 585 с.

3. Проблемы формирования белорусской государственности в XX – начале XXI вв.: избранные труды Н. С. Сташкевича / под науч. ред. А. Н. Данилова, В. С. Кошелева. – Минск : РИВШ, 2012. – 240 с.

4. Сташкевич, Н. С. Трудный путь государственности / Н. С. Сташкевич // Беларуская думка. – 2008. – № 1. – С. 28–33.

5. История белорусской государственности : в 5 т. / А. А. Коваленя [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. наука, 2019. – Т. 3: Белорусская государственность: от идеи к национальному государству (1917–1939 гг.) – 639 с.

УДК 94:327(438:(47+57))«1918-1926»

М. М. Мязга

Гомельскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Ф. Скарыны

КАНСТРУКТЫ НАЦЫЯНАЛЬнай ІДЭНТЫЧНАСЦІ І ГІСТАРЫЧнай ПАМЯЦІ ЯК ФАКТАРЫ ПАЛІТЫКІ Польшчы ў АДНОСІНАХ ДА САВЕЦКАЙ ДЗЯРЖАВЫ (1918–1926 ГАДЫ)

У артыкуле прааналізаваны ўплыў створаных польскай элітай канструктаў нацыянальнай ідэнтычнасці і гістарычнай памяці на палітыку Польшчы ў адносінах да Савецкай

дзяржавы ў перыяд польска-савецкай вайны і першыя пасляваенныя гады. Устаноўлена, што названыя канструкты ўносілі элементы ірацыянальнасці ў змест усходняга вектара польскай знешняй палітыкі і не спрыялі пазітыўнаму развіццю савецка-польскіх адносін.

Знешняя палітыка дзяржавы фарміруецца пад уздзеяннем шэрагу фактараў. Сярод іх прысутнічаюць і тыя, якія ў значнай ступені канструююцца кіруючай элітай. У рамках дадзеных канструктаў у грамадскую свядомасць укараняюцца пэўныя дыскурсы, на аснове якіх фарміруецца ўяўленне пра месца сваёй нацыі і сваёй дзяржавы ў сістэме міжнародных адносін, стаўленне да іншых дзяржаў, проціпастаўленне «свой» – «чужы». Дадзеныя канструкты, умацаваўшыся ў свядомасці людзей, пачынаюць аказваць істотны ўплыў на правядзенне знешняй палітыкі дзяржавы. Да ліку такіх канструктаў належыць нацыянальная ідэнтычнасць і гістарычная памяць той ці іншай нацыі, грамадства. Пад ідэнтычнасцю ў сучаснай навуцы разумеецца цвёрда засвоены і асабіста прымаемы вобраз сябе ва ўсім багаці адносін асобы да навакольнага свету» [1, с. 115]. Таксама і ў нацыі ў цэлым фарміруецца ўласны вобраз у кантэксце ўзаемаадносін са знешнім светам. Па сутнасці, калі браць сферу міжнародных адносін, ідэнтычнасць уяўляе сабой абмеркаванне пытання аб тым, чым з'яўляецца дадзенае грамадства для сябе і для іншага, якое ў ім успрымання іншых дзяржаў. У сучаснай гістарыяграфіі шырока ўкаранены пункт гледжання, што нацыянальная ідэнтычнасць самым непасрэдным чынам уплывае на паводзіны дзяржавы на міжнароднай арэне, перш за ўсё на дзеянні тых, хто прымае рашэнні. Калі гаворка ідзе аб знешнепалітычнай ідэнтычнасці, то маецца на ўвазе характарыстыка, якая вызначае месца і паводзіны дзяржавы на міжнароднай арэне [2, с. 10–11]. Гістарычнай памяці таксама належыць важная роля ў фарміраванні вобразу «чужога». Рознае тлумачэнне гістарычных падзей, забыццё адных з іх і гіпербалізацыя іншых дазваляюць фарміраваць той ці іншы вобраз «чужога» і навязваць грамадству тую ці іншую палітыку ў адносінах да яго. Для палякаў пасля аднаўлення незалежнасці ў 1918 г. асаблівую значнасць мела памяць аб ранейшым этапе сваёй дзяржаўнасці, у аснове якой была ідэя аб велічы Польшчы.

Для польскага грамадства ў час аднаўлення дзяржаўнасці пасля Перашай сусветнай вайны быў характэрны ўстойлівы стэрэатып аб яго заходнееўрапейскай цывілізацыйнай ідэнтычнасці. Для пакалення палякаў у момант заканчэння Вялікай вайны найбольш актуальнымі праблемамі мінулага, месцамі гістарычнай памяці з'яўляліся тыя, якія маглі б абгрунтаваць адраджэнне незалежнай Польшчы, яе ролю ў Еўропе і свеце з прэтэнзіямі на ранейшую веліч, яе межы, якія выходзяць за польскія этнічныя тэрыторыі. Таму важную ролю ў фарміраванні ўяўлення аб сваёй ідэнтычнасці для польскага грамадства адыграла гістарыяграфія, пад якой варта разумець не толькі строга навуковыя гістарычныя даследаванні, але і публіцыстычныя працы. Пры гэтым уяўленне палякаў аб сваёй ідэнтычнасці будавалася шмат у чым не на рацыянальным успрыманні рэчаіснасці, а, як адзначае польскі даследчык Ежы Лоек, на набожных жаданнях і надзеях, на фальсіфікацыі рэчаіснасці [3, с. 18].

Адным з асноўных кампанентаў польскай ідэнтычнасці ў разглядаемы час, якія характарызуюць стаўленне палякаў да суседзяў на ўсходзе, было меркаванне пра іх як негістарычныя народы, у адрозненне ад польскага, няздольныя стварыць сваю ўстойлівую дзяржаўнасць. Кжыштаф Олендзкі пісаў у 1919 г., што, калі б народы «ўсходніх крэсаў» і змаглі б стварыць свой урад, ён не абавіраўся б на гістарычныя традыцыі і не змог бы існаваць без знешняй дапамогі. Гэтая знешняя дапамога магла зыходзіць выключна з боку Польшчы. Аўтар піша, што толькі моцны сусед можа дапамагчы арганізаваць на «крэсах» дзяржаўнае жыццё, і такім суседам можа быць толькі Польшча [4, с. 5–8]. Тым самым палякі ідэнтыфікаваліся як тая сіла, якая толькі і можа забяспечыць незалежнасць усходніх ускраін былой Рэчы Паспалітай ад Расіі. Вызначыўшы такую місію Польшчы ў адносінах да ўсходніх суседзяў, К. Олендзкі далей абгрунтоўвае палітыку федэрацыі ў адносінах да беларускіх, літоўскіх і ўкраінскіх земляў. Перавагу федэрацыі з Польшчай для народаў «крэсаў» ён звязвае і з тым, што Польшча ўяўляе

сабой дэмакратычную дзяржаву, якая нясе свабоду і іншым народам [4, s. 9–10]. Ідэнтычнасць польскага народа як гістарычнага ў супрацьлегласць да беларусаў, літоўцаў і ўкраінцаў абгрунтавала і канцэпцыю інкарпарацыі. Адзін з лідэраў нацыянальных дэмакратаў Станіслаў Грабскі даводзіў прынцыповую розніцу паміж польскім народам, які мае тысячагадовую самастойную гісторыю і ўласную дзяржаву, з украінцамі і беларусамі, «уся літаратура якіх змесціцца ў адным невялікім пакоі» [5, s. 46].

Сфармуляваны такім чынам польскай элітай і ўспрыняты польскім грамадствам адказ на пытанне «хто мы ў адносінах да народаў былых “усходніх крэсаў”» шмат у чым вызначыў змест усходняга вектара знешняй палітыкі Польшчы з моманту аднаўлення яе незалежнасці ў 1918 г. Успрыманне ўсходніх суседзяў як маючых значна больш нізкі ўзровень нацыянальнай самасвядомасці стала адным з аргументаў на карысць усталявання польскага кантролю ў той ці іншай форме над беларускімі, літоўскімі і ўкраінскімі землямі. У гэтым плане канцэпцыі інкарпарацыі і федэрацыі прынцыпова не адрозніваліся. Пад уздзеяннем пазначаных канструктаў палітыка актыўнай экспансіі на «ўсходнія ўскраіны» былой Рэчы Паспалітай часцяком праводзілася насуперак рацыянальным меркаванням. Пры гэтым польскі правы палітычны лагер пазіцыянаваў жаданне падтрымліваць сяброўскія адносіны з Расіяй як жыццёва неабходныя для Польшчы. Але дадзены рацыянальны пасыл наўрад ці мог быць рэалізаваны пры захопе Польшчай тэрыторыі, якія знаходзіліся на «ўсходніх ускраінах» Рэчы Паспалітай да яе падзелаў.

Гістарычная памяць пра веліч Рэчы Паспалітай падштурхоўвала Польшчу да правядзення палітыкі, накіраванай на аб'яднанне вакол яе дзяржаў «міжмор'я». Вядомы польскі публіцыст міжваеннага часу Адольф Бахеньскі адзначаў, што толькі палітыка федэралізму Юзафа Пілсудскага можа стварыць умовы для аб'яднання Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў рамках «вялікай польскай палітыкі» [6, s. 152]. Згаданы знешнепалітычны праект, абапіраючыся на гістарычную памяць пра часы Рэчы Паспалітай, пазіцыянаваў Польшчу як вялікую дзяржаву. Дадзеная ідэя вялікадзяржаўнасці стымулявала польскую палітыку па аб'яднанні народаў Цэнтральна-Усходняй Еўропы, у рамках якога Польшча павінна была служыць апорай для «меншых» народаў [7, s. 483–484]. У працах польскіх публіцыстаў, якія выйшлі адразу пасля падпісання Рыжскага міру, са спасылкай на вопыт польска-савецкай вайны падкрэслівалася роля Польшчы як лідэра сярод дзяржаў, якія ўтварыліся на заходніх ускраінах Расіі, гаранта іх незалежнасці [8, s. 182]. Але дадзенае бачанне сітуацыі ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе будавалася ў большай ступені на той ідэнтычнасці, якая сфармавалася ў польскім грамадстве ў адносінах да народаў рэгіёна. Рэальнае становішча рэчаў рабіла рэалізацыю названых планаў вельмі праблематычнай. Той патэнцыял, якім валодала Другая Польская Рэспубліка, перш за ўсё ваенна-эканамічны, не мог служыць надзейным падмуркам для рэалізацыі палітыкі «міжмор'я». Ды і аналіз палітыкі дзяржаў Цэнтральна-Усходняй Еўропы паказвае, што названыя польскія планы з'яўляліся ілюзорнымі. Тыя ж Прыбалтыйскія дзяржавы без энтузіязму сустракалі польскія прапановы аб стварэнні саюза, так як іх не задавальнялі прэтэнзіі Польшчы на ролю гегемона ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе і імкненне ўцягнуць іх у арбіту свайго ўплыву [9, с. 29].

Пры гэтым шмат у чым ірацыянальная, заснаваная на нацыянальнай ідэнтычнасці і гістарычнай памяці, настойлівасць польскай дыпламатыі ў рэалізацыі праекта «міжмор'я» стала адной з перашкод да нармалізацыі польска-савецкіх адносін. У сярэдзіне 1920-х гадоў была відавочная важнасць для Польшчы заключэння пагаднення па палітычных і эканамічных пытаннях з СССР. Аднак патрабаванні Варшавы, каб савецкае кіраўніцтва пагадзілася на заключэнне не двухбаковага дагавора з Польшчай, а шматбаковага адначасова з усімі еўрапейскімі суседзямі Савецкага Саюза, прывяло да зрыву перамоваў аб дагаворы аб ненападзенні [10, с. 204–206].

Палітыка, накіраваная на аб'яднання рэгіёну «міжмор'я», абапіралася на гістарычную памяць і натхнялася ягелонскай ідэяй. Людвіг Каланкоўскі выказваў думку, што толькі ў выніку аб'яднання з Літвой Польшча набывала статус вялікай дзяржавы [11, s. 97]. Освальд

Бальзер пісаў, што унія і звязаная з ёй ягелонская ідэя, з'яўляюцца «адной з найбольш важных карт нашай гісторыі» [12, s. 16]. Станіслаў Кутшэба ў сваю чаргу адзначаў, што прыхільнікі федэрацыі схіляліся да таго, каб уваскрасіць гістарычнае Вялікае Княства Літоўскае. Меркавалася, што гэтая дзяржава будзе прасякнута польскім уплывам і культурай [13, s. 165]. Дадзены элемент польскай ідэнтычнасці ў адносінах да суседзяў на ўсходзе спарадзіў канкрэтныя крокі польскай дыпламатыі, каб рэалізаваць ідэю уніі. Яна выразна прагучала ў Віленскай адозве Юзафа Пілсудскага 22 красавіка 1919 г. Аднак сам начальнік Польскай дзяржавы адзначаў крайнюю праблематычнасць рэалізацыі гэтага праекта [14, s. 216, 218]. Па сутнасці, канцэпцыя федэрацыі была больш данінай гістарычнай памяці, чым абапіралася на рэальныя аб'ектыўныя перадумовы. Літоўцы з моманту абвяшчэння Літоўскай Рэспублікі 24 снежня 1917 г. трымалі курс на стварэнне нацыянальнай дзяржавы, што выключала магчымасць якой-небудзь уніі з Польшчай. На беларускіх землях ідэя уніі таксама не атрымала прыкметнай падтрымкі.

Важную ролю ў ідэнтыфікацыі палякаў адыгрывала канцэпцыя іх цывілізатарскай місіі ў адносінах да ўсходу. Пры гэтым яна разглядалася дваяка. Па-першае, Польшча пазіцыянавалася як бар'ер супраць «усходняга варварства». Дадзеная ідэнтычнасць абапіралася на гістарычную памяць, на ідэі сарматызму і адбівалася на вызначэнні ролі Польшчы на міжнароднай арэне пасля аднаўлення незалежнасці. Польскі салдат паўстае ў польска-савецкай вайне як рыцар, які змагаецца супраць пагрозы з усходу. Адам Гжымала-Сядлецкі пісаў у 1921 г. аб волатаўскай генерацыі польскіх салдат, якая вырасла з рыцарскай расы [15, s. 56]. Па словах Віцэнта Вітаса, Польшча ў 1920 г. выканалася сваю цывілізацыйную місію, спыніўшы паход бальшавікоў у Еўропу [16, s. 117]. І далей Польшчы спрабавала пазіцыянаваць сябе як абаронцу заходняй цывілізацыі і прадстаўляць гэтую ролю як найважнейшы элемент сваёй знешняй палітыкі. Менавіта гэты аргумент часцяком прыводзіўся польскімі палітыкамі ў іх кантактах перш за ўсё з заходнімі партнёрамі пры імкненні паказаць значнасць Польшчы ў еўрапейскай сістэме міжнародных адносін.

З іншага боку, Польшчы прыпісвалася функцыя распаўсюджвання каштоўнасцяў заходняй цывілізацыі на ўсходнія землі былой Рэчы Паспалітай. Раман Дмоўскі адзначаў, што Літва з часоў уніі з Польшчай, паддаючыся польскаму цывілізацыйнаму ўплыву, стала польскім краем [7, s. 478]. Фелікс Канечны пісаў у 1921 г., што мэтай польскай палітыкі павінна быць панаванне лацінскай цывілізацыі ў Цэнтральнай Еўропе [17, s. 294]. Станіслаў Кутшэба выказваў меркаванне, што беларускія і літоўскія землі прыцягваліся да Польшчы польскай культурнай прывабнасцю [18, s. 164–165]. Пры гэтым польская культура пазіцыянавалася як каталіцкая заходняя па сваім характары і супрацьпастаўлялася ўсходу. Толькі на аснове каталіцкай культуры не толькі Польшча, але і іншыя дзяржавы Цэнтральнай Еўропы будуць мець магчымасць да незалежнага існавання [19, s. 10–11, 15]. Тым самым палякі ідэнтыфікавалі сябе як носбітаў больш высокай культуры ў адносінах да насельніцтва «ўсходніх крэсаў», што павінна было стаць адным з ключавых элементаў абгрунтавання польскай экспансіі на гэтыя тэрыторыі. Таксама да гістарычнай памяці аб польскай традыцыі федэрацыі як абгрунтаванні знешняй палітыкі краіны на ўсходзе звяртаюцца аўтары працы «Адраджэнне Польскай дзяржавы» [8, s. 60].

Пры гэтым у рамках польскай ідэнтычнасці Расія разглядалася не проста як «іншы», а як «смяротны вораг» [20, s. 177]. Р. Дмоўскі характарызаваў Расію як самую мілітарызаваную дзяржаву ў свеце [21, s. 75]. Такі стэрэатып у адносінах да Расіі вёў да таго, што ў рэальнай знешняй палітыцы Варшавы яна апрыйёры разглядалася як асноўная пагроза для Польшчы. Ю. Пілсудскі не верыў «у трываласць дагавора з бальшавікамі і прадбачыў новую вайну». Рыжскі мір ім разглядаўся толькі як паўза ў барацьбе за панаванне на прасторы Усходняй Еўропы паміж Расіяй і Польшчай [22, s. 224]. Таму ставілася задача максімальна аслабіць Расію. Адсюль выпякала не меўшая рэальнай асновы палітыка, накіраваная на расчлянненне Расіі, бо як лічыў Ю. Пілсудскі «пакуль шматлікія народы будуць заставацца ў расійскім ярме, да таго часу мы не можам глядзець у будучыню спакойна» [10, с. 11–12].

На гістарычнай памяці засноўвалася і канцэпцыя «двух ворагаў», шырока прадстаўленая ў польскім знешнепалітычным дыскурсе ў міжваенны перыяд. Польская палітычная эліта бачыла пагрозу для сваёй краіны ў сілу традыцыйнай расійска-прускай салідарнасці, накіраванай супраць Польшчы [21, s. 228]. Станіслаў Мацкевіч у сувязі з падпісаннем Рапальскага дагавора звяртаўся да гістарычнай рэтраспектывы і адзначаў, што «калі расійска-германскія адносіны паляпшаюцца, самастойнасць польскай палітыкі падае», ва ўмовах расійска-германскага адзінства «незалежнасць Польшчы памірае» [23, s. 57, 202–203]. Гістарычная памяць, звязаная з сумесным удзелам Расіі і Прусіі ў падзеллах Рэчы Паспалітай, спрыяла фарміраванню крайне негатыўнага стаўлення Польшчы да рапальскай палітыкі ў савецка-германскіх адносінах і імкнення яе разбурыць [24, і. 3].

Такім чынам, канструкты нацыянальнай ідэнтычнасці і гістарычнай памяці, якія фарміраваліся элітай Другой Польскай Рэспублікі, сталі адным з фактараў, што вызначалі яе знешнюю палітыку на ўсходнім кірунку. У рамках названых канструктаў важная роля належала міфалагемам, якія даўно страцілі сваю актуальнасць. Гэта ўносіла пэўны ірацыяналізм у палітыку, якую Варшава праводзіла ў адносінах да Савецкай дзяржавы ў перыяд польска-савецкай вайны і станаўлення адносін паміж дзвюма краінамі на аснове Рыжскага дагавора. Нацыянальная ідэнтычнасць і гістарычная памяць, якія сфарміраваліся ў Польшчы падчас аднаўлення яе незалежнасці, не спрыялі канструктыўнаму развіццю савецка-польскіх адносін на працягу ўсяго міжваеннага перыяду.

Крыніцы і літаратура

1. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. – М. : Аквилон, 2014. – 576 с.
2. Обичкина, Е. О. Франция в поиске внешнеполитических ориентиров в постби-полярном мире / Е. О. Обочкина. – М. : АМГИМО, 2003. – 470 с.
3. Łojek, E. Wokół sporów i polemik. Publicystyka historyczna / E. Łojek. – Lublin : Wydawnictwo Lubelskie, 1991. – 360 s.
4. Olędzki, K. Kresy wschodnie a Polska / K. Olędzki. – Warszawa : Druk. Z. Świętónskiego, 1919. – 16 s.
5. Grabski, S. Z godziennych walk i rozważań / S. Grabski. – Poznań : Welkopolska księgarnia nakładowa Karola Rzepeckiego, 1923. – 168 s.
6. Bochieński, A. Historia i polityka / A. Bochieński. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1989. – 344 s.
7. Dmowski, R. Polityka Polska i odbudowanie Państwa. Wydanie drugie / R. Dmowski. – Warszawa: Nakładem księgarni Perzyński, Niklewicz i s-ka, 1926. – 534 s.
8. Wskreszenie Państwa Polskiego. Szkic historyczny : w 2 t. – Kraków : Krakowska Sopolka Wydawnicza, 1925. – Т. 2: 1918–1923. – 300 s.
9. Бабенко, О. В. Польско-советские отношения в 1924–1928 гг.: от противостояния к сотрудничеству / О. В. Бабенко – М. : РАН ИНИОН, 2007. – 224 с.
10. Мезга, Н. Н. Советско-польские отношения 1921–1926 годов: новый этап противостояния / Н. Н. Мезга. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – 229.
11. Kolankowski, L. Polska Jagelonów / L. Kolankowski. – Lwów : Gubrynowicz i syn, 1936. – 374 s.
12. Balzer, O. Tradycja dziejowa unii polsko-litewskiej / O. Balzer. – Lwów – Warszawa : Nakładem księgarni Gubrunowicza i syna, 1919. – 24 s.
13. Kutrzeba, S. Polska odrodzona 1914–1921 / S. Kutrzeba. – Kraków : Gebethner i Wolff, 1921. – 230 s.
14. Wasilewski, L. Józef Pilsudski. Jakim Go znałem / L. Wasilewski. – Warszawa : Wyd. «Roj», 1935. – 235 s.
15. Grzymała-Siedlecki, A. Cud Wisły: wspomnienia korespondenta wojennego / A. Grzymała-Siedlecki. – Warszawa : Perzyński, Niklewicz i spółka, 1921. – 279 s.

16. Witos, W. Publicystyka / W. Witos. – Warszawa : Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 2003. – 457 s.
17. Koneczny, F. Polski logos a etnos : w 2 t. / F. Koneczny. – Poznań : b. w., 1921. – T. 1. – 315 s.
18. Kutrzeba, S. Polska odrodzona 1914–1922 / S. Kutrzeba. – Kraków : Gebethner i Wolff, 1922. – 264 s.
19. Polska idea imperialna. Zespol «Polityka». – Warszawa : Biblioteka Polska, 1938. – 86 s.
20. Lipiński, W. Wielki Marszałek (1867–1835) / W. Lipiński – Warszawa : Naklad Gebethnera i Wolffa, 1936. – 225 s.
21. Dmowski, R. Swiat powojenny i Polska / R. Dmowski. – Warszawa : Druk. F. Wyszyński i s-ka, 1931. – 384 s.
22. Białokur, M. Myśl społeczno-polityczna Joachima Bartoszewicza / M. Białokur. – Toruń : Adam Marszałek, 2005. – 427 s.
23. Mackiewicz, S. Historia Polski od 11 listopada 1918 r. do 17 wrześnja 1939 r. / S. Mackiewicz. – London : M.I. Kolin, 1958. – 347 s.
24. Depesza z Konsulatu Generalnego RP w Berline w Ministerstwo Spraw Zagranicznych. 1 stycznia 1924 r. // Archiwum Akt Nowych. – MSZ. Sygn. 6635.

УДК 94(430)

Б. Л. Хавкин
Российский государственный
гуманитарный университет

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ ВАЛЬТЕР РАТЕНАУ И РАПАЛЛЬСКИЙ ДОГОВОР

Рапалльский договор заложил основы взаимовыгодного экономического, политического и военно-технического сотрудничества между Веймарской республикой и Советской Россией, оказавшимися «париями Версаля». Рапалльская политика дает наглядный пример столь важного в современном мире искусства дипломатии – умения договариваться в самых трудных условиях, искать компромиссы, играть на противоречиях среди противников, находить взаимовыгодные решения.

Цель статьи, написанной на базе российских и немецких источников и литературы, – рассказать о трагической судьбе министра иностранных дел Веймарской республики Вальтера Ратенау, заплатившего своей жизнью за Рапалльский договор.

16 апреля 1922 г. в пригороде Генуи Рапалло наркомом иностранных дел Советской России Георгий Чичерин и министр иностранных дел Веймарской республики Вальтер Ратенау заключили договор между РСФСР и Веймарской республикой. Договор предусматривал взаимное признание, установление дипломатических отношений, возобновление работы консульских учреждений, отказ от финансовых претензий друг к другу. Для советской дипломатии заключение Рапалльского договора стало прорывом режима международной изоляции правительства большевиков. Для германской стороны договор стал первым полноценным и равноправным документом в международной сфере, заключенным после Версальского мира.

Г. Чичерин и В. Ратенау сходились в оценке Рапалло. Чичерин назвал этот договор «символом вынужденного сотрудничества обоих международных "козлов отпущения" – Германии и России» [1, с. 53]. Ратенау приводил слова премьер-министра Великобритании Дэвида Ллойд Джорджа: «Если так мучить две нации, как это имеет место в отношении немцев и русских, то не приходится удивляться, если обе эти нации объединяются» [10, с. 541].

В. Ратенау утверждал, что главное состояло не в том, чтобы выторговать благоприятные условия, а в том, чтобы установить «настоящий мир с такой великой страной, как Россия» [10, с. 539], что для Германии Рапалльский договор «означает шаг вперед. Впервые мы смогли вновь свободно подать руку народу, который не является ни нашим кредитором, ни нашим должником» [10, с. 539–541].

После 16 апреля 1922 г. игнорировать факт взаимодействия Веймарской республики и Советской России в обход позиции стран Антанты было уже нельзя. В Рапалло Ратенау вернул Германию в большую мировую политику.

Однако Ратенау не увидел «плодов Рапалло»: он пал жертвой врагов Рапалльского договора еще в год его подписания.

Кем, как и почему был убит доктор Ратенау? Расскажем подробнее об этом выдающемся человеке. Вальтер Ратенау (1867–1922) был сыном крупного предпринимателя Эмиля Ратенау (основателя фирмы АЕГ – «Всеобщая компания электричества») и его жены Матильды, дочери банкира Нахмана. Матильда завидовала славе своего родственника – знаменитого художника Макса Либермана. Вальтера с детства учили искусствам. Он писал картины, играл на фортепиано, сочинял стихи, пьесы, эссе на философские, исторические и политические темы [17]. Семья Ратенау принадлежала к «немцами иудейской веры». В 1869 г. в Пруссии был принят закон об отмене всех ограничений, связанных с вероисповеданием. В 1871 г. евреи формально стали полноправными гражданами Германского рейха [11, с. 14–15].

Вальтер изучал физику, химию и философию в университетах Берлина и Страсбурга. После окончания университета он служил в лейб-гвардии Прусском кирасирском полку. Несмотря на высшее образование, офицерский чин ему не полагался: в военном билете Ратенау была дискриминирующая помета «вероисповедание – израэлит». В юности Ратенау написал воззвание к евреям Германии под названием «Слушай, Израиль!», в котором призывал их быстрее ассимилироваться, усваивая прусские манеры и стремясь больше походить на пруссаков-христиан внешне, при этом ни в коем случае не переходя в христианство [13, р. 232–234].

В начале 1892 г. Вальтер Ратенау, успев к этому времени защитить диссертацию у знаменитого физика и врача Германа Гельмгольца, поступил на работу в фирму АЕГ. Со временем ему стали доверять ответственные должности: он занимал директорские посты в ряде банков, входящих в структуру АЕГ. В 1899 г. он стал членом правления АЕГ, потом – членом контрольного совета, а после смерти отца в 1915 г. – президентом всей компании [16, р. 15–87].

Вальтер Ратенау был противником развязанной Германией Первой мировой войны, одним из немногих немцев, которые с самого начала предсказывали, что эта война будет кровавой и затяжной, приведет истощению всех ресурсов Германии. Однако Ратенау был патриотом: он сделал все, что мог, чтобы помочь своей сражающейся родине.

В. Ратенау создал и возглавил отдел имперского военного министерства по обеспечению стратегическим сырьем. Первым в Европе он занялся переводом военной экономики на плановые рельсы. Военно-сырьевой отдел быстро разросся в огромный аппарат: он занимался установлением цен на сырьё, развитием производства эрзац-сырья и заменителей продуктов, строительством новых фабрик по производству азота. Отдел контролировал около 300 стратегически важных видов сырья в Германии и в оккупированных ей областях и странах. Сеть служб и ведомств военно-сырьевого отдела действовала в каждом военном округе. Фактически отдел, возглавляемый Ратенау, осуществлял контроль над всей военной экономикой рейха [6, с. 27–33].

Военная экономика Германии, получившая название «военный социализм», стала примером для советской военной экономики времен «военного коммунизма» и индустриализации. Секрет экономической модели Ратенау состоял в органическом сочетании

«государственного социализма» и «экономического самоуправления». Ратенау принадлежала идея «экономического Генерального штаба», (по-советски: «Госплана»), который и в мирное время управлял бы экономикой [8].

Исследователь деятельности Ратенау К. Шёльцель находит у своего героя идеи конвергенции экономических систем западного капитализма и восточного большевизма; при этом Германии отводилась бы роль «моста» между Западом и Востоком [17, с. 325–369]. Аналогичные идеи высказывал глава советского правительства Владимир Ленин: он подчеркивал, что Рапалльский договор продемонстрировал «фактическое равноправие двух систем собственности» [4, с. 536] и призывал «учиться государственному капитализму немцев, всеми силами перенимать его» [5, с. 201–204].

В книге «Новое общество» Ратенау предложил новое, гармоническое социальное устройство – т. н. третий путь – вместо капитализма и социализма создать множество независимых экономических ячеек, в которых предприниматели и рабочие совместно будут развивать своё «народное государство», которое на плановой основе организует производство товаров в строгом соответствии с общественными потребностями, особенно духовными и интеллектуальными [15].

В 1919–1920 гг. Ратенау участвовал в качестве эксперта в работе Парижской мирной конференции. В мае 1921 г. Ратенау вошёл в кабинет канцлера Йозефа Вирта в качестве министра восстановления разрушенного хозяйства.

31 января 1922 г. Ратенау, несмотря на предостережения матери и друзей, в числе которых был и Альберт Эйнштейн, вступил в реорганизованном кабинете Вирта в должность главы внешнеполитического ведомства Германии. Пожалуй, впервые в истории Германии пост министра иностранных дел занял философ, экономист, политический писатель, крупнейший предприниматель. Ратенау имел свои взгляды на международные отношения, он создал свою концепцию внешней политики Германии. Эта концепция включала экономические, политические и моральные аспекты и основывалась на богатом опыте Ратенау в политике и бизнесе. Хотя Ратенау не был профессиональным («карьерным») дипломатом, его знали и уважали в дипломатическом, политическом и деловом мире Германии, Западной Европы и США.

Крупнейшим дипломатическим успехом Ратенау стал Рапалльский договор. Заплатить за этот договор Ратенау пришлось своей жизнью. Утром в воскресенье 24 июня 1922 г. (Ратенау как соблюдающий традиции иудей, отдыхал в субботу и работал в воскресенье), когда министр без охраны в открытом автомобиле выехал из своей виллы в берлинском районе Груневальд и направился в министерство, его автомобиль нагнала машина с боевиками. Один из них выстрелил в Ратенау из пистолета, другой бросил в него гранату. От полученных ран Ратенау скончался.

Вальтер Ратенау был убит ультраправыми террористами – нацистами, антисемитами и врагами советско-германского сотрудничества. Ненависть экстремистов вызывали и подписанный Ратенау договор с Советской Россией, и проводимая им политика вынужденного соблюдения Версальского договора, и то, что Ратенау был евреем. На суде убийца утверждал, что Ратенау якобы приходится шурином члена ЦК РКП(б) и секретаря Исполкома Коминтерна Карла Радека и является одним из «300 сионских мудрецов», о которых написано в «Протоколах сионских мудрецов». В Германию эта антисемитская фальшивка попала из России: «Протоколы» привезли в конце 1918 г. русские эмигранты-черносотенцы Федор Винберг и Петр Шабельский-Борк. В Берлине на эту книжку обратил внимание издатель реакционного националистического журнала «Ауф форпостен» («На передовом посту») Людвиг Мюллер фон Гаузен (псевдоним Готтфрид цур Бек). В 1919 г. Готтфрид цур Бек небольшим тиражом издал «Протоколы» на немецком языке. Эмигрант из России Альфред Розенберг, который стал идеологом гитлеровской партии и главным редактором нацистской газеты «Фёлькишер беобахтер», предпринял массовое издание «Протоколов»; они стали одной из любимых книг Гитлера и Розенберга. Так русское черносотенство объединилось с германским нацизмом: их роднил погромный антисемитизм [12, с. 93].

Подлое убийство министра иностранных дел потрясло всю Германию [3, с. 44–48]. Прусская полиция раскрыла убийство Ратенау и арестовала тех, кто его готовил. Организатором убийства был Вилли Гюнтер. Помешанный на «Сионских протоколах», Гюнтер убежденно доказывал следствию, что Ратенау входил в состав тайного еврейского правительства, которое развязало Первую мировую войну, а затем разрушило Германию и привело ее к поражению. Накануне суда Гюнтер был отравлен: ему прислали в тюрьму плитку шоколада, пропитанного смертельным ядом.

Исполнителями преступления были бывшие офицеры Эрнст Вернер Техов, двадцати одного года; Герман Фишер (он же Фогель), двадцати пяти лет; Эрвин Кнауэр (он же Кёрнер, он же Керн), двадцати пяти лет. Все трое принадлежали к тайной террористической организации «Консул» – преемнице «Корпуса добровольцев» (фрайкора). Возглавлял эту организацию отставной капитан-лейтенант Герман Эрхард.

Убийцы Ратенау Фишер и Кнауэр застрелились, когда полиция пыталась их задержать. Но Техов, шофер машины террористов, предстал перед судом. За соучастие в убийстве Техов был осужден на 15 лет. Но приговор был смягчен амнистией в 1928 г. [11, с. 14–15].

«Ратенау – это самый яркий из пережитых мною примеров того необъяснимого случая, когда в жизни общества появляется “великий человек”. Он завоевывает любовь масс, несмотря на все препоны. Люди начинают к нему прислушиваться и болеть за него, все душой и сердцем становятся на его сторону, создаются легенды, культ личности. Любовь и ненависть достигают наивысших пределов, – писал немецкий публицист Себастьян Хафнер. – Ни до, ни после в Германии не было политика, который бы так воздействовал на воображение масс и молодёжи. Никто не обладал такой личностной магией. Ратенау, без сомнения, следует включить в число пяти-шести великих людей XX века» [14]. Ратенау был человек, опередивший время, – подчеркивала российский исследователь Т. В. Евдокимова [2, с. 13–30].

В России сохраняется наследие Ратенау. В 1992 г. российские архивисты принимали участие в организованной Обществом Ратенау и Германским историческим музеем в Берлине выставке, посвященной Вальтеру Ратенау. Дело в том, что среди трофейных документов, вывезенных из Германии в СССР после Второй мировой войны, есть и фонд Ратенау, хранящийся в Российском государственном военном архиве (РГВА), точнее, в бывшем «Особом архиве» – Центре хранения историко-документальных коллекций. Копии документов фонда Ратенау были переданы РГВА Обществу Ратенау (30 тыс. листов ксерокопий) и Федеральному архиву Германии (47 151 кадр микрофильмов) [9, с. 35].

Память о Вальтере Ратенау живет в современной Германии. В Берлине его имя носят площадь и гимназия в Груневальде. В 2008 г. по инициативе публициста и предпринимателя Михаэля Готтхельфа в Берлине был основан непартийный и некоммерческий фонд «Институт международной политики имени Вальтера Ратенау». Институт учредил медаль Вальтера Ратенау «За выдающиеся заслуги в политике». В 2021 г. медали Вальтера Ратенау была удостоена Ангела Меркель. На церемонии вручения ей этой награды Ангела Меркель заявила о необходимости налаживания диалога с Россией. Эксканцлер Германии также подчеркнула, что отношения Москвы и Берлина всегда носили «особый характер» [7].

«Особый характер» российско-германских отношений определялся «духом Рапалло». Через 100 лет после Рапалло Европа балансирует на грани войны. Но по-прежнему в центре европейской политики две крупнейшие державы – Россия и Германия, от отношений между которыми во многом зависит мир и на европейском континенте, и в мире в целом. Как тут не вспомнить уроки Рапалло, главный из которых – необходимость вести дипломатический диалог, искать общие интересы, договариваться в любых, даже самых трудных условиях.

Источники и литература

1. Дьяков, Ю. Л. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы. / Ю. Л. Дьяков, Т. С. Булшуева. – М. : Советская Россия, 1992. – 384 с.
2. Евдокимова, Т. В. Вальтер Ратенау – человек, опередивший время / Т. В. Евдокимова. // *Historia Provinciae* – Журнал региональной истории. – 2018. – Т. 2. – № 2. – С. 13–30.
3. Евдокимова, Т. В. Убийство Вальтера Ратенау и первые отклики на него / Т. В. Евдокимова. // *Клио. Журнал для ученых.* – 2003. – № 3 (22). – С. 44–48.
4. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений (ПСС) / В. И. Ленин : в 55 т. – М. : Издательство политической литературы, 1970. – Т. 45. – С. 536.
5. Ленин, В.И. ПСС / В. И. Ленин : в 55 т. – М. : Издательство политической литературы, 1967. – Т. 9. – С. 201–204.
6. Лыпка, Т. И. Государственно-правовое регулирование германской экономики в условиях войны (1914–1918 гг.) / Т. И. Лыпка. // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета.* – 2008. – № 3–1. – С. 27–33.
7. Меркель заявила о необходимости диалога с Россией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20211105/merkel-1757817414.html>. – Дата доступа: 30.04.22.
8. Ратенау, В. Новое государство / В. Ратенау. – М. : Берег, 1922. – 42 с.
9. Российский государственный военный архив в документах и материалах (1920–2020 гг.) / отв. ред. В. П. Тарасов; сост.: В. И. Коротаев, Л. Г. Костарева, И. В. Успенский; археографическая обработка документов: И. С. Месяц. – М. : Фонд «Связь Эпох», 2020. – 864 с.
10. Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сб. документов : в 2 т. – М. : Политиздат, 1971. – Т. 2: (1919–1922 гг.). – 596 с.
11. Хавкин, Б. Л. Жизнь за примирение. К 100-летию Рапалльского договора и убийства Вальтера Ратенау / Б. Л. Хавкин. // *НВО.* – 2022. – № 14. – С. 14–15.
12. Хавкин, Б. Л. Российское зеркало германской истории. XX век / Б. Л. Хавкин, К. Б. Божик. – М. : Новый хронограф, 2021. – 367 с.
13. Elon, A. The Pity of It All: A Portrait of Jews In Germany 1743–1933 / A. Elon. – London : Picador, 2003. – 464 p.
14. Haffner, S. Die Erinnerungen 1914–1933. Geschichte eines Deutschen / S. Haffner. – Stuttgart-München : Verlags-Anstalt, 2001. – 239 s.
15. Rathenau, W. Die neue Gesellschaft / W. Rathenau. – Berlin : S. Fischer, 1919. – 101 s.
16. Rathenau Walther. Industrialist, Banker, Intellectual, and Politician: Notes and Diaries 1907–1922 / Ed. by Hartmut Pogge von Strandmann. – Oxford University Press, 1985. – 360 p.
17. Schölzel, C. Walther Rathenau. Eine Biographie / C. Schölzel. – Paderborn, 2006. – 652 s.

УДК 94:327(410:438)«1929-1933»

Е. Н. Дубровка
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

МЕСТО ПОЛЬШИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ (ПОЗИЦИЯ ВТОРОГО ЛЕЙБОРИСТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА)

В статье на основе анализа историографии и британских документальных источников охарактеризована оценка места Польши в европейских отношениях со стороны второго лейбо-

ристского кабинета Р. Макдональда. Показано, что на неё оказывали влияние и позиции Форин оффис, и идейные установки лейбористов. Обозначены основные аспекты этой оценки, включая межгосударственные отношения, внутривнутриполитическое положение Польши, её военный потенциал.

В Центрально-Восточной Европе на протяжении всего межвоенного периода сохранялись напряжённые межгосударственные отношения, что привлекало внимание ключевых подписантов Версальских соглашений, особенно Франции и Великобритании. Названные государства рассматривали этот регион с точки зрения собственных политических и экономических интересов. Их позиция учитывалась при выстраивании внешней политики странами региона, ищущими международной поддержки, что делало её важным фактором межгосударственных отношений в этой части Европы.

В представленной статье сделана попытка охарактеризовать позицию второго лейбористского правительства Великобритании, находившегося у власти с июня 1929 по август 1931 г., по вопросу оценки места Польши в межгосударственных отношениях в Европе. Актуальность заявленной цели связана с объективным интересом белорусского общества к ставшим национальной трагедией событиям Второй мировой войны. Её причины непосредственно связаны с обострением межгосударственных отношений в условиях экономического кризиса рубежа 1920-х – 1930-х гг., а начало военных действий в Европе – с положением Польши. Учёт этого исторического опыта призван помочь белорусскому обществу и государству выстроить внешнеполитическую линию, адекватную вызовам современного мира.

В отечественной историографии история внешней политики Великобритании в межвоенные годы была предметом непосредственного интереса советского историка В. Г. Трухановского [1], находила фрагментарное отражение в исследованиях, посвящённых другим сюжетам дипломатической истории [2]. Однако отдельно внешняя политика лейбористов в Центрально-Восточной Европе не анализировалась. В работах британских авторов традиционно выделены лишь основные направления внешней политики лейбористов: Германия, СССР, США, Египет, Китай; а также позиция в ходе важных международных событий (Гаагская конференция 1929 г., Лондонская морская конференция 1930 г.) [3]. В российской историографии наиболее полно британская европейская политика получила освещение в работах Н. Капитоновой [4], С. Демидова [5], но её центрально-восточноевропейский вектор не был основным предметом исследования. Больше внимание этому вектору уделили польские историки, без акцентирования на характеристике позиции лейбористов [6; 7].

Основная источниковая база статьи – документы делопроизводства Кабинета и Форин оффис, дипломатическая переписка.

Второе лейбористское правительство в Великобритании было сформировано 5 июня 1929 г. во главе с Р. Макдональдом. Это был не первый опыт взаимодействия польских политиков с лейбористами. В 1924 г. Кабинет Р. Макдональда уже был у власти. Ещё в начале 1920-х гг. в памфлете лейбориста А. Гендерсона, который в 1929 г. возглавит Форин оффис, были обозначены принципы внешней политики лейбористов: «Нашей целью будет не просто предотвращение войны, но позитивная организация мира во всем мире. Мы не будем заключать никаких секретных соглашений. Мы будем выступать против попыток эксплуатации подвластных народов или неразвитых стран, придавая полную огласку фактам. Мы будем стремиться не к созданию какой-либо верховной власти или мирового государства, а к сотрудничеству государств на равных в преодолении таких зол, как голод и болезни, и в освоении всех ресурсов мира для использования его народами» [8, р. 123].

В реальности, оказавшись у власти в 1924 г., лейбористы отказались от радикального разрыва с политикой предшественников-консерваторов, полагались во многом на аппарат Форин оффис и постоянного заместителя, работающего вне зависимости от партийного состава Кабинета. Лишь некоторое своеобразие политики определялось влиянием идейных взглядов партии. Так Р. Макдональд основной задачей называл улучшение

ние атмосферы в межгосударственных отношениях: он способствовал преодолению репарационного кризиса на основе т. н. «плана Дауэса». В сентябре 1924 г. на заседании Ассамблеи Лиги наций Р. Макдональд предложил создать систему международного арбитража, принять Германию в Лигу наций и выдвинул инициативу созыва конференции по разоружению. В итоге этих инициатив был представлен «Протокол о мирном урегулировании международных споров» (или Женевский протокол – Е. Д.). В разработке его текста принял участие А. Гендерсон. Второе известное направление внешней политики лейбористов – заявление 1 февраля 1924 г. о юридическом признании СССР и подписание двумя странами общего и торгового договоров [9, с. 439; 4, с. 326–334].

Оба эти направления деятельности лейбористов вызывали опасения у польских политиков о том, что Польше не будет места в новых комбинациях, направленных на нормализацию отношений с Германией и СССР. С другой стороны, Польша могла воспользоваться своим географическим положением и претендовать на роль посредника в торгово-экономических отношениях. Шаг в этом направлении представляла из себя ратификация англо-польского торгового договора в 1924 г. Однако в Великобритании немногие дипломаты и публицисты выступали за более тесные связи с Польшей, причём и они видели в этом государстве лишь «ведомого», что вызывало неприязнь в Польше [6, s. 39–80]. Общая оценка положения Польши, которую констатировали сотрудники британского ведомства внешней торговли, не способствовала активизации экономических связей. Подчёркивалось, что торговле с Польшей и Румынией, готовым закупать локомотивы и подвижной состав, нанесён большой ущерб политической ситуацией – «возможностью аннексии Бессарабии Россией» (в связи с польско-румынским договором 1921 г. – Е.Д.) [10, p. 417–419]. В целом, англо-польского сближения при лейбористах в 1924 г. не произошло.

После того как 5 июня 1929 г. лейбористский кабинет принял власть, в Польше усилились опасения, что новое правительство будет более благосклонно к немецкому ревизионизму [6, s. 224]. Предпосылкой тому были высказывания лидера партии Р. Макдональда периода весны 1926 г., когда обсуждался вопрос о предоставлении Германии постоянного места в Совете Лиги, против чего активно выступала Польша. Он указывал, что понимает «сложное положение Польши», но при этом «приветствовал бы радостно компромисс без победителя и побежденного» [11, s. 578]. То есть он однозначно не выступил в поддержку позиции польских дипломатов. Прогерманский характер левой прессы на рубеже 1920-х – 1930-х гг. отмечал в своих воспоминаниях и польский дипломат Э. Рачинский [12, s. 1].

Ряд шагов лейбористских политиков на международной арене подтверждали справедливость вышеозначенных опасений Польши. Так ещё в июне 1924 г. в ходе работы сессии Совета Лиги при обсуждении вопроса о защите национальных меньшинств британские члены соответствующей комиссии приняли активное участие в решении вопроса о выплате компенсаций немцам, чьё имущество было экспроприровано в Польше, при этом учитывалась позиция немецкой стороны. Также они пристально следили за обсуждением вопроса о правах немецких граждан, проживавших в Польше [13, p. 45–46]. Можно также отметить позицию Великобритании в ходе первой конференции в Гааге в августе 1929 г., когда она поддержала принятие «плана Юнга» и договорённость о досрочной эвакуации Рейнской области до июня 1930 г., то есть на пять лет раньше срока, установленного Версальским договором, против чего активно выступала Польша. Попытки же Польши включить германо-польское соглашение об отказе обеих стран от финансовых претензий (ликвидационное) в окончательный протокол второй Гаагской конференции осенью 1929 г. не увенчались успехом. Он вошёл лишь в перечень документов конференции [6, s. 273]. Единственным реверансом в сторону Польши было окончательное решение вопроса, поставленного ещё при консерваторах, о повышении ранга представительства в Польше до посольства, о чём говорилось в официальном коммюнике 18 октября [7, s. 333].

В первом квартале 1930 г. на Великобританию распространился мировой экономический кризис, внимание Кабинета начали преимущественно занимать экономические

проблемы. Однако те вопросы международных отношений, где ситуация могла обостриться, оставались под контролем. В рамках польского вектора велось наблюдение прежде всего за польско-советскими и польско-германскими отношениями. В отношении первых британские дипломаты из Москвы писали о том, что СССР сосредоточен на внутренней экономической политике «аграрной революции», и если он обратится ко внешней, то первой целью будет Бессарабия. Особого интереса с советской стороны к Польше пока не наблюдалось [14, р. 97–99]. Также констатировалось, что СССР опасался обострения отношений, так как оно могло помешать завершить пятилетний план. Отношения между Россией и Польшей характеризовались как «громогласно-сварливое состояние», в сохранении которого уверена польская сторона [14, р. 121–123]. В польско-германских отношениях наблюдались признаки улучшения: 1 марта 1930 г. был подписан германо-польский торговый договор, польский министр иностранных дел А. Залеский в марте выступал в Сейме с речью, в которой заявил о необходимости улучшения германо-польских отношений и Сейм ратифицировал ранее отсроченные соглашения с Германией [15, с. 126–127]. Эти шаги были положительно оценены в британской прессе [2, с. 149–150].

Оценки со стороны британского истеблишмента места Польши в европейских отношениях иногда находили отражение в выступлениях политиков по абсолютно разным вопросам. Например, на заседаниях Кабинета в мае 1930 г. обсуждался проект строительства туннеля через пролив. В условиях обострения отношений между странами в период экономического кризиса Кабинет выступил против этого проекта. Акцент делался на том, что туннель создаст угрозу безопасности Великобритании, так как протяженные общие границы и простота коммуникаций через них не способствуют международной дружбе. В подтверждение этого тезиса был особо выделен пример районов Польши «где национальности фактически перемешаны, ненависть достигает своего максимума». При этом даже заключённые договора не предотвращали агрессии, что подтверждено примером польской оккупации Вильно. С другой стороны, отмечалось, что расстояние в международных отношениях, «по-видимому, придает очарование взгляду. Давняя дружба и взаимное восхищение существовали между Францией и Россией, Францией и Польшей» [16, р. 230–233]. Союзные отношения между Францией и Польшей в военной сфере косвенно подтверждались сведениями о военных программах разных стран. В частности, в сентябре 1930 г. первый лорд Адмиралтейства, информируя коллег по этому вопросу упомянул заказанные Францией три подводных лодки для Польши [17, р. 240–249].

Летом 1930 г. польско-германские отношения ухудшились, что спровоцировало вмешательство британских дипломатов на местах. Министр без портфеля в кабинете Г. Брюнинга Готфрида Тревиранус в своём выступлении от 10 августа упомянул «неисцелённую рану на востоке», намекнув тем самым на «польский коридор», предсказал, что будущее Польши неустойчиво без пересмотра границ. Уже 13 августа британский посол в Берлине Г. Рамбольд писал А. Гендерсону об острой критике по отношению к этому высказыванию. В связи с ней немецкий политик дал интервью по радио, в котором подчёркивал, что речь не шла о ревизии восточных границ силовыми средствами, «несправедливость границ может быть исправлена лишь мирными средствами, но Германия не может отказаться от требования равноправного, честного и открытого соглашения». Г. Тревиранус выразил удивление, что его замечания вызвали такую реакцию, которое, впрочем, британский дипломат не считал искренним [18, р. 495–496]. Эта ситуация вызвала болезненную реакцию в Польше, в частности, А. Залеский сообщил немецкому посланнику там, что они были покушением на территориальную целостность польского государства. В этих обстоятельствах Г. Рамбольд обратился за комментарием к министру иностранных дел Германии. Тот сказал, что Г. Тревиранус не ознакомил предварительно министерство со своей речью и допустил, что эта предвыборная речь, как и другие, может быть довольно воинственной [18, р. 496]. Английский посол допускал, что Г. Тревиранус «лишь выразил мнение, которое поддерживал каждый немец по отношению к неудовлетворительному, невыносимому характеру немец-

кой восточной границы». По мнению Г. Рамбольда, эта речь подтверждала мнение британского Форин оффис о том, в каком порядке Германия будет решать внешнеполитические проблемы: первым по степени важности и неотложности будет изменение германо-польской границы, потом – перевооружение, чтобы достичь как минимум паритета с Польшей, далее – аншлюс Австрии, наконец – получение колоний и мандатов, чтобы восстановить статус мировой державы. По мысли Г. Рамбольда, подобные заявления делаются, чтобы поставить насущные для них вопросы как можно раньше, однако они, наоборот, обостряют обстановку и создают неблагоприятные условия для политического решения вопросов, упомянутых выше [18, р. 499–501]. То есть британские дипломаты, по сути, признавали в германо-польских отношениях две объективные проблемы, выражая лишь недовольство тактикой, которой придерживались немецкие политики в попытках их решения.

Давая итоговую оценку международного положения Польши в начале 1931 г., британский посол в Варшаве У. Эрскин констатировал его ухудшение по двум параметрам: ухудшение германо-польских отношений в связи с ситуацией, описанной выше, а также охлаждение франко-польских отношений в условиях досрочного вывода французских войск из Рейнской области [7, s. 339]. 1931 г. принёс новые признаки охлаждения франко-польских отношений: в июле британский посол в Москве Э. Овей информировал о беседе с М. Литвиновым по вопросу советско-французских переговоров о пакте о ненападении (будет подписан осенью 1932 г. – Е. Д.). Британский дипломат поинтересовался не последует ли польско-советский договор о ненападении и со слов М. Литвинова сообщал, что он не ожидается, но «теперь Франция не сможет больше вмешаться, если Польша нападёт» [14, р. 216–217].

Возвращаясь к оценке У. Эрскина, можно отметить, что он также констатировал ухудшение англо-польских отношений. Оно было связано с ростом интереса отдельных слоёв британского общества к внутренней жизни Польши, где разрастался конфликт между сеймом и правительством, за которым стоял Ю. Пилсудский. Этот интерес подогревался появлением в Великобритании антипольских анонимных изданий, в которых критиковалась польская система правления, действия Ю. Пилсудского, вновь подчёркивалась «проблема коридора». Подобные издания очень беспокоили польских дипломатов [2, с. 116].

В октябре 1930 г. в Польше прошли выборы в Сейм, где победу одержали сторонники правительства. При этом и посол У. Эрскин, и Форин оффис признавали, что выборы прошли с нарушениями. Тем не менее, их результат признан был удовлетворительным, после чего проблемы демократии в Польше не были объектом интереса правительственных кругов Великобритании. Но методы, которые использовал Пилсудский для преследования своих политических противников, вызвали рост разочарования в нём даже среди тех, у кого он ранее вызывал симпатию, нанесли удар по его репутации [7, s. 340–344]. Ещё один блок информации, которая не способствовала улучшению имиджа Польши в глазах британского истеблишмента, – вопрос о положении национальных меньшинств, в частности её репрессивная политика в отношении украинцев в Галиции и немцев в Верхней Силезии. Последняя спровоцировала жалобу немцев в Лигу наций в январе 1931 г. В итоге в среде лейбористов симпатии к Польше снизились. Было принято решение поднять этот вопрос в Совете Лиги. В апреле 1931 г. комитет во главе с А. Гендерсеном выступил с осуждением Польши [7, s. 345].

В такой обстановке в Польше росли опасения, что британские политики всё более склоняются к ревизии германо-польской границы с целью снижения риска разрастания конфликта в германо-польских отношениях. Весной 1931 г. польский посол К. Скирмунт обеспокоенно писал из Лондона о муссировании в британской прессе вопроса территориальных уступок со стороны Польши [2, с. 151]. Не способствовали преодолению этих опасений и итоги личных бесед польских дипломатов с английскими коллегами. Например, в июне 1931 г. К. Скирмунт выразил в личной беседе с заместителем главы внешнеполитического ведомства Великобритании Р. Ванзитартом озабоченность деятельно-

стью организации «Стальной шлем» и поощрении её со стороны немецкого правительства. В ответ британский дипломат указал послу на неспособность немецкого правительства остановить эту деятельность, охарактеризовав текущее правительство Германии как лучшее с точки зрения способности поддерживать равновесие. При этом в отчёте А. Гендерсону он соглашался, что немецкое правительство приветствует деятельность «Стального шлема» [19, р. 68–69]. Когда же польский посол привлёк внимание главы Форин оффис к неудовлетворительному состоянию германо-польских экономических отношений, указав на отказ Германии возобновить торговое соглашение и просил оказать влияние на Германию, А. Гендерсон заявил, что в ответ Польша должна смягчить свою позицию по вопросу о положении немецкого меньшинства в Польше [19, р. 150]. Как видно, ни одно из обращений Польши не находило сочувствия у британских дипломатов.

В условиях экономического кризиса, спровоцировавшего рост реваншизма и агрессивных настроений, востребованным для Кабинета было мнение военного ведомства. В марте 1931 г. его глава Томас Шоу представил меморандум с оценкой ситуации в Европе. Основной тезис состоял в том, что в Европе доминировали три большие военные проблемы: франко-германская, франко-итальянская и российская проблема. При рассмотрении первой из них автор высоко оценивал возможности французской армии, а также потенциал её союзников. В этой оценке Польша представлена как «военный вассал» Франции, участница сети её военных союзов, нацеленных на формирование вокруг Германии «стального кольца». В случае франко-германского конфликта большая часть польской армии должна была быть вовлечена в наблюдение за действиями России, как и Румыния на своём фланге. Общая ситуация описывалась следующим образом: «Сегодня в Европе нет ничего более очевидного, чем постепенное появление ревизионистского блока держав, состоящего из бывших вражеских государств и Италии в противовес Франции и её сателлитам». Говоря о позиции своей страны, Т. Шоу отмечал, что значение подписи Великобритании в Локарнских соглашениях скорее моральное, так как быстро мобилизовать сколько-либо значительные силы она неспособна. Однако автор меморандума приходил к выводу, что на текущий момент Франции с её военным потенциалом, сетью союзов и военным бессилием Германии из-за договорных ограничений, как и «её сателлитам» фактически нечего бояться Германии, и с военной точки зрения они значительно перестрахованы. «У войны, которую бы развязали объединенные Италия и Германия, в частности Германия, освобожденная от ограничений мирных договоров, против Франции было бы больше шансов на успех. Но и в таком случае, при условии, что французские союзники останутся непоколебимыми, трудно предвидеть успешный результат, за исключением варианта более отдаленного будущего, если Германия снова станет великой военной державой» [20, р. 454–455].

Таким образом, характеризуя оценку места Польши в европейских отношениях со стороны второго лейбористского кабинета, нужно отметить, что она формировалась под влиянием как позиции профессиональных дипломатов Форин оффис, так и идейных установок лейбористов. Традиционно выделялись такие элементы как польско-германские, польско-советские, польско-французские и польско-литовские отношения; уделено внимание таким аспектам, как внутривнутриполитическая ситуация в Польше, её военный потенциал.

Источники и литература

1. Трухановский, В. Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939) / В. Г. Трухановский. – М. : Изд-во Ин-та международных отношений, 1962. – 412 с.

2. Климовский, Д. С. Германия и Польша в локарнской системе европейских отношений (Из истории зарождения Второй мировой войны) / Д. С. Климовский. – Минск : Изд-во БГУ, 1975. – 288 с.

3. Cariton, D. MacDonalld versus Henderson: the foreign policy of the second Labour Government / D. Cariton. – London : Macmillan, 1970. – 239 p.
4. Капитонова, Н. К. История внешней политики Великобритании / Н. К. Капитонова, Е. В. Романова. – М. : Международные отношения, 2016. – 840 с.
5. Демидов, С. В. Внешняя политика и дипломатия Великобритании между двумя мировыми войнами / С. В. Демидов. // Актуальные проблемы истории Великобритании XVII–XX веков. – Рязань : Издательство «Концепция», 2017. – С. 98–136.
6. Nowak-Kielbikowa, M. Polska-Wielka Brytania w dobie zabiegów o bezpieczeństwo w Europie, 1923–1937 / M. Nowak-Kielbikowa. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. – 588 s.
7. Piszczkowski, T. Anglia a Polska, 1914–1939. W świetle dokumentów brytyjskich / T. Piszczkowski. – Londyn : Oficyna Poetów i Malarzy, 1975. – 456 s.
8. Henderson, A. The character and policy of the British Labour party // The international journal of ethics – 1922. – January. – P. 119–123.
9. Кертман, Л. Джозеф Чемберлен и сыновья / Л. Кертман. – М. : Мысль, 1990. – 546 с.
10. Cabinet Papers (CP) № 301(24) – 400(24). (14.5.24. – 14.7.24.) // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/cabinet-papers-1915-1984>. – Date of access: 18.02.2024.
11. Depesze Poselstwa Rzeczypospolitej Polskiej w Londynie / opr. Rojek W. [i inn.] : w 2 t. – Kraków : Polska Akademia Umiejętności, 2019. – Т. 2. – 636 s.
12. Raczynski, Ed. In allied London / Ed. Raczynski. – London : Wiedenfeld and Nicolson, 1962. – 381 p.
13. CP №4 01 (24) – 500 (24) . (16.7.24. – 19.11.24) // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/cabinet-papers-1915-1984>. – Date of access: 18.02.2024.
14. Documents on British foreign policy (далее DBFP) 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London, 1958. – Vol. 7. – 808 p.
15. Мельтюхов, М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. / М. И. Мельтюхов. – М. : Вече, 2001. – 460 с.
16. CP № 151 (30) – 200(30); dated 9.5.30. to 6.6.30 // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/cabinet-papers-1915-1984>. – Date of access: 18.02.2024.
17. CP № 301 (50) – 350(30); dated 11.9.30 to 20.10.30 // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/cabinet-papers-1915-1984>. – Date of access: 18.02.2024.
18. DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E.L. Woodward. – London, 1946. – Vol. 1. – 603 p.
19. DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E.L. Woodward. – London, 1947. – Vol. 2. – 525 p.
20. CP №51(31) – 100(31), dated 17.2.31 to 14.4.31 // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/cabinet-papers-1915-1984>. – Date of access: 18.02.2024.

УДК 94:323.11:316.334.55(476.2+470.319)«193»

М. И. Старовойтов
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

**ТИТУЛЬНЫЕ ЭТНОСЫ В СОСТАВЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ГОМЕЛЬСКОЙ И ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ НАКАНУНЕ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ)**

Ретроспективное историко-сравнительное изучение социокультурных проблем села, на примере белорусско-российского пограничья имеет важное значение для понимания современных

модернизационных процессов в аграрном секторе экономики и социальной структуре сельского населения. В обозначенном контексте исследования ещё не только не проводились, но даже отсутствовала сама постановка проблемы. Автором предпринята попытка восполнить этот пробел в историографии, рассмотрев социокультурный облик титульных этносов пограничного региона, достигнутый к концу 1930-х годов в результате советской модернизации всех сфер жизни общества межвоенного периода.

В отечественной историографии имеется значительное количество работ по истории белорусского крестьянства сложного межвоенного периода. Несмотря на имеющиеся наработки, следует отметить, что так и не вышел третий том Истории крестьянства Беларуси с древнейших времен до наших дней, посвященный советскому периоду. В историко-сравнительном плане такого рода исследования ни белорусскими, ни российскими историками не проводились. С учетом возможного объема публикации на примере Гомельской и Орловской областей, соседних областей белорусско-российского пограничного региона, рассмотрим ряд аспектов обозначенной проблемы. Таблицы составлены и проценты подсчитаны автором.

Из таблицы 1 видно [1, л. 1; 2, л. 1], что доля женщин в составе сельского населения в межпереписной период увеличилась в обеих областях пограничного региона. Увеличение же абсолютной численности и мужчин, и женщин села наблюдалось только в Гомельской области. Здесь был меньшим их отток за пределы области. В Орловской области произошло значительное сокращение численности и мужчин, и женщин среди сельских жителей. Во внутривнутриреспубликанской и общесоюзной миграции на работу и учебу в города из этой области участвовали девушки и женщины в возрасте 15–39 лет, что и привело к уменьшению их численности. Небольшой прирост численности мужчин в Гомельской области и уменьшение их в Орловской области объясняется службой в РККА за пределами мест проживания, что подробнее рассмотрено в специальной статье автора [3]. Следует учитывать и последствия репрессий, которые в большей степени коснулись мужского населения.

Таблица 1 – Сельское население по официальной разработке переписи 1939 г.

Области	1926 г.				1939 г.				1939 г. % к 1926 г.
	Муж.	Жен.	Всего	% Жен	Муж.	Жен.	Всего	% Жен	
Гомельская	302 832	321 780	624 612	51,5	315 768	339 316	655 084	51,8	105,4
Орловская	1 518 742	1 700 282	3 219 024	52,8	1 302 269	1 537 768	2 840 037	54,1	90,4

В 1939 г. в сельской местности проживало 600 679 белорусов, что составляло 91,1 % всего сельского населения [4, л. 1, 6]. Русских в составе сельского населения Орловской области насчитывалось 2 805 338 человек или 98,8 % общей его численности [5, л. 1, 6].

Экономика требовала укрепления сельскохозяйственной сырьевой базы промышленности, увеличения товарности и расширения специализации сельского хозяйства в районах и областях, развития экспортных его отраслей. В условиях экстенсивного пути развития аграрного сектора принимались соответствующие решения. В апреле 1927 г. IV съезд

советов СССР поручил правительству обратить особое внимание на развитие «трудоемких культур для борьбы с аграрным перенаселением и в целях использования на месте избыточного крестьянского труда» [6, с. 365]. Эти установки по использованию трудовых ресурсов села при крайне низкой технической оснащенности аграрного сектора экономики оставались и в последующий период. Аграрное перенаселение было особенно характерно для титульных этносов пограничных территорий, которые и в конце 1930-х годов были заняты тяжелым физическим трудом в сельскохозяйственном производстве.

Государственная политика по повышению уровня грамотности и образования населения дала свои результаты. Хотя стопроцентная грамотность и не была достигнута, но показатели были очень высокими. Это, прежде всего, касается титульных этносов, абсолютное большинство которых проживало в сельской местности. Определенную роль в повышении уровня грамотности и образования, в подготовке квалифицированных кадров из числа белорусов (политика коренизации) сыграла политика белорусизации. Это белорусская специфика в государственном национально-культурном строительстве совершила настоящую культурную революцию, особенно, на селе. И в белорусском регионе, и в российском, как и по всей стране, начался процесс переформатирования социально-профессиональной структуры занятого трудоспособного населения. Нужны были грамотные и образованные кадры. Дети школьного возраста, подростки, молодежь, часть взрослого населения были охвачены различными формами учебы. Это видно из приведенных таблиц.

Данные таблицы 2 [7, л. 5, 11; 8, л. 98] свидетельствуют, что абсолютное большинство учащихся Гомельской области составляли дети, подростки и молодежь, которые обучались в общеобразовательных школах. Небольшая часть населения обучалась в школах по ликвидации неграмотности и малограмотности.

Таблица 2 – Число учащихся сельского населения Гомельской области в 1939 г.

Тип учебных заведений	Все учащиеся			Белорусы			В % к итогу
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	
1	2	3	4	5	6	7	8
Школы для детей	68 187	61 592	129 779	64 856	58 660	123 516	95,2
1–4 классы	46 472	42 636	89 108	44 221	40 616	84 837	95,2
5–7 классы	19 605	17 114	36 719	18 673	16 341	35 014	95,4
8-10 классы	2 110	1 842	3 952	1 962	1 703	3 665	92,7
Школы ФЗУ и типа ФЗУ	139	10	149	136	8	146	98,0
Техникумы (вкл. заоч.)	859	747	1 606	786	690	1 476	91,9
Вузы (вкл. заоч.)	866	221	1 087	762	180	942	86,7
Школы для взрослых*	1 773	1 511	3 284	1 588	1 420	3 008	91,6
Прочие школы и курсы:	1 297	149	1 446	1 140	141	1 281	88,6
Руководителей**	242	43	285	–	–	162	56,8
Мастеров соцтруда	18	1	19	–	–	13	68,4
Механизаторов***	794	57	851	–	–	832	97,8
Кадров сель.-хоз-ва****	76	19	95	–	–	91	95,8
Рабочих профессий*****	160	21	181	–	–	170	93,9
Прочие	7	8	15	–	–	13	86,7

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8
Всего учащихся	73 121	64 230	137 351	69 270	61 099	130 369	94,9
На 1 000 населения учащихся	231,6	189,3	209,7	–	–	217,0	–
Примечание: *) – общеобразовательные школы для взрослых и школы для неграмотных и малограмотных; **) – руководящих работников и профессий служащих; ***) – комбайнеров, трактористов; *****) – квалифицированных кадров сельского хозяйства; *****) – массовых рабочих профессий.							

По многим показателям доля белорусов Гомельской области, которая была полиэтничной, в составе сельских учащихся была выше, чем их доля в составе сельского населения. На наш взгляд, это можно связать с политикой белорусизации, которая способствовала и активизировала рост их грамотности, образования, профессиональной подготовки в связи с потребностями различных отраслей народного хозяйства. Несколько меньшим их удельный вес был в составе студентов вузов, в школах и на курсах руководителей, мастеров и прочих. Развитие системы заочного образования достаточно активно использовалось белорусами села. Нами установлено, что из всех студентов-белорусов Гомельской области в вузах по заочной форме обучалось 89,7 %, а в техникумах – 54,4 % [9, д. 744, л. 98–98об.].

Такая же классификация по направлениям обучения наблюдалась и среди сельского населения Орловской области, которое на 99,0 % состояло из русских. Это хорошо видно из таблицы 3 [10, л. 5, 9]. Доля русских в составе всех учащихся равнялась или чуть превышала показатель их относительной численности в составе сельского населения. Данные по прочим школах и курсах соответствовали 100 %, поэтому гендерный показатель обучающихся в них русских не выделен.

Таблица 3 – Число учащихся сельского населения Орловской области в 1939 г.

Тип учебных заведений	Все учащиеся			Русские			В % к итогу
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	
1	2	3	4	5	6	7	8
Школы для детей	313 747	296 469	610 216	311 345	294 909	606 254	99,3
1–4 классы	224 201	214 952	439 153	222 535	213 949	436 484	99,4
5–7 классы	83 875	75 275	159 150	83 223	74 790	158 013	99,3
8–10 классы	5 671	6 242	11 913	5 587	6 170	11 757	98,7
Школы ФЗУ и типа ФЗУ	376	141	517	372	140	512	99,0
Техникумы (вкл. заоч.)	2 513	2 332	4 845	2 430	2 275	4 705	97,1
Вузы (вкл. заоч.)	2 156	1 058	3 214	2 018	1 007	3 025	94,1
Школы для взрослых*	1 780	5 914	7 694	1741	5 861	7 602	98,8
Прочие школы и курсы:	7 085	1 096	8 181	6 998	1 082	8 080	98,8
Руководителей**	710	199	909	–	–	–	–
Мастеров соцтруда	62	44	106	–	–	–	–

Окончание таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8
Механизаторов***	4 905	311	5 216	–	–	–	–
Кадров сель.-хоз-ва****	1 206	414	1 620	–	–	–	–
Рабочих профессий*****	171	45	216	–	–	–	–
Прочие	31	83	114	–	–	–	–
Всего учащихся	327 657	307 010	634 667	324 904	305 274	630 178	99,3
На 1 000 населения учащихся	251,6	199,6	223,5	–	–	224,6	–
Примечание: * – **** См. примечание к таблице 4; –) – не все показатели указаны с русским населением, особенно по гендерному признаку.							

Развитие сети школ, техникумов и вузов способствовало росту уровня образования населения. Из таблицы 4 [11, л. 6, 9, 11; 12, л. 6, 8, 9] видно, что по возрастному составу большинство мужчин и женщин получили среднее и высшее образование в советский период. Достаточно адекватную оценку образовательному уровню сельского населения дает расчет на 1 000 населения. На 1 000 сельских жителей Гомельской области приходилось с высшим образованием 0,8 человек, а со средним – 28,9. В Орловской области эти показатели составили соответственно 0,7 и 25,8 человек. Некоторое превышение показателя среднего образования у населения Гомельской области объясняется тем, что количество учащихся 8–10 классов, техникумов и вузов на 1 000 титульного населения у белорусов было на 3,1 пункт выше, чем у русских Орловской области. Это и отразилось на общих показателях по среднему образованию [подсчитано по: 13, л. 6, 11; 14, л. 6, 9].

Таблица 4 – Лица с высшим и средним образованием по национальностям в 1939 г. (абс.)

Возрастные группы сельского населения	Гомельская область (белорусы)			Орловская область (русские)		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
Всего с высшим*	388	78	466	1 538	483	2 021
До 29 лет	198	49	247	618	232	850
30–39 лет	137	20	157	557	153	710
40–49 лет	38	6	44	265	63	328
50 лет и старше	15	2	17	98	34	132
Возраст не указан	–	1	1	–	1	1
Всего со средним**	10 596	6 745	17 341	42 102	30 217	72 319
До 19 лет	4 853	4 171	9 024	17 119	16 593	33 712
20–29 лет	3 987	1 960	5 947	17 282	8 919	26 201
30–39 лет	1 093	399	1 492	4 749	2 646	7 395
49–49 лет	400	139	539	1 890	1 291	3 181
50 лет и старше	260	66	326	1 054	762	1 816
Возраст не указан	3	10	13	8	6	14
Примечание: *) – включены лица, имеющие и незаконченное высшее образование; **) – включены лица, имеющие от 7 классов до среднего и среднего специального образования.						

Сравнение данных таблицы 5 [15, л. 3; 16, л. 3] позволяет установить общую тенденцию. Численность женщин среди рабочих и служащих в разы была меньшей. Женщины значительно преобладали среди колхозников и крестьян-единоличников. Из общего числа имеющих занятие сельских женщин меньше их было среди кооперированных и некооперированных кустарей (кроме кооперированных кустарей Орловской области, таблица 5). Часть мужчин-кустарей жила в деревнях, но трудилась в промышленности, строительстве и на транспорте в городских поселениях и сельской местности.

Таблица 5 – Распределение всех жителей села по общественным группам в 1939 г.

Общественные группы	Гомельская область			Орловская область		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
Рабочие	37 314	9 743	47 057	116 027	41 266	157 293
Служащие	17 871	4 324	22 195	58 464	20 041	78 505
Колхозники	96 020	118 235	214 255	426 392	567 323	998 715
Коопкустари	1 362	498	1 860	3 471	5 857	9 328
Некоопкустари	1 257	390	1 647	5 364	1 520	6 884
Единоличники	15 664	21 984	37 648	16 391	29 288	45 679
Всего занято	169 488	155 174	324 662	626 109	665 295	1 291 404

Из таблицы 5 видно, что общая численность занятых сельских жителей в Гомельской области была в 4 раза меньше, чем в Орловской области. Это объясняется тем, что и все население белорусской области было во столько раз меньше по сравнению с российской. Абсолютное большинство занятого населения областей составляли колхозники. В Гомельской области они составляли 66,0 % от всех имеющих занятия сельских жителей, а в Орловской – 77,3 % (подсчитано по табл. 2). В белорусской области женщины преобладали среди колхозников и единоличников, а в российской области еще и среди кооперированных кустарей. Среди рабочих и служащих села в Гомельской области мужчин было больше в 4 раза, чем женщин, а в Орловской – в 2,8–2,9 раза (подсчитано по табл. 5). Вышеприведенные данные, с выделением гендерной составляющей занятости по общественным группам, как раз и дают более адекватную характеристику сельского населения.

К концу 1930-х годов палитра сельского населения оказалась многообразней, чем было принято считать до недавнего времени. Это уже были не просто крестьяне. Зарождался процесс профессиональной стратификации жителей села, которые были заняты уже не только в аграрном секторе, но и в производственных и непроизводственных отраслях народного хозяйства. Архивные данные свидетельствуют, что основная масса титульного этноса проживала в деревне и была занята в сельскохозяйственном производстве. Выявленный оригинальный архивный материал позволил впервые установить абсолютную численность и подсчитать долю занятого в различных отраслях народного хозяйства титульного этноса Гомельской и Орловской областей, проживавшего в сельской местности. Данные о социальной стратификации титульных этносов хорошо представлены в таблице 6 [17, л. 23. 34; 18, л. 11, 16].

Таблица 6 – Титульный этнос в составе занятого сельского населения в 1939 г. (абс. и %)

Пол	Лесное хозяйство	Сельское хозяйство	Промышленность	Строительство	Транспорт и связь	Торговля и общепит	Жилкоммухоз	Госучреждения	Здравоохранение	Просвещение, наука, искусство, печать	Не распределено по отраслям народного хозяйства	ИТОГО:
Гомельская область												
м	2 720	103 211	11 152	6 746	6 122	2 255	310	1 876	480	3 185	2 603	140 660
м	1,9	73,4	7,9	4,8	4,4	1,6	0,2	1,3	0,3	2,3	1,9	100
ж	212	136 980	4 555	432	1 112	769	146	275	971	2 489	444	148 385
ж	0,1	92,3	3,1	0,3	0,7	0,5	0,1	0,2	0,7	1,7	0,3	100
Орловская область												
м	14 125	454 145	43 311	12 046	18 961	13 646	1 062	11 237	1 929	12 495	25 831	608 788
м	2,3	74,6	7,1	2,0	3,1	2,2	0,2	1,9	0,3	2,1	4,2	100
ж	1 401	599 577	26 274	1 873	4 142	4 974	633	2 230	4 000	13 910	2 821	660 835
ж	0,2	90,7	4,0	0,3	0,6	0,7	0,1	0,3	0,6	2,1	0,4	100

Более низкий уровень грамотности и образования сельских женщин, традиционное деление сфер занятости по гендерному признаку обусловили значительное (в 3–4 раза) преобладание мужчин среди служащих села. Вовлечение женщин в овладение мужскими профессиями на селе (трактористы, комбайнеры и др. технические специальности) привело к тому, что женщин-трактористов было примерно столько или даже больше, сколько агрономов и бригадиров полеводческих бригад вместе взятых. Например, в Гомельской области соответственно 174 и 153 женщины, в Орловской – 882 и 903 женщины. В указанных областях агрономов мужчин было в 3–5 раз больше, чем агрономов женщин, а бригадиров полеводческих бригад в 30–40 раз больше мужчин, чем женщин. Зато среди занятых сельскохозяйственным трудом без обозначения специальности (так в документах переписи 1939 г.) женщин было в 2 раза больше, чем мужчин [19, л. 25, 29; 20, л. 25, 28].

Как видно из таблицы 6, несколько отличаются показатели по доле занятых сельских жителей в промышленности и строительстве. Эти отрасли были более развиты в Гомельской и Орловской (особенно г. Брянск) областях. Резких и принципиальных отличий в доле занятости сельских мужчин и женщин в различных отраслях экономики областей пограничья не наблюдалось. Определенная часть сельских жителей стала путем маятниковой суточной миграции работать на предприятиях и стройках в городах. Рост грамотности и образовательного уровня расширил их участие в непроизводственной сфере на селе. Однако пограничье оставалось аграрным регионом и практически все титульное население, особенно женщины, трудились в сельском хозяйстве.

Социальная структура, уровень грамотность и образования сельского населения прогрессивно развивались в 1930-е годы и накануне Второй мировой войны достигли значительных показателей. В годы Великой Отечественной войны этот процесс был прерван. Сельское население и, прежде всего титульные этносы, Гомельской и Орловской областей понесли большие социально-демографические потери, ощутили резкое понижение уровня грамотности и образования, что значительно усложнило восстановление и послевоенное развитие их экономики и культуры.

Источники и литература

1. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 376.
2. РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 317.
3. Старовойтов, М. И. Национальный и социальный состав военнослужащих Белорусского военного округа накануне Второй мировой войны / М. И. Старовойтов // Идеологические аспекты военной безопасности. Научно-практическое приложение к журналу «Армия» Министерства обороны Республики Беларусь. – 2018. – №1. – С. 8–15.
4. РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 376.
5. РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 317.
6. Съезды советов Всероссийские и Союза ССР в постановлениях и резолюциях. – М. : Изд-во «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК, 1935. – 657 с.
7. РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 376.
8. РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 744.
9. Там же.
10. Там же. Д. 317.
11. Там же. Д. 376.
12. Там же. Д. 317.
13. Там же. Д. 376.
14. Там же. Д. 317.
15. Там же. Д. 548.
16. Там же. Д. 489.
17. Там же. Д. 912.
18. Там же. Д. 908.
19. Там же. Д. 376.
20. Там же. Д. 317.

К. Д. Ананька
Гродзенскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Янкі Купалы

ДЗЕЙНАСЦЬ СКАЎЦКІХ АТРАДАЎ У БЕЛАРУСКІХ ГІМНАЗІЯХ МІЖВАЕННАЙ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ

Уключэнне ў 1921 г. заходнебеларускіх зямель у склад польскай дзяржавы абумовіла неабходнасць кансалідацыі беларускіх нацыянальных сіл. Важным элементам у гэтым з'яўлялася адукацыя, адным з пунктаў якой сталі беларускія гімназія, вядомыя ў айчынным гістарычнай навучы як «кузні» нацыянальных кадраў. Важным момантам у выхаваўчай працы ў сценах гімназіі стала арганізацыя скаўцкага руха. У польскіх навучальных установах ужо існавалі свае скаўцкія дружыны – «харцэры», створаныя на ўзору англійскіх «бойскаўтаў». Галоўнымі задачамі перад арганізатарамі гімназічнага скаўцтва з'яўлялася аб'яднанне беларускай моладзі і яе маральнае, патрыятычнае і фізічнае выхаванне.

Тэма дзейнасці скаўтаў у беларускіх гімназіях у рамках даследаванняў беларускіх гісторыкаў У. П. Серпухава [1], У. В. Ляхоўскага [2], А. М. Вабішчэвіча [3], А. Лозкі [4]. Аднак у іх працах звяртаецца ўвага выключна на Віленскую беларускую гімназію. А. Вініцкі лічыў, што ўласны беларускі скаўцкі рух распачаўся ў Нясвіжскай беларускай гімназіі [5]. Пра арганізацыю скаўцкай суполкі ў Радашковіцкай гімназіі і ролі амерыканскіх метадыстаў у гэтым згадваў Ю. Бачышча [6]. У даследванні-ўспамінах былога выпускніка Навагрудскай беларускай гімназіі А. Чэмера (сапр. імя А. Анішчык) вылучаецца высокая цікавасць вучняў да фізічнага выхавання [7]. Асобныя моманты з дзейнасці скаўтаў у беларускіх гімназіях адлюстроўваліся на старонках прэсы – вучнёўскіх часопісах «Маладое жыццё» [8; 9] і «Рунь» [10], грамадска-палітычным і культурным часопісе «Шлях моладзі» [9] і штотыднёвай заходнебеларускай газеце «Беларуская крыніца» [11; 12].

Нягледзячы на тое, што Віленская беларуская гімназія была своеасаблівым метадычным цэнтрам беларускай школьнай адукацыі, першы скаўцкі атрад з'явіўся ў 1920 г. у Гродна намаганнямі настаўніка Гродзенскай беларускай гімназіі У. Курбскага і афіцэра Беларускай вайскавой камісіі Я. Шурпы. Гродзенскія скаўты дзейнічалі пры Гродзенскім гуртку беларускай моладзі. Аднак у 1921 г. у выніку польска-савецкай вайны і непрыхільнасці польскіх уладаў атрад спыніў сваё існаванне [8, с. 11]. Першая ўласная скаўцкая дружына была створана ў 1921 г. настаўнікамі Я. Шнаркевічам і Г. Малойла пры Нясвіжскай беларускай гімназіі, у якую ўваходзілі не толькі вучні дадзенай установы, але і дзеці з бліжэйшых вёсак павета. Адным з кіраўнікоў быў навучэнец гімназіі, беларускі паэт С. Новік-Пяюн [4, с. 20]. Нясвіжскія скаўты ладзілі розныя культурныя мерапрыемствы (канцэрты, спектаклі і г.д.), выкарыстоўвалі для гэтага тэатральную сцэну ў гарадзкой ратушы. Вядома, што на гэтай сцэне скаўтамі чытаўся верш «Не загаснуць зоркі ў небе» Я. Купалы. Дружына праіснавала да закрыцця Нясвіжскай беларускай гімназіі ў 1924 г., пасля чаго ўстанова была перанесена ў Клецк [5, с. 14].

У Віленскай беларускай гімназіі скаўцкі атрад быў створаны дзякуючы ініцыятыве педагогаў А. Луцкевіча, А. Смоліча, Ф. Аляхновіча, М. Гарэцкага [1, с. 32]. Аднак ключавую ролю ў арганізацыі скаўтаў адыграў настаўнік матэматыкі і фізікі С. Рак-Міхайлоўскі. Менавіта ён у кастрычніку 1922 г. пачаў падрыхтоўку да ўтварэння скаўцкага атрада пры гімназіі ў Вільні. У першую чаргу мэтай стварэння было маральнае і патрыятычнае выхаванне хлопцаў. За аснову статута былі ўзятыя перакладзеныя С. Рак-Міхайлоўскім 10 законаў кодэкса маралі, якім павінен быў адпавядаць сапраўдны беларускі скаўт: «1) гаворыць праўду і затрымлівае сваё слова; 2) верны і адданы сваёй радні, свайму народу, бацькаўшчыне і ўладзе і сумленна выконвае свае абавязкі; 3) заўсёды гатовы з ахвотаю

памагчы бліжнім; 4) прыяцель усіх людзей добрай волі і брат кожнага скаўта; 5) чулы, паслужны і абыходзіцца па рыцарскі; 6) любіць прыроду і абараняе яе і цэнныя людзкія творы, прыяцель жывёлы; 7) паслухмяны, слухаецца бацькоў, скаўцкіх старшынь і тых, каму падлягае; 8) заўсёды вясёлы, ласкавы; 9) ашчадны, мае зберажоную ўкладку на чорны дзень; 10) чысты ў думках, словах, учынках» [8, с. 9–10]. Галоўным чынам планавалася стварыць скаўцкую арганізацыю па прыкладзе англійскіх і амерыканскіх “бойскаўтаў”, пры гэтым не такіх мілітарыстычных, як польскія “харцэры”. У выніку пры падтрымцы грамадзкага дзеяча Б. Туронка і вучня 8-га класа А. Прохарава, які пазней ўзначаліў скаўтаў ВБГ, 10 снежня 1922 г. была арганізавана I-я Беларуска-дружына скаўтаў пры Віленскай беларускай гімназіі з 4-х рознаўзроставых атрадаў, аб’яднаўшыя агульна каля 100 сяброў [5, с. 15]. Амаль адразу настаўнікам В. Зеньковічам было ахварывана 100 тыс. польскіх марак на падтрымку ініцыятывы [9, с. 21]. Беларускі настаўнік і педагог Я. Драздовіч, які прыкладна ў гэты час імкнуўся распачаць скаўцкі рух на Дзісеншчыне, прапанаваў уласную назву беларускіх скаўтаў – “спрытгурмісты” (прыкладнае значэнне – «спрытная грамада») [8, с. 11–12; 10, с. 12].

Віленскія скаўты, як іх папярэднікі ў іншых установах, таксама займаліся культурна-асветніцкай справай, дабрачыннасцю на карысць немажых вучняў, арганізавалі канцэртны і спектаклі, удзельнічалі ў спартыўных мерапрыемствах, рабілі захады да выдання ўласнага часопіса. Праводзілі асобныя заняткі, зборы, экскурсіі. Да першай дружыны належаў вучань Б. Каверда, які ў 1923 г. у вучнёўскім часопісе «Рунь» указаў пра створаную гімназічнымі скаўтамі футбольную каманду, дзеля чаго нават быў куплены адпаведны інвентар. Аднак футбольная актыўнасць у ВБГ аказалася не вельмі ўдалая: «Арганізацыя аказалася слабой і хутка развалілася. Футболам цяпер карыстаецца кучка вучняў, каторыя захапілі яго ў рукі свае» [10, с. 10]. У 1923 г. віленскія скаўты, нягледзячы на шырокі энтузіязм, сутыкнуліся з праблемай адсутнасці фінансавання, якога не хапала на набыццё неабходных рэчаў і забеспячэнне формай [2, с. 75]. Да таго ж польскія ўлады забаранілі беларускі скаўтынг, што адвяло яго на некалькі гадоў ў падпольную дзейнасць.

Незаконная праца скаўтаў адразу пасля забароны працягнула сваю дзейнасць пад выглядам выглядам экскурсій пад кіраўніцтвам настаўніка географіі І. Канчэўскага і творчай публікацыйнай дзейнасці ў вучнёўскіх часопісах «Усход», «Зорка», «Рунь» [5, с. 15–16]. Адначасова навучэнцы старэйшых класаў распаўсюджвалі ідэі скаўцкага руху ў сваіх вёсках падчас канікул [3, с. 85]. Пасля 1925 г. і паступовага ўключэння беларускай адукацыі ў палітычны парадак дня Заходняй Беларусі планавалася арганізаваць моладзевое крыло партыі Беларускай сялянска-работніцкай грамады, якая б аб’ядноўвала падлеткаў да 18 гадоў і мела падобную да скаўтаў структуру [5, с. 16]. Але дадзеная ідэя не была рэалізаваная ў сілу татальнага нагляду з боку польскіх уладаў.

У другой палове 1920-х гг. актыўную працу з беларускай моладзю ў Заходняй Беларусі вяла місіянерская місія амерыканскіх метадыстаў. У 1926 г. у жаночым інтэрнаце ВБГ была ўтворана дзявочая скаўцкая суполка «Сёстры вогнішча» пры падтрымцы місіянерак С. Браўн і Броўн. У першую чаргу акцэнт быў зроблены на выхаванне ў пратэстанцкім духу, але ўвага таксама звярталася на фізічнае выхаванне і арганізацыю беларускіх культурна-асветніцкіх мерапрыемстваў [2, с. 76]. Вядома, што 27 сакавіка 1928 г. у «Сёстры вогнішча» ўступілі 20 навучэнцаў гімназіі, а афіцэрамі жаночых скаўтаў сталі амерыканкі С. Браўн і Рамбо. Акрамя ВБГ, дзявочая скаўцкая суполка ўзнікла і ў Радашковіцкай беларускай гімназіі ў лютым 1928 г. У гэты ж час метадысты арганізавалі куратарства некаторых інтэрнатаў. Так, яны фінансава падтрымлівалі два інтэрната пры Клецкай беларускай гімназіі на 48 вучняў [6, с. 194–195]. Дзявочая скаўцкая суполка «Сёстры вогнішча» праіснавала да 1929 г. У выніку сусветнага эканамічнага крызісу амерыканскія пратэстанты згарнулі сваю дзейнасць у Вільні, спыніўшы падтрымку беларускіх скаўтаў [2, с. 76].

У 1928 г. было вырашана развіваць скаўцкі рух у рэчышчы актыўнага фізічнага выхавання. Беларускі вайсковец і грамадзкі дзеяч У. Казлоўскі (псеўд. Казлоўшчык) сканцэнтраванымі вакол вакол сябе групу хлопцаў і дзяўчат навучэнцаў у ВБГ. Ім жа было

падрыхтавана даследванне «Аб фізічным выхаванні беларусаў», у якім падкрэслівалася значнасць скаўтынга і выкарыстанне пры рабоце з ім спартовых і народных гульняў. Далей быў падрыхтаваны статут і гімн, прыдуманы правілы і структура, распрацаваны сімволіка і ўніформа. Новая скаўцкая гімназічная суполка ў Вільні атрымала назву «Гайсак» ад слова гойсаць, што прыкладна азначала гуляць, спаборнічаць. З такой ж назвай была ўтворана вучнёўская футбольная каманда, прымаўшая удзел ў спаборніцтвах супраць іншых школьных каманд. У 1929 г. У. Казлоўскім была пададзена заяўка ў Варшаву з мэтай афіцыйнай рэгістрацыі беларускай моладзевай арганізацыі «Гайсак». Аднак польскія ўлады адмовілі ў гэтым, палічыўшы немэтазгодным яе існаванне. Футбольная каманда яшчэ нядоўгі час удзельнічала ў гарадскіх матчах [2, с. 76; 4, с. 24].

Добрага ўзроўню ў фізічным выхаванні дасягнулі навучэнцы Навагрудскай беларускай гімназіі. Нягледзячы на адсутнасць большасці спартыўных прыладаў, вучні гімназіі актыўна праяўлялі сябе ў лёгкай атлетыцы, валеболе, боксе, лыжным спорце і нават шахматах. Вельмі добра развіваўся вучнёўскі футбол. Вядома, што футбольная каманда гімназіі перамагла каманду гарадзкой паліцыі з трыма забітымі мячамі. У 1927 г. у склад футбольнай каманды НБГ уваходзілі А. Руляк, М. Даманскі, Б. Кіт, С. Муха, Э. Ясюк, А. Вярбіцкі, Я. Гоцка, А. Самковіч, В. Бахар [7, с. 42–43]. На жаль, дакладна не вядома пра існаванне асобнай скаўцкай арганізацыі ў беларускай гімназіі ў Навагрудку.

Грамадска-палітычныя працэсы ў Заходняй Беларусі на рубяжы 1920-х – 1930-х гг. прывялі да закрыцця беларускіх гімназій у Радашковічах, Клецку і Навагрудку. Да таго ж камсамол, якім была ахопленая значная частка беларускай моладзі, негатыўна ставіўся да скаўцкай дзейнасці. Таму скаўты былі не вельмі папулярныя у тэя часы. У 1932 г. Віленская беларуская гімназія стала беларускім філіялам польскай дзяржаўнай гімназіі імя Ю. Славацкага. Гэта сітуацыя таксама абумовіла прыпыненне скаўцкага руху на некаторы час. Новая спроба арганізацыі віленскіх скаўтаў адбылася ў пачатку 1935 г., калі вучні ВБГ намагаліся стварыць аўтаномную юнацкую беларускую дружыну пры Віленскім аддзеле польскіх скаўтаў (Віленская харугва польскіх харцэраў) [13, с. 15]. З гэтай мэтай былі арганізаваны перамовы, у якіх ад беларусаў выступалі браты Л. і К. Паўлі. Галоўнай умовай прызнання стала зацвярджэнне беларускімі скаўтамі статута і галоўных прынцыпаў польскіх «харцэраў». У выніку пры актыўным удзеле вучняў старэйшых класаў Ч. Найдзюка, А. Бразоўскага, Бараноўскай, Громавай, Казлянкі і іншых было ўтворана дзве дружыны – юнацкая імя Ф. Багушэвіча пад кіраўніцтвам настаўніка М. Анцукевіча і дзявочая імя св. Е. Полацкай пад кіраўніцтвам А. Сакаловай-Лекант з некалькімі аддзеламі [2, с. 76; 5, с. 17–18]. Адрозна распачаліся арганізацыйныя мерапрыемствы, распрацаваны ўласная сімволіка і ўніформа, вялася работа над выданнем газеты «Беларускі скаўт». Віленскія скаўты мелі зялёную форму з пагонам на кашулі і аксельбантамі, на шыю замест хусткі апраналі невялікі паясок, у якасці галаўнога ўбору была або пілотка, або шэрая фуражка з трохкутнікам і металічным значком [4, с. 24]. У верасні 1935 г. гімназічныя дружыны прынялі ўдзел у міжнародным Усеславянскім злёце скаўтаў у мястэчку Спала [1, с. 32].

У сярэдзіне 1930-х гг. планавалася ўтварыць масавую беларускую скаўцкую арганізацыю, якая б ахапіла значную частку моладзі Заходняй Беларусі. Аднак фінансавыя становішча, арганізацыйныя рэсурсы і неспрыяльныя адносіны польскай адміністрацыі да беларусаў не давалі магчымасці ажыццявіць гэты праект. У 1936 г. у Вільні быў створаны Гурток прыяцеляў беларускіх скаўтаў. Узначалі гэтую арганізацыю настаўнік каталіцкага Закона Божага ў гімназіі ксёндз С. Глякоўскі, а найбольш вядомымі сябрамі былі ўжо згаданы У. Казлоўскі і У. Найдзюк. Пры гуртку ладзіліся экскурсіі, імпрэзы, спецыяльныя заняткі. Дзякуючы С. Глякоўскаму выдаваўся дзіцячы часопіс «Пралескі», у адным з нумароў якіх апублікаваны маральныя прынцыпы беларускага скаўта: не піць алкагольных напояў, не курыць, дапамагаць слабым, шанаваць прыроду, быць ветлівым і не ўжываць нецэнзурных выразаў [2, с. 76; 4, с. 24]. На сходзе гуртка 14 лютага 1937 г. яго старшынёй быў зноў перабраны С. Глякоўскі [12, с. 3]. Аднак пасля 1937 г. звесткі пра дзейнасць беларускіх скаўтаў у гімназіях губляюцца.

Скаўцкі рух пакінуў значны крок у гісторыі беларускіх гімназій. Арганізатары суполак і гурткоў імкнуліся да аб'яднання моладзі, іх маральнаму і патрыятычнаму выхаванню. Вялікая ўвага надавалася фізічнаму развіццю вучняў. Навучэнцы праяўлялі высокую зацікаўленасць да спартыўных актыўнасцяў, утвараліся каманды па розных відах спорту, прымаўся ўдзел у гарадскіх спаборніцтвах. Арганізацыі скаўтаў трымаліся ў асноўным за кошт плённага энтузіязму навучэнцаў і педагогаў. Аднак гэта патрабавала знешняй падтрымкі, асабліва фінансавай дапамогі. Да таго ж польскія ўлады няўхвальна ставіліся да падобных праектаў, перашкаджаючы большасці пачынанняў.

Крыніцы і літаратура

1. Серпухаў, У. П. Дзейнасць вучнёўскіх гурткоў Віленскай беларускай гімназіі / У. П. Серпухаў // *Веснік Беларускага Дзяржаўнага Універсітэта. Серыя 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права.* – 2007. – № 2. – С. 28–34.
2. Ляхоўскі, У. В. Маладзёвы рух паміж дзвюма войнамі (1921–1939 гг.) / У. В. Ляхоўскі // *Спадчына.* – 2012. – № 161. – С. 3–115.
3. Вабішчэвіч, А. М. Беларускія гімназіі ў культурна-асветніцкім і грамадска-палітычным жыцці Заходняй Беларусі (1920–1930-я гг.) / А. М. Вабішчэвіч // *Białoruskie Zeszyty Historyczne.* – 2002. – № 18. – С. 78–90.
4. Лозка, А. Беларускі скаўтынг / А. Лозка. – Мінск : Польша, 1997. – 188 с.
5. Вініцкі, А. Беларускі скаўтынг / А. Вініцкі // *Запісы БІНІМ.* – 2017. – Т. 39. – С. 14–20.
6. Бачышча, Ю. Дзейнасць царквы мэтадыстаў на ніве беларускага адраджэння ў 20–30-я гг. ХХ ст. / Ю. Бачышча // *Евангельская Царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць : зборнік матэрыялаў Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі.* Мінск, 7 снежня 2013 г. / уклад.: А. І. Бокун [і інш.]. – Мінск : «Пазітыў-цэнтр», 2014. – С. 186–205.
7. Чэмер, А. Наваградская беларуская гімназія / А. Чэмер. – Вільнюс : УАВ «Saverenas», 1997. – 133 с.
8. У. Ш. Кароткая гісторыя, змест і заданні скаўцтва / У. Ш. // *Маладое жыццё.* – 1922. – № 3. – С. 9–11.
9. *Хроніка* // *Маладое жыццё.* – 1923. – № 1. – С. 21–22.
10. Кавэрда, Б. Крыху аб скаўцтве / Б. Кавэрда // *Рунь.* – 1923. – № 3. – С. 7–12.
11. 3 беларускага жыцця. Вечарына ў беларускіх скаўтаў // *Беларуская крыніца.* – 1936. – № 20. – С. 3.
12. 3 беларускага жыцця. Сярод беларускае вучнёўскае моладзі // *Беларуская крыніца.* – 1937. – № 1. – С. 3.
13. *Хроніка. 3 беларускага жыцця. Скаўты ў Беларускай Гімназіі ў Вільні* // *Шлях моладзі.* – 1935. – № 2. – С. 15.

УДК 94:327(476:438)«1931-1939»

В. М. Бароўская
Інстытут гісторыі НАН Беларусі

РАЗВІЦЦЁ ГАНДЛЁВЫХ СУВЯЗЕЙ ПАМІЖ БССР І ПОЛЬШЧАЙ У 1931–1939 ГАДЫ

Працэс арганізацыі і правядзення гандлёвых аперацый паміж БССР і Польшчай у 1930-я гг. вынікаў з агульнай кан'юнктуры на еўрапейскім лясным рынку, знаходзіўся ў прамой залежнасці ад прамысловых і лагістычных магчымасцей. Высокая канкурэнцыя на еўрапейскім рынку патрабавала мадэрнізацыі працэсу прамысловай пераапрацоўкі, пашырэнне таварнага асартыменту. Сярод

асноўных экспартных тавараў, якія настаўляла БССР у Польшчу ў 1931–1939 гг. варта ўзгадаць лясныя матэрыялы (дубовая клепка, фанера, клазетныя накладкі, шпалы), рыззё, рыба, утыль; свіная шчаціна і іншыя сельскагаспадарчыя прадукты.

У гістарыяграфіі пытанне гандлёвых сувязей БССР і Польшчы не становілася самастойным аб'ектам даследаванняў. Першапачатковае асэнсаванне гэтых адбываецца ў рамках публіцыстычных артыкулаў (І. Адамайціс [1], І. Тэумін [2]) і на старонках штогадовых аглядаў дзейнасці Упраўлення ўпаўнаважанага Народнага камісара знешняга гандлю (НКЗГ) РСФСР пры СНК БССР [3]. У савецкай гістарыяграфіі варта вылучыць дысертацыю П. К. Краўчанкі [4], які абыходзіць сваёй увагай пытанне спрэчных моманта паміж Упраўленнем упаўнаважанага НКЗГ РСФСР пры СНК БССР. Сучасная расійская і беларуская гістарыяграфія адзначана распрацоўкамі А. В. Барыкіна [5] і Д. У. Раманоўскага [6]. Адсутнасць прац, прысвечаных непасрэдна вывучэнню знешнеэканамічным адносінам БССР і Польшчы міжваеннага перыяду, наяўнасць дастатковай крыніцавай базы павышае актуальнасць прадстаўленай праблемы. Праблемы эканамічнай гісторыі ў навейшай гістарыяграфіі выклікаюць цікаваць даследчыкаў значна менш, чым гэта было некалькімі дзясяцігоддзямі раней, да пачатку 1980-х гг. Гэта датычыцца і гісторыі эканамічных адносін БССР і Польшчы ў 1930-я гг.

Развіццю двухбаковых гандлёвых зносін перашкаджала адсутнасць адпаведнага гандлёвага дагавора, хоць уплыў гэтага фактару нельга перабольшваць. Асноўнай прычынай адсутнасці пагаднення былі палітычныя супярэчнасці. У час працяглых перагавораў 1923 г., калі аднаўленне гандлю было патрэбным Польшчы, СССР звязваў яго са спыненнем нападаў банд з тэрыторыі Польшчы. Калі ж дагавор набыў вагу для СССР, Польшча абумовіла яго выплатамі золата паводле Рызжскага дагавора [7]. Вынікам перагавораў стала стварэнне ў маі 1925 г. польскага таварыства гандлю з Расіяй «Польрас» і пагадненне гэтага таварыства з Наркаматам знешняга і ўнутранага гандлю СССР ад 20 студзеня 1926 г. аб стварэнні акцыянернага таварыства Саўпольгандаль, якое праіснавала да 1934 г. З СССР вывозілі пераважна сыравіну, прычым яе значную долю – у краіны Заходняй Еўропы [8]. Абедзве краіны некалькі разоў абменьваліся дэлегацыямі прамыслоўцаў [9].

Згодна з «Справаздачай аб выкананні плана здачы на экспарт па БССР за 1932 г.» (упаўнаважанага НКЗГ СССР пры СНК БССР І. І. Фліёра) указвалася, што «справаздачны 1932 г. з'яўляецца чацвёртым заключным годам плана Вялікіх прац – плана першай пяцігодкі. Таму мы лічым неабходным перш за ўсё прыступіць да аналізу вынікаў 1932 г., спыніцца ў агульных рысах на тых асноўных зменах, якія адбыліся ў галіне экспарту БССР за гэты адрэзак часу. Узмоцненыя тэмпы развіцця народнай гаспадаркі ў першай пяцігодцы, поспехі сацыялістычнага будаўніцтва ва ўсіх галінах прамысловасці і сельскай гаспадаркі БССР, паспяховае выкананне плана першай пяцігодкі ў асноўных галінах гаспадаркі стварылі трывалую базу для далейшага развіцця і паглыблення экспарту БССР. Рост экспарту склаў за 1927–1928 гг. – 1932 г. – 74,7 %. У прамысловым экспарце мы маем значны рост лясной групы 239,3 % у адносінах да 1927–1928 гг. галоўным чынам за кошт развіцця экспарту драўніны ў паўпрацаваным і апрацаваным выглядзе (піламатэрыялы, дзверы, фанера і г. д.)» [10, арк. 2]. Частку сыравіны нарыхтоўвалі ў БССР.

Калі сельскагаспадарчы экспарт у 1927–1928 гг. займаў 56,6 % агульнага экспарту, то яго долевы ўдзел у 1932 г. панізіўся да 38,6 %. Наадварот прамысловы экспарт павялічыў сваю ўдзельную вагу да 61,4 % замест 43,4 % у 1927–1928 гг. Рост долевага ўдзелу сельскагаспадарчага экспарту за апошнія гады 1920-х гг. у параўнанні з 1930 г. тлумачыцца ўвядзеннем новага артыкула – ільна часанага і ачосаў, якія вывозіліся ў перапрацаваным выглядзе з БССР. Група жывёлагадоўлі і птушкагадоўлі захоўваючы свой колькасны экспарт дае паніжэнне сваёй удзельнай вагі ў сувязі са значным ростам іншых галін нашага экспарту. У групе прамысловага экспарту назіраецца рост долевага ўдзелу лесаэкспарту, які ў апошнія гады праяўляе тэндэнцыю некаторага паніжэння, як за кошт выцяснення шэрагу асартымента круглага лесу, таксама цвёрдых і каштоўных парод не ў перапрацаваным выглядзе.

Сярод асноўных экспартных тавараў, якія пастаўляла БССР у Польшчу ў 1931–1939 гг. варта ўзгадаць лясныя матэрыялы (дубовая клепка, фанера, клазетныя накладкі, шпалы), рыззё, рыба і ракі, утыль; бітыя гусі, свіная шчаціна і іншыя сельскагаспадарчыя прадукты. Працэс арганізацыі і правядзення лясных экспартных аперацый паміж БССР і Польшчай у 1930-я гг. вынікаў з агульнай кан’юнктуры на еўрапейскім лясным рынку, знаходзіліся ў прамой залежнасці ад прамысловых і лагістычных магчымасцей БССР. Высокая канкурэнцыя на еўрапейскім рынку патрабавала мадэрнізацыі працэсу прамысловай пераапрацоўкі, пашырэння таварнага асартыменту. Акрамя гэтага прымушала беларускае савецкае кіраўніцтва імкнуцца да ліквідацыі ўсялякіх транспартных затрымак і паставак недобраякаснай прадукцыі з-за падзення ўнутранай матывацыі і паніжэння дысцыпліны сярод працаўнікоў лесапераапрацоўчых прадпрыемстваў.

Згодна з пратаколам сходу экспартнай ячэйкі пры «Белрыбе» ў маі 1931 г. азначалася, што «да гэтага часу справы па экспарту рыбы былі зусім апатычныя, наогул дрэнныя адносіны, так: пры адпраўках рыбы неўважліва пакуецца без належнай разборкі, адпраўка робіцца не ў стандартных скрынях, а ў першых, што трапілі пад руку скрынях з розным весам нета. У красавіку з Полаччыны рыба адпраўлялася на экспарт без ільда. У тэлеграмах аб адгрузцы часта не ўказваліся ўсе неабходныя звесткі, чым затрымлівалася складанне экспартных дакументаў. У інструкцыях па адпраўцы рыбы на экспарт, складзенай Белрыбай па ўзгадненні з Белрыбаксаюзам указана: а) рыбу адпраўляць у стандартных скрынях ёмістасцю на 80 кг нета: б) адпраўку рабіць з Магілёўскага, Гомельскага, Бабруйскага, Мінскага і Барысаўскага ўчасткаў у Варшаву, а ўсіх астатніх участкаў у Лодзь. На першы квартал 1931 г. на экспарт у Польшчу было накіравана рыбы ад Полацкага ўчастка 46,4 ц., Мазырскага – 15 ц., Гомельскага – 6 ц., а ўсяго – 67,4 ці 7,4 % квартальнага плану. Ад Аршанскага, Віцебскага і Бабруйскага рыбучасткаў паступлення рыбы на экспарт зусім не было. У лісце ж ад 30 красавіка 1931 г. на імя рыбучасткаў Белрыбаксаюз даў указанне адпраўкі рабіць па чарзе ў Варшаву і Лодзь і ў скрынях з аднолькавай вагой – па 8-м 100 кг. » [11, арк. 387]. Згодна са справаздачай «Розна-экспарту» за лістапад 1930 г. у Польшчу былі накіраваны: ўтыль (экспарт па ўтылю за лістапад 1930 г. склаў (у тыс. руб. па коштам «фоб»), рыззё – 3,2 (пры гэтым за кастрычнік 1930 г. – 8,1, (60,5 %) [12, арк. 120].

31 студзеня 1926 г. была адкрыта польска-савецкая гандлёвая палата ў Варшаве. 1 лютага 1926 г. Камісія па замежных справах пры ЦК КП (б)Б узяло пытанне аб уключэнні прадстаўніка БССР у дэлегацыю па адкрыцці савецка-польскай гандлёвай палаты, у тым ліку ўпаўнаважаны НКЗС СССР пры СНК БССР С. Л. Казюра павінен быў дабівацца беларускага ўдзелу ў працы органаў і нарадаў, якія займаюцца пытаннямі заключэння савецка-польскага гандлёвага дагавора. Аднак беларускі прадстаўнік так і не быў дапушчаны да гэтай працы [13, с. 204].

У красавіку 1933 г. пачаліся перагаворы паміж гандлёвымі коламі Польшчы (Ю. Зябіцкі, галоўны дырэктар «Саўпольгандлю», С. Яблонскі, дырэктар Гандлёвай палаты Польшчы і СССР) і СССР (І. У. Боеў, намеснік народнага камісара знешняга гандлю СССР, А. М. Тамарын, член Калегіі НКЗГ СССР) аб заключэнні спецыяльнай дамовы аб сплаве лясных матэрыялаў па памежных рэках. У выніку 19 чэрвеня 1933 г. была заключана адпаведная канвенцыя [14, с. 39]. 27 верасня 1933 г. яна была ратыфікавана ЦВК СССР, 5 сакавіка 1934 г. – польскім урадам. Абмен ратыфікацыйнымі граматамі адбыўся ў Маскве 5 чэрвеня 1934 г. Пастановы канвенцыі былі датэрмінова ўведзены ў дзеянне згодна з абменам нотаў паміж паўнамоцным прадстаўніцтвам СССР у Польшчы і міністрам замежных спраў Польшчы ад 19 чэрвеня 1933 г. 9 ліпеня 1933 г. быў падпісаны адпаведны пратакол. Устанаўлівалася, што «дзяржаўныя прадпрыемствы, таварыствы і грамадзяне кожнага з бакоў маюць права сплаву дясных матэрыялаў па ўчастку рэк Дзвіна, Вілія, Дзвінаса, Ілія, Морач, Случ, Ствіга». Пры гэтым абгаворвалася, што «ў выпадку жадання аднаго з бакоў ажыццяўляць сплаў па іншым рэкам, якія складаюць дзяржаўную мяжу паміж СССР і Польшчай, пытанне павінна вырашацца дыпламатычным шляхам»

[15, с. 214–218]. Не прадугледжвалася за карыстанне воднымі шляхамі якой-небудзь платы. Канвенцыя і дадатковы пратакол утрымлівалі асноўныя правілы, якія рэгулявалі сплаў лясных матэрыялаў, працу па ачыстцы пагранічных участкаў рэк, з мэтай паляпшэння ўмоў сплаву, а таксама ўзвядзенні розных гідратэхнічных збудаванняў (плацін, дамб). Былі заключаны тэрмінам на 5 гадоў з магчымасцю працягу іх тэрміна дзеяння. 3 студзеня 1939 г. часовы павераны ў справах Польшчы ў СССР Т. Янкоўскі ў размове з намеснікам Заходняга аддзела НКЗС СССР Г.Я. Бежанавым узяў пытанне аб унясенні пэўных змен у тэкст канвенцыі і пратакола аб сплаве на памежных рэках. Планавалася пачаць двухбаковыя савецка-польскія перагаворы па гэтым пытанні [14, с. 11–12].

9 кастрычніка 1933 г. было заключана «Мытная дамова паміж СССР і Польскай Рэспублікай» у форме абмена нотамі паміж міністрам замежных спраў Польшчы Ю. Бэкам і паўнамоцным прадстаўніком СССР у Польшчы У. А. Антонавым-Аўсеенкам. У выніку быў складзены спіс тавараў, для якіх урад Польшчы прызнае мытныя сніжкі на перыяд да 31 сакавіка 1934 г. Таксама ўрад Польшчы заяўляў, што польская тытунёвая манаполія закупіць савецкі тытунь-сырэц у неабходным ёй аб'ёме [16, с. 97–98]. Мытная дамова была працягнута 22 чэрвеня 1934 г. у форме абмена нотамі паміж Я. Шэмбекам, віцэ-міністрам замежных спраў Польшчы, і Я. Х. Даўцянам, паўнамоцным прадстаўніком СССР у Польшчы, тэрмінам да 31 снежня 1934 г. Гэтая дамова працягвалася штогод (у лістапад 1936 г., снежань 1937 г.).

Польшча з'яўлялася важным гандлёвым партнёрам СССР. Па даных савецкай статыстыкі ў 1935 г. СССР экспарціраваў у Польшчу тавараў на 3,6 млн. рублей, імпарціраваў з Польшчы на 2,6 млн. рублей, тым самым некалькі сбалансаваўшы вынікі гандлёвага абарота з Польшчай у 1934 г., так як тады было ўвезена з Польшчы тавараў на 1,6 млн. рублей болей, чым было вывезена [16, с. 288]. У лютым 1936 г. была заключана дамова аб пастаўках вырабаў металургічнай прамысловасці на 4 млн. злотых з правам аптацыі на далейшыя заказы на такую ж суму. На аснове гэтай дамовы «Саюзметімарт» заказаў на польскіх заводах металічных вырабаў у колькасці 6 тыс. тон на суму 1,5 млн. злотых [14, с. 291]. Урад СССР надаваў вялікае значэнне пашырэнню польска-савецкага тавараабмену. У размове з намеснікам дырэктара палітычнага дэпартамента МЗС Польшчы Т. Кабылянскім 10 снежня 1937 г. павераны ў справах СССР у Польшчы Б. Д. Вінаградаў падкрэсліваў, што, так як таварныя кантынгентны, узгодненыя паміж савецкім гандлёвым прадстаўніцтвам у Варшаве і міністэрствам прамысловасці і гандлю Польшчы, якія «датычацца яшчэ цяжкага года, савецкі бок хацеў б ажыццявіць абмен нотамі ў бліжэйшыя дні» [17, к. 40].

16–19 снежня 1938 г. пачаліся савецка-польскія гандлёвыя перагаворы паміж народным камісарам знешняга гандлю СССР А. І. Мікаеянам і дырэктарам гандлёва-палітычнага дэпартамента Міністэрства прамысловасці і гандлю Польшчы Т. Лыхоўскім. Было вырашана акрамя пашырэння двухбаковага таваразварота да 140–160 млн. злотых у год, аб пачатку перагавораў па заключэнні дагавора ў студзені 1939 г. на прынцыпах найбольшага спрыяння ў адносінах да мытных пошлін і іншых пытанняў гандлю, адпаведнасць увоза і вываза тавараў з адной краіны ў іншую пры дапамозе клірыngu [16, с. 374].

Гандлёвы ж дагавор СССР з Польшчай быў заключаны толькі 19 лютага 1939 г. У той жа дзень быў падпісаны «Дамова паміж СССР і Польшчай аб таваразвароце» і «Савецка-польская дамова аб клірыngu». Ратыфікацыя гандлёвага дагавора паміж СССР і Польшчай і «Дамова аб прававым становішчы гандлёвага прадстаўніцтва СССР у Польшчы» адбылася 1 чэрвеня 1939 г. Польскі сейм ратыфікаваў гэтыя дамовы 16 мая, а сенат – 31 мая 1939 г. [14, с. 38]. Прадугледжвалася ўсталяванне «рэжыму нацыі найбольшага спрыяння» на мытныя пошліны, надбаўкі, у тым ліку ўмовы плацяжу, памяшканні тавараў у складах, карыстанне мытнымі складамі, нарміравання прыбытця і знаходжання тавараў у партах, мытных і публічных складах і выбытцё з іх; спосабы праверкі і аналізу тавараў, умовы допуску ўвоза тавараў ці выкарыстання да іх ільгот па мытным абкладанні ў залежнасці ад складу тавару, ступені яго чысціні, яго санітарных якасцей і г. д.

Шляхам сумесных савецка-польскіх перагавораў была выпрацавана і прынята «Інструкцыя аб парадку суправаджэння пасведчанняў аб паходжанні тавараў, якія экспарціруюцца ў Польшчу», зацверджанай 27 студзеня 1932 г. У ёй указвалася, што «ўсе тавары пры ўвозе ў Польшчу павінны суправаджацца пасведчаннямі аб паходжанні, легалізаванымі польскім консульствам у СССР». Пры гэтым пасведчанні аб паходжанні выпісваліся самімі экспартнымі аб'яднаннямі ад свайго імя (за сваім подпісам і пячаткай), прадстаўляліся на афармленне ва Усесаюзна-Заходнюю гандлёвую палату ці яе аддзяленне і легалізаваліся ў польскім консульстве. Пры гэтым польскія консулы, згодна з дзейнічаючым заканадаўствам Польшчы, абавязаны правяраць тэкст пасведчанняў аб паходжанні, сапраўднасць подпісаў, паходжанне тавараў. За выкананнем гэтага неабходна сачыць самім экспартным аб'яднанням і ў неабходных выпадках патрабаваць ад консульства запэўнівання дакумента. Пасведчанні аб паходжанні павінны былі загадзя прадстаўляцца польскаму консульству на легалізацыю, перад гэтым атрымаўшы візіраванне ва Усесаюзна-Заходняй гандлёвай палаце ці яе аддзяленні. Экспартным аб'яднанням СССР належыла, як правіла, запэўніваць пасведчанні ў Народным камісарыяце замежных спраў і яго мясцовых органах (упаўнаважаных ці агентаў) [18, арк. 152].

Складанасці палітычнага парадку, якія вынікалі з адсутнасці гандлёвага дагавора паміж СССР і Польшчай, заключэнне якога прадугледжвалася ўмовамі Рыжскага мірнага дагавора, цяжкасці пры транспарціроўцы лясных матэрыялаў водным шляхам (па рэках Нёман, Случ, Морач і інш.) накладвалі свой адбітак на спецыфіку арганізацыі экспартных аперацый, аднак не з'яўляліся галоўнымі. Галоўнай асаблівасцю экспартна-імпартных сувязей паміж БССР і Польшчай у 1930-я гг., у адрозненні ад 1920-х гг., з'яўлялася больш шырокая таварная намякатура за кошт апрацаваных сельскагаспадарчых і лясных матэрыялаў. З-за адсутнасці гандлёвага дагавора бакі імкнуліся заключаць часовыя дагаворы, якія рэгламентавалі гандлёвыя аперацыі па пэўнай намякатуры тавараў.

Крыніцы і літаратура

1. Адамайтис, И. Наш экспорт и внешний рынок (По материалам заграничной командировки) / И. Адамайтис // Савецкае будаўніцтва. – 1928. – № 5. – С. 2–5.
2. Теумин, И. Объединение Западной области с точки зрения внешней торговли / И. Теумин // Народное хозяйство Белоруссии. – 1922. – № 2–3. – С. 42–47.
3. Внешняя торговля Белоруссии в 1923–1924 хоз. году: Очерк деятельности Управления уполномоченного Наркомвнешторга при СНК БССР и Государственной экспортно-импортной конторы «Госторгбел». – Минск : б. изд., 1925. – 74 с.
4. Кравченко, П. К. Экономические и культурные связи БССР с зарубежными странами (1921–1932 гг.): автореферат дисс. канд. ист. наук / П. К. Кравченко. – Минск : Изд. БГУ, 1976. – 31 с.
5. Барынкин, А. В. Польша во внешнеполитической стратегии Советской России (1918–1919 гг.) : автореферат на дис... соиск ст. канд. ист. наук: 07.00.15 / А. В. Барынкин. – Санкт–Петербург, 2013. – 54 с.
6. Романовский, Д. В. Внешнеэкономические связи БССР с зарубежными странами (на примере работы Госторгбела в 1922–1931 гг.): автореф. дисс. на соиск. ст. канд. ист. наук: 07.00.02 / Д. В. Романовский. – Минск, 2003. – 37 с.
7. Olszanski, P. N. Starania rządu Radzieckiego o wznowienie stosunkow gospodarczych z Polska w 1923 r. / P. N. Olszanski // Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich. Studia i materiały. – 1975. – Т. XI–XII. – S. 112.
8. Лечик, М. Торгово-экономические отношения между Польшей и СССР / М. Лечик // Очерки истории советско–польских отношений. 1917–1977. – М. : Наука, 1979.
9. Савецкае будаўніцтва. – 1927. – № 7–8. – С. 177.
10. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 5545.

11. НАРБ. – Ф. 126. Воп. 1. Спр. 211.
12. НАРБ. – Ф. 126. Воп. 1. Спр. 184.
13. Знешняя палітыка Беларусі. Зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 10 т. – Мінск : б. выд., 1999. – Т. 2 : 1923–1927 гг. 461 с.
14. Документы и материалы по истории советско-польских отношений : в 14 т. – М. : Издательство «Наука», 1973. – Т. 7: 1939–1943. – 514 с.
15. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. – 1934. Отдел II. – № 15.
16. Документы и материалы по истории советско-польских отношений : в 14 т. – М. Издательство «Наука», 1969. – Т. 6: 1933–1938 гг. – 434 с.
17. Archiwum akt nowych (AAN). MSZ. – Sygn. 3. K. 40.
18. НАРБ. – Ф. 126. Воп. 1. Спр. 187.

УДК 94:368.942(476-15)«1933-1939»

В. С. Ананька
Гродзенскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Янкі Купалы

АСАБЛІВАСЦІ МЕДЫЦЫНСКАГА СТРАХАВАННЯ НА ТЭРЫТОРЫ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1933–1939 ГАДЫ)

У міжваенны перыяд «касы хворых» (бальнічныя касы) у Польшчы былі ўстановамі, якія стварылі першую агульнанацыянальную сістэму сацыяльнага страхавання. Аднак законам ад 28 сакавіка 1933 г. яны ліквідаваліся і замест «кас хворых» ствараліся новыя ўстановы сацыяльнага страхавання, структура і функцыі якіх значна пашырыліся. Закон прадугледжваў стварэнне адзінай для ўсёй краіны сістэмы страхавых устаноў пры адыходзе ад інстытута бальнічных кас. Новыя ўстановы ініцыявалі шэраг мерапрыемстваў, якія часткова палепшылі медыцынскае абслугоўванне ў Заходняй Беларусі.

Тэма сацыяльнага страхавання насельніцтва Заходняй Беларусі міжваеннага перыяду не атрымала шырокага адлюстравання ў айчынай гістарыяграфіі. У некаторай ступені дадзеную праблему закрануў Я. М. Цішчанка [1; 2], які выдзяліў два этапы ў гісторыі страхавой медыцыны Заходняй Беларусі. У сваім даследаванні аўтар вызначае асноўныя напрамкі іх дзейнасці, спецыфіку і структуру. Пытанню медыцынскага страхавання ўдзяляецца ўвага ў працы А. А. Капліева [3], якім падкрэсліваецца нешматлікая колькасць арганізацый і застрахованых асоб. Польскімі даследчыкамі [4; 5; 6] у рамках вывучэння страхавання міжваеннай Польшы часткова закранаецца і Заходняя Беларусь.

Асаблівасцю арганізацыі медыцынскай дапамогі насельніцтву на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд з'яўляецца наяўнасць страхавой медыцыны, у існаванні якой можна выдзеліць два этапы: першы (1924–1933 гг.) – этап бальнічных кас, другі (1934–1939 гг.) – этап грамадскіх страхавых устаноў [2, с. 60].

Юрыдычная дзейнасць страхавых арганізацый ў Другой Польскай Рэспубліцы пачынаецца з 19 мая 1920 г., калі быў прыняты закон аб абавязковым страхаванні на выпадак хваробы [1, с. 108]. Арганізацыйнымі адзінкамі страхавання сталі бальнічныя касы («касы хворых»). Рэарганізацыя структуры кас была аб'яўлена 29 лістапада 1930 г. і пачалася рэалізоўвацца з выданнем пастановы міністра працы і сацыяльнай апекі ад 28 верасня 1931 г., якая вызначыла тэрытарыяльны ахоп бальнічных кас [4, с. 149]. Усе «касы хворых» аб'ядноўваліся ў «Адзіны саюз бальнічных кас» з цэнтрам ў Варшаве [7, с. 1054]. Для кожнага павета стваралася адна каса з такім разлікам, каб колькасць

абавязкова застрахаваных асоб складала не менш за 10 000. Але ў Віленскім, Навагрудскім, Палескім, Беластоцкім ваяводствах іх колькасць магла быць скарачана да 5 тыс., а тэрыторыя, якая належала бальнічным касам, павялічана [7, s. 1047]. Павятовыя аб'яднанні «кас хворых» падлягаліся ліквідацыі, а ўся іх маёмасць, абавязкі і даўгі перайшлі да новых устаноў [8, s. 1969]. Такім чынам, тэрыторыя, на якую распаўсюджвалася дзейнасць адной «касы хворых», значна пашырылася (табліца 1).

Табліца 1 – Спіс рэарганізаваных і ліквідаваных бальнічных кас на тэрыторыі Заходняй Беларусі [9, s. 1543–1546]

Рэарганізаваныя «касы хворых»		Населеныя пункты, у якіх «касы хворых» былі ліквідаваныя
Горад	Тэрытарыяльны ахоп (паветы)	
Баранавічы	Баранавіцкі, Слоніўскі, Стаўпецкі, Нясвіжскі	Драгічын, Кобрын, Косава, Лунінец, Маладзечна, Нясвіж, Навагрудак, Ашмяны, Пружаны, Слоніў, Валкавыск, Валожын.
Беласток	Беластоцкі, Высока-Мазавецкі, Валкавыскі	
Брэст	Брэсцкі, Пружанскі, Косоўскі, Кобрынскі	
Гродна	Гродзенскі, Сакольскі, Аўгустоўскі, Сувальскі	
Ліда	Лідскі, Навагрудскі, Шчучынскі, Валожынскі	
Пінск	Пінскі, Драгічынскі, Лунінецкі, Столінскі	
Вільня	Віленска-Троцкі, Свяцянскі, Браслаўскі, Дзісенскі, Пастаўскі, Вілейскі, Маладзечынскі, Ашмянскі	

Прымаючы на сябе паўнамоцтвы ліквідуемых устаноў, «Адзіны саюз бальнічных кас» абавязаны быў цесна супрацоўнічаць з галоўнымі лекарамі па пытаннях лячэння і прафілактыкі. Цэнтралізацыя павінна была прывесці да эканоміі ў адміністрацыйным апарате і паменшыць адрозненні ў арганізацыі і даступнасці дапамогі у страхаванні на выпадак хваробы. Папраўкі да Закона 1920 г. аб абавязковым страхаванні спрасцілі адміністрацыйную дзейнасць кас, абмежаваўшы прынцып самакіравання і павялічыўшы дзяржаўны нагляд за аховай здароўя [4, s. 150].

Асноўнай перадумовай гэтых мерапрыемстваў стала стварэнне ўмоў для належнага ўмацавання сацыяльнага страхавання. Нягледзячы на змены, усё яшчэ існавала некалькі відаў страхавання, кожны з якіх меў асобныя прававыя асаблівасці арганізацыі [6]. Гэта разнастайнасць была стомнай і дарагой для дзяржавы.

Закон аб ліквідацыі «кас хворых» выйшаў 28 сакавіка 1933 г. і пачаў юрыдычную дзейнасць 1 студзеня 1934 г. Бальнічныя касы пераўтвараліся ў новыя ўстановы сацыяльнага страхавання, структура і функцыі якіх значна пашырыліся [2, с. 60; 10, s. 903]. Яны, як і касы, былі самастойнымі арганізацыйнымі адзінкамі, памер якіх залежаў ад колькасці застрахаваных асоб, якія пражываюць у гэтай галіне. Тыя ўстановы, якія былі створаны ў 1931 г., па сутнасці захавалі тэрытарыяльную цэласнасць і працягнулі сваю дзейнасць [11, s. 2091–2096].

Закон ад 28 сакавіка 1933 г. «Аб сацыяльным забеспячэнні», у параўнанні з папярэднім законам ад 19 мая 1920 г. «Аб абавязковым страхаванні на выпадак хваробы», выключыў сельскагаспадарчых рабочых з прымусовага страхавання, што спрыяла свядомаму скарачэнню землеўладальнікамі выдаткаў на медыцынскую дапамогу на 20 % у параўнанні з сумамі, якія вылучаліся на яе да 1933 г. На практыцы закон пазбавіў сельскагаспадарчых рабочых магчымасці лячэння. Лекарскія заяўлялі, што дадзенае страхаванне стала фікцыяй [5, s. 76–77].

Асноўную ролю ў ажыццяўленні пераходу ад бальнічных кас адыгрываў пастулат арганізацыйнай кансалідацыі, які прадугледжваў стварэнне адзінай для ўсёй краіны структуры страхавых устаноў [4, s. 150]. Таму закон быў названы аб'яднаным і ўключаў у сабе наступныя віды страхавання: на выпадак хваробы і мацярынства, ад няшчасных выпадкаў на вытворчасці і прафесійных захворванняў, на выпадак інваліднасці, старасці і смерці, а таксама пенсійнае страхаванне рабочых [6].

Закон аб страхаванні даваў права ўрачам страхавой кампаніі ажыццяўляць выдачу некаторых лекаў, абходзячы аптэкі. Выдаваць маглі і правізары або дапаможны медыцынскі персанал, але адказнай асобай з'яўляўся ўрач. Лекавыя сродкі, якія знаходзіліся ў пунктах выдачы пацыентам, захоўваліся ў спецыяльна адведзеных для гэтага шафах [12, s. 2058]. Узаемаадносінны і супрацоўніцтва дзяржаўных бальніц з устаноўмі сацыяльнага і медыцынскага страхавання таксама вызначаліся законам. Бясплатную дапамогу ў шпіталі пацыент мог атрымаць толькі маючы прадпісанне страхавой установы або ў выпадку, калі прамаруджванне з размяшчэннем хворага ў стацыянар магло б стварыць пагрозу яго жыцця або сур'ёзнае пагаршэнне працякання захворвання. У шпіталізацыі маглі адмовіць толькі ў выключных выпадках: калі пацыент не падыходзіць для дадзенай бальніцы або пры адсутнасці месца [13, s. 2061].

Новыя змены адбыліся ўжо ў 1934 г., калі пастановай ад 24 кастрычніка 1934 г. быў створаны цэнтральны орган – Установа сацыяльнага страхавання. У арганізацыі сацыяльнага забеспячэння адбыўся працэс цэнтралізацыі, у выніку чаго ў аснову сістэмы ляглі ўстановы, размешчаныя на двух узроўнях: вышэйшая – установа сацыяльнага страхавання са статусам цэнтральнага органа, а арганамі ніжэйшага ўзроўню былі страхавыя кампаніі, якія акрамя новых задач ўзялі на сябе функцыі былых бальнічных кас. Праявай да цэнтралізацыі стала пашырэнне паўнамоцтваў міністра сацыяльнага забеспячэння ў адносінах да страхавых устаноў [4, s. 151]. Асноўным элементам стала ўведзенне сістэмы сямейнага лекара, што звязвалася з неабходнасцю паляпшэння якасці медыцынскай дапамогі і павышэння прафесійнай кваліфікацыі ўрачоў. Змены дыктаваліся імкненнем да стандартызацыі гэтай формы лячэння на тэрыторыі Польшкай дзяржавы. Адметнай рысай стала адсутнасць пасрэдніцтва чыноўнікаў у працэсе прыёму да лекара, як гэта было раней [5, s. 85].

Новыя страхавыя ўстановы ініцыявалі шэраг мерапрыемстваў, якія павінны былі палепшыць медыцынскае абслугоўванне ў Заходняй Беларусі. На тэрыторыі Заходняй Беларусі інстытут сямейнага ўрача як каардынатора пры аказанні агульнай, спецыялізаванай і бальнічнай дапамогі фарміруецца з 1936 г. Так у Гродне ўведзена 5 сямейных медыцынскіх акруж, у Баранавічах – 3, у Пінску – 3, у Лідзе – 2. Акрамя гэтага, страхавыя ўстановы адкрывалі медыцынскія пункты, фізіятэрапеўтычныя кабінеты. Паступова павялічвалася колькасць працаўладкаваных урачоў (Гродзенскай страхавой установай у 1925 годзе – 14, а у 1936 годзе 31), урачоў–спецыялістаў і дантыстаў (Пінскай страхавой установай у 1930 годзе – адпаведна 6 і 3, у 1936 годзе 8 і 6). У 1936 годзе ў Баранавіцкай і Пінскай страхавых установах з'явіліся першыя санітарныя кантралёры вытворчых умоў. Нягледзячы на гэтыя станоўчыя моманты, было шмат недахопаў: адсутнасць уласных бальніц, цэнтраў здароўя, нязначнае фінансаванне санітарна-папярэдзальных мерапрыемстваў, недастаткова ахоп страхаваннем, невялікая колькасць гадзін урачэбных прыёмаў [2, с. 60].

Змены адбыліся ў страхавым фінансаванні. За выплату ўсіх узносаў, якія ўтрымліваліся з заробатнай платы работніка, прадаўжаў адказваць працадаўца. Ён цалкам плаціў унёскі на медыцынскае і пенсійнае страхаванне за работнікаў, якія не атрымлівалі ніякай заробатнай платы або працавалі толькі ў абмен на ўтрыманне, а таксама за работнікаў, у якіх штодзённы заробак не перавышаў 2 зл., а на тэрыторыі Віленскага, Навагрудскага, Палескага ваяводстваў (за выключэннем гарадоў з насельніцтвам больш за 50 тысяч жыхароў) – 1,50 зл. за дзень [6]. Памер узносаў паменшыўся з 6,5 % да 4,6–5 % ад заробку. Прыкладны расход сродкаў быў наступны: 21,4 % – на ўрачэбную дапамогу, 15,4 % – на шпітальнае лячэнне, 10,1 % – на лекі, 7,6 % – на выплату дапамогі пры хваробе, 4,5 % – на

санітарна-супрацьэпідэмічныя мерапрыемствы [2, с. 60]. Адмоўным момантам у новай сістэме страхавання стала скарачэнне дапамогі па хваробе і для жанчын, якія нарадзілі дзіця. Тэрмін выплаты быў паменшаны з 39 да 26 тыдняў [6].

Аднак сацыяльнае страхаванне забяспечвала медыцынскай дапамогай невялікую колькасць насельніцтва. У 1936 г. у Беластоцкай страхавой установе налічвалася 29 103 чалавек. У 1937/1938 г. ад агульнай колькасці насельніцтва ў Палескім ваяводстве налічвалася 3,78 % застрахованых, у Віленскім – 3,52 % [3, с. 33–34].

Закон быў прыняты і ўступіў у сілу ў разгар «Вялікай дэпрэсіі», а таксама стаў вынікам палітыкі ўрада па аднаўленні эканомікі. У сваім даследаванні польскі гісторык А. Яраш-Нойшаўская падкрэслівала, што гэта была саступка прамыслоўцам і землеўладальнікам і таму выклікала пратэсты рабочых і ажыўленыя дыскусіі на старонках эканамічнай прэсы. Перыяд эканамічнага калапсу, у час якога ўносіліся змены, прывёў да таго, што ўся рэформа сістэмы страхавання праходзіла пад дыктоўку эканоміі [6].

Такім чынам, у пачатку 1930-х гадоў пачаўся працэс пераходу ад разрозненнай сістэмы страхавання, які ўключаў у тым ліку і бальнічныя касы, да арганізацыйнай кансалідацыі, які прадугледжваў стварэнне адзінай для ўсёй краіны структуры страхавых устаноў. Па сутнасці, існаванне «кас хворых» стала першым этапам ў фарміраванні грамадскіх страхавых устаноў на тэрыторыі Заходняй Беларусі, якія стварылі агульнанацыянальную сістэму сацыяльнага страхавання. Законам ад 28 сакавіка 1933 г. ствараліся новыя ўстановы сацыяльнага страхавання, структура і функцыі якіх значна пашырыліся. Яны ініцыравалі шэраг мерапрыемстваў, якія часткова палепшылі медыцынскае абслугоўванне ў Заходняй Беларусі. Аднак назапашаны своеасаблівы досвед страхавой медыцыны заставаўся не запатрабаваным сярод насельніцтва з-за высокага кошту.

Крыніцы і літаратура

1. Тищенко, Е. М. Из истории страховой медицины в западных областях Беларуси / Е. М. Тищенко, Г. Д. Стасюкевич, В. В. Ерчик // Бюллетень научно-исследовательского института социальной гигиены, экономики и управления здравоохранением им. Н. А. Семашко. – 1994. – Вып. 1. – С. 108–109.
2. Тищенко, Е. М. Страховая медицина в Западной Белоруссии в межвоенный период (1921–1939 гг.) / Е. М. Тищенко, С. Н. Гриб // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2005. – № 4. – С. 59–60.
3. Капліеў, А. А. Асаблівасці аховы здароўя Заходняй Беларусі ў складзе Другой Рэчы Паспалітай (1921–1939 гг.) / А. А. Капліеў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2020. – № 8. – С. 29–37.
4. Chałupczak, G. Kasy chorych w systemie ochrony zdrowia w Polsce / G. Chałupczak // Facta Simonidis. – 2008. – № 1. – S. 141–161.
5. Jach–Męczekalska, I. Prawne aspekty transformacji systemu ochrony zdrowia w Polsce po 1989 roku Interdyscyplinarne studium z zakresu nauk o zdrowiu i nauk prawnych: praca doktorska / I. Jach–Męczekalska. – Poznań : b. w., 2016. – 269 л.
6. Jarosz–Nojszewska, A. Ubezpieczenia robotnicze w Polsce w latach 1918 – 1939 // SGH. – Режим доступа: <https://cor.sgh.waw.pl/handle/20.500.12182/648>. – Дата доступа: 28.02.2024.
7. Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 29 listopada 1930 r. o organizacji i funkcjonowaniu instytucji ubezpieczeń społecznych // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1930. – № 81. – Poz. 635. – S. 1047–1061.
8. Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 27 października 1932 r. w sprawie zmiany rozporządzenia Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 29 listopada 1930 r. o organizacji i funkcjonowaniu instytucji ubezpieczeń społecznych // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1932. – № 94. – Poz. 814. – S. 1967–1969.

9. Rozporządzenie Ministra Pracy i Opieki Społecznej z dnia 28 września 1931 r. w sprawie reorganizacji kas chorych // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1931. – № 94. – Poz. 724. – S. 1540–1546.

10. Ustawa z dnia 28 marca 1933 r. o ubezpieczeniu społecznym // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1933. – № 51. – Poz. 396. – S. 903–954.

11. Rozporządzenie Ministra Opieki Społecznej z dnia 30 grudnia 1933 r. o przekształceniu się kas chorych na ubezpieczalnie społeczne i ustaleniu okręgów i siedzib ubezpieczalni // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1933. – № 103. – Poz. 819. – S. 2091–2096.

12. Rozporządzenie Ministra Opieki Społecznej z dnia 28 grudnia 1933 r. o sposobie wydawania leków przez ubezpieczalnie społeczne poza aptekami // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1933. – № 103. – Poz. 814. – S. 2058–2059.

13. Rozporządzenie Ministra Opieki Społecznej z dnia 28 grudnia 1933 r. o wzajemnych stosunkach i współpracy szpitali publicznych i ubezpieczalni społecznych oraz Zakładu Ubezpieczenia na Wypadek Choroby // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1933. – № 103. – Poz. 816. – S. 2061–2062.

УДК 796.032.2«322»(430)«1936»

В. А. Космач

Витебский государственный
университет имени П. М. Машерова

ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ 1936 ГОДА В ГЕРМАНИИ

Статья посвящена истории зимних и летних Олимпийских игр, которые прошли в 1936 г. в национал-социалистической Германии. Это событие до сих пор вызывает неоднозначные оценки у историков. При написании статьи использованы «Мемуары» знаменитой Лени Рифеншталь, личность и судьба которой прошли испытания различными коллизиями и катаклизмами.

Право на проведение XI Олимпийских игр Германия получила в 1931 г., будучи еще Веймарской республикой, т. е. вполне респектабельной и демократичной страной Запада. Несколько необычным был тот факт, что Берлину доверили проведение и зимних и летних Олимпиад 1936 года. За кандидатуру Германии и немецкой столицы проголосовали 43 члена Международного олимпийского комитета (МОК), против – 16, отдавших предпочтение испанской Барселоне. В феврале 1936 г. мастеров лыж и коньков принимал Гармиш-Паркенкирхен (курорт центра зимнего спорта в Верхней Баварии), а в августе того же года спортсмены летних видов спорта собрались и соревновались в Берлине.

Однако в 1933 г. проведение Игр в Берлине, отмечает А. О. Наумов, оказалось под серьезной угрозой. Дело в том, что первоначально Гитлер сомневался в целесообразности проведения Олимпиады, называя ее «изобретением евреев и масонов» и «фестивалем, на котором торжествуют евреи». Однако осознав (не без деятельного участия Геббельса, ментально разглядевшего в Олимпиаде гигантский пропагандистский потенциал), что из этого спортивного мегасобытия можно извлечь серьезные политические дивиденды, а также поправить финансовое положение страны за счет притока иностранной валюты, нацистский лидер изменил свою точку зрения. Бюджет Игр сразу вырос почти в 20 раз, до 100 млн рейхсмарок (сумма эквивалентна современным 750 млн долларов США или 55 млрд российских рублей). В германской столице развернулось масштабное строительство спортивных объектов, а также Олимпийской деревни в Вустермарке – «деревни мира», как называли ее сами нацисты. «Если мы приглашаем в гости весь мир, нужно создать нечто грандиозное и великолепное», – такова была установка Гитлера в отношении строительства олимпийских объектов [1, с. 78–79].

Кроме реконструкции старых объектов в Берлине ударными темпами выстроили стадион на 96 тысяч мест, открытую арену, плавательный бассейн, театр, манеж для верховой езды и олимпийскую деревню с искусственным озером. Стадион строился из натурального камня, поскольку фюрер желал, чтобы олимпийские объекты Германии походили на сооружения Древнего Рима. В Гармиш-Партенкирхене был возведен зимний стадион на 15 тысяч мест и ледовый дворец на 10 тысяч зрителей. Идейно выдержанные художники трудились над созданием сувениров, памятных значков и медалей, в том числе и с нацистской символикой [2, с. 28].

Функционеров Международного олимпийского комитета такое положение дел устраивало, и они старались не замечать диктаторского характера нового режима в Германии. Кроме того, нацисты на протяжении нескольких лет активно «обрабатывали» членов МОК, причем первым объектом их «мягкой силы» на этом направлении стал основатель и почетный президент организации П. де Кубертен, который покинул пост главы МОК еще в 1925 г., но и в 1930-е гг. обладал колоссальным авторитетом в олимпийском движении. Правда, в эти годы он переживал далеко не лучшие времена как с психологической, так с и финансовой точки зрения, чем и воспользовались в Берлине. Барону оказывались беспрецедентные знаки внимания, а он отвечал нацистам взаимностью, комплиментарно отзываясь о Гитлере, который, по его мнению, «проявив свойственную ему волю, противостоял коварным нападкам, посредством которых пытались сорвать проведение Игр». Кубертен даже заверял международную общественность, что Третьему рейху выпала честь быть духовным хранителем олимпизма [1, с. 79].

Для нацистов, отмечает А. О. Наумов, благожелательная позиция Кубертена была как нельзя кстати, ведь, несмотря на благожелательное отношение большинства высших функционеров Международного олимпийского комитета, Германии пришлось столкнуться с серьезным противодействием в ходе подготовки к Олимпиаде. Причиной этому стала репрессивная внутренняя политика национал-социалистов, особенно в отношении еврейского населения. Серьезный скандал разразился непосредственно вокруг самого Национального олимпийского комитета Германии. Его президент Т. Левальд, занимавший этот пост с 1924 г. и много сделавший для получения Берлином статуса столицы Олимпиады, был уволен со своего поста, так как оказался «мишлингом» (по нацистской терминологии – тем, в ком имелась часть еврейской крови). МОК был возмущен и потребовал восстановления Левальда в должности, пригрозив аннулированием у Берлина прав на проведение Игр, после чего нацистам пришлось пойти на попятную и перевести Левальда в Оргкомитет Олимпиады [1, с. 79].

Немцы шли и на другие уловки, например, снизили транспортные тарифы и организовали бесплатную выдачу виз участникам и гостям зимней и летней Олимпиад (при этом журналистам, освещавшим Зимние игры в баварском Гармиш-Партенкирхене в негативном для нацистов свете, Берлин отказывал в выдаче виз на Игры летние). Но мировое сообщество все равно было чрезвычайно обеспокоено случаями расовой дискриминации, все громче звучали голоса о необходимости бойкотировать «мирную Олимпиаду» нацистов. Кампания получила новый мощный импульс после того, как осенью 1935 г. в Германии были приняты Нюрнбергские расовые законы, лишившие евреев каких-либо гражданских и политических прав.

Пытаясь замаскировать антисемитскую политику, нацистские функционеры показательно позволили принять участие в Играх фехтовальщице Х. Майер, имевшей еврейские корни. В итоге она завоевала серебряную медаль и во время награждения отдала нацистское приветствие и пожала руку фюреру, что должно было еще раз убедить западных наблюдателей (особенно тех, кто сам хотел в это верить) в том, что преследование евреев в Третьем рейхе – не более, чем миф. Стоит в этой связи заметить, что во время Олимпийских игр из немецкого общественно-политического дискурса почти полностью исчезли юдофобские лозунги, прекратились погромы и другие формы издевательств над евреями. Был издан специальный указ, в соответствии с которым на период с 1 июня по 15 сентября в Берлине были

убраны все антисемитские плакаты, растяжки и объявления. «Надписи со словами “Евреи нежелательны”, висевшие в магазинах, гостиницах, пивных, увеселительных заведениях, потихоньку убрали, гонения на евреев и на две христианские церкви временно прекратили, – писал очевидец тех событий, – страна обрела вполне респектабельный облик» [1, с. 79–80]. На подготовку и зимней, и летней Олимпиад были брошены все силы германского МИДа [3].

Лени Рифеншталь увлеченно и с восторгом описывала в своих «Мемуарах» зимние Олимпийские игры 1936 г. в Германии. Она вспоминала: «Шестого февраля 1936 года в Гармиш-Партенкирхене открылись зимние Олимпийские игры. Еще за сутки было не ясно, смогут ли они состояться. Долго не выпадал снег, луга и просеки были скорее зелеными, чем белыми. Но в ночь перед началом Игр пошел желанный и обильный снег. Гармиш-Партенкирхен приобрел великолепный зимний вид.

Я поселилась в гостинице «Гармишер хоф», не только чтобы увидеть Игры в качестве зрителя, но также и поучиться фиксировать камерой спортивные мероприятия. Некоторые из моих операторов опробовали аппараты, оптику и пленку.

Многие спрашивали, почему я не сняла ленту и о зимней Олимпиаде. Это, конечно, выглядело заманчиво, но я понимала, что невозможно в один год сделать два фильма. Летние Олимпийские игры были для меня куда важнее.

В Гармише состоялись увлекательные состязания. Снова феноменально выступила Соня Хени, которая после десяти чемпионатов мира теперь выиграла свою третью золотую олимпийскую медаль. Событием стало и выступление Макси Хербер и Эрнста Байера в парном фигурном катании.

Когда они танцевали свой знаменитый вальс, зрители захлебывались от восторга. В скоростном спуске па лыжах у мужчин немец Ганс Пфнюр быстрее шустрого австрийца Гуцци Ланчнера и завоевал золотую медаль. У женщин первой с большим перевесом пришла Крисгль Кранц, тогдашняя «королева» горнолыжниц.

Олимпиада в Гармише прошла столь успешно, что на заседании Международного Олимпийского комитета 8 июня 1939 года в Лондоне, всего за несколько месяцев до начала войны, тайным голосованием единогласно при воздержавшихся немцах было решено право проведения следующих зимних Олимпийских игр 1940 года снова предоставить Гармиш-Партенкирхену» [4, с. 174–175]. Главным героем Игр стал норвежский конькобежец Ивар Баллангруд, который на 4 дистанциях завоевал три золотые и одну серебряную медаль.

Берлинская летняя Олимпиада состоялась 1–16 августа 1936 г. Предваряла Игры стартовавшая в древних Афинах эстафета олимпийского огня (впервые она состоялась именно тогда). Непосредственно принять участие в грандиозном спортивном празднике приехало более 4 тыс. атлетов из 49 стран мира. По разным причинам – от политических до экономических – в Олимпийских играх не выступали спортсмены СССР, Испании, Литвы, Парагвая и еще нескольких стран, но все равно число представленных государств стало абсолютным рекордом для того времени. То же касалось и посещаемости: если Игры 1932 г. в Лос-Анджелес посетило более 1 млн чел., то в ходе берлинской Олимпиады этот показатель превысил 3 млн. Кроме того, Олимпийские игры 1936 г. стали первыми в истории, трансляция которых проходила в прямом эфире по телевидению. Всего же за спортивным мегасобытием по всему миру посредством радио и телевидения наблюдало более 300 млн чел. – гигантская аудитория, на которую так или иначе воздействовала нацистская пропаганда. В Берлине работало 25 экранов для просмотра спортивных состязаний, а сами соревнования проходили на только что построенном по проекту немецкого архитектора В. Марха громадном и помпезном стотысячном Олимпийском стадионе на западе Берлина. Парадный путь к нему от Бранденбургских ворот был украшен гирляндами и золотыми лентами. В торжественных мероприятиях был даже задействован огромный дирижабль «Гинденбург», оснащенный олимпийскими кольцами на веревках [1, с. 80].

На церемонии закрытия Игр с помощью электрических генераторов на Олимпийском стадионе была создана инсталляция «Храм света». И, разумеется, нельзя не упомянуть

ставший шедевром мирового документального кинематографа фильм Л. Рифеншталь «Олимпия» (в 1938 г., в самый разгар европейского кризиса и поглощения Рейхом Австрии и Чехословакии, этот прославлявший нацистский культ силы фильм завоевал первое место на кинофестивале в Венеции, обойдя «Белоснежку» У. Диснея).

На эмблеме Олимпиады, был изображен восседавший на колоколе с надписью «Зову молодежь мира» нацистский орел с олимпийскими кольцами в когтях. На церемонии открытия Игр была проведена лампадодромия – древнегреческое ритуальное состязание в беге с горящими факелами, что также создавало определенные параллели с нацистскими факельными шествиями. Все эти символы, но сути, были частью «мягкой силы» нацистской Германии, ведь изображение медалей с нацистской символикой и трансляции факельных представлений благодаря средствам массовой информации смогли увидеть миллионы людей. Таким образом они «познакомились» с нацистской атрибутикой, которая вольно или невольно в тот момент ассоциировалась в умах и сердцах зрителей с грандиозным международным событием, олицетворявшим самые возвышенные гуманистические идеалы. Даже нацистское приветствие в виде вскинутой вверх правой руки стало на какой-то момент считаться «олимпийским приветствием» [1, с. 80–81].

Что касается непосредственно спортивных достижений берлинской Олимпиады, то и здесь нацисты оказались в выигрыше. В общем медальном зачете Германия уверенно заняла первое место, завоевав 33 золотых, 26 серебряных и 30 бронзовых медалей (таблица 1). В результате в мировом общественном сознании Игры закрепились как триумф Германии в области высших спортивных достижений, что значительно повысило престиж страны на международной арене. Открытие Олимпиады впервые транслировалось по телевидению в прямом эфире, а олимпийские соревнования стали материалом для создания документального фильма Лени Рифеншталь «Олимпия».

Самым выдающимся спортсменом Игр стал американец Джесси Оуэнс с 4 золотыми медалями. На церемонии открытия Игр была продолжена существующая с 1928 года традиция зажжения олимпийского огня.

Таблица 1 – Количество медалей, завоёванных странами-участницами Берлинской олимпиады

Общее количество медалей					
№	Страна	Золото	Серебро	Бронза	Всего
1	Германия	33	26	30	89
2	США	24	20	12	56
3	Венгрия	10	1	5	16
4	Италия	8	9	5	22
5	Финляндия	7	6	6	19
6	Франция	7	6	6	19
7	Швеция	6	5	9	20
8	Япония	6	4	8	18
9	Нидерланды	6	4	7	17
10	Великобритания	4	7	3	14

«Первого августа 1936 года настал великий час, – писала в «Мемуарах» Лени Рифеншталь, – открытие Олимпийских игр в Берлине. В шесть часов утра мы были готовы к старту. Я дала последние указания по распределению операторов. Сюжеты первого дня были грандиозны: торжественное вступление делегации на стадион, прибытие бегуна с факелом, приветственная речь Гитлера, сотни взлетающих в небо голубей, сочиненный Рихардом Штраусом гимн. Чтобы все это охватить, мы дополнительно задействовали еще 30 кинокамер. Церемонию открытия снимали шестьдесят операторов...

С этого момента всю меня без остатка поглотила работа. Игр я почти не видела. Зачастую даже не имела ин малейшего представления о том, где и что происходит. Например, я не была свидетельницей трагедии, случившейся с немецкой командой в женской эстафете, когда Ильзе Дёрффельдт, опережая на десять метров американку, выронила палочку уже после того, как приняла ее, не слышала я и того, как охнули тысячи зрителей. (Мне приходилось находиться во многих местах одновременно.) Эту сцену я увидела позже, в монтажной» [4, с. 185–186].

Л. Рифеншталь сделала несколько интересных зарисовок вокруг легендарного американца Джесси Оуэнса. Она вспоминала: «Выиграв четыре золотые медали и установив два мировых рекорда, Джесси Оуэнс стал спортивным феноменом Игр. Существует легенда, будто Гитлер из расистских побуждений после победы великого атлета отказался пожать ему руку. Карл фон Хальт, член МОК и президент Олимпийского комитета Германии, осуществлявший общее руководство соревнованиями по легкой атлетике, чуть позже рассказал мне, как все было на самом деле. Впрочем, об этом можно прочесть и в официальном американском сообщении «Об Олимпийских играх». А произошло следующее.

В первый день соревнований Гитлер принял победителей на трибуне для почетных гостей. Но президент Олимпийского комитета Франции граф Байе-Латур отсоветовал ему нарушать впредь олимпийский протокол. Поэтому-то в дальнейшем не было больше никаких рукопожатий.

По моей вине с Джесси Оуэнсом чуть было не произошло несчастье. Одна из наших ям располагалась примерно в двадцати метрах за финишной чертой стометровки. В яме стояли кинооператор и его помощник. Во втором предварительном забеге на 100 метров Оуэнс с невероятной легкостью вихрем промчался по гравею дорожке и с результатом 10,2 секунды побил тогдашний мировой рекорд, который, правда, не был зарегистрирован из-за дувшего ему в спину ветра. На финише Оуэнсу не удалось сразу снизить скорость бега, и он едва не упал в нашу яму. Только благодаря невероятной реакции бегун смог мгновенно отпрыгнуть в сторону и тем самым предотвратить несчастный случай. Скандал не заставил себя ждать. Нам пришлось прикрыть не только эту яму, но и все остальные. Я вынуждена была обивать пороги чиновников, умоляла и графа Байе-Латура, чтобы нам снова разрешили работать в ямах. Наконец господа из МОК смиловались» [4, с. 186–187].

Олимпийские игры в Берлине посетили многие представители европейской политической элит. Среди почетных гостей были члены королевских фамилий из балканских стран, приближенные итальянского диктатора Б. Муссолини, статс-секретарь британского МИД Р. Ванситтарт и другие известные персоны. Не вызывает сомнения, что все они были, как минимум, впечатлены увиденным в немецкой столице, оказавшись под влиянием «мягкой силы» Рейха. Как верно подчеркивают западные исследователи П Коттрелл и Т. Нельсон, «нацистские лидеры использовали Олимпийские игры для демонстрации своей силы и для того, чтобы воспользоваться дипломатическими возможностями, которые появились благодаря роли принимающей стороны». Искусно созданный образ открытой и миролюбивой страны и едва ли не пацифистские выступления нацистских бонз значительно ослабили бдительность мирового сообщества и позволили Гитлеру добиться главной цели – тщательно подготовиться к территориальной экспансии в Европе. А. Крюгер и У. Мюррей справедливо утверждают, что Германии можно считать «первой страной, которая использовала пропагандистские возможности Олимпийских игр для усиления собственных позиций в глобальной иерархии власти» [1, с. 81].

С точки зрения А. Ю. Ватлина, Берлинскую Олимпиаду нельзя заносить в череду деяний нацистского режима, которые подталкивали мир ко Второй мировой войне. Несмотря на свой «коричневый привкус», она остается частью истории международного

Олимпийского движения. Властям Третьего рейха, связанным положениями Олимпийской хартии, в целом удалось найти компромисс между идеалами олимпизма и собственной доктриной, стержнем которой была «эстетизация политики». Вопрос о том, насколько Игры 1936 г. «вписывались в ментальную подготовку населения Германии к предстоящей войне», до сих пор вызывает острые споры в историографии.

За этими спорами теряется тот факт, что воздействие Игр на внешний мир было весьма ограниченным. Несмотря на все пропагандистские усилия, их организаторам так и не удалось добиться заметной смены настроений в мировом общественном мнении в пользу утвердившегося в Германии политического режима. Четыре тысячи атлетов из 49 стран приехали в Берлин не для того, чтобы восхищаться достижениями этого режима, и никто из них не покинул столицу Германии убежденным нацистом.

Третий рейх и не пытался присвоить себе XI Олимпиаду. Перед лицом угрозы международного бойкота Геббельсу было важно показать, что Германия осталась такой же «культурной страной», какой она была до 30 января 1933 г. В результате берлинские Игры оказались сотканными из противоречий, равно как и оставленное ими материальное наследие, соединившее в себе воинствующую архаику и культ современной техники. Достаточно назвать колоссальные сооружения Имперского спортивного поля (единственный завершенный архитектурный проект гитлеровской Германии), документальный фильм Лени Рифеншталь «Олимпия», первые телевизионные трансляции со спортивных состязаний, состоявшиеся именно в Берлине в 1936 г. [3, с. 44].

Источники и литература

1. Наумов, А. О. Олимпиада 1936 г. в Берлине как элемент стратегии «мягкой силы» нацистской Германии / А. О. Наумов // Вопросы истории. – 2021, – № 4 (2). – С. 76–84.
2. Зимин, Е. Медаль для фюрера. Как Олимпийский комитет «не заметил» нацизма в Германии / Е. Зимин // Загадки истории. – 2023. – № 20. – С. 28–29.
3. Ватлин, А. Ю. Германский МИД и подготовка Берлинской олимпиады 1936 года / А.Ю. Ватлин // Новая и новейшая история. – 2016. – № 4. – С. 28–44.
4. Рифеншталь, Л. Мемуары / Л. Рифеншталь. – М. : Ладомир, 2006. – 699 с.

УДК 930(47+57):94(476)«1939»

Д. М. Толочко

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ВОССОЕДИНЕНИЕ БЕЛАРУСИ ОСЕНЬЮ 1939 ГОДА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В работе исследуется проблема воссоединения Западной Беларуси с БССР осенью 1939 г. в советской историографии. Автор приходит к выводу, что советская историография заложила основы исследования проблемы интеграции Беларуси осенью 1939 г. В то же время в советской историографии не были изучены вопросы, связанные с ролью, которую оказала республика в материально-технической подготовке похода Красной Армии в Западную Беларусь осенью 1939 г.

Политический и социально-экономические аспекты воссоединения Западной Беларуси с БССР в сентябре 1939 – июне 1941 гг. получили определенное освещение в отечественной и зарубежной историографии. Еще в довоенный период в обобщающих статьях, брошюрах секретарей центрального и областных комитетов КП(б)Б нашли отражение процессы создания партийных и советских органов власти в Западной Беларуси,

мероприятия по социалистическому переустройству промышленности, сельского хозяйства, организации советской системы народного образования и т. д. Разумеется, эти публикации носили в первую очередь публицистический характер. Причем их авторы не располагали достаточным количеством необходимого документального материала, да и не ставили перед собой такой задачи.

Исследования 2-ой половины 40-х – начала 50-х гг. по своему характеру практически не отличаются от работ довоенного периода. Так, в диссертациях К. И. Доморада [1], Т. П. Трацевской [2], публикациях Т. С. Горбунова [3], Н. В. Каменской [4, 5], А. Е. Клещева [6], И. С. Кравченко [7], И. И. Панкевича [8] были сделаны попытки изучить деятельность партийных организаций западных областей Беларуси по развертыванию социалистических преобразований во всех отраслях народного хозяйства. Однако эти работы были выполнены в период, когда доступ к партийным архивам был затруднен. Исследования в основном базируются на материалах периодической печати.

После XX съезда КПСС наступил качественно новый этап в изучении проблемы. Это нашло свое отражение в том, что происходит углубление изучения политических, социально-экономических мероприятий советской власти в западном регионе. При этом круг используемых источников значительно расширился, анализ исследуемых вопросов стал более разносторонним. Вместе с тем в исторической науке утвердился тезис об определяющей роли Коммунистической партии в осуществлении политических, социально-экономических и культурных преобразований в Западной Беларуси. Вплоть до середины 80-х гг. деятельность Коммунистической партии в регионе являлась главным предметом исследования в рамках темы интеграции Беларуси в 1939–1941 гг. Так, в конце 60-х – 70-е гг. были защищены диссертации В. А. Архиповым [9], М. В. Василючком [10], И. О. Царюк [11], в которых всесторонне изучается деятельность Коммунистической партии, комсомола по руководству строительством социализма в крае. Несколько позднее на основе своих диссертаций М. В. Василючек [12], И. С. Росман [13], И. О. Царюк [14] опубликовали ряд монографий.

Наиболее полно и глубоко проблема руководящей роли Коммунистической партии в социалистическом строительстве в западных областях республики накануне Великой Отечественной войны исследована в докторской диссертации И. О. Царюк. Работа И. О. Царюк написана на основании всестороннего анализа широкого круга архивных источников и опубликованных материалов. В своем исследовании автор проанализировала кадровую политику руководства ЦК КП(б)Б в регионе, процессы создания партийных и советских органов власти, мероприятия по социалистическому переустройству промышленности, сельского хозяйства. Однако необходимо отметить, что И. О. Царюк пришла к выводу, что на территории Западной Беларуси в сентябре 1939 г. сложилась революционная ситуация, которая в конечном итоге и положила начало социалистическим преобразованиям.

Определенным итогом изучения проблемы стали республиканские научные конференции, посвященные 30-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР [15]. Так, 18–19 сентября 1969 г. в городе Гродно прошла республиканская межвузовская научная конференция, посвященная юбилею интеграции белорусского народа. В работе конференции приняли участие историки Москвы, Минска, Гродно, Бреста, Гомеля и других городов республики. На конференции было заслушано и обсуждено более 30 докладов и сообщений. В выступлениях В. И. Архипова, М. В. Василючка, Б. И. Камейши, М. А. Петрушко и др. нашел отражение широкий круг вопросов, связанных с осуществлением социалистических преобразований в Западной Беларуси на протяжении сентября 1939 – июня 1941 гг.

Историографический анализ исследований по проблеме социалистического строительства в западных областях Беларуси сделан в монографии В. Н. Михнюка [16]. Автор, в частности, справедливо указал на недостаточную изученность в отечественной историографии вопросов, связанных с масштабом и содержанием экономической помощи западному региону Беларуси.

Политический и социально-экономический аспекты воссоединения Беларуси осенью 1939 – летом 1941 гг. получили освещение в коллективных работах «Дорогой борьбы и созидания: К 40-летию воссоединения Западной Белоруссии с БССР» [17], «Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии» [18], «Развитие экономики Белоруссии в 1928–1941 гг.» [19], Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921–1939 гг.) [20], «Социалистическое народное хозяйство БССР», «Социально-экономические преобразования в Белорусской ССР за годы Советской власти», «Экономика Советской Белоруссии. 1917–1967 гг.» и др. Хотелось бы выделить также четвертый том «Гісторыі Беларускай ССР» [21], пятый том «Истории Коммунистической партии Советского Союза» [22], в которых вопросы социалистического строительства в западных областях Беларуси получили комплексное изучение.

Партийно-организационная и идеологическая работа КП(б)Б в западных областях Беларуси нашла свое отражение в кандидатской диссертации, подготовленной и защищенной Е. А. Мисаревичем [23]. В 1989 г. на основе диссертации автор издал монографию «На освобожденной земле: Политическая работа в западных областях Белоруссии (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.)» [24]. Работа написана на широкой источниковой базе. Исследователь подробно анализирует состав и деятельность Временных управлений, крестьянских комитетов Западной Беларуси, показывает процесс создания органов государственной власти, формирование комитетов КП(б)Б в регионе. Основным недостатком работы является то, что автор не указывает на определенные просчеты руководства Коммунистической партии в решении этих вопросов. Например, боязнь выдвигать на руководящие должности в органах государственной власти края представителей местного, белорусского населения.

Вопросы, связанные с ролью Советской Беларуси в материально-технической подготовке похода в Западную Беларусь осенью 1939 г., в советской историографии не получили своего отражения вовсе. Только в вышедших в 1960 и 1978 году соответственно 1-ом томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» [25] и 3-м томе «Истории второй мировой войны» [26] содержатся поверхностные сведения о проведении в начале сентября 1939 г. в стране больших учебных сборов.

Таким образом, в историографии 40-х – середины 80-х гг. относительно политического и социально-экономических аспектов воссоединения Западной Беларуси с БССР в сентябре 1939 – июне 1941 гг. отмечалось следующее: население БССР позитивно восприняло поход Красной Армии в регион осенью 1939 г.; Коммунистическая партия сыграла определяющую роль в осуществлении политических и социально-экономических преобразований в западных областях Беларуси; население Западной Беларуси поддержало мероприятия советской власти по формированию органов государственного управления в регионе, реформированию экономики края; кадровая политика руководства республики в Западной Беларуси была направлена на активное привлечение всех слоев населения региона на различного рода руководящие должности во вновь создаваемых органах управления; политика советской власти по советизации экономики западных областей Беларуси способствовала экономическому росту, улучшению благосостояния населения Западной Беларуси.

В то же время в советской историографии не были изучены вопросы, связанные с ролью, которую оказала республика в материально-технической подготовке похода Красной Армии в Западную Беларусь осенью 1939 г., проблема беженцев из Польши в БССР. Поверхностно рассмотрен вопрос о масштабе и содержании экономической помощи со стороны БССР и союзных республик западным областям Беларуси.

Источники и литературы

1. Доморад, К. И. Борьба Коммунистической партии за коллективизацию сельского хозяйства западных областей Белоруссии накануне Великой Отечественной войны (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.) / К. И. Доморад: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 01 / Ин-т истории партии при ЦК КПБ. – Минск, 1955. – 33 с.

2. Трацевская, Т. П. Социалистическое строительство в западных областях Белорусской ССР накануне Великой Отечественной войны (сентябрь 1939 – июнь 1941 г.) / Т. Н. Трацевская: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 01/ Ин-т истории партии при ЦК КПБ. – Минск, 1953. – 38 с.
3. Горбунов, Т. Воссоединение белорусского народа в едином советском социалистическом государстве / Т. Горбунов. – М. : Огиз Гос. издательство политич. лит-ры, 1948. – 230 с.
4. Каменская, Н. В. Уз'яднанне беларускага народа ў адзінай Беларускай Савецкай Сацыялістычнай дзяржаве / Н. В. Каменская. – Мінск : Акад. навук БССР, 1948. – 28 с.
5. Каменская, Н. В. 10 год сацыялістычнага будаўніцтва ў заходніх абласцях Беларускай ССР / Н.В. Каменская. – Мінск : Дзярж. Выд-ва БССР, 1949. – 24 с.
6. Клещев, А. Е. О десятилетиях воссоединения белорусского народа в едином Белорусском Советском государстве. Доклад юбилейной сессии Верховного Совета Белорусской ССР 29 октября 1949 года / А. Е. Клещев. – Минск : Гос. Из-во БССР, 1949. – 31 с.
7. Кравченко, И. Социалистическое строительство в западных областях БССР / И. Кравченко. – Таллин : Типография «Тревога», 1954. – 15 с.
8. Панкевіч, І. І. Што дала Савецкая ўлада працоўным заходніх абласцей Беларусі / І. І. Панкевіч. – Мінск : Дзярж. Выд. БССР. – 1948. – 68 с.
9. Архипов, В. И. Комсомол – помощник Коммунистической партии в социалистическом строительстве в западных областях Белоруссии накануне Великой Отечественной войны (сентябрь 1939 – июнь 1941 г.) / В. И. Архипов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 01 / Ин-т истории партии при ЦК КПБ. – Минск, 1975. – 38 с.
10. Василючек, М. В. Деятельность КП(б)Б по упрочению союза рабочего класса и крестьянства в западных областях Белоруссии в период социалистических преобразований (сентябрь 1939 – июнь 1941 г.) / М.В. Василючек: дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 01. – Минск, 1975. – 38 с.
11. Царюк, И.О. Деятельность КПБ по осуществлению социалистических преобразований и организации социалистического строительства в западных областях Белоруссии (сентябрь 1939 – июнь 1941 г.) / И.О. Царюк: Дис. ... д-ра. ист. наук: 07. 00. 01. – Минск, 1975. – 221 с.
12. Василючек, М. В. В семье единой (Воссоединение Западной Белоруссии в братской семье народов) / М. В. Василючек. – Минск : Вышэйшая школа, 1977. – 112 с.
13. Росман, И. С. Компартия Белоруссии в борьбе за упрочение социалистического общества в предвоенные годы (1938 – июнь 1941 г.) / И. С. Росман. – Минск: Беларусь, 1975. – 166 с.
14. Царюк, И. О. В братском союзе: социалистические преобразования экономики в западных областях БССР, сентябрь 1939 – июнь 1941 гг. / И. О. Царюк – Минск : Изд-во БГУ, 1976. – 104 с.
15. В единой семье братских народов: Материалы науч. сессии, посвящ. 30-летию воссоединения Западной Белоруссии с БССР, Минск, 15 сент. 1969 г. – Минск : Беларусь, 1971. – 70 с.; В единой семье советских народов: Материалы респуб. межвуз. конф., посвящ. 30-летию воссоединения белорусского народа в единое Советское социалистическое государство, Гродно, 18–19 сент. 1969 г. – Минск : Вышэйшая школа, 1970. – 348 с.
16. Михнюк, В. Н. Социалистические преобразования в западных областях БССР (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.): Историографический очерк. / В. Н. Михнюк. – Минск : Наука и техника, 1979. – 64 с.
17. Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии: в 2 ч. – Минск : Беларусь, 1961 – 1967. – Ч.2: 1921–1966 / Под ред. С. А. Пилотовича, Т. С. Горбунова, И. М. Игнатенко и др. – 1967. – 586 с.
18. Игнатенко, И. М. Дорогой борьбы и созидания: К 40-летию воссоединения Западной Белоруссии с БССР / И. М. Игнатенко, А. Н. Мацко. – Минск : Беларусь, 1979. – 174 с.

19. Развитие экономики Белоруссии в 1928–1941 гг. / Под ред. В. И. Дрица. – Минск : Наука и техника, 1975. – 320 с.
20. Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921–1939 гг.). – Минск : Беларусь, 1966. – 395 с.
21. Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. / Акад. Навук БССР. Ін-т гісторыі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972–1975. – Т. 4: Беларусь напярэдадні і ў часы Вялікай Айчынай вайны Савецкага Саюза (1938–1945 гг.) / Рэдкал.: І. С. Краўчанка, А. І. Залескі, У. А. Палуян і інш. – 1975. – 640 с.
22. История Коммунистической партии Советского Союза : в 6 т. – М. : Политиздат, 1964–1975. – Т. 5: Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны, период упрочения и развития социалистического общества, 1938–1958 гг. : в 2 кн. – Кн. 1: 1938–1945 гг. / Ю. П. Петров, В. С. Зайцев, Е. Ф. Агафоненко и др. – 1970. – 723 с.
23. Мисаревич, Е. А. Партийно–организационная и идеологическая работа КПБ в западных областях Белоруссии (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.) / Е. А. Мисаревич : Дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 01. – Минск, 1981. – 165 с.
24. Мисаревич, Е. А. На освобожденной земле: Политическая работа в западных областях Белоруссии (сен. 1939 – июнь 1941 гг.) / Е. А. Мисаревич. – Минск : Беларусь, 1989. – 96 с.
25. История Великой Отечественной войны Советского Союза : в 6 т. – М. : Воениздат, 1960–1965. – Т. 1: Подготовка и развязывание войны империалистическими державами / Ред. комис.: П.Н. Поспелов, В. А. Андреев, А. И. Антонов и др. – 1960. – 535 с.
26. История второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. – М. : Воениздат, 1973–1982. – Т. 3: Начало войны. Подготовка агрессии против СССР / Ред. комис. А. А. Гречко, Г. А. Арбатов, В. А. Виноградов и др. – 1974. – 503 с.

УДК 94:658.14/.17:271.2(476.5-37Орша):657.322«1939-1948»

А. Н. Ковалевич
ГУО «Волчинская средняя школа»
Каменецкого района

ОТРАЖЕНИЕ ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫСОКОВСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ОСНОВЕ ПРИХОДНО-РАСХОДНЫХ КНИГ В 1939–1948 ГОДАХ

Актуальность темы исследования связана с ролью религии в жизни человека в первой половине XX в. А также необходимостью изучения аспектов жизни, которые на протяжении значительного периода находились вне сферы интересов истории и краеведения. Целью исследования является раскрытие на основе финансовой документации повседневной жизни прихода Высоковской православной церкви. Социальная значимость исследования заключается в том, что его результаты можно использовать в практической деятельности в учреждениях образования при изучении конфессиональных отношений, динамики социальных процессов в межвоенный период, в период немецкой оккупации, в составе советского государства.

Высоковская православная церковь была построена в 1869 году на месте деревянной церкви 1840 г. В рассматриваемый период на священнослужителей были возложены функции делопроизводителей. Именно на церковь обязана была вести записи актов гражданского состояния. Поэтому церковнослужители заполняли метрические книги и брачные документы. Кроме этого, священник либо псаломщик вели внутреннюю церковную документацию, к числу которой относятся и финансовые документы.

Как следует из Клировых ведомостей третьего округа Брестского повета, церкви по штату были положены настоятель и псаломщик. В рассматриваемый период при церкви состояло земли: «усадебной 2 десятины, 1200 квадратных саженой, под кладбище 3 дс., пахотной 30 дс., сенокосной 5 дс., неудобной 3 ½ дс., под шоссе 242 дс., расстояние от церкви 1 и 6 верст. Всего 46 десятин 1200 саженой квадратных» [1, л. 69–70]. Земля обрабатывалась самим причтом и наемными силами. Средний годовой доход, приносимый землей, составлял около 2 тыс. злотых. Кружечный доход составлял около 3,5–4 тыс. злотых в год. Кроме этого, законоучительство давало около 500 злотых дохода в год.

В Высоковской церкви сохранился комплекс документов, показывающих деятельность церкви в 1920–1940-е годы: 8 книг брачных обысков за период 1922–1947 гг., 3 книги метрик за 1939–1944 гг., 3 приходно-расходные книги за 1939–1945 гг.

В трех сохранившихся приходно-расходных книгах содержатся сведения с января 1939 по декабрь 1948 гг. Книга первая: январь 1939 г. – декабрь 1945 г насчитывает сто прошнурованных листов, скрепленных сургучной печатью Варшавско-Хелмской духовной консистории. В книге вложены дополнительные документы. Документы вложены в страницы, на которых вписаны соответствующие доходы или расходы. Книга вторая включает в себя данные за 1945 год. Графы написаны от руки, печатной бланковой основы нет. Отдельно сшиты оправдательные (расходные) документы за 1946 г. Книга третья содержит финансовую информацию за 1948 г. Графы также написаны от руки, печатной бланковой основы нет. Оправдательные документы прошиты. Все книги заполнялись псаломщиком Иваном Прокоповичем. Ежемесячно в приходно-расходных книгах расходы и доходы заверяются подписями. С января 1939 г. присутствуют подписи: настоятеля церкви, псаломщика Ивана Прокоповича, «церковный хранитель», два представителя парафии. Представители парафии – разные люди, чаще всего встречаются подписи Троцюк, Ващук.

За август 1939 г. подписи отсутствуют. В сентябре есть дополнительная запись: «Отчет за месяцы август и сентябрь представлены бывшим старостой Яковом Трофимчуком в декабре месяце, а остаток на 1-е октября, в сумме 32 р. 57 коп., представлен Председателю приходского совета Иустину Соболю 8 января 1940 г.» [2, л. 14]. Так же в сентябре 1939 г. подписи оставили: председатель приходского совета Иустин Соболю, казначей Григорий Ващук, секретарь Иван Прокопович. До сентября 1939 г. церковная казна формировалась государственной валютой – польскими злотыми. Переход на советские рубли был осуществлен достаточно быстро. В декабре 1939 г. присутствует запись «Итого на приходе: две тысячи четыреста шестьдесят шесть рублей 26 коп., в расходе: две тысячи пятьсот шестьдесят два рубл. 49 коп. На 1 января 1940 г. перерасход 96 р. 23 коп. (девятьсот шестьдесят два рубл. 23 коп.)» [2, л. 16].

В мае 1940 г. есть подпись только секретаря Ивана Прокоповича, подписи председателя приходского совета и казначея отсутствуют. После майской записи, на следующем листе находится следующая запись: «Председатель Церковного Совета Иустин Соболю заявил, что 28 мая во время пожара в д. Долбнево сгорели хранившиеся у него церковные деньги (остаток) на 1 июня и деньги, вырученные от продажи сретенских свечей). Фактически осталось на 1 июня церковных денег – случайно уцелевшие у него 283 рубля и хранившиеся в церкви в свечном ящике 66 руб. 20 коп. – всего сохранилось денег 349 руб. 20 коп. (триста сорок девять руб. 20 коп.). Сгорело же во время пожара церковных денег 1109 руб. (одна тысяча сто девять рублей). Кроме того, сгорело 14 килогр. свечей, купленных 10 мая в Гродне. Председатель Церковного Совета Иустин Соболю. На основании заявления Председателя Церковного Совета Иустина Соболю постановлено: с 1-го июня завести новый счет прихода и расхода церковных сумм, записав первой статьей прихода уцелевшую в пожаре сумму 349 руб. 20 коп (триста сорок девять рублей 20 коп.) – Григорий Ващук» [2, л. 22].

В записях за июль 1940 г. подпись председателя приходского совета Иустина Соболю есть, с июня по сентябрь, эта графа остается пустой. С октября 1940 г. должность председателя церковного совета занимает Иосиф Коляда, с декабря 1940 г. – Павел Панасюк.

С июля 1941 г. к подписям председателя церковного совета, казначея и секретаря добавляется подпись священника протоиерея Сергия Дюкова. С января 1942 г. порядок подписей меняется. Ставят подписи протоирей Сергий Дюков, церковные попечители (Панасюк, Ващук, Соболев, Коляда), псаломщик Иван Прокопович. С мая 1942 г. подписи церковных попечителей только Григория Ващука и Иосифа Коляды, с июля 1942 г. Иосифа Коляды, Павла Панасюка, с мая 1943 г. Иустин Соболев, Григорий Ващук, Иосиф Коляда, с июля 1943 г. Ващук, Панасюк, Мазурик, с октября 1943 г. только Мазурик. С января 1944 г. подпись ставится только Мазуриком, вместо «церковных попечителей» – «церковный староста». С февраля 1945 г. церковный староста Григорий Ващук. С апреля 1945 г. подписи настоятеля протоиерея Сергия Дюкова, церковного старосты (апрель, май нет подписей, с июня – Мазурик), члены ревизионной комиссии – Белькевич, Ващук, Каминский, в мае – Белькевич, Панасюк, Каминский, июне – Каминский, Тур, июле – Каминский. С августа по ноябрь 1945 г. подписей членов ревизионной комиссии нет, в декабре только Каминский. В годовом отчете подписи членов церковного совета – Мазурик, Ващук, Панасюк, членов ревизионной комиссии – Козакевич, Каминский.

С января 1946 г. подписи настоятеля протоиерея Сергия Дюкова, церковного старосты Мазурика, псаломщика Ивана Прокоповича. В июле и с сентября церковный староста – Ващук, ноябрь, декабрь – Мазурик. В годовом отчете: настоятель протоирей С. Дюков, псаломщик-казначей И. Прокопович, церковный староста Мазурик, помощник церковного старосты – Ващук, члены ревизионной комиссии П. Белькевич, Н. Козакевич, Н. Каминский, Панасюк, А. Тур, А. Хвищук. В марте 1948 г. снова добавляются подписи членов ревизионной комиссии (Каминский, Тур, Козакевич). В последующие месяцы их подписей нет. В августе 1948 г. церковный староста Ващук, казначей А. Хвищук, счетовод И. Прокопович.

Источниками доходов служат свечной и кружечный доход, т.е. пожертвования прихожан. Также доходы фиксировались при заключении брака и погребениях. В этом случае суммы дохода разные, что может свидетельствовать либо об отсутствии фиксированного тарифа за обряд, либо учета также денег полученных от продажи свечей во время осуществления обряда. Значительно меньший доход фиксируется от продажи крестиков и иконок. С января по август 1939 г. в польский период фиксировался доход проскомидийный, т.е. за «подачу записок», совершение молитв за здоровье, либо об умерших, кроме того, от продажи брачных свечей, платков.

Заказные богослужения, которые зачастую совершались в деревнях прихода. Например, такие богослужения были 28 мая 1941 г в деревне Бордзевка (собрано 37 рублей), 19 июня 1941 г. в деревнях Свитичи, Пяски, Хмели, Малые Огородники (доход составил 83 руб.), 1 июля 1941 г. д. Комарники (доход 113 руб.), 16 июля 1941 г. в деревне Долбнево (122 рубля дохода), 18 июля 1941 г. в д. Бордзевка (доход 132 руб.).

25 февраля 1944 г. Д. Ключковичи (доход 14 марок), 24 мая 1944 г. д. Бордзевка (доход 24 марки), 10 июня 1944 г. д. Кусичи (55 марок), 14 июня д. Плянта (73 марки 75 фенингов), 15 июня д. Пяски и Хмели (159 марок), 20 и 24 июня в д. Долбнево (27 и 45 марок), 6 июля д. Свитичи (60 марок), 2 декабря 1944 г. д. Лумна (99 руб).

Периодическое получение доходов в зависимости от богослужебных особенностей – «у плащаницы», «за исповедь», во время акафистов.

К числу уникальных можно отнести следующие записи:

26 октября 1944 доход в 20 руб. «при панихиде за убитых гранатой из Плянты»;

30 марта 1945 жертва 100 рублей от Марии Кукиш д. Копылы.

Впервые дополнительные документы в приходно-расходной книге сохранились за декабрь 1940 г. Это почтовая квитанция на денежный перевод в Пинск на имя канцелярии Архиепископа Полесского. На обратной стороне квитанции – почтовый штемпель от 6 декабря 1940 г. почтового отделения «Высокое». В графе расходов записано: «Выслано в Канцелярию Архиепископа Полесского Александра взнос за 19 чел.». Стоимость перевода четыре рубля 40 копеек также внесены как расход.

23 января 1941 г. в отделение госбанка в Высоком был уплачен страховой взнос за 1941 г. в размере 54 рубля 20 копеек, принятый от Высоковской православной церкви. Об этом свидетельствует квитанция, заполненная на бланке с подписями трех работников: контроллера, операциониста и кассира, а также печатью кассы Высоковского отделения госбанка СССР. Надо полагать, квитанция выписана на основании платежного извещения по форме № 122, утвержденной НКФ СССР 11.3.1938 г. Бланк напечатан на белорусском языке, заполнен на русском языке, присутствует подпись старшего инспектора госстраха и печать. Заполнен бланк 11 декабря 1940 г. Из информации на оборотной стороне бланке следует, что страховая сумма составляет 21 680 руб., тарифная ставка в копейках со 100 рублей страховой суммы в год – 0,25, платеж составляет 54 руб. 20 коп. Есть также платежное извещение по форме № 23, утвержденным НКФ СССР № 651/221 от 2.09.1940 по налогу со зданий и земельной ренте. Бланк напечатан на белорусском языке, заполнен на русском языке. Есть подписи старшего налогового инспектора и налогового инспектора, дата заполнения отсутствует. Земельная рента составляет 15 рублей, о чем есть квитанция, заполненная налоговым агентом 28.01.1941 г.

В феврале 1940 г. почтовая квитанция на 50 рублей, почтовый сбор – 1 р. 20 к. Запись в расходах – «Выслано взноса в Епархиальное Управление за январь и февраль 51 р. 20 к.» [2, л. 31]

В мае 1941 г. есть почтовая квитанция в Жировицы. Перевод составляет 50 руб., почтовый сбор – 1 руб. В книге запись: «Выслан взнос на содержание Церковного Управления за апрель. На обратной стороне квитанции почтовый штампель от 5.5.1941, а также наклеена почтовая марка Польши, стоимостью 25 грошей. На ней изображен парад перед памятником Юзефу Пилсудскому первой кадровой роты Польских легионов и Войска Польского, надпись «25 rocznica wumarszu ku wolności 1914–1939», а также даты 6 sierpnia 1914–1939. Формально марки изъяты не были, вышли из обращения из-за начала войны.

Следующий дополнительный документ – это расписка следующего содержания: «24 августа 1941 г. Я, нижеподписавшийся житель г. Высоко–Литовск, Иван Кириллович Назарук–Ковальчук сего числа получил из сумм Высоко–Литовской церкви 150 (сто пятьдесят) рублей за построенный мной хлев при церковной сторожке, за проводку электричества, за устройство перегородки и за обивку стен фанерой в сторожке. Деньги получил сполна. Ковальчук Иван». Расписка написана Иваном Прокоповичем, Иван Ковальчук лишь написал свои имя и фамилию.

В сентябре у жительницы города Александры Павловны Белокопытовой за триста рублей был приобретен комод. Об этом также есть соответствующая расписка. В октябре были приобретены две бутылки одеколona за 95 рублей. В дополнительных документах есть написанный от руки счет: «Rachunek pobrano za 2 butelki wody kolonskiej 95 rub Nowicki Tadeusz». Также в октябре на обратной стороне билета в высококовскую городскую баню была зафиксирована оплата в «Zarząd Miejski podatek od lokali», т.е. налог за здание в городское управление. В октябре было выплачено 80 рублей Берко Шмуклеру за 28 вставленных стекол в церкви. Подпись сделана на русском языке, указано, что Шмуклер житель Высоко–Литовска. В декабре на польском бланке записан взнос от церкви в Епархиальное управление. За период с июля по декабрь заплачено 390 руб.

В феврале 1942 г. есть запись расходов о выплате 2 % от суммы 3193 р. при обмене на немецкие марки, составляющие 6 марок 39 пфеннигов. Благочинному взносы от церкви за январь и февраль составили 18 марок, за подводу в Верховичи для сдачи отчетности заплачено 10 марок. В мае 1942 г. псаломщику Ивану Прокоповичу компенсировано из церковных денег за квартиру 46 марок 50 пфеннигов за период с августа 1941 по март 1942 г. Оплата зафиксирована на бланке квитанции, написанном на немецком языке. В последующем такие квитанции встречаются до июля 1944 г. На первых квитанциях адрес псаломщика указан улица Мицкевича, 71, с июля 1942 г. – улица Почтовая, 71.

В июле 1942 г. Ивану Кулеше было выплачено 125 марок за покраску церковных окон и дверей, 30 марок за покраску железного креста, за покраску пола в алтаре и на солее – 200 марок.

С сентября 1942 г. есть бланки почтовых переводов как правило в Гродно, в епархиальное управление. Бланк на немецком языке с печатью. В печати указано WISOKIE (KR BIELSK, BZ BIALYSTOK). В соответствии с административно-территориальным делением оккупационных властей, город Высокое находился на юго-востоке Восточной Пруссии в округе Белосток (Bezirk Bialystok), Бельском «крайскомиссариате» (Kreiskommissariat Bielsk). В сентябре была произведена оплата 120 марок пошлины за награждение палицей.

За 7 октября 1942 г. есть квитанция из лесопилки в Нужеце за покупку 52 сосновых досок стоимостью 37 марок, 87 пфеннигов. Также есть запись об оплате за подводу 25 марок, чтобы привезти доски из Телятичей, 25 марок – перевезти камни из Выганова.

1 ноября 1944 квиток на 496 рублей – сборы Высоковской церкви за месяц октябрь 1944 г в пользу раненых воинов, в том числе 60 рублей отчислений из церковных доходов. 5 декабря сборы за ноябрь составили 648 рублей, в т. ч. 200 рублей церковных, 31 декабря, сборы за декабрь составили 1079 рублей, церковных – 290.

31 января 1945 сборы «в пользу детей и семей бойцов Красной Армии» за январь 1945 руб., в т.ч. «отчислений с доходов церковных» – 550 руб. На этом документе печать с надписью на русском языке «православный благочинный Высоко-Литовск. церк. округа». В феврале собрано 1054 руб, церковных 400, в марте 727, церковных 340, в апреле 1327 рублей, церковных – 600 руб., в мае 1458 руб, 550 церковных, за июнь 1084, 400 церковных, за июль 613, церковных 250, за август сборы 764 руб, за сентябрь 1153, церковных 300 руб, за октябрь 506 руб, церковных 300 руб., за ноябрь 996 руб, 400 церковных, за декабрь 511 руб, церковных 300.

В 1946 г., кроме основных текущих расходов на постоянные нужды прихода, 525 руб. церковных денег получил Иван Тур «за проданный кирпич в количестве 350 шт, считая по 1 р 50 коп за штуку». В апреле того же года Лисиневич получил 550 рублей за доставку четырех возов глины и трех возов песка на ремонт печи в причтовом доме. Задвижка к печи обошлась в 200 рублей, печной кафель был куплен две тысячи семьсот рублей, за ремонт печи Яков Козакевич получил две тысячи рублей.

В июле 1946 г. покупка и доставка из Бреста кровельного железа для церкви обошлись 8600 рублей. В сентябре Козакевич за ремонт двух печей в священническом доме получил 4000 рублей.

Таким образом, в приходно-расходных книгах фиксировались финансовые поступления. Как следует из документов, источниками доходов служили свечной и кружечный доход, т. е. пожертвования прихожан. Также доходы фиксировались при заключении брака и погребениях. В этом случае суммы дохода разные, что может свидетельствовать либо об отсутствии фиксированного тарифа за обряд, либо учета также денег полученных от продажи свечей во время осуществления обряда. Значительно меньший доход фиксируется от продажи крестиков и иконок. Также источником поступления средств являлся доход проскомидийный, т. е. за «подачу записок», совершение молитв за здоровье, либо об умерших, кроме того, от продажи брачных свечей, платков. Зафиксированы единичные случаи крупных денежных жертв конкретными людьми.

Высокий доход обеспечивали церковные праздники, престольный праздник, день закладки церкви. Престольный праздник – это Воздвижение Креста Господня, который отмечается 27 сентября, в честь этого события освящен престол в церкви, такое она носит название. День закладки первого камня при строительстве храма, как правило день будний, то есть разрешено проведение строительных работ. В Высоковском приходе это 2 августа, день памяти пророка Илии. Эти дни также обеспечивали большое скопление прихожан и соответственно высокий кружечный и свечной доход.

Основные расходы связаны с покупкой церковной утвари, приобретение ладана, вина, лампадного масла, покупка воска для изготовления свечей, либо их приобретение. Постоянными являются взносы в вышестоящую церковную организацию – епархию. В польский период – это в Пинск, во время немецкой оккупации – Гродно, в советский период – Брест. Постоянные статьи расходов связаны с ремонтом и обслуживанием здания церкви, а также дома священника. Для этих целей привлекались сторонние люди, оставлявшие расписки в получении денег. Своеобразным дополнением к приходно-расходным книгам служат оправдательные документы. К их числу относятся расписки от частных лиц, а периодически и от организаций, квитанции об оплате страховых взносов, почтовые переводы и т. д.

Источники и литература

1. Государственный архив Брестской области (ГАБО), Клировые ведомости церквей III Высоколитовского округа Брестского повета за 1931 г. – Ф. 2059. Оп. 4. Д. 16.
2. Высоковская церковь. Приходно-расходная книга 1939–1945 гг.

УДК [94(4)“1939/1945”+94(470“1941/1945”)]-37.091.64

А. А. Корзюк

Редакция журнала «Беларускі гістарычны часопіс»

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙН В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье речь идет об освещении истории Второй мировой и Великой Отечественной войн в учебной литературе для средней школы, изданной в Республике Беларусь в период с 1993 по 2022 гг. Представлены краткие результаты исследований российских ученых, посвященных анализу представления истории Беларуси в учебных пособиях для средней школы. Выделяются основные содержательные линии учебного материала, дается краткая характеристика основных изучаемых вопросов.

Изучение событий Второй мировой и Великой Отечественной войн занимало важное место на протяжении всего времени существования национальной системы школьного исторического образования в Республике Беларусь. В условиях реализации концентрического подхода соответствующий учебный исторический материал изучается в 9 и 11 классах. Кроме этого, с 2004/2005 учебного года в 11-х классах общеобразовательных школ республики осуществляется изучение обязательного факультатива «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)» в объеме 18 часов. Разработка и введение факультатива были посвящены 60-летию освобождения Беларуси и Победы в Великой Отечественной войне. Авторским коллективом в составе Б. Д. Долготовича, М. Г. Жилинского, К. И. Козака, М. А. Красновой, В. И. Лемешенка, С. Е. Новикова под руководством тогдашнего директора Института истории Национальной академии наук Беларуси А. А. Ковалени был создан оригинальный учебно-методический комплекс по факультативу, который был признан лучшим в СНГ [1–8].

Закономерным является тот факт, что освещение истории Второй мировой и Великой Отечественной войн в трех учебных пособиях (по всемирной истории, истории Беларуси и факультативу) происходит с одинаковых научно-методологических позиций. В качестве причин войны понимается в основном политика Франции и Великобритании по умиротворению нацистов. Мюнхенское соглашение рассматривается как поворотное событие, которое привело к началу Второй мировой войны. Договор о ненападении

между СССР и Германией и секретный протокол к нему, а также советско-германский договор 28 сентября 1939 года и секретный протокол к нему рассматриваются в качестве вынужденных шагов СССР, вызванных нежеланием Великобритании, Франции и Польши пойти на серьезный антигерманский союз с СССР.

Большое внимание уделяется воссоединению Западной Беларуси с БССР. Поход Красной Армии в Западную Беларусь и Западную Украину 17 сентября 1939 г. трактуется как освободительный. Как положительное и судьбоносное явление рассматривается объединение белорусов в рамках БССР. Подчеркивается, что в результате объединения территория и численность населения БССР выросли примерно вдвое. Обращается внимание на массовую поддержку населением Западной Беларуси похода Красной Армии.

Подробно разбираются план операции «Барбаросса» и план «Ост». Неудачи советских войск в начальный период войны трактуются в основном через военно-политическую логику: внезапный удар, неготовность вести оборонительную войну, потеря управления войсками в первые часы и дни войны, высокая боеготовность немецкой армии и т. д. Доминирует тезис о том, что Красная Армия героически воевала, но не смогла завладеть стратегической инициативой в приграничных сражениях. Рассматриваются военные действия первых недель войны, особенно происходившие на территории БССР: оборона границы, Брестской крепости, Минска, Могилева.

Дается развернутая характеристика нацистскому оккупационному режиму, подробно рассматриваются основные проявления геноцида белорусского народа. Обращается внимание на целенаправленное уничтожение евреев. При изучении факультатива особое внимание уделяется формированию коллаборантских структур, прежде всего из числа белорусских националистов. История коллаборации изучается достаточно подробно и трактуется крайне негативно. Коллаборанты понимаются основной опорой нацистов на оккупированной территории, через которых они реализовывали свою политику. Обращается внимание на то, что в Беларуси не нашлось достаточного количества добровольцев для участия в коллаборантских структурах и потому нацисты были вынуждены вводить в Беларусь для уничтожения евреев и борьбы с партизанами полицейские батальоны и иные подразделения, состоявшие из коллаборантов разных национальностей.

Наиболее значительное внимание уделяется истории партизанского движения в Беларуси. В целом повторяется традиционная версия истории партизанского движения, которая сложилась к моменту начала политики перестройки в СССР. Первые партизанские отряды возникли частично стихийно из групп окруженцев, частично организовано из бывших партийно-советских работников, бывших членов КПЗБ в Западной Беларуси, специально оставленных партизанить при отступлении Красной Армии отрядов. Первый бой партизаны Беларуси дали немцам под Пинском 28 июня 1941 силами отряда В. З. Коржа. Отряд возник на базе партийно-хозяйственного актива Пинска и области. В каждой местности Беларуси при рассмотрении этой темы внимание уделяется местной истории и местным партизанским отрядам и подпольным группам (уроки «Наш край» в 9 и 11 классах).

Подъем партизанского движения связывается с организацией Центрального штаба партизанского движения 30 мая 1942 г. После создания ЦШПД партизанское движение приобрело сильную организационную структуру и получило серьезное снабжение из-за линии фронта. Это позволило создать крупные соединения и бригады, а также перейти к широкомасштабной диверсионной борьбе в интересах фронта, срывать мероприятия нацистов по хозяйственной эксплуатации оккупированной территории, защищать население от угона в Германию, вести разведку, перемещать крупные партизанские соединения в новые регионы для активизации партизанского движения по территории всей БССР. Были созданы партизанские зоны и края.

Подробно разбираются наиболее известные акции партизан и подпольщиков: убийство гауляйтера Вильгельма Кубе, операция «рельсовая война», действия партизан в поддержку Красной Армии во время операции «Багратион» летом 1944 г.

Подчеркивается возрастающая год от года организованность и массовость партизанского движения, превращение партизанской войны во всенародную войну против оккупантов. Называются причины перехода населения к массовой поддержке партизан: жестокие действия нацистов во время карательных операций, сожжение деревень вместе с жителями, ограбление населения, вывоз молодежи на работу в Германию и т. д.

Большое внимание уделяется деятельности Коммунистической партии Беларуси во главе с П. К. Пономаренко (он же – глава ЦШПД). Подчеркивается связь партизанского движения с фронтом. Партизанское движение трактуется как форма освободительного движения белорусского народа.

В конечном счете, учащиеся подводятся к пониманию причин провозглашения Днем независимости Беларуси Дня освобождения Красной Армией Минска от нацистов – 3 июля 1944 года. Подчеркивается, что партизанское движение при всей своей массовости не могло само разгромить германскую армию, а выполняло вспомогательную функцию по отношению к действиям регулярной Красной Армии на фронтах. Акцентируется многонациональный характер партизанского движения в Беларуси. В целом партизанское движение героизируется, подчеркивается его массовый, всенародный характер.

Подробно раскрывается деятельность уроженцев Беларуси на фронтах Великой Отечественной и Второй мировой войн. Особое внимание уделяется включению БССР в состав стран – основательниц ООН. Подчеркивается важность того, что Беларусь впервые вышла на международную арену, пусть и в качестве союзной республики, внешняя политика которой определялась из центра.

В качестве несомненных достоинств освещения событий Второй мировой и Великой Отечественной войн в новых учебных пособиях по всемирной истории и истории Беларуси для 9 класса можно выделить то, что в содержание основного и дополнительного учебного материала включено больше «живых» человеческих историй, в отличие от простого перечисления имен; упоминается о некоторых группах ранее замалчиваемых жертв войны (в частности, цыгане, остарбайтеры); делается больший акцент на мемориализации памяти о событиях военных лет.

В то же время, война продолжает рассматриваться преимущественно с точки зрения ее героизации – недостаточное внимание уделяется военной повседневности, экономическому положению на оккупированных и неоккупированных территориях, трагической судьбе военнопленных. Не прослеживается изменение положения гражданского населения в каждый из последующих годов оккупации, в результате чего война представляется учащимися одинаковой в любое время. В содержании всемирной истории можно заметить, что учебный материал о военных действиях на других фронтах Второй мировой войны значительно уступает по объему материалу о военных действиях на Восточном фронте. Имеется определенная несогласованность между учебным материалом в пособиях по всемирной истории и истории Беларуси.

Необходимо отметить, что отечественные учебные пособия по истории для средней школы, в особенности пособия по истории Беларуси неоднократно выступали в качестве предмета исследования российских ученых. В частности, в 2006 г. доктором социологических наук, профессором, заведующим лабораторией этнической социологии и психологии Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета З. В. Сикевич было подготовлено исследование, посвященное анализу интерпретации истории Беларуси в учебных пособиях для средней школы [9]. К сожалению, в тексте исследования отсутствуют ссылки на учебные пособия, которые были использованы в качестве источниковедческой базы, что, на наш взгляд, не лучшим образом влияет на его научную ценность. Исходя из содержания и времени его публикации, можно только предполагать, что в этом качестве могли выступать учебные пособия по истории Беларуси второго поколения, изданные в 1997–2002 гг. и, вероятно, отдельные пособия третьего поколения (для 12-летней школы), которые выпускались до

2006 г. В отношении учебного исторического материала, посвященного Великой Отечественной войне, в исследовании отмечается, что «трактовка ее событий полностью совпадает с интерпретацией в российских учебниках, большее внимание уделяется оккупации Беларуси и массовой партизанской войне».

К подобному выводу пришли и авторы научного доклада «Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств» (2009 г.) [10]. В ходе исследования были собраны и изучены 187 наиболее массовых или единых школьных учебников и учебных пособий по истории из 12-ти республик бывшего Советского Союза (Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Литва, Молдова, Узбекистан, Украина и Эстония). Результаты исследования были коротко представлены и на страницах российского журнала «Преподавание истории в школе» [11].

Исследование состоит из введения, краткого очерка системы преподавания истории в школах новых независимых государств и ряда аналитических глав, в содержании которых рассматривается освещение основных моментов общей истории России и постсоветских стран в школьных учебниках истории. В качестве одного из таких моментов определена Великая Отечественная война. В приложениях представлены списки использованной учебной литературы и цитаты из учебников по анализируемым историческим проблемам. Что касается рассмотрения учебных пособий по истории Беларуси, то авторами доклада было рассмотрено содержание 8-ми изданий, выпущенных в период 2001–2009 гг. При этом события Великой Отечественной войны анализировались по содержанию только одного учебного пособия – для 11 класса 2002 года издания [12].

В содержании доклада отмечается, что в белорусской школе Вторая мировая война и Великая Отечественная война как ее составная часть изучаются достаточно подробно. Никаких выходящих за рамки сформулированных незадолго перед распадом СССР идеологем в белорусских учебниках не содержится. Отсутствуют нигилизм по отношению к Советскому Союзу и ревизионизм, оправдывающий коллаборацию и политику нацистской Германии национальными интересами белорусов. Причины Второй мировой войны связываются с тем, что она была развязана нацистской Германией с целью установления господства над иными народами и переустройства всего мирового порядка на расовых принципах. Общая оценка Великой Отечественной войны в учебном пособии заключается в том, что это была справедливая война, целью которой был разгром нацистской Германии как захватчика и уничтожение самой нацистской идеологии [10, с. 323].

Подводя итоги, можно сказать следующее. Изучение событий Второй мировой и Великой Отечественной войн занимает значительное место в содержании учебного материала по истории Новейшего времени в средней школе Республики Беларусь. На протяжении существования национальной системы школьного исторического образования независимо от реализуемого принципа построения учебных программ (концентрического или линейного) и продолжительности обучения (11-летняя или 12-летняя школа) данные события изучаются достаточно подробно, причем как в основном курсе учебных предметов «Всемирная история» и «История Беларуси», так и в ходе специально разработанных факультативных занятий. Освещение событий Второй мировой и Великой Отечественной войн в учебных пособиях для средней школы, которые использовались ранее и используются в образовательном процессе в настоящее время, осуществлялось преимущественно с одинаковых научно-методологических позиций и в целом соответствует подходам, принятым в современной российской историографии. В то же время, большее внимание, чем в российской учебной литературе по истории для средней школы, уделяется вопросам начального этапа Второй мировой войны (с 1939 по 1941 гг.), что связано с воссоединением Западной Беларуси с БССР; германскому оккупационному режиму и геноциду белорусского народа; партизанской и подпольной борьбе на территории БССР; освобождению Беларуси, а также

вкладу беларускага народа в перамоцу над нацысцкай Германіяй. Усе гэта спрыяе больш чёткаму ўсвоенню ўдзячымі ведаў аб гісторыі і героічнай барацьбе беларускага народа в кантэксце Вялікай Айчыннай і Другой сусветнай войнаў.

Істочнікі і літаратура

1. Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (в кантэксце Другой сусветнай войны): праграма факультатыва для ўчреждений, забяспечваючых атрыманне агульнага адукацыянага ўзроўня. – Мінск : НІО, 2014. – 78 с.
2. Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (в кантэксце Другой сусветнай войны): ўчб. пазубіе для 11-га класа агульнаадукац. ўчреждений с рус. яз. адукацыянага ўзроўня / А. А. Коваленя, М. А. Краснова, В. І. Лемешонок [і др.]; пад рэд. А. А. Коваленя, Н. С. Сташкевіча. – Мінск : Ізд. цэнтр БГУ, 2004, 2009, 2020. – 232 с.
3. Коваленя, А. А. Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (в кантэксце Другой сусветнай войны): справочнік: пазубіе для ўдзячымі 11 класа агульнаадукац. ўчреждений / А. А. Коваленя, М. А. Краснова, В. І. Лемешонок; пад рэд. А. А. Коваленя. – Мінск : Ізд. цэнтр БГУ, 2007, 2009. – 235 с.
4. Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (в кантэксце Другой сусветнай войны): хрестоматія: пазубіе для ўдзячымі 11 класа агульнаадукац. ўчреждений / сост. А. А. Коваленя, М. А. Краснова, В. І. Лемешонок, С. Е. Новіков; навуц. рэд. А. А. Коваленя. – Мінск : Беларуская навука, 2008. – 350 с.
5. Коваленя, А. А. Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (в кантэксце Другой сусветнай войны): рабочая тетрадь: пазубіе для ўдзячымі 11 класа агульнаадукац. ўчреждений / А. А. Коваленя, М. А. Краснова, Н. Н. Ганушэнко. – Мінск : Аверсэв, 2010. – 64 с.
6. Ізучэнне факультатыва «Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (в кантэксце Другой сусветнай войны)»: планіраванне і прыкладныя мадэлі ўрокаў / авт.-сост.: М. А. Краснова, К. І. Секацкая. – Мінск : Технопрінт, 2005. – 82 с.
7. Коваленя, А. А. Вялікая Айчынная вайна савецкага народа: (в кантэксце Другой сусветнай войны): матэрыялы для ўчыцеля / А. А. Коваленя, М. А. Краснова, Н. Н. Ганушэнко. – Мінск : Аверсэв, 2007. – 240 с.
8. Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (в кантэксце Другой сусветнай войны): атлас: ўчб. пазубіе для 10-га класа ўчреждений агульнага адукацыянага ўзроўня с рус. яз. адукацыянага ўзроўня / А. А. Коваленя, М. Г. Жылінскі, А. А. Лукашов. – Мінск : Белкартаграфія, 2015 – 51 с.
9. Сікевіч, З. В. Гісторыя Беларусі в інтэрпрэтацыі ўчбнікоў для сярэдняй школы (аналітычнае ісследванне) / З. В. Сікевіч [Электронны рэсурс]. – 2006. – Рэжым даступа: http://img.rosbalt.ru/doc/File/sikevich_brest_2.doc#sthash.6B4hjGgY.dpuf. – Дата даступа: 29.02.2020.
10. Асвятленне агульнай гісторыі Расіі і постсавецкіх краін в школьных ўчбніках гісторыі новых незалежных дзяржаў / Д. Я. Бондаренко [і др.]; рэд. А. А. Данілов, А. В. Філіпав. – М. : б. і., 2009. – 389 с.
11. Асвятленне агульнай гісторыі Расіі і постсавецкіх краін в школьных ўчбніках гісторыі новых незалежных дзяржаў // Преподаванне гісторыі в школе. – 2010. – № 2. – С. 76–78.
12. Качалаў, І. Л. Гісторыя Беларусі: канец XVIII ст. – 1999 г.: вучэб. дапам. для 11 кл. агульнаадукац. шк. з бел. і рус. мовамі навучання / І. Л. Качалаў, Г. С. Марцуль; пад рэд. Я. К. Новіка. – 2-е выд. – Мінск : Нар. асветы, 2002. – 206 с.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКОЙ ССР В ООН ПО ВОПРОСУ
О ВЫДАЧЕ И НАКАЗАНИИ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ
И ПРОБЛЕМА ГЕНОЦИДА БЕЛОРУССКОГО НАРОДА**

Рассматривается деятельность Белорусской ССР в ООН по вопросу о выдаче и наказании военных преступников в 1940–1970-е гг. В связи с этим вопросом говорится о деятельности Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, которая в апреле 2021 г. возбудила и расследует уголовное дело по фактам совершения нацистскими преступниками и их соучастниками геноцида мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Автор рассказывает о своем опыте изучения проблемы военных преступников и документе, подготовленном по запросу Генеральной прокуратуры в апреле 2021 г.

Приоритетным направлением деятельности делегации Белорусской ССР в ООН в первые послевоенные годы была проблема выдачи и наказания военных преступников. Руководитель делегации БССР, нарком иностранных дел К. В. Киселев в выступлении на 1-й части 1-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 18 января 1946 г. (Лондон) указал на необходимость принятия самых решительных мер для скорейшего претворения в жизнь подписанных в годы войны странами антигитлеровской коалиции деклараций о выдаче и наказании военных преступников и предложил обсудить этот вопрос на данной сессии. Он привел ряд фактов о злодеяниях, совершенных гитлеровцами в Беларуси, и сообщил, что правительство БССР располагает списком немецко-фашистских преступников и их сообщников в количестве 1200 человек, совершивших злодеяния на территории республики [1; 2, л. 76–79].

9 февраля К. В. Киселев внес проект резолюции о выдаче и наказании военных преступников на рассмотрение Первого комитета Генеральной Ассамблеи [3, с. 256]. 11 февраля этот проект с незначительными редакционными изменениями был единодушно утвержден комитетом, а 13 февраля 1946 г. резолюция БССР «О выдаче и наказании военных преступников» была одобрена Генеральной Ассамблеей. Резолюция призывала государства-члены ООН и государства, не являвшиеся членами ООН, к принятию самых энергичных мер по выявлению военных преступников, их аресту и высылке в те страны, где они совершили свои преступления, для суда и наказания согласно законам этих стран [4, с. 10; 5, с. 169–170].

На 2-й сессии Генеральной Ассамблеи белорусская делегация потребовала от правительств США и Великобритании выполнения резолюции от 13 февраля 1946 г. В выступлении ее представителя М. Ф. Дичко на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи 31 октября 1947 г. отмечалось, что правительство БССР располагает «списком довольно большого количества немецко-фашистских преступников и их пособников, совершивших злодеяния на оккупированной территории Белоруссии». Подчеркивалось, что подавляющее большинство их до сих пор не разысканы и продолжает оставаться ненаказанными. Часть из этих пособников укрывается в лагерях для перемещенных лиц, другая – беспрепятственно проживает в западных зонах оккупации Германии и Австрии, где создает враждебные БССР организации, ведущие подрывную работу среди перемещенных лиц белорусской национальности за невозвращение на Родину и направленную против Объединенных Наций [6, л. 234–238; 7].

Однако белорусская делегация не смогла представить на тот момент юридические доказательства совершенных пособниками оккупантов (среди них назывались имена президента Белорусской центральной рады Р. Островского, члена БЦР Ф. Кушеля и др.) преступлений на территории Беларуси, на чем настаивали представители США и Великобритании.

Насколько нам удалось установить в результате исследовательских поисков в Национальном архиве Республики Беларусь, Архиве внешней политики Российской Федерации и Национальном архиве Великобритании, подобного списка, о котором говорил К. Киселев и другие белорусские представители, правительство БССР не передавало правительствам США и Великобритании.

Вероятно, такой документ со списком подозреваемых в военных преступлениях не был оформлен в соответствии с требованиями международного уголовного права со строго документированными доказательствами совершения преступлений указанными в списке лицами [8, с. 136–138]. Как известно, власти США и Великобритании, отказывая в выдаче военных преступников советским властям, ссылались на недостаточность улик и доказательств виновности того или иного подозреваемого лица [7].

2-я сессия Генеральной Ассамблеи после обсуждения вопроса о военных преступниках приняла проект резолюции Великобритании, в соответствии с которым отмечался прогресс в деле выдачи и наказания военных преступников. Устанавливалась новая процедура, согласно которой правительства стран, где были совершены преступления, должны заново подавать заявления о выдаче военных преступников и представлять исчерпывающие юридические доказательства совершенных преступлений. Шесть славянских стран (славянский или советский блок) (СССР, УССР, БССР, Польша, Чехословакия, Югославия) и Эфиопия голосовали против принятия этой резолюции [7; 9].

Что касается списка немецко-фашистских преступников и их сообщников, совершивших злодеяния на временно оккупированной территории БССР, то он датируется 1945 г. и находится в Национальном архиве Республики Беларусь [10]. Он состоит из 1233 человек немецкой, австрийской, польской и других национальностей. Представители белорусской национальности в нем отсутствуют. Список составлен на основе материалов Государственной чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний, совершенных немецкими захватчиками на территории Беларуси. В архивном деле нет сведений о направлении списка правительствам зарубежных стран. Для более углубленного изучения обстоятельств, связанных с использованием этого списка, как и возможно других, имеющих отношение к этому вопросу материалов, в дипломатической деятельности делегаций БССР в ООН, необходимо исследование архива МИД Республики Беларусь за 1945 и последующие годы. В настоящее время доступ к материалам организационно-распорядительного характера министерства закрыт.

Вопрос о выдаче военных преступников возник также на совещании заместителей в Совете министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции 8 февраля 1947 г., на котором с заявлением правительства БССР по германской проблеме выступил министр иностранных дел БССР К. Киселев. В заявлении было сказано о деятельности в западногерманском городе Регенсбурге «Белорусского комитета», входящего в американскую зону оккупации, в котором имелись «фашистские преступники». Представитель США спросил К. Киселева, проводилось ли специальное расследование о деятельности этого комитета и каковы источники его информации. Белорусский министр обещал прислать дополнительные данные о деятельности «Белорусского комитета» в Регенсбурге в распоряжение главнокомандующего американской зоны оккупации, чтобы власти США распустили эту организацию. Представитель США отметил, что до сих пор подобная информация не была передана американцам белорусскими властями [6, л. 17–21]. В открытых источниках и архивах нам не удалось выявить сведений, была ли передана информация такого рода американским властям, как и требований правительства БССР о выдаче членов «Белорусского комитета» [8, с. 108–109]. Скорее всего, этих материалов передано не было. Что касается «Белорусского национального комитета» в Регенсбурге, то он возник в августе 1945 г. на территории Западной Германии и действовал до 1950 г. Комитет объединял белорусских перемещенных лиц, преимущественно молодежь, и занимался культурно-образовательной деятельностью и помощью белорусским эмигрантам (беженцам и перемещенным лицам).

После принятия резолюции Генеральной Ассамблеи о выдаче и наказании военных преступников белорусская делегация в ООН продолжала заниматься вопросами, связанными с ответственностью за военные преступления. В 1964 г. правительство ФРГ заявило о своем решении прекратить с мая 1965 г. судебное преследование нацистских военных преступников под предлогом «истечения сроков давности» совершенных ими преступлений. При этом оно ссылалось на действовавший в стране уголовный кодекс 1871 г., предусматривавший максимальный срок давности преступления в 20 лет. Это означало приравнивание преступлений нацистских преступников против мира и человечности к обычным уголовным преступлениям, наказуемым по кодексу XIX века. Такое решение западногерманского правительства вызвало возмущение международной общественности, особенно тех стран, которые наиболее сильно потерпели от злодеяний фашистской Германии. Правительства СССР и БССР выступили с заявлениями (соответственно 24 декабря 1964 и 15 января 1965 гг.), в которых отметили, что действия властей ФРГ не имеют под собой ни политической, ни моральной, ни правовой силы и подчеркнули, что решения Объединенных Наций обязывают правительство ФРГ подвергнуть наказанию нацистских военных преступников независимо от срока давности совершенных ими преступлений. В заявлении Совета Министров БССР «Нацистские преступники должны быть наказаны независимо от срока совершенных ими преступлений» было сказано, что «нацистские преступники – виновники чудовищных злодеяний – ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах не должны избежать справедливого возмездия, все они должны понести заслуженное наказание» [11, с. 176].

Планы боннского правительства подтолкнули СССР и другие социалистические страны к международно-правовому закреплению нормы о неприменении сроков давности к преступлениям против человечества и военным преступлениям. По их инициативе, в том числе БССР, 23-я сессия Генеральной Ассамблеи (1968 г.) утвердила Конвенцию о неприменении сроков давности к преступлениям против человечества и военным преступлениям [12], которую БССР подписала и ратифицировала одной из первых (27 марта 1969 г.) [11, с. 217].

На 25-й сессии Генеральной Ассамблеи (1970 г.) БССР удалось добиться принятия двух важных поправок к призыву ко всем заинтересованным государствам как можно скорее подписать и ратифицировать эту конвенцию, который содержался в резолюции 2583/XXIV. В результате принятия поправок текст резолюции был дополнен призывом к правительствам государств-членов ООН представить Генеральному секретарю информацию о мерах, принятых или принимаемых ими с целью присоединения к этой конвенции, а также призывом к государствам, которые еще не присоединились к конвенции, строго соблюдать положения резолюции 2583/XXIV Генеральной Ассамблеи о том, что они будут воздерживаться от действий, противоречащих целям этой конвенции.

По предложению БССР 28-я сессия Генеральной Ассамблеи (1973 г.) одобрила с некоторыми поправками Принципы международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества. За принятие соответствующей резолюции голосовали 94 делегации, воздержались 29, против не голосовал никто. В соответствии с принятым решением все государства призваны оказывать содействие друг другу в обнаружении, аресте и привлечении к суду лиц, подозреваемых совершении военных преступлений и не должны предоставлять убежища военным преступникам [13, с. 86–87]. В последующие годы ООН приняла ряд других документов (к ним присоединилась и БССР), в которых закреплён принцип неотвратимости наказания за военные преступления. В соответствии с нормами международного права на военных преступников не распространяются сроки давности.

Насколько известно, последние суды в Беларуси по делам нацистских военных преступников состоялись в первой половине 1960-х гг. С тех пор белорусская прокуратура и Комитет государственной безопасности, судя по открытым публикациям и сообщениям в

печати, не занимались широко, активно и главное публично этим вопросом, хотя несомненно, что работа по выявлению нацистских военных преступников и их сообщников ими проводилась. В адрес КГБ, как сообщали западные эксперты, поступали соответствующие запросы из ГДР и ФРГ и Комитет проводил работу по их выполнению.

В апреле 2021 г. Генеральной прокуратурой Республики Беларусь возбуждено и в настоящее время расследуется уголовное дело по фактам совершения нацистскими преступниками, их соучастниками, преступными формированиями геноцида мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период [14]. В январе 2022 г. принят закон «О геноциде белорусского народа», который предусматривает юридическое признание геноцида белорусов, совершенного нацистскими преступниками и их пособниками в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (до 1951 г.). В конце 2023 г. Генеральная прокуратура сообщила, что уголовное дело о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны расследуется два с половиной года, в нем уже более 500 томов [15]. Проблема геноцида занимает первостепенное место в исторической политике государства, подготовлены учебники о геноциде для начальных и старших классов средней школы.

Автор занимается изучением вопроса о выдаче и наказании военных преступников с середины 1980-х гг., когда впервые выступил по этой теме на международной научно-политической конференции в Москве в защиту мира, хотя публикации тогда не получилось. Более глубоко эту тему, как и проблему беженцев и перемещенных лиц, исследовал в докторской диссертации, монографии о внешнеполитической деятельности БССР в 1944–1953 гг. и научных статьях [8]. Видимо мой исследовательский опыт оказался интересен для Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, возбудившей уголовное дело о геноциде. В апреле 2021 г. на факультете международных отношений БГУ состоялась встреча со старшим следователем ГП, по результатам которой я подготовил «Заключение о деятельности Белорусской ССР на международной арене по вопросу о выдаче и наказании военных преступников и по другим вопросам, касающимся геноцида населения Беларуси», направленное в адрес ГП Республики Беларусь. В документе содержалась информация о дипломатической деятельности БССР по проблеме военных преступлений, списке военных преступников от 1945 г., других документах и публикациях, в том числе зарубежных, относящихся к теме, местах хранения архивных материалов, рекомендации по вопросу поиска документов [16].

Поскольку Генеральная прокуратура была намерена обратиться за помощью в выявлении и предоставлении необходимых материалов к компетентным органам и архивным учреждениям ряда государств (Германии, Литвы, Польши, России и возможно некоторых других), мною были высказаны соображения, основанные на личном опыте и научной литературе, где можно было бы получить эти документы. В частности, в Польше такие документы хранятся в Институте национальной памяти (это материалы Министерства общественной безопасности ПНР) и открыты для исследователей, в том числе зарубежных, и других заинтересованных лиц. Я их встречал в большом количестве, в том числе касающиеся белорусских граждан и представителей белорусской национальности, сотрудничавших с немецкими оккупационными властями, во время своих архивных исследований в воеводских отделениях ИПН в Варшаве, Белостоке и Люблине.

В беседе со старшим следователем Генеральной прокуратуры и «Заключении» обращено внимание на то, что поскольку уголовное дело о геноциде белорусского населения в период Великой Отечественной войны и послевоенное время связано с «западноевропейскими государствами, причастными к массовому уничтожению белорусов и представителей иных национальностей» в годы войны и послевоенный период [14], то у этих государств (ФРГ, Польши, балтийских государств) запросы белорусской прокуратуры не вызовут положительной реакции или могут вызвать ответные действия (известный белорусский катынский список со стороны Польши). В связи с заведенным уголовным делом один из немецких

историков отметил в апреле 2021 г., что белорусская прокуратура опоздала с поисками и наказанием военных преступников и высказал сомнение, захочет ли Центральное ведомство управлений юстиции земель Германии для расследования нацистских преступлений в Людвигсбурге сотрудничать с белорусскими прокурорами. Спустя почти три года после заведения уголовного дела о геноциде можно видимо отметить в части вопроса о сотрудничестве с компетентными органами западноевропейских государств, что подобного сотрудничества не наблюдалось.

Деятельность БССР в ООН по вопросу о выдаче и наказании военных преступников была одним из приоритетных направлений в работе белорусских дипломатов. Это нашло выражение в резолюции 1-й сессии Генеральной Ассамблеи и других принятых ООН документах. В 1980 – первой декаде 2000-х гг. данная тематика отошла на задний план в деятельности делегаций БССР и Республики Беларусь в ООН. В начале 2020-х гг. она вышла на передний план в связи с обострением отношений Беларуси с западными государствами и в настоящее время занимает ведущее место в исторической политике и политике памяти белорусского государства. При этом особую актуальность и значение приобрели вопросы наказания военных преступников, к которым не применимы сроки давности, и связанная с ними проблема геноцида белорусского народа. Данная тематика, особенно ее международные, политико-правовые и дипломатические аспекты, нуждается в специальном исследовании, которое может быть инициировано и поддержано государственными органами и научно-образовательными учреждениями (Генеральной прокуратурой, Министерством юстиции, МИД, НАН Беларуси и Министерством образования). Автор также может принять в этом участие, в том числе по линии научно-исследовательской темы ГПНИ, выполняемой в БГУ.

Источники и литература

1. Правда. – 1946. – 20 января.
2. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 907. Оп. 1. Д. 7.
3. Сборник предложений СССР, УССР и БССР, внесившихся в ООН в 1946–1950 гг. М. : МИД СССР, 1952. – 355 с.
4. Объединенные Нации. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на 1-й части сессии с 10 января по 14 февраля 1946 г. Лондон, 1946. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/3%28I%29>. – Дата доступа: 20.09.2023.
5. Киселев, К. В. Записки советского дипломата / К. В. Киселев – М. : Политиздат, 1974. – 528 с.
6. НАРБ. – Ф. 907. Оп. 1. Д. 26.
7. Советская Белоруссия. – 1947. – 5 ноября.
8. Снапкоўскі, У. Е. Знешнеплітычная дзейнасць Беларусі: 1944–1953 гг. / У. Е. Снапкоўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1997. – 208 с.
9. Советская Белоруссия. – 1947. – 6 ноября.
10. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 907. Оп. 1. Д. 12.
11. Знешняя палітыка Беларусі: Зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 5 (верасень 1945 г. – 1975 г.). Мінск: БелНДДАС, 2002. – 523 с.
12. Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/warcrimes_limit.shtml – Дата доступа: 20.09.2023.
13. Бровка, Ю. П. Белорусская ССР – суверенный участник международного общения / Ю. П. Бровка. – Минск : Наука и техника, 1974. – 208 с.
14. Заявление Генерального прокурора Республики Беларусь Андрея Шведа о возбуждении уголовного дела по факту геноцида населения Беларуси. 09.04.2021 [Электронный ресурс] – Режим доступа: // <https://prokuratura.gov.by/ru/media/video/zayavlenie-generalnogo-prokurora-respubliki-belarus-andreya-shveda-v-svyazi-s-vozbuzhdeniem-ugolovno/>. – Дата доступа: 20.09.2023.

15. Уголовное дело о геноциде белорусского народа в годы ВОВ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <https://sputnik.by/20231114/v-shkolakh-belarusi-s-1-klassa-budut-rasskazyvat-o-genotside-v-gody-vov-1081141815.html> – Дата доступа: 24.12.2023.

16. Снапковский, В. Е. Заключение о деятельности Белорусской ССР на международной арене по вопросу о выдаче и наказании военных преступников и по другим вопросам, касающихся геноцида населения Беларуси 14.04.2021 (на 6 маш. стр.) // Архив автора.

УДК 94:327.5(430:(47+57))«1941-1945»:94:327.5(430:476)«1941-1945»

В. Г. Шумилов

Институт истории НАН Беларуси

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В данной статье рассматриваются вопросы сохранения исторической памяти белорусского народа о событиях Великой Отечественной войны, периода оккупации БССР гитлеровскими захватчиками, геноциде белорусского народа, самоотверженной борьбы белорусов в партизанских отрядах и подпольных организациях, освобождении БССР и Великой Победе, в современных условиях: соотношение исторической науки и исторической памяти.

Введение

На сегодняшний день одна из важнейших проблем на постсоветском пространстве – это сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. Важность изучения того, как память людей выражается в знаниях, суждениях и представлениях, подчеркивает многообразие и разноплановость, которые откладывают отпечаток на историческую память белорусского народа. В 2024 г. в Беларуси празднуют 80-летие освобождения от фашистской оккупации в Великой Отечественной войне (далее – война). А что современное общество знает о войне? Что пытается сделать для того, чтобы сохранить память о войне для будущих поколений? К сожалению, сегодня над данным вопросом задумываются далеко немногие. Именно поэтому тема научной статьи является актуальной как никогда.

Белорусский народ – народ-победитель. Мы пишем правдивую историю Беларуси из славных достижений и выдающихся имен, достойных того, чтобы ими гордились нынешние и будущие поколения. Каждый период истории оставил свой след на нашей земле. Наша задача – найти в нем тот смысл, который будет работать на единство общества и воспитание гражданина-патриота Беларуси.

Историческая память – это связь времен и поколений, неразрывность судьбы независимой Беларуси с героическими страницами истории белорусского народа. Память поколений как связующее звено времен делает нас сильнее и мудрее. Благодаря исторической памяти мы смогли построить свое государство, отстоять национальные интересы и безопасность страны.

В Послании к белорусскому народу в 2023 г. Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко отметил: «Само время заставило нас занять более жесткую государственную позицию в вопросах сохранения исторической правды. Дать принципиальную и бескомпромиссную оценку отдельным фактам» [1, с. 9]. Мир на земле немислим без исторической памяти. Таков один из главных тезисов Послания Главы государства А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь.

Актуальность настоящей статьи заключается в исследовании важной проблемы современной науки – вопрос о методологии сохранения исторической памяти: о соотношении исторической науки и исторической памяти, может ли историческая наука повлиять на историческую память.

История ничему не научила нынешнее руководство Германии, по-прежнему проводится агрессивная политика в отношении России и Беларуси. Наша историческая память направлена на формирование преемственности, понимания фундаментальных ценностей у всех поколений – вне зависимости от того, сколько времени прошло. Любое искажение исторической памяти может привести к деградации общества и расколу нации. Поэтому для нас жизненно важно сохранить для потомков память о героизме и самоотверженности наших предков, поколений победителей. *Для нас историческая память – это национальный код.*

Нам необходимо иметь возможность защитить все основные символы, связанные с Великой Победой, которые сегодня активно пытаются разрушить различные институты и структуры на Западе. Для Беларуси как одной из стран, наиболее пострадавших в Великой Отечественной войне, но сумевшей сохранить после развала СССР все исторические памятники и неосязаемую, но важную идеологическую составляющую по охране наследия этого великого события, самым главным сегодня является духовное единение белорусского народа, которое позволяет сохранить все эти атрибуты как можно дольше. *Для нас это – идеологический иммунитет.*

Противостоять попыткам фальсификации исторического прошлого просто необходимо. Но делать это нужно вместе и сообща. К этому процессу привлечены: ученые, архивисты, учителя, музейные работники и общество в целом. Иными словами, ведется целенаправленная идеологическая работа с целью увековечивания *исторической правды* о Великой Победе для широкой общественности, нашей молодежи, до следующих поколений. И донести до них твердое убеждение в том, что наша *историческая память* – залог наших сегодняшних прав и свобод и нашей спокойной мирной жизни.

Основная часть

Историческая память является одним из главных консолидирующих факторов для нации. Она позволяет охватывать различные уровни жизнедеятельности социума. Важность исторической памяти заключается в доступности осознания ее проявлений каждому члену общества вне зависимости от индивидуальных характеристик [2, с. 8]. Историческая память – это яркое проявление идентичности народа посредством осознания своей наследуемой причастности к определенным событиям или деятельности выдающихся предков.

Историческая память должна смотреть в будущее, опираясь на уроки прошлого. Несоблюдение данного условия не позволяет народу здраво оценить свое место в современной истории и приводит к социальной напряженности и межэтническим конфликтам. Историческая память должна отвечать на вопрос «Кто мы?», а не порождать все новые вопросы.

История белорусской земли богата чередой различных событий и ознаменована деятельностью выдающихся личностей. Основная часть этих событий нанесла значительный ущерб населению, экономике и историко-культурному наследию Беларуси. Такие события имели негативные последствия: среди них Отечественная война (1812 г.), Первая мировая война (1914–1918 гг.) и конечно Великая Отечественная война (1941–1945 гг.), которые оставили значительный след в исторической памяти белорусского народа.

Самым ярким примером такого события служит Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) по причине ее относительной близости с точки зрения исторического процесса, а также того факта, что данное событие затронуло все сферы жизнедеятельности общества и все социальные слои; базирования национальной идеи на образе подвига народа через воспитательную и идеологическую работу; значительного видоизменения народного хозяйства и этнического состава территории. Практически каждый третий житель БССР был уничтожен, а такие злодеяния не стираются из памяти людской.

До сегодняшнего дня еще живы свидетели событий тех лет. Опираясь на их память о пережитом, а также на научные исследования в данной области, можно сделать вывод, что Великая Отечественная война затронула абсолютно все стороны жизнедеятельности общества. Несомненно, следует отдать дань уважения поколениям историков и сохраняя тем самым историческую память о войне. Не следует предъявлять завышенных требований к ним, ибо каждый этап развития исторической науки в Беларуси характеризовался своим подходом к истории Великой Отечественной войны и ученые работали в условиях сформировавшегося общественного заказа о этой войне [3, с. 73–84].

В противовес нашему мнению в зарубежной историографии являются взгляды, противопоставляющие историческую науку и различные виды памяти (индивидуальную, коллективную, публичную). Основное различие между историей и памятью французский социолог М. Хальбвакс видел в том, что история смотрит на происшедшие события извне и обращает внимание прежде всего на изменения и различия, а коллективная память рассматривает их изнутри и фиксирует прежде всего сходства [2, с. 26–27]. По мнению немецкого ученого Х. Вельцера, «... в то время как история занимается установлением имевших место фактов и выдвиганием по их поводу поддающихся проверке утверждений, память абсолютно оппортунистична: она берет то, что ей полезно, и отбрасывает то, что представляется ей лишним или неприятным» [4, с. 33].

В отечественной (белорусской и российской) историографии как свидетельствует опыт, история – мощнейшее средство мобилизации чувства коллективной идентичности народа, которое способно в равной степени выступать орудием как интеграции и созидания, так и раскола общества. В современных геополитических реалиях стало действительностью развязывание информационных и гибридных войн. Необходимость противостоять навязыванию искаженных, чуждых представлений об историческом пути и перспективах белорусского народа чрезвычайно актуализирует важность объективного осмысления прошлого опыта с белорусских, национальных позиций. Такое научное отражение истории способствует укреплению системы национальной безопасности.

В контексте вышеизложенного особенно важно то, что при поддержке государства, на основе принципов историзма, объективности и системности, учитывая богатейший опыт белорусской историографии, используя огромный массив археологических материалов и архивных документов, ученые Института истории НАН Беларуси, Национального архива Республики Беларусь (далее – НАРБ) совместно с коллегами из учреждений высшего образования в результате 15 лет целенаправленной научно-исследовательской деятельности разработали национальную концепцию отечественной истории. В ее основу положены научно обоснованные факты и события, идея неразрывности исторического процесса, становления и развития белорусского этноса, формирования его государственности. При этом, в отличие от многих стран, мы не вычеркнули из нашей истории ни один период. Потому что все это – история наших предков, которые потом и кровью отстаивали наше право жить и созидать на этой земле [5, с. 9].

Поэтому историческая память белорусского народа лежит через социум, а если говорить конкретно о событиях периода оккупации гитлеровскими захватчиками, то эта народная память будет на века. Слово полицай для нас означает предатель, а немецкий оккупант – фашист.

В качестве предварительного вывода необходимо отметить, что чем дальше будет уходить в прошлое Великая Отечественная война, тем актуальнее и острее будет вставать проблема исторической памяти о ней. Эпохальность этого события в истории настолько велика, что осмысление его значения останется для следующих поколений важнейшей задачей, от которой будет зависеть недопущение повторения подобного события впредь.

Тематика исторической памяти прозвучала на Шестом Всебелорусском народном собрании (11–12 февраля 2021 г.). Глава государства в своем выступлении отметил: «... в современных условиях информационных и гибридных войн белорусы должны иметь

собственный взгляд на историческое прошлое, сохранить культурный код белорусской нации. Это важнейшее условие защиты национальной идентичности, а также возможности отстаивания исторического права белорусского народа – быть хозяином на своей земле. Сохранение исторической памяти подразумевает целенаправленную работу не только государственных институтов, системы образования, СМИ, законодательной поддержки, но и активного участия всех неравнодушных граждан – истинных патриотов, которые любят Беларусь» [6].

Базовые положения о важности сохранения и развития национальных духовно–нравственных ценностей, культурных традиций народа, консолидации белорусского общества, нашли отражение в обновленной Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция). В соответствии с изменениями Основного закона, утвержденными подавляющим большинством граждан страны на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г., статья 15 дополнена важным положением: «... государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны». В статье 54 на высшем уровне в иерархии нормативных правовых актов закреплена новая обязанность: «сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь» [7]. Эти и иные конституционные изменения в современных условиях глобальной турбулентности, искусственной и зачастую навязываемой извне трансформации традиционных ценностей призваны не допустить опасной ревизии исторического прошлого, которая наблюдается в настоящее время в западном обществе. В Конституции отмечается, что историческая память – один из элементов, определяющих белорусскую самобытность и отличительные черты характера народа.

Данные подходы нашли отражение и более предметную детализацию в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. №1, в которой вопросы сохранения традиционных устоев и ценностей выделены в отдельную главу. В частности, в ст.46 данной главы отмечено: «... для повышения устойчивости общества к деструктивным информационным воздействиям необходимо сосредоточить усилия на сохранении сформированных в общественном сознании традиционных фундаментальных ценностей народа, выступающих в качестве одного из основных элементов обеспечения его единства и одним из условий неуклонного развития государства». Статья 48 содержит важное положение: «... белорусский язык наряду с конституционно закрепленным в государстве двуязычием содействует повышению национального самосознания белорусского общества и формированию его духовности. Расширение социальных функций и коммуникативных возможностей белорусского языка, его полноценное и всестороннее развитие вместе с другими элементами национальной культуры выступают гарантом гуманитарной безопасности государства». Одновременно в ст.49 фактически впервые на концептуальном уровне закреплено требование о дальнейшей последовательной реализации государственной исторической политики, направленной на закрепление в Беларуси и за ее пределами белорусской национальной концепции исторического прошлого страны [8].

Вопросу исторической памяти уделено самое пристальное внимание и при разработке новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (далее – Концепция), которая в феврале 2023 г. одобрена Главой государства на заседании Совета Безопасности. В ней, в частности, в разделе об основных тенденциях современного мира закреплено положение: «... в результате культурно-идеологической экспансии, в основном ориентированной на потребление, целенаправленно искажается историческая правда, осуществляется фальсификация истории, разрушаются культурное наследие человечества, традиционные духовно-нравственные ценности народов, их национальная идентичность, институт семьи и пространство межкультурного взаимодействия» [9].

В числе стратегических национальных интересов – всемерная защита народа Беларуси как уникальной исторической общности и единственного источника государственной власти; сохранение самобытности, укрепление духовно-нравственных ценностей белорусского народа, развитие современного культурного пространства страны, защита исторической памяти. Особое внимание – антифашистским установкам.

Так, среди внутренних и внешних источников угроз обозначены следующие: формирование, проникновение либо распространение идеологии нацизма и неонацизма; следование отдельных государств в неонацистском идеологическом фарватере; поощрение и финансирование организаций, деятельность которых направлена на реабилитацию нацизма, героизацию нацистских преступников и их пособников, прославление их и совершенных ими преступлений. Нейтрализация данных угроз видится в недопущении идеологии неонацизма, противодействии реабилитации нацизма [9]. В Концепции отмечается, что историческая память – один из элементов, определяющих белорусскую самобытность и отличительные черты характера народа.

Наряду с конституционными положениями, национальное законодательство дополнили специальные законы, направленные на сохранение, защиту и противодействие фальсификации исторической памяти. Правовым барьером на пути реабилитации нацизма является Закон Республики Беларусь «О недопущении реабилитации нацизма», вступивший в силу 14 мая 2021 г. [10]. В нем комплексно регулируются вопросы противодействия негативным проявлениям, выражающимся в распространении идей крайне правого толка, искажении событий прошлого, публикации в СМИ и Интернете псевдоисторических статей, оправдывающих нацистских преступников и их пособников.

Актом исторической справедливости является Закон Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа», принятый в целях сохранения памяти о миллионах советских граждан, которые стали жертвами в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, вступивший в силу 5 января 2022 г. [11]. Он был разработан по инициативе Генеральной прокуратуры в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, а также на основе Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. [12], Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г. [13] и направлен на законодательное обеспечение защиты фундаментальных ценностей белорусского народа, установление действенных барьеров на пути попыток фальсификации событий и итогов Второй мировой войны, дачи справедливой оценки злодеяниям нацистских преступников и их пособников, националистических формирований в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.

Следовательно, сформированная в Беларуси модель исторической памяти сочетает нациоцентричную и советскую версии белорусской истории [14, с. 120]. Официальный подход закреплен в представленной Институтом истории НАН Беларуси в 2019 г. Концепции истории белорусской государственности и подготовленном в ее рамках пятитомном труде [15], а также издании «История белорусской государственности», вышедшем в 2022 г. под редакцией доктора исторических наук И. А. Марзалюка.

В отечественной (белорусской) историографии аккумулирован значительный массив публикаций, посвященных Великой Отечественной войне [16]. В период независимой Республики Беларусь многие аспекты военной истории переосмысливались по-новому, на фоне отказа от старых идеологических штампов, с учетом расширения базы источников. Наиболее интенсивно исследовался нацистский оккупационный режим. Фактически все исследования, в той или иной степени содержат информацию о жизни гражданского населения в условиях оккупации.

В 1980–2000-е гг. активизировалась работа по систематизации материалов и выпуску многочисленной историко-документальной хроники городов и районов Беларуси «Память». В каждом томе, посвященном определенному району, были представлены документы о преступлениях оккупантов, опубликованы списки погибших мирных жителей.

Прорывным в изучении истории Великой Отечественной войны стали 1990-е гг., в первую очередь в источниковедческом плане: засекреченные долгие годы архивные документы стали доступны общественности. Историки получили возможность исследовать малоизученные или ранее закрытые темы, используя документы архивов не только бывшего СССР, но Германии, США и других стран. Ведущими научными центрами по изучению различных аспектов истории Великой Отечественной войны выступили Институт истории НАН Беларуси, Национальный архив Республики Беларусь, Музей истории Великой Отечественной войны, белорусские ВУЗы.

Появились глубокие исследования и публикации в тематике преступлений нацистов против гражданского населения, такие как: немецко-фашистский геноцид в Беларуси (1941–1944) [17], принудительные работы (белорусские оstarбайтеры) [18], Холокост еврейского народа [19], нацистские лагеря в Беларуси [20], сожженные деревни [21], карательные операции захватчиков [22]. Издаются сборники по отдельным регионам БССР периода оккупации [23].

В начале 2000-х гг. преступления против гражданского населения стали объектом изучения через призму коллаборации и пособничества. У истоков изучения местных коллаборантов стояли белорусские ученые А. А. Коваленя [15] и А. М. Литвин [16]. Одной из форм нацистской политики геноцида и «выжженной земли» на оккупированной советской территории было уничтожение деревень, часто вместе с населением. В сборнике «Сожженные деревни Белоруссии (1941–1944): документы и материалы», изданной в 2017 г. [17], представлены документы, рассказывающие о нацистских преступлениях, совершенных на территории Белоруссии, большая часть которых опубликована впервые.

Национальный архив Республики Беларусь совместно с Издательским центром фонда «Историческая память» опубликовали серию сборников по регионам Беларуси, в частности: «Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Минская область», изданный в 2022 г. [27].

Сборник документов рассказывает о преступлениях, совершенных нацистами в годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории Минской области в ее современных границах. В него включено 395 документов, в том числе 312 из Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), 1 из Государственного архива Минской области, 38 из Центрального архива Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, 14 из Государственного архива Российской Федерации, 13 из Национального архива США, 2 из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации.

Среди них – документы военного времени двух воевавших сторон, немецкой и советской. Первая представлена приказами, распоряжениями, отчетами, сводками, донесениями и др. Большинство документов второй стороны находились в фондах Белорусского штаба партизанского движения, подпольных партийных и комсомольских органов, партизанских формирований, хранящихся в НАРБ. В их числе отчеты, справки, донесения, акты и др. [27, с. 18].

В последние годы активизировались общемировые процессы «секьюритизации» истории, что «проявляется в ее политизации и осмыслении как сферы, напрямую связанной с национальной безопасностью» [28, с. 11]. Данный тренд повышает роль исторической памяти, которая все более рельефно выступает как важнейшее условие сохранения суверенитета и независимости [1]. Следовательно, официальный взгляд на историю Беларуси сформировался в условиях становления суверенного государства и представляет собой сбалансированную модель исторической памяти, построенной на уважительном и бережном отношении к прошлому нашей страны, признании заслуг белорусов, которые внесли значимый вклад в становление белорусской государственности. Особое значение придается традиционным ценностям, являющимся, по мнению белорусского историка и общественно-политического деятеля И. А. Марзалюка, «альфой и омегой современной белорусской национальной политики» [29, с. 431].

В Республике Беларусь категория «историческая политика» используется в сугубо позитивном ключе, как «система целенаправленной деятельности институтов государственной власти по формированию национального историко-государственного мировоззрения человека и общества, укреплению историко-культурных и духовно-этических представлений людей, их готовности к созидательному труду, отстаиванию государственной безопасности и национальных интересов Отечества» [30, с. 10–11].

Заключение

Таким образом, историческая память формирует образы прошлого, является своеобразным фундаментом для исторического сознания народов. Порой она оказывается короткой в условиях национального суверенитета, так как история нередко становится инструментом политики. Политические границы разделяют не только пространство, но и историческую преемственность и единство. Но есть общепринятые истины, события, которые нас объединяют, как например – Великая Отечественная война. Ее история должна писаться и транслироваться новым поколениям с точки зрения исторической объективности так, как это было, а не как это могло быть. Белорусский и русский народы как никто более испытали ужасы Великой Отечественной войны. На наших народах лежит огромная ответственность за передачу потомкам воспоминаний о страшных страницах Второй мировой войны, о зверствах фашизма, о миллионах загубленных жизней. Поэтому историческая память белорусского народа о периоде оккупации Беларуси гитлеровскими захватчиками актуальна в современных условиях.

Можно заключить, что именно историческое знание, историческое сознание, историческая память, являются не только важнейшим духовно-культурным инструментарием формирования исторического сознания белорусского народа, но и исторической убежденности людей. При этом важно понимать, что современное развитие белорусского общества, должно основываться не только на достижениях национальной, но и общечеловеческой культуры, впитывать все лучшее, что создано мыслителями прошлого и настоящего всех направлений духовно-культурной, социальной, экономической и общественно-политической жизни.

Источники и литература

1. Лукашенко, А.Г. Послание белорусскому народу и Национальному собранию, 31 марта 2023 г. [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/poslanie-aleksandra-lukashenko-belo-russkomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu-sostoitsya-31-marta>. – Дата доступа: 02.09.2023. Выступление Президента Беларуси А. Г. Лукашенко с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь // Минск: СБ: Беларусь сегодня, 1 апр. 2023. – С. 1–19.
2. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс. – М. : Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – С. 7–34.
3. Никто не забыт, ничто не забыто : к 65–летию создания Уральского добровольческого танкового корпуса: сборник / РАН, УрО, Ин-т истории и археологии [и др.] ; [редкол.: А. Д. Кириллов (отв. ред.), В. Д. Камынин (ред.), и др.]. – Екатеринбург, 2008. – 147 с.
4. Вельцер, Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы. / Х. Вельцер. – М. : Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре, 2005. – № 2–3. – С. 67–93.
5. Данилович, В. В. Ключевые положения национальной концепции отечественной истории. / В. В. Данилович. // Минск. : Академия управления при През. РБ: материалы респ. научно-практич. конф., 14 сентября 2023.
6. Доклад Президента Беларуси А. Г. Лукашенко на VI Всебелорусском народном собрании, 11 февраля 2021 г. – <https://president.gov.by/ru/events/shestoe-vsebelorusskoe>

narodnoe-sobranie; Единство. Развитие. Независимость (по материалам VI Всебелорусского народного собрания). – Минск: РУП «Издательство «Белорусский Дом печати». 2021. – С.43–45.

7. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.) [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Дата доступа: 04.09.2023.

8. Об утверждении Концепции информационной безопасности Республики Беларусь: Постановление Совета Безопасности Республики Беларусь, 18 марта 2019 г. – № 1, Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 20.03.2019, 7/4227.

9. О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Постановление Совета Безопасности Республики Беларусь 6 марта 2023 г. – № 1, Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 08.03.2023, 7/5298.

10. Закон Республики Беларусь. О недопущении реабилитации нацизма, 14 мая 2021 г. – № 103-З. – Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 15.05.2021, 2/2823.

11. Закон Республики Беларусь. О геноциде белорусского народа, 5 января 2022 г. – № 146-З. – Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 11.01.2022, 2/2866.

12. Robert Gellately, Ben Kiernan. The Specter of Genocide: Mass Murder in Historical Perspective (англ.). – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003. – P. 267.

13. Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества. Принята резолюцией 2391 (XXIII) Генеральной Ассамблеи ООН от 26 ноября 1968 г.

14. Касьянов, Г. В. Украина и соседи: историческая политика 1987–2018 гг. / Г. В. Касьянов. – М. : Новое литературное обозрение, 2019. – 632 с.

15. История белорусской государственности. В 5 т. Т. 1 : Белорусская государственность : от истоков до конца XVIII в. / А.А. Коваленя [и др.] ; отв. ред. тома : О.Н. Левко, В.Ф. Голубев ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларуская навука, 2018. – 598 с.; История белорусской государственности. В 5 т. Т. 2 : Белорусская государственность в период Российской империи (конец XVIII – начало XX в.) / Н.В. Смехович [и др.]; отв. ред. тома : Н.В. Смехович, А.В. Унучек, Е.Н. Филатова ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларуская навука, 2019. – 413 с.; История белорусской государственности. В 5 т. Т. 3 : Белорусская государственность : от идеи к национальному государству (1917–1939 гг.) / А.А. Коваленя [и др.] ; отв. ред. тома : В.Г. Мазец, Н.В. Смехович, С.А. Третьяк ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларуская навука, 2019. – 639 с.; История белорусской государственности. В 5 т. Т. 4 : Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.) / А.А. Коваленя [и др.] ; отв. ред. тома Н.Б. Нестерович ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларуская навука, 2019. – 567 с.

16. Здановіч, У. В. Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны (1941 – 1944 гг.) у адлюстраванні айчыннай гістарыяграфіі: манаграфія / У. В. Здановіч. – Брэст: БрГУ, 2008. – 253 с.

17. Міхнюк, У. М. Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941–1944). / У. М. Міхнюк і іншыя. – Мінск : БелНДЦДААС, 1995. – 416 с.

18. Белорусские оstarбайтеры: угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944): док. и материалы. В 2 кн. – Минск, 1996. – С. 17–26.

19. Холокост в Беларуси, 1941–1944: док. и материалы. – Минск, 2002. – С. 211–215.

20. Заложники вермахта (Озаричи – лагерь смерти): док. и материалы. – Минск, 1999; Лагерь смерти Тростенец: док. и материала. – Минск, 2003. – 217 с.; Лагерь советских военнопленных в Беларуси, 1941–1944: док. и материалов. – Минск, 2016. – 315 с.

21. Хатынь: трагедия и память: док. и материалов. – Минск, 2009. – 156 с.; Трагедия белорусских деревень, 1941–1944: док. и материалов. – Минск, 2011. – 261 с.; Хатынский некрополь: док. и материалов. – Минск, 2014. – 312 с.; Хатынские деревья жизни: док. и материалов. – Минск, 2015. – 265 с.; Хатынская стена памяти: док. и материалов. – Минск, 2016. – 176 с.; Сожженные деревни Белоруссии, 1941–1944: док. и материалов. – Минск, 2017. – 412 с.

22. «Зимнее волшебство». Нацистская карательная операция в белорусско–латвийском пограничье, февраль–март 1943: док. и материалов. – Минск, 2013. – 271 с.; «Коттбус». Нацистская карательная операция в Беларуси, май–июнь 1943 г.: док. и материалов. – Минск, 2018. – 378 с.; «Корморан». Нацистская карательная операция в Беларуси, май–июнь 1944 г.: док. и материалов. – Минск, 2020. – 387 с.

23. Минская область в документах и материалах [сборник]. Вып. 3: Оккупация, 1941–1944 гг. – Минск, 2013. – 416 с.

24. Каваленя, А. А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі 1941–1944. Вытокі Структура. Дзейнасць. / А. А. Каваленя. – Мінск, 1999. – 316 с.

25. Литвин, А. М. Белорусская краевая оборона. / А. М. Литвин // Неман, 1994. – № 4 – С. 170–191.

26. Гриневиц, Е. М. Сожженные деревни Белоруссии (1941–1944): документы и материалы / Е. М. Гриневиц [и др.]. – М., 2017. – 314 с.

27. Дюков, А. Р., Селеменев, В. Д. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Минская область // А. Р. Дюков [и др.] / Нац.архив РБ. – Минск–М., 2022. – 783 с.

28. Ценностный портрет современного белорусского общества / под. ред. С. М. Алейниковой; Белорусский институт стратегических исследований. – М. : «Друк-С», 2021. – 55 с.

29. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці: вучэбны дапаможнік для студэнтаў установаў вышэйшай адукацыі / Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь; І.А. Марзалюк, А.Г. Каханюўскі, С.М. Ходзін, Д.У. Дук [і інш.]; пад агул. рэд. І.А. Марзалюка. – Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2022. – 447 с.

30. Коваленя, А. А., Арчаков, В. В., Данилович, В. В., Баньковский, А. Л. К вопросу об исторической политике / А. А. Коваленя, В. А. Арчаков, В. В. Данилович, А. Л. Баньковский // Беларуская думка. – 2019. – № 8. – С. 3–11.

УДК 94(47)

А. С. Мельникова
Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова

ПЕРВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ПРОМЫШЛЕННОСТИ БЕЛОРУССКОЙ ССР В 1943–1945 ГОДЫ

В статье показаны первые мероприятия в области восстановления промышленности, реализуемые в 1943–1945 гг. советским руководством и населением на территории Белорусской ССР. Подчеркивается, что выполнение восстановительных работ осуществлялось сразу же после освобождения занятых немецко-фашистскими оккупантами территорий. Делается акцент на значимую помощь союзных республик в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства Белорусской ССР.

Восстановление разрушенного войной хозяйства на освобожденных от немецко-нацистских оккупантов территориях стало одной из важнейших экономических, политических и военно-хозяйственных задач для правительства и населения. При СНК СССР был создан Комитет по восстановлению народного хозяйства в освобожденных районах, а при Госплане СССР – Управление по восстановлению хозяйства в освобожденных районах [1, с. 46].

Основой для начала восстановительных работ в Белорусской ССР стали постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» от 21 августа 1943 г., «О ближайших задачах Совнарком БССР и ЦК КП(б) Белоруссии» от 1 января 1944 г., а также «О ближайших задачах Компартии Белоруссии в области массово-политической и культурно-просветительской работы среди населения» от 9 августа 1944 г. В этих документах были намечены конкретные меры по восстановлению народного хозяйства республики, по обслуживанию потребностей фронта и обеспечению первоочередных нужд населения в освобожденных районах [2, с. 181].

Проведение столь масштабных восстановительных работ требовало соответствующего финансового обеспечения. При этом финансирование восстановительных работ имело ряд характерных особенностей. Прежде всего финансовая база послевоенного восстановления промышленности БССР формировалась за счет ресурсов, выделяемых правительством СССР в централизованном порядке, а также за счет активной помощи союзных республик. Высокая значимость и кратчайшие сроки проведения восстановительных работ требовали пересмотра методов финансирования и контроля за расходованием государственных ресурсов. На основании постановления СНК СССР от 4 октября 1943 г. «О порядке финансирования капитальных работ по восстановлению предприятий промышленности, транспорта и связи» вся техника финансирования и контроля была предельно упрощена [2, с. 181].

Уже в феврале 1944 г. был утвержден государственный бюджет БССР на 1944 г. При утверждении бюджета Верховный совет СССР предусмотрел для БССР дотацию в размере 327 млн руб., что составляло 93,7 % общей суммы доходов республиканского бюджета. При этом фактическая потребность в дотации составляла 490 млн. руб. Общий объем капиталовложений в промышленность республики в 1944–1945 гг. составил 36,6 млн. руб., в том числе в строительно-монтажные работы – 24,4 млн. руб. [3, с. 87].

Огромную роль в восстановлении промышленного потенциала БССР сыграла помощь союзных республик. Под финансовые ресурсы, выделявшиеся республике, также поставлялись из промышленных центров СССР необходимые материалы, промышленное оборудование, сырье. За первые два с половиной года после освобождения в БССР из других регионов Советского Союза было завезено свыше 50 тыс. единиц промышленного оборудования [2, с. 181]. Эшелоны приходили в Беларусь из РСФСР, Удмуртии, Сибири, Узбекской и Киргизской ССР, Туркменской ССР, Башкирской АССР, Чувашской, Мордовской и Марийской АССР, Украинской и Латвийской ССР и т.д. Так, например, 10 января 1944 г. Совнарком Мордовской АССР и Мордовский обком ВКП(б) приняли постановление о шефстве Мордовской республики над городом Гомелем и группой районов Гомельской области. В апреле и июне 1944 г. в Гомельскую область прибыли первые эшелоны из Мордовии с промышленным и железнодорожным оборудованием, инструментами для слесарно-кузнечных мастерских и ремонта тракторов и т.д. [1, с. 55]. Большую помощь в восстановлении промышленности Гомель получил от трудящихся Кирова. Рабочие кировского завода прислали металл, ножовочные полотна, тиски, точила и т. д. Московские станкостроительные заводы «Красный пролетарий» и им. Г. К. Орджоникидзе присылали оборудование и металлообрабатывающие станки для станкостроительного завода им. Кирова [4, с. 15].

Уже с ноября 1943 г. начинается эвакуация из советского тыла в освобожденные районы БССР работников промышленности, транспорта, сельского хозяйства, науки и

культуры. С помощью вернувшихся из эвакуации рабочих и служащих быстро возрождались многие белорусские предприятия. Например, Гомельский станкостроительный завод им. С.М. Кирова уже к концу августа 1944 г. восстановил 5 основных цехов, Гомельский судоремонтный завод в том же августе полностью вступил в строй, Минский вагоностроительный завод им. Мясникова принял большую группу реэвакуированных из Куйбышевской области квалифицированных заводских рабочих и специалистов, что позволило ему уже к ноябрю 1944 г. отремонтировать первую партию вагонов [5, с. 41]. Дополнительным ресурсом в восстановлении промышленного потенциала республики стал сбор уцелевшего оборудования, отдельных узлов, деталей, инструментов и т. д.

Вместе с тем, возрождение промышленности в БССР проходило в очень тяжелых условиях: не хватало строительных материалов, электроэнергии, техники, транспортных средств, рабочей силы. Тяжесть восстановления народного хозяйства в значительной степени легла на плечи женщин. Даже в 1950 г. они составляли 45 % рабочих и служащих БССР. Немало женщин было в числе работников строительной отрасли. Они работали малярами, каменщиками, штукатурами, крановщицами и т.д. Лучшие труженицы награждались почетными грамотами, премиями, их портреты заносились на доски почета, в книги трудовой славы [6, с. 186].

Началась работа по реабилитации раненых, возвращению к трудовой деятельности инвалидов. Так, в декабре 1942 г. были организованы дома для инвалидов, трудовые интернаты, артели-кооперации инвалидов, в которых увечные воины осваивали новые профессии, проходили переквалификацию, получали возможность трудиться. Решением СНК СССР (1942 г.) по заключению ВТЭК предусматривалось первоочередное право трудоустройства инвалидов в государственные и кооперативные предприятия. В условиях военного времени и трудовой мобилизации выплата пенсий инвалидам III группы прекращалась в случае уклонения их от работы, т. е. для этой категории граждан трудоустройство в этот период являлось обязательным [7, с. 262].

Выполнение обширной программы строительно-восстановительных работ требовало прежде всего квалифицированных рабочих кадров, владеющих определенными производственными навыками. В выполнении данной задачи важную роль предстояло сыграть учебным заведениям системы Государственных трудовых ресурсов. В первой половине 1944 г. на освобожденной территории БССР уже работало 15 школ ФЗО, где обучалось свыше 3 тыс. человек [8, с. 23].

В первую очередь на освобожденных территориях правительство принимало все меры к запуску предприятий, избежавших разрушений. От местного руководства требовалось в кратчайшие сроки осуществить проверку состояния всех предприятий, наметить мероприятия по их восстановлению, определив сроки частичного или полного ввода в эксплуатацию, а также «организовать кустарные артели: портновские, сапожные, столярные, кузнечные, слесарные, парикмахерские» [9, л. 5]. Основное внимание было сосредоточено на скорейшем пуске предприятий, имевших оборонное значение, а также необходимых для возрождения всего народного хозяйства республики и обеспечения первоочередных потребностей населения.

Возрождение энергохозяйства определяло темп работ не только во всей промышленности, но и в транспорте, сельском хозяйстве, торговле, коммунально-жилищном хозяйстве. Конкретных задач восстановления белорусской энергетики было немало, но Наркомат электростанций СССР определил главными две: во-первых, восстановление турбогенераторов, котлов, узлов подстанций и линий передач, во-вторых, создание сети лабораторий, мастерских, складских помещений на электростанциях, в сетевых районах. Таким образом, план определял комплексный характер восстановительных работ, т.е. возрождались одновременно все звенья энергетики: электростанция – подстанция – линия передач. Поэтому в большинстве своем энергетические объекты, которые вводились в

строй, сразу же давали ток. Все монтажные работы в республике вели специализированные энергомонтажные организации, районное управление Наркомата электростанций и трест «Белэлектропроектстрой», образованные в апреле 1944 г., в состав которого входили проектный отдел (вел разработку проектов городских и районных станций), две межобластные монтажные конторы – гомельская и минская, производившие электро- и тепломонтажные работы [3, с. 88].

Восстановительные работы в энергетической отрасли по своим целям и методам можно условно разделить на две стадии. Первая решала самую неотложную задачу – дать энергию немедленно, в кратчайший срок. Так, например, Минская ТЭЦ вошла в строй через два месяца после освобождения города. На первой стадии восстановления допускались упрощения и сокращения аппаратуры, простейшие виды схем, провода любого сечения и материалы. Такая гибкость практических решений в самой технологии производства являлось первой особенностью восстановительных работ на этой стадии. Другой особенностью следует считать ту огромную роль, которую сыграли энергопоезда не только для самой отрасли, но и для всего народного хозяйства республики. Создание таких энергопоездов было возложено на монтажные организации Наркомата электростанций СССР. В течение 1943–1944 г. эти организации сформировали 19 энергопоездов, которые давали освобожденным районам страны 15,5 млн. кВт энергии [3, с. 89].

Вторая стадия восстановительных работ в энергетике характеризовалась стремлением увеличить мощность восстанавливаемых станций, что достигалось различными путями. Чаще всего старались заменить схему устройства данного объекта (тепловые, энергетические, путевые) на более простые и надежные и сделать таким образом более рациональную старую конструкцию. В первую очередь это касалось БелГРЭС, Минской ТЭЦ-2, подстанций в Могилеве, Витебске и т. д. Одновременно в Минске, Витебске, Полоцке, Мозыре, Бобруйске, Барановичах, Лиде, Пинске, Бресте, Слониме, Молодечно шло строительство новых ТЭЦ [3, с. 89]. Коллективы этих предприятий искали всякую возможность, чтобы сократить сроки строительства и снизить расходы материалов, особенно дефицитных. При этом широко применялся так называемый метод проектирования электростанций непосредственно на площадке, который заключался в работе выездной бригады, обеспечивающей всю необходимую техническую документацию.

5 апреля 1944 г. ГКО принял постановление «О мероприятиях по восстановлению и развитию предприятий Наркомата промышленности строительных материалов Белорусской ССР». Согласно ему, ряд Наркоматов республики уже в 1944 г. выделил для предприятий этой отрасли рабочую силу, дополнительное количество электроэнергии, леса, топлива и т. д. Кадровые рабочие (начиная с третьего разряда и выше), ИТР и руководящий состав промышленности освобождались от мобилизации на фронт. Опытных специалистов этой отрасли отзывали из рядов действующей армии. Для всех работников отрасли устанавливалась система льгот в снабжении горячим питанием, продовольственными и промтоварными карточками по нормам особого списка, премиальная оплата труда и т. д. Все эти меры способствовали тому, что в 1945 г. нехватка рабочих рук в промышленности промышленных материалов значительно уменьшилась. В конце 1944 г. в БССР уже действовало 175 заводов [3, с. 92–93].

Разумеется, обеспечить выпуск всех видов стройматериалов, в которых нуждалось народное хозяйство, в тех условиях было невозможно. Поиск способа, как быстро увеличить их производство, привел к решению построить сеть небольших кирпичных заводов, оснастить их прессами, сушилками, малыми кольцевыми печами. На протяжении 1944–1945 гг. такие заводы были созданы во всех районах республики, а их производительность достигала более 3 млн. штук кирпича в год. Эта мера, во-первых, улучшила баланс стеновых материалов, во-вторых, сделало более рациональным и удобным размещение таких объектов к месту потребления их продукции.

Возрождение производственной мощности стройматериалов сопровождалось изменениями в организации самого производства. В первую очередь это относилось к переходу на круглогодичный режим работы, который практически ликвидировал сезонность

производства, характерно для промышленности стройматериалов. Также внедрялся метод искусственной сушки полуфабрикатов (особенно на кирпичных заводах) на протяжении всего года вместо сушки в течение 5–6 месяцев в естественных условиях, что позволяло сократить рабочее время производства и, как следствие, период его оборота. Все это позволяло увеличить объем выпускаемой продукции. К тому же переход на круглогодичный режим работы способствовал формированию постоянных кадров и давал возможность в период послевоенного восстановления рационально использовать технику как уже имевшуюся, так и поступавшую.

В 1945 г. темпы роста валовой продукции в данной отрасли по отношению к уровню 1940 г. составляли лишь 15 %, в ней работало менее 20 % довоенного количества занятых. Тем не менее, объем производства основных стройматериалов возростал. В то же время, если сравнивать это количество продукции с довоенным, то объемы были очень скромными, но результаты функционирования этой отрасли к 1945 г. были первыми победами восстановления [3, с. 94–95].

Анализируя процесс восстановления пищевой промышленности следует отметить следующую тенденцию, а именно возрождение средних и мелких по мощности заводов. Постепенно возрождались вся структура мясо-молочной отрасли, т.е. кроме цельномолочных в строй выступали маслособойные и сыродельные. Выпуск мясной продукции был очень незначительным. Стоит отметить, что к концу войны производство таких видов продукции, как мясо, масло, возросло, но к довоенному уровню оно не превышало 17–20 %. Что касается мукомольно-крупяной промышленности, то ее значение трудно переоценить, так как она снабжала армию и население самым необходимым – хлебом. Начиная с осени 1944 г. и до конца войны в республике шла активная работа по установке зерноочистительных машин, капитальному ремонту силовых установок и т. д. К помолу зерна приступали сразу, как только удавалось собрать необходимое количество машин. В итоге, если в 1944 г. было произведено 8,8 тыс. т. муки, то в 1945 г. выработка муки достигала 62,2 тыс. т. [3, с. 96].

Отсутствие фактического материала не дает возможности в полной мере охарактеризовать процесс восстановительных работ в таких отраслях пищевой промышленности, как плодоовощеконсервная, дрожжевая, крахмалопаточная, макаронная и др. Безусловно, что в каждой из этих отраслей шла напряженная работа по возрождению производственных объектов. В целом пищевая промышленность на завершающем этапе войны смогла выполнить лишь подготовительный этап восстановительных работ, так как к концу 1945 г. в БССР работало лишь 118 пищевых предприятий, валовая продукция которых составляла 16 % к довоенному уровню [3, с. 97].

Таким образом, на освобожденной территории Белорусской ССР в 1943–1945 гг. была проделана значительная работа по восстановлению различных отраслей промышленности. Большую роль в восстановлении промышленности республики сыграла эвакуация промышленных предприятий, помощь со стороны союзных республик, трудовой энтузиазм населения. Вместе с тем, восстановление промышленности сталкивалось с большими сложностями. К числу главных проблем следует отнести нехватку финансовых ресурсов, низкое качество значительного числа оборудования на предприятиях либо его отсутствие, ограниченное количество квалифицированных кадров.

Источники и литература

1. Купреева, А. П. Возрождение народного хозяйства Белоруссии. 1942–1945 гг. / А. П. Купреева. – Минск : «Наука и техника», 1976. – 223 с.
2. Концевой, П. А. Некоторые аспекты финансирования восстановительных работ в промышленности Белорусской ССР. 1943–1950 гг. / П. А. Концевой // Романовские чтения–VII : сб. ст. Междунар. науч. конф., Могилев, 26 ноября 2010 г. / Мог. гос. ун-т ; редкол.: А. А. Воробьев [и др.]. – Могилев : МогГУ им. А. А. Кулешова, 2011. – С. 180–182.

3. Олехнович, Г. И. Экономика Белоруссии в условиях Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / Г. И. Олехнович. – Минск : Изд-во БГУ, 1982. – 174 с.
4. Купрэева, А. П. Дапамога савецкага ўрада і працоўных брацкіх рэспублік у аднаўленні народнай гаспадаркі Беларусі (верасень 1943–1945) / А. П. Купрэева // Весці АН БССР. Сер. грам. навук. – 1974. – № 2. – С. 13–21.
5. Сугако, Л. А. О значении советских эвакуационных мероприятий в Беларуси в годы Великой Отечественной войны / Л. А. Сугако // Романовские чтения–II : сб. ст. Междунар. науч. конф., Могилев, 10–11 ноября 2005 г. / Мог. гос. ун-т ; редкол.: М. И. Вишневский [и др.]. – Могилев : МогГУ им. А. А. Кулешова, 2006. – С. 187–188.
6. Цумарева, Е. П. Роль женщины в возрождении и восстановлении народного хозяйства БССР. 1944–1964 / Е. П. Цумарева // Романовские чтения–VI (к 75-летию ист. фак-та УО «МГУ им. А. А. Кулешова») : сб. ст. Междунар. науч. конф., Могилев, 24–25 нояб. 2009 г. / Мог. гос. ун-т; редкол.: И. А. Марзалюк [и др.]. – Могилев : МогГУ им. А. А. Кулешова, 2010. – С. 186–187.
7. Корзенко, Г. В. Занятость инвалидов в Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период / Г. В. Корзенко, С. И. Новикова // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зб. навук. прац удзельнікаў Міжнар. навук. канф., Магілёў, 25–26 чэрвеня 2015 г. / уклад. А. М. Бацюкоў, І. А. Пушкін. – Магілёў : МДУХ, 2015. – С. 261–268.
8. Марченко, И. Е. Трудовой подвиг рабочего класса Белорусской ССР. 1943–1950 гг. / И. Е. Марченко. – Минск : «Наука и техника», 1977. – 247 с.
9. Государственный архив общественных объединений Могилевской области. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 1.

УДК 94:338.1(476.2-37Комарин)«1944-1945»

С. И. Тыкун
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

О ВОССТАНОВЛЕНИИ КОМАРИНСКОГО РАЙОНА В ПЕРВЫЙ ГОД ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

В данной статье рассматривается восстановление Комаринского района в первый год после освобождения от немецко-фашистских захватчиков на основании оригинальных архивных материалов. Район, достаточно оперативно справился с задачей налаживания жизни гражданского населения после немецкой оккупации, учитывая тот факт, что был разрушен на 66 %. Ключевыми проблемами в вопросе восстановления являлись: кадровый голод, полное разрушение инфраструктуры, наличие в районе значительного количества заминированных территорий и, в связи с этим, невозможность убирать тела погибших, что приводило к распространению болезней, а также борьба с нацистским наследием, в первую очередь в лице предателей, а именно согласившихся работать на оккупационную администрацию.

Изучение состояния той или иной деокупированной территории времен Великой Отечественной войны имеет важное политическое и идеологическое значение. В данном случае, рассмотрение восстановления первого освобожденного районного центра Беларуси, а именно Комарина произошедшее 23 сентября 1943 года, помогает показать, что оставили после себя оккупанты и каким трудом далось местным жителям и властям возрождение жизни на освобожденных территориях [1, с. 46]. Процесс восстановления хозяйства и борьба с нацистским наследием сразу после отступления захватчиков еще слабо освещен в историографии, однако имеется огромное документальное наследие, архивные материалы, которые позволяют оценить данную ситуацию.

До 18 февраля 1944 г. по решению секретаря Полесского обкома КП(б)Б П. А. Левицкого в освобожденных районах области происходил подсчет убытков и нанесенного ущерба немецко-фашистскими захватчиками народному хозяйству и населению. Так было установлено, что за время оккупации: сожжено домов 3660 на сумму 18792547, надворных построек 4565 на сумму 18329057 руб., домашних вещей на сумму 8066990 руб. Угнано волов 869 шт., коней 2557 шт., коров 3812 шт., молодняка 4442 шт., овец 9242 шт., свиней 4832 шт. Увезено перед отступлением хлеба 352250 пудов, картофеля 1163983 пудов. Убито людей 1276 чел., угнано в Германию – 1790 чел. Таким образом сожжено и разрушено района на 66 %. Осталось в районе поголовья скота: волов 268 шт., коров 2329 шт., молодняка 311 шт., овец и коз 174 шт., свиней всех возрастов 416 шт. Из промышленности в районе ничего не осталось, а в результате задержания фронта в Верхне Жаровском, Кировском, Комаринском, Гденском, Ново Иолчанском, Капоранском сельских советах не осталось сена, яровых зерновых культур в результате чего, была затруднена засыпка семенных фондов [2, л. 7].

Район оказался в критическом положении и в данной ситуации, была необходимость разработки плана действий местных властей по налаживанию жизни в районе. Такой план в виде Постановления Бюро Комаринского РК КП(б)Б Полесской области появился 30 октября 1943 г. Главная проблема, которая поднималась в данном Постановлении, это проблема неуккомплектованности кадров. Решение представлялось следующее – райисполком, сельсоветы, хозяйственные организации следовало укомплектовать за счет проверенных семей, проявивших себя в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, как коммунистами, так и беспартийными, выдвигать женщин на руководящие посты и провести учет учителей, медицинских работников, специалистов сельского хозяйства [3, л. 3–6].

Следующий вопрос, который рассматривали местные органы власти, это мобилизация населения на всемерное оказание помощи Красной армии, повышение революционной бдительности, через помощь органам НКВД и НКГБ. В свою очередь, у данных структур были и свои немаловажные задачи, кроме обеспечения порядка в освобожденных населенных пунктах (составление персональных списков населения, контроль за запретом на перемещение граждан из одного населенного пункта в другой или принятие кого-либо на ночлег без документов). Так, например, районный отдел НКГБ должен был создать истребительные группы численностью 8–15 человек и обеспечить их оружием. В задачи таких групп входило: ночное патрулирование населенных пунктов, охрана государственных учреждений и проверка, как жилых, так и нежилых помещений [3, л. 4]. Однако в связи участвовавшим количеством «бездельных стрельб» к осени 1944 года, на плечи комитета легла и обязанность проводить с членами истребительных групп еженедельные занятия по военной подготовке. Особое внимание силовых ведомств было направлено на решение вопроса разминирования территории района. Еще 26 ноября 1944 г. начальник Комаринского районного отдела НКВД старший лейтенант милиции Никандров в докладной записке в райком партии о смертях местного населения и скота в результате подрывов на минах отмечал большую заминированность в особенности болотистых участков района, в результате чего нет возможности убирать трупы. Начальник милиции приводил следующую статистику:

«По примерным данным остается заминировано Колыбанского с/с – 4–5 га
Пиркавского с/с – 16–19 га
Асаревичского с/с – 4–5 га
Круковского с/с – 5–6 га
Капоринского с/с – 6–8 га
Чикаловичского с/с – 6 га [2, л. 9].»

Но главной задачей органов государственной безопасности оставалось выявление предателей, людей, которые пошли на сговор с немцами. Такие люди были и в Комаринском районе. Одним из самых показательных примеров, остается Шмырев Василий Романович, которому полгода удавалось скрывать свою реальную судьбу во время войны.

Находясь уже в должности секретаря Комаринского районного комитета ЛКСМБ, он пытался скрыть свои преступления. Однако, благодаря деятельности сотрудников НКГБ была открыта правда – дезертир, человек которые помогал разминировать минные поля Красной Армии немцам, десятский немецкой администрации в деревне Голубовка, ответственный за отбор местной молодежи для отправки в Германию (однако нацистские хозяева, сами отправили его на работы в Германию из-за неимением достаточного количества людей, сбежал он и от них), а с весны 1943 года активный участник партизанского движения параллельно заставляющий жителей деревни Голубовка признать его подпольщиком [2, л. 3]. Деятельность органов государственной безопасности по выявлению подобного рода людей продолжалась еще долгие годы. На особом контроле находились военные офицеры, так согласно директиве Главного управления кадров Народного комиссариата обороны СССР № ГУК/ ОМУ-2/ 469835 от 30 апреля 1944 г. все офицеры бывшие на оккупированной территории, в окружении или плену подвергались проверке и отправке в штрафные батальоны, предварительно пройдя специальные лагеря НКВД [2, л. 55].

Вместе с тем были и проблемный вопросы по линии деятельности силовых ведомств. Так, в архивах встречаются документы, которые раскрывают недостатки в деятельности Прокуратуры, Народного комиссариата внутренних дел и следственных органов. На пример, в апреле 1944 г. сотрудники милиции, конвоировавшие 12 осужденных из Мозыря, их отпустили, уже в октябре 1944 г. из-под стражи сбежали дезертиры; помощник прокурора выступал на одном из заседаний пьяный; или в 1944 г. все 365 жалоб граждан остались без внимания прокуратуры [4, л. 107]. Автор приводит в пример письмо, попавшее под цензуру советских властей, одного из родственников гражданина Хмеленка И.М. (д. Асаревичи, Асаревичский сельский совет) в котором поднимается вопрос безразличного отношения к просьбам, жалобам местного населения: «Вот дорогой братишка, когда ты прислал документ, чтобы была льгота, то как мать старая и нетрудоспособная, когда мы в с/совет обратились, то никакой помощи и льготы не дают, а еще смеются, которые небыли в Красной Армии, и были дома при немцах, немцам помогали, когда стала советская власть, то они залезли во власть и не хотят идти в армию, когда с какой-нибудь жалобой обращаешься они говорят «мы не виноваты, что за советскую власть воюет», о ,они только гуляют и красноармейские семьи обижают, когда пошла в район жаловаться, что не дают никакой помощи красноармейским семьям, толку мало, только берут себе... у нас в с/совете говорят так, кто дома был из мужчин тому помощь есть, а нам красноармейским семьям нет помощи, говорят, что хочешь то и делай...». Из данного письма понятно, что положение у местного населения в только освобожденном районе было тяжелое, если даже не критическое [2, л. 63].

Не менее важной задачей оставалась установление личности погибших бойцов Красной Армии и захоронение их в братских могилах с участием населения и почестями. На могилах приказывалось устанавливать ограды и памятники защитникам Родины. Иная судьба ждала умерших немецких солдат и офицеров, их тела требовалось собрать и закопать на месте свалов и скотомогильников, а могилы уже похороненных солдат и офицеров уничтожить и сравнять с землей [3, л. 4].

В условиях наличия большого количества заминированной территории и погибших человек, тела которых с данных территорий убрать представлялось невозможным, вставал вопрос о необходимости открытия амбулаторий, изоляторов, более активном принятии на работу медперсонала, проверка колодцев и обеспечение их охраной [3, л. 4]. Увеличение численности заболеваемости сыпным тифом в Колыбанском и Чикаловичском сельских советах к середине 1944 г. говорит о том, что понимание проблемы в рамках организации системы районного здравоохранения, не давало результата в условиях ограниченности материально-технической базы района и кадровом голоде (к ноябрю 1944 г. в районе имелось всего три врача, два фельдшера, что явно недостаточно для района и совершенно отсутствовал фармацевт). Оперативный ремонт бань и постройка дезкамер, не помогала в борьбе с чесоточными болезнями, что вызвало необходимость командирования представителей Райздравотдела в Чернигов и Чернобыль за серой [4, л. 11 об.].

Такой же тяжелой оставалась ситуация и в образовании Комаринского района после немецко-фашистской оккупации. К 1 ноября 1943 г., уже требовалось начать образовательный процесс в тех населенных пунктах, где имелись школьные помещения находящиеся на отдалении от передовой линии, провести учет детей школьного возраста, дети оставшиеся без попечения родителей, определялись на патронаж или в учреждения опеки, однако уже в документах датируемых августом 1944 г. мы видим неудовлетворительную оценку той работе, которая была проведена, из 39 довоенных школ, работало только 10, из 116 необходимых учителей, штат был укомплектован только 70 учителями. Отмечается нехватка белорусских и украинских учебников, а военным образованием занимаются люди, не имеющие никакого военного опыта. В ноябре 1944 г. ситуация несколько изменилась и можно говорить о функционировании уже 15 школ, с охватом 1298 учеников, к февралю 1945 г. было открыто дополнительно еще 6 школ, 2 из которых в землянках, действовало 11 изб читален, 6 красных уголков, 1 библиотека и 1 детский дом на 150 человек (всего «бездзорных детей» в районе насчитывалось 228 из которых: «30 было устроено в семьи, усыновлено 22 человека, 46 человек попало под опеку, 36 под патронаж, а 93 отправлены в детский дом»). Всю немецкую литературу, газеты, брошюры, листовки, портреты, лозунги и плакаты требовалось немедленно сжечь [5, л. 4 об.].

Говоря о промышленности, то после оккупации в районе ее совсем не осталось, как и основных сооружений сельского хозяйства. Но форсированная работа по восстановлению хозяйства дала свои результаты. К началу мая 1944 г. можно сказать о начале работы 3 паровых мельниц, 2 конных мельниц, 8 ветряных мельниц, 1 сапожной артели, 1 портняжной мастерской, 2 рыбацких артелей, 1 машинно-тракторной станции в составе 21 трактора 5 из которых были отданы в начале весны 1944 г. в Хойники (организованы курсы трактористов, где к марту 1944 г. занималось 30 человек, на курсах комбайнеров училось 20 человек, на курсах колхозных счетоводов – 25 человек), действовало 43 колхоза (в конце года уже все колхозы провели выборы правлений и ревизионные комиссии, трудовой коллектив был разбит на трудовые бригады, а трудовые бригады на звения), в колхозах имелось 265 волов, 446 лошадей и 975 телят, при этом в личном пользовании граждан находилось 2329 коров, 256 голов молодняка, 200 овец, 370 свиней. Сев выполнен на 71% [5, л. 4 об.]. Данная статистика показывает оперативность действий местных властей в вопросах восстановления разрушенного войной хозяйства, район в короткие сроки достиг значительных результатов, во многом благодаря шефской помощи Удмуртской Автономной Советской Социалистической Республики, которая взяла Комаринский район на поруки. Удмуртская АССР выделила 40 тракторов, 18 комбайнов, 10 культиваторов, 100 сеялок, 1000 голов крупного рогатого скота, сотни станков, инструментов и строительного оборудования (в дальнейшем при поступлении в БССР, часть данной техники делилась между районами) [2, л. 51]. Однако вместе с тем, «республиканская нагрузка», а именно необходимость оказывать помощь промышленным центрам, всем возможным, несколько затягивало сроки восстановления района. Так, существует телеграмма Председателя ЦК компартии БССР Пономаренко П.К. в котором он ставит вопрос о саботаже властей района по направлению заготовки леса и крепежа для восстановления шахт Донбасса, срыв данной деятельности воспринимается как удар по работе шахт, влияющий на обеспечения фронта топливом, из чего следует появление угрозы срыва воинских перевозок, что по трактовке Председателя ЦК партии является государственным преступление [2, л. 96].

Таким образом, можно сделать вывод о значительной эффективности тех мер по восстановлению района, которые были приняты местными властями, в условиях ограниченности оказанной помощи и собственных средств. Больших результатов удалось добиться в обеспечении внутренней безопасности, держа во внимании продолжающиеся боевые действия на территории БССР.

Источники и литература

1. Памяць Беларусі: Рэспубліканская кніга / Рэд. кал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; Маст. У. П. Свентахоўскі. – Мн. : БелЭн, 2005. – 592 с.: іл.
2. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 3609. Оп.1. Д. 5. Л. 3–96.
3. ГАООГО. – Ф. 3609. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–6.
4. ГАООГО. – Ф. 3609. Оп. 1. Д. 7. Л. 11–107.
5. ГАООГО. – Ф. 3609. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

УДК 327(47:4)(091)

А. П. Сальков

Белорусский государственный университет

ПРОБЛЕМА ТРИЕСТА КАК ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЕЕ ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ (1948–1954 ГОДЫ)

После Триестинского кризиса мая 1945 г. проблема Триеста стала устойчивым фактором послевоенного мирного урегулирования. СССР, вынудив Югославию уйти из захваченного ею на 40 дней Триеста, предпринял на сессиях Совета министров иностранных дел и на Парижской мирной конференции масштабные усилия по возвращению района Триеста югославской стороне. Ввиду невозможности достичь этой цели, советская дипломатия повела борьбу за улучшенную линию югославско-итальянской границы, а затем согласилась с образованием Свободной территории Триест. В условиях нараставшего советско-югославского конфликта СССР утратил влияние на проблему. В 1954 г. СТТ была поделена между Югославией и Италией, которой отошел Триест.

Триестинский кризис (1 мая – 9 июня 1945) потряс союзников по антигитлеровской коалиции, стал первым предвестником холодной войны, превратился в сложный национально–территориальный конфликт в период послевоенного урегулирования. На II (Парижской) сессии Совета министров иностранных дел великих держав (СМИД) в июле 1946 г. было принято решение об образовании квазигосударства Свободная территория Триест (СТТ) [1, л. 3]. После многомесячной дискуссии СМИД принял «французскую линию» в качестве основы югославско-итальянской границы [2, s. 51–52]. На Парижской мирной конференции (29 июля – 15 октября 1946 г.) проблема Триеста обсуждалась в рамках проекта мирного договора с Италией. Советская делегация и ее союзники помешали невыгодному для Югославии расширению размеров СТТ. Однако были отклонены и попытки пересмотреть «французскую линию» ради присоединения к Югославии четырех секторов исторических словенских земель [3, л. 125–133] Министр иностранных дел Белорусской ССР К. В. Киселев внес предложение о «белорусской линии» с ее детальным топографическим описанием [4, л. 132–137]. Она походила между советской и французской линиями и открывала Словении выход к Адриатическому морю [5, с. 58–65].

Проект мирного договора с Италией 2 января 1947 г. обсуждался на заседании Кабинета министров Великобритании. Триест был выделен в протоколе в отдельный раздел, где отмечалось: его «нельзя отдать ни Италии, ни Югославии, не создав ирредентистского движения». При этом, конечно, учитывались и оценки кануна II сессии СМИД о необходимости своего «физического присутствия в Средиземном море». В противном случае «Россия придет на наше место, а со средиземноморскими странами – с точки зрения торговли, экономики и демократии – будет покончено» [6, с. 377, 486].

Мирный договор с Италией от 10 февраля 1947 г. устанавливал границы между Италией и Югославией во всем спорном районе Юлийской Краины, между Италией и СТТ, Югославией и СТТ. В свою очередь, СТТ делилась на две зоны. Зона «А» (под контролем Запада, $\frac{1}{3}$ часть) шла узким коридором к Триесту, доходя до южной оконечности Триестинского залива. Зона «Б» (под контролем Югославии, $\frac{2}{3}$ части) – располагалась далее к югу, включая города Копер, Изола, Пиран, Умаг, Новиград [7, с. 163–167]. СТТ оформилась в особое административное образование под эгидой Совета Безопасности ООН. Губернатор так и не был назначен, что обусловило сохранение раздела [8].

Драматические обстоятельства выработки и подписания мирного договора с Италией обусловили продолжение политической борьбы вокруг его положений на протяжении еще целого года. Все больший отпечаток на продолжавшийся спор вокруг Триеста накладывали стремление Запада подвергнуть ревизии уже ратифицированный и вошедший в силу мирный договор с Италией, а также зревший советско-югославский конфликт. 20 марта 1948 г. США, Англия и Франция направили заявление о том, что они предлагают Москве и Риму пересмотреть мирный договор таким образом, чтобы вся СТТ была поставлена под итальянский суверенитет, а ее югославская зона ликвидирована. Нотой Госдепартамента США 9 апреля предлагалось начать переговоры о пересмотре мирного договора. В ответной ноте СССР 13 апреля возможность пересмотра «в той или иной части в порядке переписки или устройства частных совещаний» отклонялась как неприемлемая [9, с. 546].

Югославия направила трем державам ноту протеста, а затем выдвинула и свою инициативу, предложив идею прямых югославско-итальянских переговоров о Триесте. Об этом было сообщено советскому посольству, которое (не исключено, что намеренно) расценило данное сообщение лишь как информацию, а не как запрос о мнении Москвы. В итоге югославы озвучили свою инициативу без формального советского благословения [10, с. 355–356]. Через месяц ситуация была использована Москвой как повод для разрыва двустороннего протокола о консультациях, заключенного недавно – 11 февраля. Именно накануне открытия второго совещания Коминформа (Бухарест, июнь 1948), начал стремительно развиваться советско-югославский конфликт. И. В. Сталин и В. М. Молотов направили в Белград три обличительных письма по проблемам социалистического строительства. Во втором письме от 4 мая упоминалась и проблема Триеста. Югославы обвинялись в том, что, получив от СССР большую поддержку, все же выражали недовольство характером решения этой проблемы. Они, якобы, не хотели понять, что СССР, исчерпав все возможности, не мог пойти на крайний шаг – «начать войну с англо-американцами из-за Триеста и захватить город силой». Аргументация содержала явные фактические ошибки – а скорее сознательные передержки – и касалась событий триестинского кризиса мая 1945 г. [11, с. 143, 158]. Маховик конфликта уже набрал обороты, а непреклонная позиция в нем Москвы вполне сложилась.

На втором совещании в докладе А. А. Жданова «О положении в КПО» касательно Триеста было выдвинуто обвинение, что югославы без ведома СССР «поспешили заявить» о согласии на ревизию договора с Италией и передачу ей Триеста. Генсек Итальянской КП Пальмиро Тольятти заявил в прениях, что «после войны у некоторых руководителей КПО появилась тенденция по-детски, авантюристически играть идеями о новой войне» [12, с. 412–413, 437]. Итальянский историк Сильвио Понс усматривает в этом пассаже намек на главное политическое противоречие в международном коммунистическом движении, которое выразилось «в игре трех человек – Сталина, Тито и самого Тольятти – и оформилось вокруг проблемы Триеста». Тольятти, явно подыгрывая Москве, бросил на югославов тень шпионской деятельности, также избрав для этого проблему Триеста [13, с. 390–392].

На VI сессии СМВД (Париж, май – июнь 1949) СССР принципиально изменил свою позицию в поддержку югославских территориальных претензий, которую он занимал на всех международных форумах. Проблема живо обсуждалась в дипломатических

кругах. Высказывались мнения, что при расширении экономических связей с Западом от Югославии потребуются уступки, в том числе в урегулировании отношений с Австрией по проблеме Словенской Каринтии, а с Италией – по проблеме Триеста [14, с. 153].

На третьем совещании Коминформа (Будапешт, ноябрь 1949) в потоке чудовищной лжи, обрушенной на КПЮ в докладе румынского руководителя Георги Георгиу-Дежа «Югославская компартия во власти шпионов и убийц», в характерной лексике нашлось место и территориальным проблемам. Было буквально заявлено: «Холоп империалистов, иуда Тито... отказался от Словенской Каринтии и препятствует справедливому разрешению югославских вопросов в Триесте». Проблема функционирования компартии СТТ получила развитие в выступлении представителя ИКП А. Чикалини, который поведал о работе ИКП в СТТ, приведшей к расколу компартии Триеста [12, с. 634, 680].

После окончательного советско-югославского разрыва (сентябрь 1949 г.) просоветская КП СТТ во главе с Витторио Видали (доминировала в западной зоне, а в югославской действовала нелегально) оставалась едва ли ни единственным каналом влияния Москвы на проблему Триеста. Финансирование ее деятельности (как и ряда других компартий) шло либо прямо из Москвы, либо из созданных ею специальных структур. Так, 19 июля 1950 г. было принято решение политбюро ЦК ВКП(б) «Об учреждении Международного профсоюзного фонда помощи левым рабочим организациям» при Румынском совете профсоюзов. Данный фонд занимался также организацией нелегального распространения в Югославии пропагандистских материалов [15, л. 1–3]. Объем финансирования КП СТТ шел по нарастающей. В 1950 г. он составлял 40 тыс. долл., а 1954 уже 150 тыс. долл. [16, л. 6; 17, 3]. Информация о выделении Москвой средств на международное коммунистическое движение рассматривалась как совершенно секретная. Об этом свидетельствует тот факт, что заведующий отделом ЦК по связям с иностранными компартиями М. А. Суслов составлял по данному вопросу отчеты в виде рукописных записок в одном экземпляре [18, л. 2]. Интересно, что СТТ финансировалась и по плану Маршалла. Триесту было выделено 33,4 млн долларов. Это больше чем всей Югославии (29,0 млн), однако не идет ни в какое сравнение с помощью побежденной Италии – 1 314,9 млн долларов [19, с. 127].

Окончательное решение триестинского вопроса было связано с очередным обострением югославо-итальянских отношений вокруг Триеста. 9 мая 1952 г. США, Британия и Франция подписали Лондонское соглашение, по которому они хотели передать Италии зону «А», чему активно воспротивилась Югославия [20; 21, с. 430–431]. Москва, не имея рычагов влияния на развитие событий, все же отслеживала проблему. Заведующий IV Европейским отделом МИД СССР М. В. Зимянин (в 1940–1953 гг. – видный белорусский партийно-государственный деятель) адресовал 27 мая 1953 г. В. М. Молотову информацию о ситуации в Югославии и направлениях ее внешней политики. Документ, хотя все еще и выдержанный в привычной фразеологии о «клике Тито», отмечал новую грань триестинской проблемы. После переориентации на Запад югославской внешней политики три западных государства отошли от позиции, изложенной в заявлении 20 марта 1948 г. о передаче СТТ Италии. Стремясь сохранить Триест как важную стратегическую базу, они стали выступать за раздел СТТ между Италией и Югославией. Это вполне устраивало Белград, но вызывало уже протесты Рима, который продолжал настаивать на выполнении заявления трех держав 1952 г. В информации делался вывод, что, несмотря на все попытки Запада сблизить позиции Италии и Югославии и добиться раздела между ними СТТ, «Триест остается проблемой, вызывающей серьезные трения» [14, с. 912].

После восстановления дипломатических отношений между СССР и Югославией в августе 1953 г. проблема Триеста вернулась в разряд обсуждаемых двумя сторонами, но не более чем на уровне простого информирования. Советский посол В. А. Вальков интересовался ее развитием на встрече с заместителем госсекретаря по иностранным делам ФНРЮ А. Беблером. Последний отметил, что в югославо-итальянских отношениях «периоды относительного затишья сменялись и будут сменяться периодами резкого

обострения» из-за Триеста. Беблер весьма поверхностно объяснил это частой сменой в Италии слабых правительств, рассматривавших проблему Триеста с точки зрения внутрипарламентской борьбы за голоса избирателей [22, с. 813]. 8 октября 1953 г. Англия и США объявили о том, что они прекращают военное управление зоной «А» Юлийской Крайны и передают ее Италии. Итальянские войска были стянуты к границе зоны. Ответные действия Югославии (мобилизация резервистов и вывод танковых подразделений к итальянской границе) создали обстановку нового триестинского кризиса, грозившего войной. И. Броз Тито в двух октябрьских публичных выступлениях ясно дал понять, что решить проблему без участия Югославии не удастся [21, с. 431–432]. В рамках «размораживавшихся» советско-югославских отношений с июля 1954 г. шел особенно активный обмен мнениями через послов и дипломатическую переписку. Это свидетельствовало о том, что начавшийся диалог делал обе стороны «до некоторой степени сообщниками в “триестинском вопросе”» [23, с. 261].

5 октября 1954 г. в Лондоне был заключен договор о разделе Свободной территории Триест. Зона «А» СТТ – узкая полоса вдоль Триестинского залива с городами и поселками Дуино, Монрупино, Опицина, Триест, Басовидза, Зауле, Муджия, Лазеротто – была присоединена к Италии. Зона «Б» (включая символическое приращение у бывшей границы зон) – к Югославии [7, с. 272–272]. Примечательно, что именно в бывшей зоне «Б», выступая на торжествах в словенском городе Копере 21 ноября 1954 г., И. Броз Тито пространно высказался об отношении к СССР, что предварило благожелательное обсуждение советско-югославских отношений на V пленуме ЦК СКЮ два дня спустя [23, с. 328–330]. Окончательно югославско-итальянская граница была подтверждена только соглашением 10 ноября 1975 г. в итальянском городе Осимо [24, с. 414].

Источники и литература

1. Архив внешней политики РФ (АВПРФ). – Ф. 0431/П. Оп. 2. П. 1. Д. 3.
2. Večerina Duško. Talijanski iredentizam. – Zagreb : bez izdavača, 2001. – 290 s.
3. АВПРФ. – Ф. 432. Оп. 1. П. 13. Д. 30.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 907. Оп. 1. Д. 7.
5. Сальков, А. П. «Белорусская линия» югославско-итальянской границы: забытый факт в урегулировании геополитического конфликта в Западно-Балканском регионе (1945–1947) / А. П. Сальков. // Гуманитарно-экономический вестник (Минск). – 2018. – № 3–4.
6. Советско-британские отношения в 1943–1953 гг.: Документы и материалы / Под ред. А. О. Чубарьяна и О. А. Вестада. – М. : Аспект Пресс, 2021. – 960 с.
7. Valdevit Giampaolo. La questine di Trieste 1941–1954: Politica internazionale e contesto locale. – Milano : Franko Angeli, 1986. – 279 p.
8. Vukas Budislav. Državnopravni status tršćanskog područja 1947–1954. – Zagreb : V. Vukas, 2005. – 370 s.
9. Советско-американские отношения. 1945–1948. [Документы] / Под ред. Г. Н. Севостьянова; сост. В. В. Алдошин, Ю. В. Иванов, В. М. Семенов. – М. : МФД, 2004. – 716 с.
10. Гибианский Л. Я. От первого ко второму совещанию Коминформа // Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Док. и матер. – М. : РОССПЭН, 1998. – С. 337–373.
11. Секретная советско-югославская переписка 1948 года / Л. Я. Гибианский (подгот. к публик.) // Вопросы истории. – 1992. – № 10. – С. 141–160.
12. Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Док. и матер. / Г.М. Адибеков (ред.) [и др.]. – М. : РОССПЭН, 1998. – 800 с.
13. Понс Сильвио. Сумерки Коминформа // Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Док. и матер. – М. : РОССПЭН, 1998. – С. 374–398.

14. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. / Г. П. Мурашко (отв. ред.) : в 2 т. – М. : Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997–1998. – Т. 2: 1949–1953. – 1998. – 1004 с.
15. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – Ф. 89. Перечень 38. Док. 23.
16. РГАНИ. – Ф. 89. Перечень 38. Док. 18.
17. РГАНИ. – Ф. 89. Перечень 38. Док. 28.
18. РГАНИ. – Ф. 89. Перечень 38. Док. 15.
19. Анатомия одного политического решения (к 45-летию плана Маршалла). Док. / Г. А. Тахненко (подгот. к публик.) // Международная жизнь. – 1992. – № 5. – С. 113–127.
20. *Vojna in mir na Primorskem: od kapitulacije Italije leta 1943 do Londonskega memoranduma leta 1954 / zbrali in uredili Jože Pirjevec, Gorazd Bajc, Borut Klabjan.* – Koper : Annales : Zgodovinsko društvo za južno Primorsko, 2005. – 511 s.
21. *Slovinci skozi čas: Kronika slovenske zgodovine / Janez Marolt [et al.], uredil Jaro Mihelač.* – Ljubljana : Mihelač, 1998. – 519 s.
22. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы / Т. В. Волокитина (отв. ред.) [и др.] : в 2 т. – М. : РОССПЭН, 1999–2002. – Т. 2: 1949–1953. – 2002. – 928 с.
23. Едемский, А. Б. От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953–1956 годах / А. Б. Едемский. – М.: Наука, 2008. – 610 с.
24. Сальков, А. П. Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938–1949 гг.) / А. П. Сальков. – Минск : БГУ, 2019. – 743 с.

УДК 94:352(476)«1953–1964»

С. А. Елизаров
Гомельский государственный
технический университет имени П. О. Сухого

МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ БЕЛОРУССКОЙ ССР «ХРУЩЕВСКОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ» (1953–1964 ГОДЫ)

Рассмотрены вопросы расширения прав местных Советов БССР в 1953–1964 гг. Этот период характеризовался главным образом появлением новых доходных источников областных бюджетов и укреплением материально-технической базы областных исполкомов. На уровне районных и сельских Советов данный процесс выразился лишь в частных новациях нормативного правового характера. Переход к политике построения коммунизма как практической задаче стимулировал разработку конкретных предложений по расширению прав, финансово-материальных и административно-управленческих возможностей сельских Советов.

В советской и современной белорусской историографии закрепилось представление о расширении прав союзных и местных органов власти и управления в годы «хрущевской перестройки» 1953–1964 гг. [1, с. 296–298; 2, с. 206–208; 3, с. 209–215]. При этом основное внимание уделялось республиканским органам власти и управления и лишь фрагментарно – местным Советам депутатов трудящихся и их исполкомам. В связи с этим целью данной статьи является выявление масштабов реализации нового политического курса по перераспределению управленческих функций между различными уровнями местной вертикали органов государственной власти и управления БССР (областном, городском, районном и сельсоветовском). Статья подготовлена как на основе опубликованных нормативных правовых актов, так и документов, выявленных автором в Национальном архиве Республики Беларусь и Государственном архиве общественных объединений Гомельской области.

С 1953 г. в аппарате ЦК КПСС все более популярной становится идея расширения прав местных органов власти и управления. По инициативе Н. С. Хрущева, оформленной решением Президиума ЦК КПСС, была создана комиссия для подготовки предложений о расширении прав местных органов управления. 25 января 1954 г. Президиум ЦК КПСС принимает постановление «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата». Среди прочего обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик совместно с областными, краевыми исполкомами Советов депутатов трудящихся и Советами Министров союзных и автономных республик в двухмесячный срок поручалось разработать и внести в ЦК КПСС и Совет Министров СССР предложения о расширении прав и повышении ответственности районных, областных, краевых и республиканских органов управления [4, с. 103–104].

Расширение прав местных органов власти и управления в решении задач социально-экономического и культурного развития подконтрольных им территорий была назревшей и объективно необходимой. Среди наиболее значительных следует выделить предложения региональных руководителей БССР предоставить облисполкомам (ОИК) право распределять весь добытый местной промышленностью и промкооперацией торф, а также древесину, полученную от рубки по мере ухода за лесом, между отдельными потребителями, утверждать распределение между потребителями местных стройматериалов (кирпича, черепицы и извести) и 50 % сверхплановой продукции, вырабатываемой предприятиями союзного и республиканского подчинения (предметы народного потребления, стройматериалы, производившиеся из местного сырья, топливо), утверждать титульные списки капитального строительства по объектам местного значения, использовать сверхплановую прибыль торговли, кино, типографий для расширения их деятельности, создать резервный фонд ОИК в областном бюджете для обеспечения непредвиденных и неотложных расходов [5, л. 19; 6, л. 25–28].

Практические меры по реализации курса центральной союзной власти на расширение прав и материально-финансовых возможностей местных Советов начинают приниматься и реализовываться с 1955 г. В результате за пять лет облисполкомы БССР дополнительно получили право самостоятельно решать многие вопросы, в том числе об утверждении титульных списков строителств местного подчинения, о направлении на финансирование хозяйственного строительства и социально-культурные мероприятий дополнительно выявленных и полученных при исполнении бюджета доходов, об использовании сверхплановых накоплений местной промышленности на ее расширение и сверхплановых накоплений коммунальных предприятий на приобретение инвентаря и оборудования, о централизации и совместном использовании средств на жилищное, коммунальное и культурно-бытовое строительство, об организации, реорганизации и ликвидации предприятий и хозяйственных организаций местного подчинения, а также бюджетных учреждений [7, л. 79–81; 8, с. 127–133].

В существовавшей сверхцентрализованной системе управления это было важным шагом в расширении сферы полномочий и ответственности областных органов власти и управления, в реальном повышении их роли в решении вопросов жизнеобеспечения населения региона. Например, право утверждать титульные списки строителств местного подчинения позволяло облисполкомам значительно усилить свое влияние на развитие социальной инфраструктуры и местной промышленности. В результате других мер на деле росла и материальная заинтересованность в работе предприятий местной промышленности и коммунального хозяйства, успех которой означал появление у исполкомов дополнительных ресурсов самостоятельного финансирования предприятий местного подчинения и социально-культурных мероприятий.

До 1957 г. области представляли собой в большей степени административные, чем хозяйственные единицы: в ведении областных и краевых органов находились сельское хозяйство и местная промышленность, а крупная промышленность подчинялась

непосредственно центральным союзным или союзно-республиканским министерствам и ведомствам. В результате «совнархозовской» реформы 1957 г. в ведение областных Советов депутатов трудящихся перешло 88 фабрик и заводов союзно-республиканского и республиканского подчинения, благодаря чему общий объем производства местной промышленности увеличился на 70 %. На долю предприятий, подчиненных местным Советам, в сентябре 1957 г. приходилось 11,7 % объема валовой промышленной продукции Беларуси и 15,8 % промышленных рабочих [9, с. 269–270].

В то же время расширение прав сельских и районных Советов и их исполкомов ограничилось лишь частными правками нормативных правовых актов. 23 октября 1957 года Верховный Совет БССР утвердил новое Положение о сельском Совете депутатов трудящихся Белорусской ССР [10], а 27 июня 1958 г. – Положение о районном, городском, районном в городе и поселковом Советах депутатов трудящихся Белорусской ССР [11]. В соответствии с новыми политико-экономическими приоритетами развития советского общества эти документы уже были лишены «классово-борческой» экзальтации аналогичных положений 1930–1931 гг. Так, сельские Советы перестали рассматриваться как «органы пролетарской диктатуры», а определялись только как органы государственной власти, главной задачей которых вместо руководства «широко развернувшейся коллективизации сельского хозяйства и связанной с этим ликвидацией кулачества как класса» становилось руководство «культурно–политическим и хозяйственным строительством на своей территории». Прежняя задача райисполкомов организовывать рабочих, колхозников, середняков и сельскую бедноту «для выполнения плана индустриализации страны и социалистического переустройства сельского хозяйства на основе коллективизации» и «неуклонное проведение политики наступления на капиталистические элементы города и деревни» заменяется «обеспечением развития хозяйства и культуры по пути строительства коммунизма».

Среди прав и обязанностей сельсоветов наиболее распространенным было «содействовать» расположенным на их территориях предприятиям и организациям. Далее по частоте упоминания – право контроля (в прежнем Положении чаще всего использовалось «наблюдение»), в том числе за соблюдением законодательства о землепользовании, за выполнением колхозами государственных планов и заданий, соблюдением Устава сельскохозяйственной артели, за работой ветеринарных пунктов и участков, предприятий местной промышленности, сети торговых учреждений и правил торговли, всех лечебных заведений, учреждений образования и т.п. Сельсоветы могли не только «следить за деятельностью предприятий районного, областного республиканского подчинения, расположенных на их территории», но даже заслушивать доклады их руководителей о работе этих предприятий вплоть до внесения предложений об улучшении деятельности неподведомственных им структур в вышестоящие органы.

Однако сферы непосредственного руководства сельсоветами были по-прежнему ограничены подчиненными им культурно-просветительскими учреждениями, а также работой по благоустройству населенных пунктов. В отличие от положения 1930 г. сельсоветы теряли право обжалования решений районных и областных исполкомов (без приостановки их исполнения). Несмотря на это, масштаб прав сельских Советов по Положению 1957 г. (за счет расширения их контрольных функций) достиг своего максимума и в дальнейшем имел тенденцию к сокращению.

Положение о районном Совете депутатов трудящихся Белорусской ССР определяло райсовет как орган государственной власти, избиравшийся на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на два года. В Положении была предпринята попытка хотя бы в нормативном плане изменить существовавшее на практике главенствующее положение исполкомов по отношению к Советам, их депутатам, сессиям и постоянным комиссиям. Положение 1958 г. на первый план выдвигает районный Совет. В отличие от Положения о райсоветах 1931 г., в 1958 г. подробно

представлена прежде всего компетенция райсовета: руководство культурно-политическим и хозяйственным строительством на своей территории, деятельностью подчиненных ему органов управления, установление бюджета района, обеспечение охраны государственного порядка, соблюдение законов и охрану прав граждан, содействие обороноспособности страны. В то же время достаточно коротко говорится о функциях и полномочиях исполнительных комитетов: решает вопросы культурно-политического и хозяйственного строительства на своей территории на основе решений районного Совета и вышестоящих государственных органов, осуществляет руководство работой исполкомов нижестоящих Советов. Райсовет мог отменять решения и распоряжения своего исполкома, нижестоящих Советов и их исполкомов (Положением 1931 г. решения райисполкома могли быть приостановлены, отменены или изменены только постановлениями ЦИК СССР и БССР, СНК СССР и БССР, но не местным Советом). Решения же самого районного Совета могли быть приостановлены облисполкомом и отменены областным Советом.

Практически все те хозяйственные и социально-культурные функции, которые в Положении 1931 г. относились к сфере деятельности исполкомов, в 1958 г. были перенесены в раздел «Районный Совет». В отношении предприятий областного, республиканского и союзного подчинения райсовет уже мог не только «наблюдать за их деятельностью», но и заслушивать доклады руководителей о работе этих предприятий, жилищном строительстве, благоустройстве, культурно-бытовом обслуживании рабочих и служащих. Он получил право контролировать (а не просто, как ранее, «наблюдать») строительство и правильность эксплуатации жилого фонда коммунальных предприятий, а также утверждать проекты планировки и застройки населенных пунктов района.

Аналогичным образом и по содержанию, и по структуре выглядело Положение о городском, районном в городе Совете депутатов трудящихся Белорусской ССР.

XXI съезд КПСС (1959 г.) определил в качестве практической задачи создание материально-технической базы коммунистического общества и планомерного перехода к коммунизму [12, с. 311]. Принявший программу построения коммунистического общества XXII съезд КПСС в качестве стратегической определил задачу постепенного превращения органов государственной власти в органы общественного самоуправления, а практической – расширение прав местных Советов и передачу им права решения всех вопросов местного значения [13, с. 103–104]. В связи с новым политическим курсом на практическое осуществление задач строительства коммунизма значительно активизировалась и разработка соответствующих этому курсу управленческих новаций.

В 1959 г. в ЦК КПБ изучался вопрос дальнейшего улучшения деятельности сельских и поселковых Советов. Для выяснения положения дел и сбора предложений от самих работников сельсоветов БССР в районы и сельсоветы отправилась группа партийных и советских работников. В результате были выработаны предложения по совершенствованию деятельности сельсоветов. Если по вопросам укрепления кадрами сельсоветов, повышения зарплаты и укрупнения сельсоветов пришли к единогласному мнению, то по вопросам расширения прав и функций сельсоветов возникли разногласия. Одна группа предлагала довольно радикальные меры: предоставить сельсоветам право утверждать планы развития промышленного, колхозного и совхозного производства в рамках территории сельсовета, утверждать директоров предприятий, председателей, бригадиров, зав. фермами колхозов, директоров и управляющих отделениями совхозов, специалистов сельского хозяйства; распределять по колхозам и совхозам выделяемые рыночные фонды на топливо, строительные и другие материалы и т. п. Однако эти предложения большинством участников обсуждения были отвергнуты как неприемлемые. Целесообразным признали внести лишь некоторые уточнения в Положение 1957 г. Наиболее существенным видится предложение о передаче от райсоветов сельсоветам решения ряда вопросов финансовой деятельности, в частности, финансово-хозяйственного обеспечения расположенных на территории сельсовета всех школ, культурно-просветительских и ветеринарно-зоотехнических учреждений; совершение нотариальных действий, связанных с куплей-продажей имущества, находившегося в личной собственности граждан [15, л. 118].

Вновь предложения о повышении роли сельских Советов рассматривались в октябре 1963 г. на совещании председателей райисполкомов и сельсоветов, секретарей и заведующих орготделами ОИК. Кроме уже выдвинутых ранее звучали предложения освободить сельсоветы от сбора налогов с колхозников, рабочих и служащих совхозов, передав эти функции колхозам и совхозам; законодательно отменить самообложение сельского населения; предоставить право сельским исполкомам принимать решения о сносе самовольно построенных строений, отводить участки под индивидуальное строительство и утверждать схему размещения построек на отведенном участке, производить приемку в эксплуатацию вновь построенные жилые дома стоимостью ниже 10 тыс. руб. и т. д. Предлагалось ввести в сельской местности единое постоянное (или выдаваемое на несколько лет) удостоверение личности для граждан. В то время средний сельсовет с населением 3,5–4 тыс. человек выдавал ежегодно около 1,5 тысяч справок сельским жителям, главным образом удостоверяющих личность граждан для получения почтового перевода или посылки, при вызове граждан в административные учреждения, в случае временного выезда их за пределы района, при совершении различных гражданских сделок и т. д. Все это, несомненно, отвлекало работников сельсоветов от других сфер деятельности и вызывало недовольство населения [16, л. 354–359].

В целом 1953–1964 гг. характеризовались расширением финансовой и материальной базы функционирования местных Советов и их исполкомов в результате частичной их передачи с вышестоящих структур на нижестоящие. Инициатива этих перемен исходила от союзных органов партийно-советской власти при осторожном отношении местных руководителей к этой инициативе. Во второй половине 1950-х гг. дело ограничилось некоторым расширением финансовых возможностей облисполкомов, при этом в ряде случаев союзные власти пошли дальше предложений с мест. В отношении сельских и поселковых Советов союзные власти заняли осторожную позицию, ограничившись лишь частными новациями в нормативные правовые акты.

Ситуация стала меняться с 1959 г. Новый политический курс на практическое осуществление задач построения коммунистического общества в СССР стимулировал в более широких масштабах активность местных органов власти и управления, хотя их предложения затронули главным образом функциональный уровень низшего звена местной властной вертикали – сельские Советы. Именно здесь властной номенклатурой виделась реальная перспектива улучшить механизм обслуживания сельского населения, в наибольшей степени испытывавшего неудобства от сложившейся еще в 1930-х гг. системы обеспечения деревенских жителей социально-культурными потребностями. До октября 1964 г. эти предложения так и не были реализованы. В последующие годы их часть (весьма незначительная) получила нормативное правовое оформление, однако большинство до начала 1985 г. лишь постоянно повторялось при многочисленных обсуждениях управленческих новаций, что подтверждает неслучайный характер и своевременность их постановки.

Источники и литература

1. История государства и права Белорусской ССР : в 2 т. / АН БССР, Ин-т философии и права. – Минск: Наука и техника, 1970–1973. – Т. 2: 1937–1970. – 1973. – 741 с.
2. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / Л. Лыч [і інш.]; рэд. калегія: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Современная школа, Экоперспектива, 2011. – Т. 6: Беларусь у 1946–2009 гг. – 728 с.
3. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. : у 2 кн. / А. А. Каваленя [і інш.]; рэдкал. : А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – Кн. 2. – 654 с.

4. Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. / сост.: О. В. Хлевнюк [и др.]. – Москва : Российская политическая энциклопедия, 2009. – 774 с.
5. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 81. Д. 1149.
6. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Ф. 144. Оп. 61. Д. 77.
7. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 4. Д. 3419.
8. Справочник советского работника / сост. Б. А. Волков и др. – Минск : Гос. изд-во БССР, 1962. – 657 с.
9. Народное хозяйство Белорусской ССР за 40 лет : стат.-экономический сборник / Госплан БССР ; под ред. С. Н. Малинина. – Минск : [б. и.], 1957. – 288 с.
10. СЗ БССР. – 1957. № 10. Пост. 243.
11. СЗ БССР – 1958. № 6. Пост. 92.
12. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) : в 16 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 9-е изд., доп и испр. – Москва : Изд-во полит. литературы, 1983–1990. – Т. 9: 1956–1960. – 1986. – 574.
13. Программа Коммунистической партии Советского Союза: Принята XXII съездом КПСС. – Москва : Политиздат, 1976. – 144 с.
14. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 62. Д. 503.
15. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 5. Д. 774.

УДК 945(476)(091)

А. А. Гужалоўскі
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

МАДЭРНИЗАЦЫЙНЫЯ ПРАЦЭСЫ Ў БЕЛАРУСКІМ ГРАМАДСТВЕ ЭПОХІ «АДЛІГІ» (1953–1968 ГАДЫ)

У артыкуле з выкарыстаннем архіўных крыніц, матэрыялаў перыядычных выданняў, навуковай гістарычнай літаратуры разглядаецца важны этап мадэрнізацыі беларускага грамадства ў перыяд хрушчоўскай «адлігі». Крытыка культуры асобы і рэабілітацыя ахвяр палітычных рэпрэсій, засваенне космасу і мірнай атамнай энергіі, эканамічныя рэформы і паляпшэнне матэрыяльнага жыцця людзей, нарэшце, спроба фарсіраванай пабудовы камунізму незваротна змянілі беларускае грамадства. Прадстаўленыя статыстычныя матэрыялы ствараюць стэрэаскапічную карціну жыцця тагачаснага беларускага сацыума, раскрываюць унутраную логіку яго развіцця.

«Адліга» – супярэчлівая, шматгранная з’ява, у якой аб’ядналіся розныя асобы, працэсы, падзеі. У адных гэтая эпоха асацыюецца з крытыкай культуры асобы, рэабілітацыяй ахвяр палітычных рэпрэсій, сацыяльна-палітычнай лібералізацыяй грамадскага жыцця. Другія лічаць галоўнымі маркерамі часу дасягненні навукова-тэхнічнай рэвалюцыі – асваенне космасу і мірнай атамнай энергіі, першыя электронныя вылічальныя машыны і аўтаматызацыю вытворчасці. Трэція згадваюць рэфарматарскую дзейнасць М. С. Хрушчова, у тым ліку дэцэнтралізацыю і пашырэнне правоў саюзных рэспублік, пераход ад галіновай да тэрытарыяльнай сістэмы кіравання, а таксама захады па паляпшэнні матэрыяльнага жыцця людзей. Для чацьвёртых эпоха «адлігі» – гэта, перш за ўсё, духоўнае абнаўленне грамадства, узятая «шасцідзясятнікамі» новая хваля ў літаратуры, кінематографіі, жывапісу, тэатры. Нарэшце, пятыя ў цэнтры увагі змяшчаюць Карыбскі крызіс, цаліну, кукурузную эпапею і праграму пабудовы камунізму.

Пасля смерці Сталіна, і асабліва пасля 1956 г. у многіх людзей узнікла пачуццё, што жыццё пачалося наноў. Гэта пачуццё ўмацоўвалі газетныя штампы, кшталту «вяртання да ленінскіх нормаў жыцця», «ачышчэння ідэалаў рэвалюцыі» і г. д. Уваходжанне ў новую эпоху суправаджалася не толькі выкарыстаннем ужо забытай рэвалюцыйнай фразеалогіі, але пачаткам новага мадэрнізацыйнага праекта пад назвай «пабудова камуністычнага грамадства». XXII з'езд КПСС ухваліў праграму партыі, адпаведна якой праз дваццаць гадоў у СССР павінны былі быць пабудаваны асновы камуністычнага грамадства. Падобная дэкларацыя вымагала ад савецкага кіраўніцтва вызначыць паняцце «камунізм», а таксама растлумачыць яго насельніцтву, якое мусіла ўвасобіць яго ў жыццё. Вобраз камунізму, як велічнага храма, з'яўляўся важным інструментам мабілізацыі грамадства для выканання дзяржаўных мадэрнізацыйных планаў. Гэты вобраз меў, перш за ўсё, эканамічнае вымярэнне, для яго ўвасаблення ў жыццё трэба было мець наймагутнейшую ў свеце прамысловасць. Меркавалася таксама, што ў працэсе цяжкой працы на «вялікіх будоўлях камунізму» паўстане «новы чалавек», якому і было наканавана жыць у «светлай будучыні».

Пабудова асноў камунізму ў дваццацігадовы тэрмін з'яўлялася не толькі ўтапічным праектам, але таксама сэнсаўтвараючай асновай эпохі. У мільёнаў людзей, многія з якіх нядаўна змянілі вясковыя хаты на асобныя гарадскія кватэры з усімі выгодамі, быў агульны праект будучыні, натхняючая мэта жыцця. Вера ў магчымасць яе рэалізацыі ў рознай ступені падзялялася большай часткай беларускага соцыума.

«Адліга» – важны перыяд у айчыннай гісторыі, найбольш яскравы рэфармісцкі праект «савецкага веку». У шэрагу савецкіх ліберальных хваляў ён займае цэнтральнае месца – паміж НЭПам і перабудовай. Гады праўлення К. Т. Мазурава былі часам вяртання грамадства да агульнапрынятых нормаў, калі з публічнага дыскурсу зніклі рамантызацыя гвалту, аднадумства ва ўсіх пытаннях дзяржаўнага і асабістага жыцця і да т. п. Паступова натуральнымі і арганічнымі рабіліся правы чалавека на прыватнае жыццё, індывідуальнасць, культурную разнастайнасць. Пры гэтым, галоўнымі героямі эпохі, рухавікамі перамен з'яўляліся інтэлігенцыя і адукаваная моладзь, увасабляўшыя новы сацыяльны час. Іншыя групы насельніцтва былі, хутчэй, пасіўнымі рэцыпіентамі новых павеваў. У цэлым у гады «адлігі» адбывалася паскоранае грамадска-палітычнае сталенне беларускага грамадства.

У разглядаемы адрэзак часу завяршалася фармаванне беларускай савецкай нацыі, умацаванне ментальных і культурных дамінантаў, якія вызначылі постсавецкі выбар беларусаў. Беларуская настальгія па савецкаму мае дакладную храналагічную лакалізацыю – гэта позні сацыялізм, мазураўска-машэраўская эпоха, калі бягучы матэрыяльны дабрабыт спалучаўся з гераічным канструктам рэвалюцыйна-ваеннага мінулага і натхняльнай перспектывай камуністычнай будучыні.

Важнай умовай рэалізацыі хрушчоўскіх мадэрнізацыйных планаў была дэмаграфічная сітуацыя, што склалася ў 1950-я гг. З 1953 па 1968 г. насельніцтва Беларускай ССР павялічылася больш чым на мільён чалавек – з 7 690 000 да 8 840 000 чал. [1, арк. 2] Дасягнуць даваенных лічбаў перашкаджаў ад'езд жыхароў БССР на працу ў раёны Поўначы, Сібіры, Далёкага Усходу і Казахстан. Не спрыяла росту насельніцтва рэпатрыяцыя палякаў у ПНР. Так, у 1955–1959 гг. з БССР у Польшчу выехала 88 546 чал. [2, с. 205].

Паводле перапісу насельніцтва 1959 г., па ўзроставым складзе насельніцтва рэспублікі падзялялася наступным чынам: 0–9 гадоў – 21,9 %, 10–15 гадоў – 9,3 %, 16–19 гадоў – 7,0 %, 20–24 гадоў – 9,3 %, 25–29 гадоў – 9,1 %, 30–34 гадоў – 8,4 %, 35–39 гадоў – 5,6 %, 40–44 гадоў – 4,2 %, 45–49 гадоў – 5,2 %, 50–54 гадоў – 4,9 %, 55–59 гадоў – 4,4 %, 60–69 гадоў – 6,2 %, 70 і больш – 4,5 %. Такім чынам, больш 30 % насельніцтва рэспублікі складалі дзеці да 15 гадоў, яшчэ каля 30 % – моладзь ва ўзросце ад 15 да 29 гадоў і толькі крыху больш за 40 % – людзі старэйшыя за 30 гадоў. Да 1970 г. падобная анамальная дэмаграфічная сітуацыя кардынальна змянілася: маладыя людзі ва ўзросце ад 15 да 29 гадоў складалі крыху больш за 1/5 насельніцтва краіны, а людзі, старэйшыя за 30 гадоў – каля паловы [3, с. 390].

Разам з тым, дэмаграфічны пераход, у стадыі якога знаходзілася тагачаснае беларускае грамадства, канчаткова змяніў патрыярхальную мадэль сям'і. Так, найвялікшая колькасць беларускіх сем'яў (502 976) у 1959 г. складалася з двух чалавек, у той час, як сем'яў, куды ўваходзіла 10 і болей чалавек налічвалася ўсяго 3 219 [4, с. 12, 19, 59]. Сярэдняя працягласць жыцця з 1959 па 1964 гг. павялічылася з 70 да 72 гадоў (мужчыны – з 66 да 68, жанчыны – з 68 да 75 гадоў адпаведна) [5, арк. 78].

Перагляд сталінскай спадчыны адбываўся ў кантэксце распрацоўкі мадэлі агульна-народнай дзяржавы. М. С. Хрушчоў планаваў уключыць у кіраванне дзяржавай спачатку перадавую частку грамадства, а затым і ўсіх грамадзян. У гэтым ён бачыў адзін з найважнейшых спосабаў пераадолення культа асобы, які прыніжаў ролю народных мас у грамадскім і эканамічным жыцці. На пачатковым этапе пабудовы камуністычнага грамадства органы грамадскай самадзейнасці насельніцтва разглядаліся як дапаможныя і дзейнічалі пад непасрэдным кантролем афіцыйных структур дзяржаўнай улады і кіравання.

У рамках паскоранай рэалізацыі камуністычнага праекта, у 1953–1968 гг. больш чым у 2,5 разы павялічыўся колькасны склад рэспубліканскай партыйнай арганізацыі, дасягнуўшы 319 000 чал. [6, с. 38, 84, 85]. Пераважную большасць камуністаў складалі рабочыя і сяляне ва ўзросце ад 26 да 40 гадоў з няскончанай сярэдняй і сярэдняй адукацыяй [7, арк. 538]. Беларускія партыйцы мелі магчымасць падвысіць адукацыйны ўзровень без адрыву ад вытворчасці ў 1072 народных універсітэтах [8, с. 3]. Больш грунтоўныя партыйныя веды прапаноўвалі кафедры грамадскіх навук у ВНУ рэспублікі, колькасць якіх з 1960/61 да 1968/69 навучальнага году павялічылася з 37 да 67, а выкладчыкаў на іх – з 345 да 700 чал. [9, арк. 267].

Актыўны ўдзел моладзі ў камуністычным будаўніцтве, яе энтузіязм і новае духоўнае аблічча было павіна дэманстраваць павелічэнне колькаснага складу ЛКСМБ. З 1956 па 1968 гг. лік камсамольцаў у рэспубліцы павялічыўся з 656 тыс. да 846 тыс. чал. [10, с. 3, 59] Абмежаванае пашырэнне правоў прафсаюзаў суправаджалася рэзкім павелічэннем колькасці членаў прафсаюзных арганізацый. Калі ў 1954 г. у іх складзе ў БССР налічвалася 1030 тыс., то ў 1963 г. – 2124 тыс., а на 1 студзеня 1968 г. – 2948 тыс. рабочых і служачых. Прафсаюзным членствам было ахопена 98 % працоўных [11, с. 28–30].

Паводле афіцыйных дадзеных, на 1 снежня 1963 г. у БССР дзейнічала 92028 грамадскіх арганізацый, якія аб'ядноўвалі 771253 чал. З іх 20657 грамадскіх арганізацый, у якія ўваходзілі 274472 чал., знаходзіліся ў прамысловай зоне. 71371 арганізацый з агульнай колькасцю сябраў 496781 чал. былі створаны ў сельскай зоне рэспублікі [12, арк. 100–105].

Да ліку грамадскіх арганізацый адносіліся больш 10 тыс. пастаянных камісій мясцовых саветаў дэпутатаў працоўных, 230 пазаштатных аддзелаў выканкамаў гарадскіх і раённых саветаў, 906 грамадскіх саветаў пры ўпраўленнях і аддзелах абласных, раённых і гарадскіх выканкамаў, 125 вытворча-тэхнічных саветаў пры райвыканкамах, 24 назіральныя камісіі пры выканкамах саветаў, 157 адміністрацыйных камісій пры выканкамах, 136 грамадскіх камісій па размеркаванню жылплошчы, 138 камісій па ўладкаванню дзяцей і падлеткаў, 16979 вулічных камітэтаў, 474 дамовых камітэта, 5535 саветаў пры культасветустановах, 1338 камісій па кантролю за гандлем і грамадскім харчаваннем, 9857 камісій па кантролю спажывааперацыі, 412 сталовых камісій спажывааперацыі, 11467 бацькоўскіх камітэтаў школ і дзіцячых устаноў, 666 саветаў пры медычных установах, 1104 санітарныя камісіі, 243 савета пенсіянераў, 3229 жаночых саветаў, 6077 таварыскіх судаў, 5420 народных дружын і інш. Найбольш шматлікімі з'яўляліся пастаянныя камісіі пры мясцовых саветах, якія аб'ядноўвалі 166404 чал., народныя дружыны, у складзе якіх налічвалася 129594 чал., а таксама вулічныя (71829 чал.) і бацькоўскія (60555 чал.) камітэты. Самыя малаколькасныя былі назіральныя камісіі пры выканкамах (190 чал.), адміністрацыйныя камісіі (701 чал.), а таксама камісіі па ўладкаванню дзяцей і падлеткаў (994 чал.) [13, арк. 4–5].

У спісах грамадскіх арганізацый таксама значыліся саветы брыгад камуністычнай працы, камітэты за камуністычны быт, групы і пасты садзейнічання партдзяржкантролю,

саветы грамадскіх аўтаінспектараў, назіральныя камісіі пры месцах зняволення, саветы на рынках і інш. У рэспубліцы дзейнічалі дзясяткі грамадскіх («народных») бібліятэк, кінатэатраў, кнігарняў, музычных школ, а таксама сотні грамадскіх інспектараў па народнай адукацыі, ахове прыроды, турызму, гандлі, фінансах, сацыяльнаму забеспячэнню, культуры, супрацьпажарнай бяспекі, статыстыцы, барацьбе з пустазеллем і, нават грамадскія участковыя інспектары міліцыі.

Грамадскі ўздым часоў «адлігі» даў новы імпульс развіцця грамадскім арганізацыям, створаным у папярэдні перыяд. Так, ажывілася дзейнасць адной з найбольш масавых арганізацый – Дабраахвотнага таварыства садзейнічання арміі, авіяцыі і флоту, 13510 пярвічак якой аб'ядноўвала ў 1960 г. каля 1,5 млн сяброў [14, арк. 72]. Па стане на 1 студзеня 1967 г. Беларускае добраахвотнае пажарнае таварыства налічвала ў сваіх шэрагах ужо 383960 чал. [15, арк. 31]. Пашырыла дзейнасць Таварыства па распаўсюджванню палітычных і навуковых ведаў БССР, дзе ў 1963 г. асветніцкую і прапагандысцкую работу праводзіла 43,5 тыс. сяброў [16, арк. 84].

З'явіліся новыя творчыя саюзы. Акрамя пісьменнікаў, мастакоў і кампазітараў, у 1957 г. ва ўласныя творчыя грамадскія арганізацыі аб'ядналіся журналісты і кінематаграфісты. Пастановай ЦК КПБ ад 11 лютага 1959 г. замест скасаванага Камітэта па справах фізічнай культуры і спорту пры Савеце Міністраў БССР быў утвораны грамадскі Саюз спартыўных таварыстваў і арганізацый БССР [17, арк. 278].

На працягу 1958–1963 гг. у БССР паўстала 1072 грамадскіх універсітэта, дзе ў вольны ад працы час 158 тыс. будаўнікоў камунізма атрымлівалі сістэматызаваныя веды ў галіне навукі і тэхнікі, літаратуры і права, музычнага, тэатральнага і выяўленчага мастацтва [8, с. 3]. Акрамя таго, пры розных дзяржаўных установах дзейнічала 1374 грамадскіх клуба па інтарэсах – 37 тыс. аматараў кнігі, цікавых сустрэч, атэістаў, выведнікаў будучыні і інш. [18, арк. 223].

На фоне хрушчоўскай антырэлігійнай кампаніі афіцыйныя крыніцы фіксавалі няўхільнае скарачэнне колькасці веруючых. У 1961 г. у БССР налічвалася 214380 прываслаўных, якія рэгулярна наведвалі храмы, 65310 з якіх пражывалі ў гарадах, 149070 – у сельскай мясцовасці [19, арк. 187]. Болей чым удвая жыхароў рэспублікі (532600) у 1954 г. вызнавалі каталіцызм, 258800 з якіх пражывала ў Маладзечанскай, 203100 – у Гродзенскай, 45300 – Брэсцкай, 5400 – у Мінскай вобласці [20, с. 183]. Суполкі евангельскіх хрысціян-баптыстаў аб'ядноўвалі 11771 чал., адвентыстаў сёмага дня – 313 чал. [21, арк. 49, 60]. Неўзабаве пасля смерці Сталіна, савецкія беларусы даведаліся пра існаванне суайчыннікаў за мяжой, што выклікала пачуццё этнічнай еднасці, гонару за сваіх землякоў. З 1953 па 1956 гг. з Паўднёвай Амерыкі ў БССР вярнулася 500 беларусаў [22, с. 2]. Усяго ж на да сярэдзіны 1960-х гг. у рэспубліцы налічвалася каля 2 тыс. рэпатрыянтаў [23, с. 518].

У 1958 г. быў распачаты рух за камуністычныя адносіны да працы, мэтай якога з'яўлялася павышэнне прадукцыйнасці працы пераважна за кошт навукова-тэхнічных інавацый. У 1962 г. у гэтым руху ў БССР удзельнічала звыш 600 тыс. працоўных, а таксама 5,5 тыс. брыгад, змен і ўчасткаў. Больш 100 беларускіх заводаў і фабрык атрымалі ганаровае званне прадпрыемстваў камуністычнай працы, звыш 35 тыс. рабочых – ганаровае званне ўдарнікаў камуністычнай працы [24, с. 51]. На мінскіх прадпрыемствах з 1960 па 1965 гг. колькасць «выведнікаў камуністычнай будучыні» павялічылася з 30 тыс. да 200 тыс. чал. [25, с. 17–21].

Дзяржаўная сацыяльная палітыка разглядаемай эпохі спрыяла няўхільнаму павышэнню ўзроўню жыцця насельніцтва. У 1954–1963 гг. пераехала ў новыя кватэры і палепшыла свае жыллёвыя ўмовы звыш 3 млн чалавек, альбо каля 40 % насельніцтва БССР (у 1956–1960 гг. – 1 481000 чал., у 1961–1965 гг. – 1624000 чал., у 1966 г. – 362000 чал., у 1967 г. – 388000 чал., у 1968 г. – 401000 чал.) [26, с. 419]. Для большасці навасёлаў гэта быў падарунак ад дзяржавы ў памеры ад 2, 5 тыс. рублёў (сабекошт будаўніцтва аднапакаёўкі) да 6 тыс. рублёў (сабекошт будаўніцтва трохпакаёўкі). Аплата камунальных паслуг была сімвалічнай і складала 3–5 % сямейнага бюджэту [27, с. 54–57].

У 1962/63 навучальным годзе ў БССР быў завершаны пераход да ўсеагульнага абавязковага васьмігадовага навучання. Усяго напачатку 1966/67 навучальнага году ў рэспубліцы працавала 11412 школ, дзе навучалася 1634432 дзяцей [28, арк. 40]. З 1 верасня 1956 г. адмянілі плату за навучанне ў старэйшых класах школ, тэхнікумах і ВНУ. На працягу сямігодкі колькасць студэнтаў 26 вышэйшых і 120 сярэдніх спецыяльных навучальных устаноў падвоілася і дасягнула чвэрці мільёна [29, арк. 67].

У 1955 г. у БССР прыпадала 12 урачоў на 1000 чал. насельніцтва. Праз дзесяцігоддзе гэтыя суадносіны павялічыліся амаль удвая. У 1968 г. у рэспубліцы працавала 44 санаторыя [27, с. 500, 512].

Толькі на працягу 1961–1965 гг. было ўведзена ў эксплуатацыю 12 буйных стадыёнаў, 7 200 валебольных, баскетбольных і тэнісных пляцовак, а таксама 3 061 футбольнае поле [30, с. 155]. У 1968 г. у рэспубліцы налічвалася 3066 спартowych пляцовак, 1 450 гімнастычных залаў і шмат іншых спартowych збудаванняў. Развіццё фізкультунага руху суправаджалася ўзвядзеннем аб'ектаў, якія сталі сімваламі беларускай сталіцы – Палаца спорта (1966), Рэспубліканскага водна-спартовага камбіната (1967) і інш. Ва Усебеларускай спартакіадзе 1963 г. удзельнічала 3,5 млн чалавек. У 1965 г. мінскі стадыён «Дынама» наведла 1,5 млн заўзятараў. Да 1968 г. агульны лік фізкультурнікаў у БССР дасягнуў 2,1 млн чал. [27, с. 515].

Вялікі энтузіязм у грамадстве выклікала няздзейсненае абяцанне М. С. Хрушчова адмяніць падаткі рабочых і служачых, зробленае 5 мая 1960 г. на пятай сесіі Вярхоўнага Савета СССР [31, с. 1–4]. Пасля з'яўлення 15 ліпеня 1964 г. закона СССР «Аб пенсіях і дапамозе членам калгасаў», рэзка ўзрасла колькасць пенсіянераў. Калі ў 1959 г. пенсію ў БССР атрымлівала 564400 чал., то ў 1968 г. ужо 1559500 чал., прычым 700100 з іх складалі пенсіянеры–калгаснікі [27, с. 513].

Сацыяльная абароненасць грамадзян спалучалася з невысокімі заробкамі. Пасля правядзення грашовай рэформы 1961 г. 13,3 % насельніцтва, занятага ў народнай гаспадарцы БССР атрымлівала ад 27 да 30 рублёў, 24 % насельніцтва – ад 30 да 45 рублёў, 52,7 % – ад 45 да 100 рублёў, 13,7 % – ад 100 да 200 рублёў, 0,4 % – ад 200 да 300 рублёў. У аграрным сектары ўзнагароджанне працы было сціплейшае і ў больш паловы работнікаў вагалася ў памеры ад 27 да 40 рублёў у месяц. Звыш 100 рублёў у месяц атрымлівала толькі 2 % вяскоўцаў [36, арк. 6]. Сярэдні памер заробтнай платы ў БССР быў на 17 % ніжэй, чым у цэлым па СССР, што тлумачылася неразвітым высокатэхналагічным сектарам эканомікі [33, арк. 158]. Аднак, гэта адставанне паступова пераадольвалася – у 1959–1965 гг. сярэдні памер зарплаты ў рэспубліцы павялічыўся на 27,7 % [34, с. 166].

Пашыралася гандлёвая сетка і прадпрыемствы грамадскага харчавання – раздробны таваразварот дзяржаўнага і кааператыўнага гандлю, уключаючы грамадскае харчаванне з 1959 да 1965 гг. павялічыўся з 1843000 да 3111000 рублёў [35, с. 84]. Адкрываліся ўніверсальныя і спецыялізаваныя крамы, укараняліся вендынжавыя машыны, з'явіліся кулінарыі. Сямігодка пакінула па сябе 3324 новых гандлёвых прадпрыемстваў, сярод якіх найвялікшай папулярнасцю карысталіся ЦУМ, «Сталічны», «Дом адзення», «Дом абутку», «Дом мэблі» і інш. Сетка прадпрыемстваў бытавога абслугоўвання налічвала 11500 фабрык, атэльє, майстэрняў і прыёмных пунктаў. На працягу сямі гадоў спажыванне мясапрадуктаў у рэспубліцы павялічылася на 75 %, рыбапрадуктаў – на 82 %, малочных прадуктаў – у 2,2 разы, яек – у 3,8 разоў. Пашырыўся таксама продаж прамысловых тавараў: трыкатажных вырабаў – на 90 %, скуранага абутку – на 51 %, швейных вырабаў – на 57 %, мэблі – на 95 % [36, с. 23].

Развіццё усіх відаў транспарта рэзка павялічыла мабільнасць насельніцтва. У 1959–1963 гг. пасажырапатокаў у рэспубліцы павялічыўся амаль удвая. У 1963 г. паслугамі найбольш папулярнага віда транспарту – аўтобуса, які ўжо курсіраваў на гарадскіх лініях 50-ці гарадоў і звязваў міжнароднімі лініямі ўсе райцэнтры БССР, скарысталася 514 млн пасажыраў [37, с. 14]. Важнай прыкметай мадэрнізацыі побыту жыхароў сталіцы

было з'яўленне ў іх кватэрах прыроднага газу, які ў канцы 1960 г. паступіў па трубаправаду з Дашавы [38, с. 2]. Новым каналам інфармавання насельніцтва зрабілася тэлебачанне – да канца разглядаемага часу тэлесігнал прымаўся ўжо на 20 % тэрыторыі рэспублікі з насельніцтвам 3,5 млн. чал. Быў фактычна скончаны працэс радыёфікацыі вёскі. У 1965 г. у БССР дзейнічалі 5 577 клубаў, 20 641 бібліятэка, 20 паркаў культуры і адпачынку, 39 музеяў [43, арк. 78].

Такім чынам, эпоха «адлігі» была часам абнаўлення беларускага савецкага грамадства, пазбаўлення ад найбольш негатыўных яго рысаў. Разам з тым, многія старыя нормы і практыкі яшчэ не страцілі сілы, людзям даводзілася лавіраваць паміж вагой традыцыі і выклікамі мадэрнасці. У грамадстве па-ранейшаму захоўваўся дзяржаўны патэрналізм, патрыярхальна-кансерватыўная інэрцыя, традыцыі персаналісцкага кіравання. Гэта сведчыла пра пераходны стан масавай свядомасці ад таталітарнага маналіту да дэмакратычнай шматкаляровасці.

Крыніцы і літаратура

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 1126. Воп. 3. Спр. 384.
2. Вялікі, А. Ф. Беларусь–Польша ў XX стагоддзі. Невядомая рэпатрыяцыя. 1955–1959 гг. / А. Ф. Вялікі. – Мінск : БДПУ, 2007. – 271 с.
3. Кожин, В. В. Россия: век XX (1939–1964) / В. В. Кожин. – М. : ЭКСМО: Алгоритм, 2005. – 448 с.
4. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Белорусская ССР. – М. : Госиздат, 1963. – 146 с.
5. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 53. Спр. 74.
6. Коммунистическая партия Белоруссии. 1918–1988. – Минск : Беларусь, 1988. – 253 с.
7. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 62. Спр. 444.
8. Потатурко, Е. Аудитория миллионов / Е. Потатурко // Советская Белоруссия. – 1963. – 20 апр. – № 94.
9. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 73. Спр. 259.
10. Комсомол Белоруссии. Цифры и факты. – Минск : Беларусь, 1968. – 78 с.
11. Профсоюзы Белорусской ССР. – Минск : Белсовпроф, 1971. – 49 с.
12. НАРБ. – Ф. 7. Воп. 5. Спр. 1249.
13. НАРБ. – Ф. 7. Воп. 5. Спр. 87.
14. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 97. Спр. 75.
15. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 53. Спр. 76.
16. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 97. Спр. 141.
17. НАРБ. – Ф. 1163. Воп. 1. Спр. 11.
18. НАРБ. – Ф. 974. Воп. 2. Спр. 248.
19. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 62. Спр. 593.
20. Ярмусик, Э. С. Католический костел в Беларуси в 1945–1990 годах / Э. С. Ярмусик. – Гродно : ГрГУ, 2006. – 567 с.
21. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 62. Спр. 624.
22. Домой, на Родину! // Советская Белоруссия. – 1956. – 5 мая. – № 103.
23. Шабельцев, С. В. Белорусы в Аргентине: идентификация, адаптация и общественно–политическая деятельность (конец XIX – начало XXI вв.) / С. В. Шабельцев. – Вильнюс : ЕГУ, 2022. – 708 с.
24. Лутохина, Э. Развитие моральных стимулов к труду / Э. Лутохин // Коммунист Белоруссии. – 1962. – № 8.
25. Лежепков, В. Высокая награда Родина / В. Лежепков // Коммунист Белоруссии. – 1966. – № 12.
26. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1968 году / ЦСУ при СМ БССР. – Минск : Статистика. Белорусское отделение, 1969. – 535 с.

27. Рост общественных фондов потребления. Цифры и факты // Коммунист Белоруссии. – 1964. – № 7.
28. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 73. Спр. 267.
29. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 73. Спр. 252.
30. Рост материального благосостояния и культуры белорусского народа / Л. М. Лыч и др. – Минск : Наука и техника, 1969. – 303 с.
31. Хрушчоў, М. С. Аб адмене падаткаў рабочых і служачых і іншых мерапрыемствах, накіраваных на павышэнне дабрабыту савецкага народу / М. С. Хрушчоў // Звязда. – 1960. – 6 мая. – № 105.
32. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 62. Спр. 577.
33. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 97. Спр. 189.
34. Наша республика: цифры и факты. – Минск : Беларусь, 1967. – 196 с.
35. Белорусская ССР в цифрах в 1965 году. Краткий статистический сборник. – Минск : ЦСУ при Совете Министров БССР, 1966. – 173 с.
36. Совершенствовать торговлю и общественное питание // Коммунист Белоруссии. – 1965. – № 12.
37. Золов, А. Улучшать службу быта населения / А. Золов // Коммунист Белоруссии. – 1964. – № 3.
38. Минкович, М. А. Путь светлый и широкий / М. А. Минкович // Советская Белоруссия. – 1965. – 16 дек. – № 296.
39. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 97. Спр. 169.

УДК 94(497.2)«1991-2022»

М. С. Довгялло
Белорусский государственный университет

**РЕСПУБЛИКА БОЛГАРИЯ: ОТ БИПОЛЯРНОГО
«ПОЛИТИЧЕСКОГО МАЯТНИКА» СОЮЗА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СИЛ
И БОЛГАРСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
К ПРАВОЦЕНТРИСТСКОЙ РАДИКАЛЬНО-ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ
ГЕРБ (1990–2022 ГОДЫ)**

В начале 90-х гг. XX в. в Болгарии начались глубокие изменения в политической и экономической системах. Было объявлено о начале перехода к либеральному демократическому и политическому устройству. В соответствии с Конституцией и Законом о политических партиях в стране была создана плюралистическая политическая система с множеств партий. Главными политическими партиями, которые появились на парламентских выборах в 90-е гг. XX в. и в первые годы XXI в. были БСП, СДС, НДСВ, ДПС, ГЕРБ, «Атака» и др. На последних выборах приняли участие и вошли в Парламент ДСБ (Демократы за сильную Болгарию), ССД (Союз свободных демократов), ВМРО (Болгарское национальное движение) и крайне националистическая формация.

Болгария относится к числу стран региона, где процесс системной трансформации проходил медленно и с большими сложностями, в особенности в 90-е годы XX в. Это было обусловлено не только рядом исходных факторов, но и просчетами в политической и экономической политике страны и ошибочными управленческими решениями высшего болгарского руководства.

Точка отсчета демократических, революционных перемен в Болгарии – пленум ЦК БКП 10 ноября 1989 г., на котором Т. Живков был снят с поста Генерального секретаря ЦК БКП, а некоторое время спустя и с поста Председателя Государственного Совета НРБ.

Генеральным секретарем и председателем Госсовета был избран министр иностранных дел Петр Младенов [1, с. 417–418], который с 1971 г. по ноябрь 1989 г. – был министром иностранных дел (европейский рекорд по длительности пребывания на таком посту). Уходу Т. Живкова с политической арены предшествовала внутривнутрипартийная борьба коммунистов реформаторского толка со «старой гвардией» консерваторов. В октябре 1989 г. было написано письмо коммунистическими реформаторами в ЦК БКП, в котором ответственность за охвативший страну экономический, политический, финансовый кризис возлагался на Т. Живкова, что в большой степени повлияло на отстранение последнего от власти. Специфика демократических перемен в Болгарии, по сравнению с другими странами Восточной Европы, заключалась в том, что, как и в Советском Союзе, перестройка началась «сверху», по инициативе реформаторского крыла БКП, осознавшего необходимость перемен в политике и экономике. Именно этим объясняется тот факт, что БКП не была отстранена от власти, несмотря на резкое падение ее престижа в болгарском обществе. Член партии А. Лиллов предложил курс на реформирование БКП в социал-демократическую партию, а затем стал лидером БКП. Министр внешнеэкономических связей А. Луканов был назначен премьер-министром вместо Г. Атанасова, занимавшего эту должность с 1986 г. [2, с. 761–765]. Правительство А. Луканова впервые в истории страны было чисто коммунистическим. Отменило ограничения на использование наемной рабочей силы, создало условия для проявлений частной инициативы в сфере торговли и обслуживания и т. д. В ноябре правительство А. Луканова опубликовало программу экономических реформ, рассчитанную на 100 дней. В ней предусматривались ликвидация государственной монополии на торговлю продукцией сельского хозяйства и промышленными товарами, либерализация цен, отмена монополии внешней торговли др.

Положение в БКП в тот период можно было охарактеризовать как кризисное. Начался ее раскол, возникли различные внутривнутрипартийные платформы и течения. В апреле 1990 г. после общепартийного референдума было изменено название партии – она стала называться Болгарская социалистическая партия (БСП). Социалистическая партия насчитывала в тот период более 900 тысяч членов (в стране с 9-миллионным населением). После деполитизации армии и правоохранительных органов, а также выхода из ее рядов многих граждан, численность БСП сократилась примерно вдвое.

В начале декабря 1989 г. Болгарская социал-демократическая партия (БСДП), БЗНС Н. Петкова, «Клуб в поддержку гласности и демократии», «Экогласность» и другие наиболее крупные оппозиционные партии и организации в Болгарии создали Союз демократических сил (СДС). Он начал борьбу за введение в стране многопартийной системы и парламентской демократии, равноправие всех форм собственности и перевод экономики страны на рыночные отношения. Лидером СДС стал видный болгарский философ Желю Желев [3, с. 54–56]. Он являлся одним из основателей Экологического комитета в защиту г. Русе, а также Клуба в поддержку гласности и перестройки, возникших еще до снятия Т. Живкова. Ж. Желев стоял у истоков болгарского диссидентства в период «живковизма». СДС, объединивший более полтора десятков партий и организаций, представлял весьма широкий спектр политических интересов и программ. Цементирующей его основой являлся антикоммунизм, борьба против остатков тоталитаризма и социалистов. В стране за короткое время сформировалась двухполюсная политическая система, суть которой выражалась в противостоянии БСП и СДС. В стране в считанные месяцы сформировались реформаторские силы и мощное оппозиционное движение, которые включали в себя антикоммунистов и посткоммунистов. В августе 1990 г. Великое народное собрание избрало Ж. Желева президентом Болгарии после отставки П. Младенова.

Однако коммунисты-реформаторы не рассчитывали, что за их партийной рокировкой последуют события, далеко превосшедшие их первоначальные намерения и опрокинувшие их планы. Во время многолюдного митинга протеста в декабре 1989 г. впервые

было выдвинуто требование об отмене 1-го параграфа Конституции НРБ, который гарантировал руководящую роль БКП. «Живая цепь» митингующих вокруг Народного Собрания, освистывание выходящих из здания парламента депутатов показали, что народ в своей массе уже не боится номенклатуры и выдвигает конкретные политические требования. На следующий день после митинга депутаты от БКП обвинили его участников в «политическом бескультурье и нетерпимости» на страницах своего печатного органа «Работническо дело» [4, с. 191]. А в феврале 1990 г. около 200 тыс. союзников СДС собрались в Софии для того, чтобы положить конец правлению БКП.

Первой уступкой БСП была отставка президента П. Младенова. После длительных дискуссий Великое народное собрание избрало нового президента Ж. Желева, председателя координационного совета СДС, который вступил в эту должность 1 августа 1990 г. Второй уступкой социалистов был уход с поста премьер-министра А. Луканова. После падения правительства социалистов в декабре 1990 г. был образован коалиционный кабинет министров в составе СДС, БСП и БЗНС во главе с беспартийным Д. Поповым [3, с. 65]. Прежнее правительство оставило новому кабинету тяжелейшее наследство в области экономики, а также национальных проблем.

В октябре 1991 г. были проведены всеобщие выборы в Великое народное собрание согласно новой конституции. Она была принята в июле, и Болгария стала первой среди посткоммунистических государств Европы, принявших новую конституцию. По результатам выборов СДС получил 34 % голосов и 110 мест из 240 мест в парламенте, а БСП 33 % голосов и 106 мест. Правительство возглавил Ф. Димитров, став первой некоммунистической администрацией Болгарии за последние 46 лет. В январе 1992 г. состоялись первые демократические президентские выборы, победу на которых одержал Ж. Желев. Он стал первым избранным прямым голосованием президентом [1, с. 432]. Новая администрация СДС столкнулась с новыми проблемами. С 1990 по 1997 г. в Болгарии трижды проводились парламентские выборы, сменилось семь правительств различной партийно-политической окраски. Досрочные парламентские выборы и смены правительств создавали в обществе ощущение неуверенности, затягивали состояние переходности и негативно отражались на темпах, последовательности и глубине преобразований [5, с. 24]. Эти смены руководства привели только к усилению экономического и политического кризиса, росту инфляции и к падению лева на международной бирже. Только правительство И. Костова смогло продержаться до конца конституционного мандата, чего не удалось ни одному из его предшественников.

В Республике Болгарии (РБ) процесс системной трансформации, особенно в ее первое десятилетие, шел труднее и медленнее, чем в других постсоциалистических странах ЦЮВЕ. Болгария начала путь к рынку при более низком уровне экономического развития, имея деформированную энерго- и импортируемую структуру производства, утратив рынки бывшего СЭВ и СССР, куда направлялась преобладающая часть экспорта. В декабре 1990 г. в государственной казне Болгарии было всего 166 млн долларов при внешнем долге в 11 млрд долларов. К тому же и внутренний долг составлял 28 млрд левов [3, с. 782]. Внешний долг страны на 60 % превышал ВВП, а на его выплату был установлен мораторий, что, естественно, не способствовало внешней финансовой поддержке. Растянутые системные преобразования проводились в условиях «игры без правил». Это вело к нелегальному перераспределению госсобственности, распространению теневой экономики, коррупции, снижало эффект реформ. На рубеже 1996–1997 гг. разразился банковский и финансовый кризис, в ходе которого разорилась треть банков, а гиперинфляция достигала в эти годы 310 и 578 %. За 1991–1998 гг. реальная заработная плата сократилась вдвое. Политическая среда на первом этапе трансформации характеризовалась повышенной нестабильностью.

После финансовых и политических потрясений в обществе утвердился консенсус о безальтернативной интеграции в европейское сообщество. В 1993 г. Болгария подпи-

сала с ЕС соглашение об ассоциированном членстве, а в феврале 2000 г. начало переговоры о вступлении. В апреле 2003 г. был подписан Акт о присоединении, а с 1 января 2007 г. Болгария стала полноправным членом ЕС. Однако надежды жителей Болгарии на улучшение жизни не оправдались. Так, средняя зарплата в стране в 12 раз меньше швейцарской, в 6,2 раза – немецкой. За последние 10–15 лет численность населения уменьшилась с 9 млн до 7 млн [6, с. 73–74].

Значительная часть населения, негативно относясь к известным партиям, коалициям, их лидерам, все еще сохраняла веру в возможность прихода «мудрой и справедливой власти». В апреле 2001 г. в страну возвратился экс-монарх Симеон II Саксен-Кобург-Готский. Он основал «Национальное движение Симеон Второй» (НДСВ), выросшее в важный фактор политической жизни страны, которое смешало политический пасьянс в стране. На выборах в Народное собрание, состоявшихся в июне 2001 г., НДСВ получило 120 депутатских мандатов из 240 и, вступив в коалицию с фракцией Движение за права и свободы (ДПС), образовало парламентское большинство и одолело основных оппонентов СДС и БСП. А лидер НДСВ возглавил правительство [7, с. 158]. Это был первый случай в Восточной Европе, когда отставной экс-монарх вернул себе политическую власть без восстановления монархии, объявил главными приоритетами Болгарии вступление в ЕС и НАТО [8, с. 125]. Таким образом, двухполюсная политическая конфигурация (БСП–СДС) была разрушена [9, с. 234]. В стране было 85 партий и коалиций, а в парламентских выборах участвовали 54 политические партии и блока (в 1997 г. – 38), барьер в 4 % преодолели только четыре [10, с. 125, 128]. На президентских выборах в ноябре 2001 г. победил лидер БСП Г. Пырванов.

В июле 2009 г. на парламентских выборах НДСВ проиграла и осталась вне законодательного органа, а победу одержала политическая партия «Граждане за европейское развитие Болгарии» (ГЕРБ). Новый кабинет министров был утвержден Народным собранием во главе с лидером партии Бойко Борисовым. Главным приоритетом правительства была объявлена борьба с коррупцией и организованной преступностью. Избрание президентом представителя правоцентристской партии ГЕРБ Р. Плевнелиева в 2011 г. привело к монополизации власти одной партией. Однако уже после парламентских выборов 2013 г. президенту пришлось сотрудничать с коалицией из левоцентристской БСП, турецко-мусульманской партией «Движение за права и свободы» (ДПС) и националистической партией АТАКА. В 2014 г. коалиция распалась и президент сформировал служебное правительство во главе с перешедшим на сторону ГЕРБ бывшим социалистом Г. Близнашки к досрочным выборам [11, с. 18]. В ноябре 2016 г. на президентских выборах победил выдвинутый от БСП бывший командующий ВВС Болгарии генерал Р. Радев. После парламентских выборов 2017 г. правительство снова возглавил Б. Борисов, который находился у власти в течение четырех лет. Таким образом, «сосуществование» возобновилось, но в другом формате (президент-левоцентрист – премьер-правоцентрист).

В ноябре 2021 г. Болгария сделала важнейший шаг в сторону выхода из затяжного кризиса. Во втором туре президентских выборов большинство болгарского населения отдали свой голос за действующего главу государства Р. Радева. В итоге он одержал победу, обойдя в этой избирательной кампании 22 соперников. Феномен популярности Р. Радева на президентских выборах заключался в том, что он вышел за рамки своих символических обязанностей и поддержал болгарский народ. Не оставаясь равнодушным к тому, что премьер-министр Б. Борисов ведет страну в тупик. Р. Радев стал идейным вдохновителем протестов против правящей правоцентристской партии ГЕРБ, которую Б. Борисов и возглавлял. Б. Борисов, занимавший пост премьера с небольшими перерывами с 2009 по 2021 г., расколол болгарское общество и оказался неспособным улучшить благосостояние и жизнь людей. После 11 лет пребывания у власти премьера Б. Борисова в стране наблюдался самый высокий в ЕС уровень коррупции и бедности. Практически отсутствовала свобода

прессе. Реформы судебной власти оказались неэффективными. Неудовлетворительное состояние бизнес-климата (из-за коррупции на всех уровнях власти) повлияло на падение объемов прямых иностранных инвестиций с 8 млрд. евро в 2008 г. до 0,5 млрд. евро в 2020 г. [12, с. 163–164]. Многолетний конфликт между премьер-министром и президентом завершился победой Р. Радева, а глава правительства подал в отставку.

Таким образом, в рассматриваемый период Болгария прошла путь от биполярного «политического маятника» БСП и СДС к правоцентристской радикально-либеральной политике ГЕРБа. В 2021–2022 гг. парламентские выборы в Болгарии проходили четырежды, поскольку ни одна из партий так и не смогла сформировать правительство по итогам голосований. В результате с декабря 2021 г. по август 2022 г. действовала неустойчивая правительственная коалиция во главе с лидером партии «Продолжаем перемены» К. Петковым и служебными правительствами генерала С. Янева (секретаря президента по вопросам безопасности и обороны) и Г. Донева (секретаря президента по вопросам социальной политики) [13, с. 43–44]. В Болгарии сложилась нестандартная ситуация: де-юре – парламентская республика, де-факто – президентская.

Источники и литература

1. Болгария в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. Е. Л. Валева; Ин-т славяноведения. – М. : Наука, 2003. – 463 с.
2. Конец эпохи. СССР и революции в странах Восточной Европы в 1989–1991 гг. Документы. – М. : Политическая энциклопедия, 2015. – 951 с.
3. История антикоммунистических революций конца XX века: Центральная и Юго-Восточная Европа / [отв. ред. Ю.С. Новопашин]; Ин-т славяноведения РАН. – М. : Наука, 2007. – 397 с.
4. Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века : в 2 т. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2013. – Т. 2: Вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов. – 864 с.
5. Бухарин, Н. И. Восточная Европа: двадцать лет спустя / Н. И. Бухарин // Новая и новейшая история. – 2009. – № 6. – С. 3–31.
6. Орлик, И. И. Интеграционный тренд стран ЦВЕ: от СЭВ до Евросоюза / И. И. Орлик. // Мир перемен. – 2019. – № 1. – С. 101–116.
7. Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен / Под ред. А. А. Язковой. – М. : Весь мир, 2007. – 352 с.
8. Довгялло, М. С. Политическая история зарубежных славянских стран новейшего времени: справочник / М. С. Довгялло. – Мн. : Тетра-Системс, 2006. – 272 с.
9. Мязга, М. М. Гісторыя паўднёвых і заходніх славян (1914–2018): вучэбны дапаможнік / М. М. Мязга, Л. У. Гаўрылавец. – Мн. : Народная асвета, 2021. – 351 с.
10. Россия и Центрально-Восточная Европа. Трансформация в конце XX – начале XXI в. : в 2 т. / Отв. ред. С. П. Глинкина. – М. : Наука, 2005. – Т. 1: Преобразования. – 357 с.
11. Ленкин, И. Болгария: пиррова победа партии ГЕРБ / И. Ленкин // Компас. Вестник международной аналитической информации / Информационное телеграфное агентство России. – 2014. – Выпуск № 44. (16 октября). – С.18–19.
12. Валева, В. Э. Болгария в Евросоюзе: больше присутствие, чем участие / В. Э. Валева. // Мир перемен. – 2021. – № 2. – С. 158–169.
13. Макаркин, А. В. Парламентские и президентские выборы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 2014–2022 гг.: общее и особенное / А. В. Макаркин. // Актуальные проблемы Европы. – 2023. – № 2. – С. 31–62.

ИНСТИТУТЫ ПАМЯТИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В 1991–2019 ГОДЫ

В статье рассмотрены институты памяти в сфере науки и образования Республики Казахстан с 1991 по 2019 гг. Проанализированы их основные задачи, цели и функции. Изучены основные нормативно-правовые акты, свидетельствующие о создании сети научно-образовательных институтов памяти. Особое внимание уделено Академии Наук Республики Казахстан, как одного из главных учреждений в формировании исторической коммеморации республики. Исследована деятельность ведущих образовательных структур, участвующих в разработке коммеморативных инициатив в стране.

В условиях существования независимости Казахстана значимым фактором стало построение разносторонней сети институтов, отвечающих за разработку исторической памяти государства. Каждое из учреждений имело собственное поле деятельности. Поэтому ведущими учреждениями коммеморации являлись организации в научно-образовательной сфере.

Базовым учреждением, отвечающим за формирование инфраструктуры казахской модели памяти, является Академия Наук Республики Казахстан (в 2003 г. учреждению присвоен статус «национальной» структуры) (далее – НАНРКаз) [7, ст. 1] и ее подконтрольные организации. Внедрение исследований в области коммеморативных практик были возложены на «Институт истории и этнологии Ч. Ч. Валиханова» (далее – ИИиЭ НАНРКаз), «Институт археологии А. Х. Маргулана» (далее – ИА НАНРКаз), «Институт литературы и искусств М. О. Ауэзова» (далее – ИЛиИ НАНРКаз), «Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова» (далее – ИВ НАНРКаз).

Деятельность ИИиЭ НАНРКаз (1991 г.) направлена на изучение вопросов возникновения и развития казахской государственности, истории Казахстана в Средние века, становления государственности на советской основе, истории культурного наследия, современной истории Казахстана. В 1991 г. на базе Археологического центра Института истории, археологии и этнологии был создан Институт археологии им. А. Х. Маргулана [13, ст. 1]. В спектр исследований ИА НАНРКаз входили изучения памятников археологии древнего искусства, первобытного подобию архитектуры; вопросов антропогенеза, этногенеза; расселения первобытного человека на казахских землях. В спектр задач ИЛиИ НАНРКаз входили исследования в области литературоведения, искусствоведения и фольклористики различных исторических эпох через призму коммеморативных практик [4, с. 56].

С 1996 г. свою деятельность ведет ИВ НАНРКаз (в 1996 г. институту присвоено имя академика Р. Б. Сулейменова [4, с. 53]). Исследования структуры сосредоточены по следующим проблемным вопросам: место Казахстана в системе центральноазиатских международных отношений в древности и средневековье; история казахской дипломатии со странами Востока; проблемы общественно-политического и социально-экономического характера стран-соседей [4, с. 54]. При институте свою деятельность осуществляет «Центр уйгуроведения»⁸ (1996 г.), занимающийся исследованием тюркоязычного этноса на территории Казахстана в процессе становления государственного суверенитета республики [2, с. 319–320].

⁸ Институт был основан в 1986 г. как независимая единица в структуре Академии Наук Казахской ССР. В период государственного суверенитета с 1991 по 1995 гг. был независимой структурой в составе НАНРКаз. В 1996 г. объединен с ИВ НАНРКаз, где выполняет функции научного центра [2, с. 318].

Одним из направлений в научной деятельности стало функционирование при «Комитете науки Министерства образования и науки Республики Казахстан»⁹ (далее – КНМОНРК) институтов, занимающихся вопросами памяти. Так, в 2001 г. свою работу начал «Институт гармоничного развития человечества» (далее – ИГРЧ КММОНРК). Исследования посвящены духовно-нравственным изысканиям через призму вопросов политики памяти [9, ст. 1;2].

В 2008 г. был создан «Институт государства и права» (далее – ИГП КММОНРК). Предметом исследования являлось обоснование научно-аналитических процессов формирования государственного самосознания и теоретико-прикладных исследований в области современной истории республики [6, ст. 4]. В 2012 г. свою деятельность начал «Институт философии, политологии и религиоведения»¹⁰ (далее – ИФПР КММОНРК). Спектр исследований охватывал проблематику становления философско-политической мысли, религиозного положения казахских земель в различные временные эпохи [6, ст. 1, 3].

Важным источником коммеморативного знания стали учреждения образовательного характера. Одним из крупных университетов, участвующих в разработке исследований в области коммеморации, является «Казахский национальный университет им. Аль-Фараби» (1991 г.) [12, ст. 1] (далее – КазГУ). Изучением вопросов политики памяти при КазГУ занимается несколько факультетов института. Одной из таких структур является «Факультет востоковедения», работа которого базируется в русле коммеморативных процессов в странах Юго-Восточной и Центральной Азии. Так, на факультете действует несколько профильных центров: изучение детальных вопросов китаеведения возложено на «Институт Конфуция» (2009 г.); общих вопросов исторического развития азиатского региона – на научно-исследовательский институт «Азиатских исследований» (2018 г.) [12, ст. 5].

Помимо того, развитую сеть коммеморативных учреждений имеет «Факультет философии и политологии». Изучением духовно-культурного вклада Аль-Фараби в становление казахской государственности занимается Республиканский научно-исследовательский и учебно-методический центр «Аль-Фараби и духовная культура казахского народа» (1993 г.). Политическим и религиозным мониторингом и анализом в центральноазиатском регионе посвящена деятельность «Центра религиоведческих исследований и экспертиз» (2011 г.) и «Информационного центра политических исследований» (2014 г.) [12, ст. 3].

При «Историческом факультете» функционируют два учреждения. Одной из таких структур является «Республиканский центр по изучению традиционных цивилизаций Центральной Азии» (1995 г.), занимающийся проблематикой номадизма (кочевничества) как фактора проявления национальной идентичности как на территории Казахстана, так и всей Центральной Азии. С 1998 г. в стенах факультета функционирует «Республиканский научный центр изучения всемирной истории», занимающийся вопросами коммеморации в общеисторическом масштабе [12, ст. 4].

В 1996 г. свою деятельность начал «Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева»¹¹ (далее – ЕНУ). Апробацией вопросов в области политики памяти занимались «Исторический факультет» и «Факультет международных отношений». При ЕНУ функционирует сеть научно-исследовательских центров (далее – НИЦ), институ-

⁹ В таком наименовании учреждение функционирует с 2022 г. [14, ст. 2]. С 1991 по 2021 гг. учреждение именовалось «Комитет науки и высшего образования Республики Казахстан» [14].

¹⁰ С 1991 по 2011 гг. научная единица функционировала под иным наименованием – «Институт философии и политологии».

¹¹ В 2000 г. путем присоединения к ЕУ «Дипломатической академии» МИДа РК произошла реорганизация учреждения и создан «Евразийский государственный университет им. Л.Н. Гумилева» [8, ст. 1].

тов, изучающих отдельные вопросы коммеморации. С 2011 г. в стенах университета действует «НИЦ тюркологии и алтаистики», занимающийся проблемами происхождения тюркоязычного этноса и элементов алтайского языка. Задача изучения историко-культурного потенциала Евразии возложена на «Центр исследования истории и культуры Евразии» (2011 г.) [4, с. 56]. Функции мониторинга и анализа евразийских политических процессов легли на плечи «Института евразийской интеграции» (2012 г.) [11].

В 2003 г. начал функционировать «Казахский национальный педагогический университет имени Абая»¹² (далее – КазНПУ) [10, ст. 1]. Организацией исследований по заявленной тематике занимается «Институт истории и права». В спектр задач института входит изучение возникновения казахской государственности; вопросов религиоведения и формирования политико-философской мысли на территории республики. При институте действует НИЦ «Устная истории», направленный на выработку научно-исследовательской базы в области интерпретации устных источников.

Спецификой образовательно-институционального объекта казахских практик является уделение внимания региональной (местной) коммеморации, реализацией которых занимаются учреждения областного значения. К таким университетским институциям можно отнести «Жетысуский государственный университет им. И. Жансугурова» (1991 г.) (далее – ЖетГУ) [4, с. 58], занимающийся коммеморативными исследованиями в Жетысуской области. В Атырауской области схожими практиками занимается одноименный «Атырауский государственный университет имени Х. Досмухамедова» (1992 г.) (далее – АтырГУ) [4, с. 59]. Ответственными за исследования в изучении коммеморации в Актюбинской области является «Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова» (1996 г.) (далее – АктРУ). При АктРУ действует НИЦ «Абаеведение и национальная духовность» (2018 г.). Функция НИЦ сосредоточена на популяризации литературно-фольклорного творчества казахских литераторов и изучения биографии и наследия А. Кунанбаева¹³.

Одним из направлений в институционально-образовательной модели стало подписание совместных образовательных программ, об учреждении коллективных институтов. Так, в 1992 г. был образован «Международный Казахско-Турецкий университет им. Ходжа Ахмеда Ясави»¹⁴ (далее – МК-ТУ) [1, с. 115]. При МК-ТУ действует несколько историко-коммеморативных центров, институтов, занимающихся различной научной проблематикой. Так, вопросами тюркологии занимается «Научно-исследовательский институт тюркологии» (2000 г.), изучением проблематики взаимоотношений Казахстана со странами-соседками занимается «Научно-исследовательский институт “Евразия”» [1, с. 112].

С 1994 г. свои двери открыл «Международный Казахско-русский университет»¹⁵ (далее – МК-РУ) [3, с. 51]. Проблемные исследования базировались в русле кафедры гу-

¹² С 1990 по 1991 гг. университет функционировал под названием: «Казахский государственный педагогический университет им. Абая». С 1992 по 2002 гг. учреждение носило наименование: «Алма-Атинский государственный университет *им. Абая*» [5]. С 2003 г. года образовательная инстанция функционирует под сегодняшним наименованием.

¹³ Литературовед, философ, классик. Основоположник казахской литературной мысли (1845–1904 гг.). В настоящее время на территории Казахстана образована собственная школа «Абаеведения», затрагивающая аспекты литературного поприща личности и его фундаментальных трудов, повлиявших на формирование казахской самоидентификации.

¹⁴ Современный университет создан на базе «Туркестанского государственного университета им. Ахмета Ясави» (1991–1992 гг.)

¹⁵ С 1994 по 1997 гг. институция функционировала как «Актюбинский институт менеджмента, бизнеса и права». С 1998 г. по предложению Н.А. Назарбаева было принято реорганизовать образовательную структуру и придать статус международного университета [3, с. 52–53].

манитарных дисциплин и охватывали исследование политико-правовой мысли в республике. В 1999 г. свою работу начал «Международный Казахстанско-Немецкий университет» (далее – МК-НУ). При МК-НУ реализацией коммеморативных практик в области международных отношений (как в центральноазиатском, так и в общеевропейском масштабе) занимается «Институт международного и регионального сотрудничества» (далее – ИМРС МК-НУ) [4, с. 54].

В результате, научно–образовательное направление институциональных коммеморативных практик во время президентства Н. А. Назарбаева характеризовалось четко сформированной структурой. Отличительной чертой научного крыла¹⁶ институционально–коммеморативных практик стало функционирование как учреждений, подконтрольных НАНРКаз (ИИиЭ; ИА; ИЛиИ; ИВ), так и учреждений, находящихся в компетенции КНМОНРК (ИГРЧ; ИГП; ИФПР). В институционально–образовательной среде коммеморации разделение учреждений шло по тематическим блокам: изучение общесоциальных вопросов (КазГУ; ЕНУ; КазНПУ), региональной (местной) истории (ЖетГУ; АтырГУ; АктРУ), программ, направленных на решение совместных образовательных задач (МК-ТУ; МК-РУ; МК-НУ).

Источники и литература

1. Жанбосинова, А. С. Тюркология Казахстана в системе евразийских координат / А. С. Жанбосинова, Ю. А. Лысенко // *Society and Security Insights*. – 2020. – № 4. – С. 110–120.
2. Каримова, Р. У. Центр уйгуроведения Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова: история становления и развития / Р. У. Каримова // *Мир большого Алтая*. – 2016. – № 2. – С. 316–323.
3. Круподерова, С. В. Опыт развития инновационной культуры Казахско–Русского Международного университета / С. В. Круподерова, А. К. Мырзашова // *Управление инновациями: теория, методология, практика*. – 2013. – № 3. – С. 51–57.
4. Кузнецов, А. В. Атлас аналитических центров ЕАЭС: справочник / А. В. Кузнецов. – Москва : ИНИОН РАН, 2021. – 206 с.
5. О дополнительных мерах по совершенствованию управления организациями системы Министерства образования, культуры и здравоохранения Республики Казахстан: постановление Правительства Республики Казахстан от 24 марта 1998 г., № 256 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Эдилет». – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P980000256>. – Дата доступа: 12.11.23.
6. О переименовании Республиканского государственного казенного предприятия «Институт философии и политологии» Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан: постановление Правительства Республики Казахстан от 31 мая 2012 г., № 710 [Электронный ресурс] // Эталонный контрольный банк нормативных правовых актов Республики Казахстан в электронном виде. – Режим доступа: <http://zan.gov.kz/client/#!/doc/65952/rus>. – Дата доступа: 11.11.23.
7. О проекте Указа Президента Республики Казахстан «О реорганизации республиканского государственного учреждения “Национальная академия наук Республики Казахстан”»: постановление Правительства Республики Казахстан от 13 марта 2003 г.,

¹⁶ Важно заметить, что оба учреждения с 1991 по 1999 гг. находились в непосредственном подчинении одного органа – «Министерство науки – Академия наук Республики Казахстан» [14]. Начиная с 2000 г. оба учреждения проводили независимую институциональную политику.

№ 233 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Эдилет». – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P03000023>. – Дата доступа: 11.11.23.

8. О реорганизации Республиканских государственных казенных предприятий «Евразийский университет имени Л.Н.Гумилева» Министерства образования и науки Республики Казахстан и «Дипломатическая академия» Министерства иностранных дел Республики Казахстан: постановление Правительства Республики Казахстан от 24 октября 2000 г., № 1589 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Эдилет». – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P000001589>. – Дата доступа: 14.11.23.

9. О создании Республиканского государственного казенного предприятия «Институт гармоничного развития человека» Министерства образования и науки Республики Казахстан: постановление Правительства Республики Казахстан от 23 мая 2001 г., № 692 [Электронный ресурс] // Эталонный контрольный банк нормативных правовых актов Республики Казахстан в электронном виде. – Режим доступа: <http://zan.gov.kz/client/#!/doc/8997/rus>. – Дата доступа: 14.11.23.

10. О создании Республиканского государственного предприятия на праве хозяйственного ведения «Казахский национальный педагогический университет имени Абая»: постановление Правительства Республики Казахстан от 26 сентября 2003 г., № 979 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Эдилет». – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P030000979>. – Дата доступа: 12.11.23.

11. О создании товарищества с ограниченной ответственностью «Институт Евразийской интеграции»: постановление Правительства Республики Казахстан от 31 октября 2012 г., № 1374 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Эдилет». – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1200001374>. – Дата доступа: 12.11.23.

12. О статусе Казахского государственного Национального университета им. Аль-Фараби: постановление Правительства Республики Казахстан от 9 января 1993 г., № 1059 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Эдилет». – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K930001059>. – Дата доступа: 12.11.23.

13. Об организации Института археологии Академии наук Казахской ССР: постановление Кабинета Министров Казахской ССР от 28 августа 1991 г., № 496 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Эдилет». – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P910000496>. – Дата доступа: 11.11.23.

14. Об утверждении положения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан: постановление Правительства Республики Казахстан от 19 августа 2022 г., № 580 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Эдилет». – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000580>. – Дата доступа: 11.11.23.

Навуковае выданне

БЕЛАРУСЬ І СУСЕДЗІ:

ШЛЯХІ ФАРМІРАВАННЯ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ, МІЖНАЦЫЯНАЛЬНЫЯ І МІЖДЗЯРЖАЎНЫЯ АДНОСІНЫ

(да 80-годдзя гістарычнага факультэта / факультэта гісторыі
і міжкультурных камунікацый ГДУ імя Ф. Скарыны)

Зборнік навуковых артыкулаў

Заснаваны ў 2012 годзе

Выпуск 9

Падпісана да друку 04.04.2024. Фармат 60x84 1/8.
Папера афсетная. Рызаграфія. Умоўн. друк. арк. 25,34.
Ул.-выд. арк. 22,07. Тыраж 50 экз. Заказ 217.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
установа адукацыі

“Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны”.
Спецыяльны дазвол (ліцэнзія) № 02330 / 450 ад 18.12.2013 г.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вырабніка,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў у якасці:
выдаўца друкаваных выданняў № 1/87 ад 18.11.2013 г.;
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 3/1452 ад 17.04.2017 г.
Вул. Савецкая, 104, 246028, Гомель.